

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года **№ 33/2015**
Выходит 4 раза в год **Часть II**

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования (ФГБОУ ВПО)
«Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических наук,
доцент, проректор по научной
и инновационной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент,
начальник научного управления КемГУКИ

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2015

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 **№ 33/2015**
Published quarterly **Part II**

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Dr of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, PhD in Philology, Associate
Professor, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

L. Yu. Egle, PhD in Culturology,
Associate Professor,
Head of Scientific Department of KemGUKI

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeev*

Address of the Publisher:

650056, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:

<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2015

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии (г. Санкт-Петербург, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Отдела стратегий социокультурной политики и модернизационных процессов Российского института культурологии (г. Москва, РФ).

Белозерова Марина Витальевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов, Уральский государственный педагогический университет, профессор кафедры фортепиано, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, член Союза композиторов Российской Федерации (г. Екатеринбург, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, начальник

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Department of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Current Member of International Academy of Sciences (Austria), Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Ariarsky Mark Arieivich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Sociocultural Activities, St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice-President of Association of Museum Staff of Russia, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology (St. Petersburg, Russian Federation).

Astafieva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Head of UNESCO Department of International Institute of State Service and Administration, Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation, Head of Department for Strategies of Sociocultural Policy and Modernisation Processes of Russian Institute for Culturology (Moscow, Russian Federation).

Belozerova Marina Vitalievna, Dr of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at Laboratory of Ethno-Social Problems of Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Head of Department of Theory and History of Music and Musical Instruments, Ural State Pedagogical University, Professor of Department of Piano, M. P. Musorgsky Ural State Conservatory, Member of the Composers' Union of Russian Federation (Yekaterinburg, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Culturology, Sociocultural Anthropology and Social Communications, Russian State University of Physical Culture, Sport, Youth and Tourism, Head of Department Chair of Applied Culturological

отдела прикладных культурологических исследований и образования в сфере культуры и искусства, руководитель Научно-образовательного центра Российского института культурологии (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

Волк Павел Леонидович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музыкального и художественного образования, Томский государственный педагогический университет, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск, РФ).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ).

Генова Нина Михайловна, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой управления и ресурсного обеспечения социально-культурной деятельности, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, член-корреспондент Академии менеджмента в образовании и культуре, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Омск, РФ).

Демин Вадим Петрович, доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий отделом дополнительного образования Института художественного образования Российской академии образования (г. Москва, РФ).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Research and Education in the Field of Culture and Art, Director of the Research and Education Center of the Russian Institute of Culturology (Moscow, Russian Federation)

Włodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of Szczecin University (Szczecin, Poland).

Volk Pavel Leonidovich, Dr of Culturology, Professor, Head of Department of Musical and Art Education, Tomsk State Pedagogical University, Head of Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation).

Gavrov Sergei Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation).

Genova Nina Mikhailovna, Dr of Culturology, Professor, Head of Department of Management and Resource Support for Sociocultural Activities, F. M. Dostoevsky Omsk State University, Corresponding Member of Management in Education and Culture Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation).

Demin Vadim Petrovich, Dr of Art History, Professor, Academician of RAE, Head of Department for Additional Education of Art Education Institute of the RAE (Moscow, Russian Federation).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Natalia Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, of International Academy of Informatization, of International Academy of Higher Education (St. Petersburg, Russian Federation).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии», Российский новый университет, академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствоведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор кафедры социологии, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, проректор по научной и издательской работе, Московский гуманитарный университет, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования (г. Москва, РФ).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа (г. Хелм, Польша).

Москалиук Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры киноведения, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Head of UNESCO Department of Knowledge Society and New Information Technology, Russian New University, Academician of the RAS (Moscow, Russian Federation).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of Arts Faculty, Institute of Music, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valery Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research, Vice-Rector for Science and Publishing, Moscow Humanitarian University, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education, Academician of International Academy of Sciences (Austria), of International Academy of Sciences Teacher Education (Moscow, Russian Federation).

Mazur Piotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy, Higher State Professional School in Chelm (Chelm, Poland).

Moskaliuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Music and Art Education, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilievich, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Cinematology, S. A. Gerasimov All-Russian State University of Cinematography, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem “History of World Culture”, Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Academician-Secretary of National Academy of Cinematographic Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoi Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethnosocial Problems, Sochi Research Center of Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Светлова Ольга Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории музыки, проректор по научной и творческой работе, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет, член-корреспондент РАО (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и им. М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, руководитель Центра глобальных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития) (г. Москва, РФ).

Хандке Ришард, доктор искусствоведения, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Svetlova Olga Aleksandrovna, PhD of Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Music History, Vice-Rector for Scientific and Creative Work, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Novosibirsk, Russian Federation).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Corresponding Member of the RAE (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigorievna, Dr of Philological Sciences, Professor, Head of Department of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and M. V. Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Ursul Arkady Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, M. V. Lomonosov Moscow State University, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development) (Moscow, Russian Federation).

Handke Ryszard, Dr of Art History, Professor, Rector of Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Dr of Philosophy, Professor, Head of IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, академик РАЕН, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ).

Казаков Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Проконова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры культуры и искусства речи, заведующая лабораторией теоретических

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Martynov Anatoly Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture and Arts, Academician of RANS, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennady Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts, Corresponding Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Philosophy and Socioeconomic Disciplines, Russian Legal Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation).

Kazakov Evgeny Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Lesovichenko Andrei Mikhailovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Head of Department of Folk Art, Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Section of Art History

Prokopova Natalia Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor in Department of Culture and Art of Speech, Head of Laboratory of Theoretical and

и методических проблем искусствоведения, директор института театра, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский государственный университет, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Барнаул, РФ).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, член-корреспондент Российской академии естествознания, член Союза композиторов Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, проректор по учебной работе, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурной деятельности, проректор по творческой и международной деятельности,

Methodological Problems of Art History, Director of Institute of Theatre, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of History of Native and Foreign Art, Altai State University, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences (Barnaul, Russian Federation).

Umnova Irina Gennadievna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture and Arts, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Composers' Union of Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Head of Department of Orchestral, Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciences

Gendina Natalia Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts, Academician of IAS HS, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Pilko Irina Semyonovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Vice-Rector for Academic Work, Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Sociocultural Activities, Vice-Rector for Creative and International Activity, Kemerovo

Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный университет культуры и искусств (г. Москва, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии, директор научно-исследовательского института межкультурной коммуникации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музыковедения и музыкально-прикладного искусства, начальник научного управления, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ).

State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture and Arts (Moscow, Russian Federation).

Zaruba Natalia Andreyevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Panina Tatiana Semyonovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Kostiuk Natalia Vasilievna, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Director of R&D Institute of Intercultural Communication, Kemerovo State University of Culture and Arts, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Head of Scientific Department, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Марков В. И. Скрытый европоцентризм: понимание личности.....	13
Казаков Е. Ф. Душа ренессансного человека.....	19
Макарчук С. В., Звягин С. П. Гражданская культура городского населения Сибири: местное самоуправление во второй половине XIX – начале XX века.....	24
Гук А. А. Образ жизни современного российского крестьянства в контексте цивилизационного развития (на примере фильма Е. Соломина «Глубинка 35x45»).....	32
Реховская Т. А. Актуализация традиционного крестьянского образа жизни (на примере русских крестьян) как основа развития этнографического и аграрного видов туризма.....	38
Кудрина Е. Л., Кулемзин А. М., Пономарев В. Д. Феномен Шестаковского комплекса объектов культурного наследия и возрождение традиционной культуры.....	44
Родионова Д. Д., Сергеев А. В. Технология дополненной реальности как перспективное направление развития музейного пространства на современном этапе.....	51
Мартынов А. И., Леонов Е. Е., Онюшева Е. Е. Мемориальные доски г. Кемерово: классификация, проблемы изучения, особенности исследования.....	57
Купрякова В. С. «Живопись цветового поля» Марка Ротко.....	64
Деревцова Е. А. Культурная трансформация СМИ в условиях информационных войн.....	70
Пилко И. С., Роот Е. В. Виртуальное пространство библиотеки в эпоху Web 2.0.....	77

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Эррэ Т. А. Периодизация начального этапа формирования синтетического видеообразования в искусстве «нерусских» народов Приволжского федерального округа.....	85
Чепеленко К. О. Апология авторологии в перспективе музыковедения.....	98
Цыбикова-Данзын И. А. Национальные черты в фортепианном творчестве Л. Н. Санжиевой.....	106
Алешина М. Н. Русско-итальянские стилевые диалоги в Симфонии C-dur Максима Березовского.....	114
Лейпсон Л. В. К вопросу новаторства в электронной композиции К. Штокхаузена «Песнь отроков».....	120
Синельникова О. В. «Остров мечты» для Ирины Шрейбер: эскизы к творческому портрету композитора.....	127
Шелудякова О. Е. Некоторые особенности концепции обучения в клиросной практике Древней Руси.....	134
Светлова О. А. Агиографическая культура Русской православной старообрядческой церкви.....	142
Камалиева А. С. Башкирский народный костюм: историография вопроса.....	150

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Сторожева Н. Е.** Организация оценки достижения результатов обучения в условиях внедрения федеральных государственных образовательных стандартов..... 160
- Туралина Н. А., Куриленко Е. А.** Эффективные вербальные коммуникации в современном библиотечном пространстве и подготовка кадров..... 165
- Кудрина Е. Л., Кудрин В. С.** Феномен толерантности в противодействии возникновению экстремизма в молодежной среде..... 171

К 10-летию кафедры экономики социальной сферы ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

- Трусова Н. М., Трусов А. Н.** Образование в сфере туризма: проблемы и пути решения..... 177
- Мухамедиева С. А.** Педагогические условия формирования экономической культуры студентов творческого вуза..... 187
- Клюев Ю. В.** Реализация программы учебной (ознакомительной) практики студентов, обучающихся по направлению подготовки 100400 «Туризм»..... 193
- Тельманова А. С.** Формирование общекультурных и профессиональных компетенций на основе туристско-экскурсионной деятельности студентов направления подготовки «Туризм»..... 200
- Жегульская Ю. В.** Опыт использования электронной образовательной среды в практике обучения студентов направления подготовки «Туризм»..... 205

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Рецензия

- Колесова И. С.** От бестелесного к физическому: эволюция танцевального искусства в христианстве (монография Т. А. Акиндиновой, А. В. Амашукели «Танец в традиции христианской культуры»)..... 212
- Алфавитный указатель авторов..... 216

CONTENTS

CULTUROLOGY

Markov V. I. Hidden Eurocentrism: Understanding the Personality.....	13
Kazakov E. F. Soul of Medieval Man.....	19
Makarchuk S. V., Zviagin S. P. Civic Culture of the Urban Population of Siberia: the Local Government in the Second Half of XIX – Early XX Century.....	24
Guk A. A. Modern Russian Peasantry Lifestyle in the Context of Civilizing Development (e.g. E. Solomin’s film “Outback 35x45”).....	32
Rehovskaya T. A. Updating the Traditional Peasant Way of Life (e.g. Russian Peasants) as a Basis for the Development of Ethnographic and Agricultural Tourism.....	38
Kudrina E. L., Kulemzin A. M., Ponomaryov V. D. The Phenomenon of Shestakov Complex of Cultural Heritage and Revival of Traditional Culture.....	44
Rodionova D. D., Sergejev A. V. Technology of Augmented Reality as a Promising Direction of Development of Museum Space at the Present Stage.....	51
Martynov A. I., Leonov E. E., Onyusheva E. E. Memorial Boards of Kemerovo: Classification, Problems of Studying, Feature of Research.....	57
Kupryakova V. S. The “Color Field” of Mark Rothko.....	64
Derevtsova E. A. Cultural Transformation of Mass Media in the Information Wars.....	70
Pilko I. S., Root E. V. Virtual Library Space in the Era of Web 2.0.....	77

HISTORY OF ART

Erre T. A. Periods of Synthetic Speciation Formation in the Art of “Non-Russian” Nations of the Volga Federal District.....	85
Chepelenko K. O. Apologia of Authorology in the Long Term of Musicology.....	98
Tsybikova-Danzyn I. A. National Features in the Creative Piano Work of L. N. Sanzhieva.....	106
Aleshina M. N. Russian-Italian Stylistic Dialogue in the Symphony C-dur Maxim Berezovsky.....	114
Leipson L. V. Innovativeness in K. Stockhausen’s Electronic Composition “Gesang Der Juenglinge”.....	120
Sinelnikova O. V. “Island of Dream” for Irene Schreiber: Sketches for Creative Portrait of the Composer.....	127
Sheludyakova O. E. Some Features of the Concept of Training the Choir Practice in Ancient Russia.....	134
Svetlova O. A. The Hagiographic Culture of the Russian Orthodox Oldbelievers’ Church.....	142
Kamalieva A. S. Bashkir Folk Costume: Historiography of the Subject.....	150

PEDAGOGICAL SCIENCES

Storozheva N. E. The Organization of Assessment Process of Learning Outcomes in Terms of Implementation of Federal State Educational Standards.....	160
Turanina N. A., Kurilenko E. A. The Effective Verbal Communication in Contemporary Library Field and Staff Training.....	165
Kudrina E. L., Kudrin V. S. The Phenomenon of Tolerance Counteracting the Emergence of Extremism in the Young People’s Environment.....	171

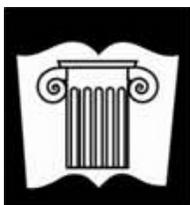
To the 10th Anniversary of Department of Social Sphere Economics of FSBEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”

Trusova N. M., Trusov A. N. Education in Tourism: Problems and Solutions.....	177
Mukhamedieva S. A. Pedagogical Conditions for Forming the Economic Culture in Students of Higher Institutions of Culture and Arts.....	187
Klyuyev Y. V. Implementing the Training (Trial) Practice Program of “Tourism” Students (Code of Educational Program 100400).....	193
Telmanova A. S. Formation of General Cultural and Professional Competences Based on “Tourism” and Excursion Activity for Students Training in Direction Tourism.....	200
Zhegulskaya Y. V. The Use of E-Educational Environment in Practice of Teaching the Students of “Tourism” Direction.....	205

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Review

Kolesova I. S. From Disembodied to Physical: the Evolution of Dance Art in Christianity (Monograph of T. A. Akindinova, A. V. Amashukeli “Dance in the Tradition of Christian Culture”).....	212
The List of Authors in Alphabetical Order.....	216

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 304.5

СКРЫТЫЙ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ: ПОНИМАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Актуальность статьи связана со скрытым сохранением стереотипов европоцентристского мышления, при формальном отказе от него, в гуманитарных науках на понятийном уровне. Ее цель – выявление подобных акцентов в понимании проблемы первичного формирования человеческой личности. Критикуя идеи об ее отсутствии на ранних этапах истории вплоть до поздней Античности, а иногда – и до эпохи Возрождения, автор рассматривает эти вопросы на примере ряда работ крупного русского мыслителя А. Ф. Лосева, посвященных философии и эстетике Античности. Автор выявляет европоцентристские акценты в этих книгах, такие как обязательное включение в атрибуты личности не собственно личностных, а именно индивидуалистических характеристик, свойственных ранним этапам новоевропейского сознания. Фактически отождествляются понятия личности и индивидуалиста, противостоящего социуму и другим людям. Что тем более странно, поскольку крайний индивидуализм противоречит основным установкам этической и правовой регуляции общественной жизни. В том числе – и в самой Европе. При этом остатки такого европоцентристского понимания личности характерны именно для историко-культурного дискурса, в то время как философы, социологи, антропологи и культурологи давно от него отказались. С учетом постепенного преодоления подобного понимания личности в научной мысли самого современного Запада, а также необходимости элиминации этих скрытых рецидивов колониального сознания при построении глобального сообщества, автор выдвигает задачу нового осмысления базовых понятий гуманитарной мысли современности.

Ключевые слова: европоцентризм, личность, история культуры, Античность.

HIDDEN EUROCENTRISM: UNDERSTANDING THE PERSONALITY

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Development of scientific knowledge of society and personal consideration of methodological aspects of Eurocentrism in our times is possible to call the West Centrism in many respects still defining mass consciousness and real policy of the Western countries is essentially significant. Despite a formal refusal in science of Eurocentrism as left overs of colonial thinking, in humanitarian disciplines remain its hidden manifestations which can be considered as a specific “illness.” Their identification and elimination at the conceptual level defining the interpretations of the cultural phenomena is especially important. In particular, such recurrence is characteristic for understanding the personality and, respectively, for definition of stages of its emergence in the history of mankind. Many authors connect this emergence with quite late stages from Hellenism to Renaissance. It is possible only on the basis of identification of concept of a person with individualism in opposition of a person to society and other people. Such understanding was characteristic for early stages

of formation of culture of New Europe and in many respects individualism remains a basis of mass behavior in the modern West too. Though the scientific thought of the West generally departed from such interpretations, but the similar understanding the personality can be considered as Eurocentrism because it projects purely Western phenomena on definition of personal characteristics of the person in general. The author notes paradoxical logic of similar approach. The West in all its features is considered as the unique cultural phenomenon ("The West and the Rest"), and, at the same time, as a certain norm with which all cultural and historical processes in different regions of the planet and during the different historical periods are commensurated. In article, similar accents in books on an antique esthetics of Russian philosopher A. F. Losev come to light also attempt to reveal sources of such interpretation of the personality. As a result of the analysis, preservation of stereotypes of Eurocentrism mainly in historical and cultural aspect comes to light. At the same time, such stereotypes almost disappear in a philosophical and anthropological discourse. As the conclusion, a task of new reading of a conceptual framework of the humanities is set.

Keywords: Eurocentrism, personality, cultural history, Antiquity.

На уровне утвердившейся во второй половине XX века гуманитарной парадигмы европоцентризм (точнее – западоцентризм, но, ввиду общепринятости именно первого термина, они используются как синонимы) считается полностью устаревшим и даже преодоленным этапом мышления в сфере социальных наук. На самом Западе официально господствующими становятся различные варианты культурного релятивизма, мультикультурализма и т. д., связанные, в свою очередь, с общим постмодернистским мозаичным видением мира. В других регионах мира та же мозаичность современного мира культуры проявляется в утверждении своих национальных начал (вплоть до жесткого национализма, связанного с продолжающимся возникновением и конструированием новых национальных образований). Вероятно, в этом проявляется и подспудное или явное стремление противостоять унифицирующим тенденциям глобализации по западным образцам.

Однако реально западоцентризм, несомненно, сохраняется и в мировой геополитике, в экономической конкурентной борьбе, в тенденциях финансового рынка. Еще более важно, что он жив в умонастроениях. Не только самого Запада, но и западоцентричных элит, существующих во всех странах мира. В связи с этим можно говорить, вспоминая известный некогда термин «компрадорская буржуазия», о компрадорских элитах: политических, финансово-экономических, интеллектуальных и даже художественных. Но дело не только в элитах. Массовое сознание тоже сохраняет подобные настроения. И это явственно выражает реклама, по сути своей постоянно направ-

ленная на учет распространенных стереотипов. В качестве примеров можно обратить внимание на пестрящие вокруг рекламные баннеры и вывески, подчеркивающие как символ высокого качества «евроремонт», «евромоду», «евровина», вплоть до «евродверей». Хотя на самом деле большинство продуктов известных европейских брендов давно изготавливаются в Юго-Восточной Азии.

На этом фоне заново поднимать вопрос о европоцентризме, вроде бы почти исчезнувшем в научном типе мышления, но сохраняющемся в практической жизни и мировоззрении, казалось бы, не имеет особого смысла. Что ж, ведь наука и должна опережать практику и обыденное мышление.

Но он продолжает сохраняться и в фундаменте современного гуманитарного мышления. В частности – на понятийном уровне. Евроцентризм – богатое содержанием и многообразное явление. В нем сочетаются социопсихологические, мировоззренческие, идеолого-пропагандистские и другие аспекты.

В данной работе будет рассматриваться только методологическое значение и роль европоцентризма, представляющего собой в этом качестве застарелую хроническую болезнь всей гуманитарной мысли. Он не только сужает поле зрения и меняет пропорции исследования, создавая странную познавательную ситуацию, когда вся мировая история и культура представляются лишь фоном для описания деяний, тенденций и характеристик развития главного актора, который, якобы, и представляет собой, воплощает основную линию развития человечества в его движении к прогрессу,

описываемому тоже в чисто европейских критериях. Возможно, еще более важно, что при этом в методологию анализа внедряется парадоксальная логика: Запад – это одновременно и уникальный культурный феномен, и, в то же время, – норма развития, с которой должны сравниваться все остальные культурные процессы, происходящие в разных странах и в разные эпохи. С первой частью этого тезиса нельзя не согласиться, и даже в наше время вполне справедливо звучит название одной из работ известного западного исследователя «The West and The Rest» (С. Хантингтон.) Но в таком случае этот действительно важнейший феномен, принесший человечеству как великие достижения, так и страшные катастрофы, должен, логически рассуждая, рассматриваться как исключение, а не норма. Но европейская мерка до сих пор прикладывается ко всему на свете.

Европоцентризм – это методологический конструкт, который, согласно гипотезе автора, продолжает существовать в работах гуманитариев как в явном, так и в неявном виде. Последний вариант особенно интересен для исследования. Скрытые формы (в частности, в применяемых понятиях) продолжают нести в себе давно выявленные в научной литературе ограничения и шоры европоцентристского типа мышления. Освобождение от этой застарелой «болезни» наук об обществе должно начинаться и последовательно проводиться за счет тщательного выявления подобных акцентов в определениях базовых понятий, какими бы привычными они ни казались.

Чтобы рассмотрение вопроса не свелось к абстрактным рассуждениям, необходимо выявить поднимаемые проблемы на конкретном материале. В качестве такового избран ряд работ авторитетнейшего отечественного гуманитария А. Ф. Лосева из известной серии «История античной эстетики», фундаментальное значение которой выходит далеко за рамки ее названия. Такой выбор обусловлен рядом моментов. Во-первых, самой ролью этих трудов, активно используемых благодаря обширнейшей эрудиции ученого и их оригинальным теоретическим интерпретациям множеством авторов для дальнейших исследований. Во-вторых, самого А. Ф. Лосева вряд ли можно упрекнуть в европоцентризме. Эрудированность в западной культуре никоим образом не мешает ему достаточно объективно ана-

лизировать ее роль в мировом процессе на фоне действительно мировых тенденций и сравнения с культурными феноменами других цивилизаций. Поэтому в данном случае как раз и представляется возможность выявить и зафиксировать именно скрытые в понятийном ряде акценты, связанные с некритически воспринятыми европоцентристскими представлениями. Более точно речь идет о выявлении понимания личности и ее становления в историко-культурном процессе, как они проявились в рассматриваемых работах.

Таким образом, непосредственный предмет данной работы – выявление европоцентристских акцентов в истолковании понятия «личность» в нескольких работах А. Ф. Лосева.

При этом необходимо уточнить, что же, собственно, имеется в виду под европоцентризмом в понимании личности. Не углубляясь специально в этот вопрос, выходящий за пределы поля зрения данной статьи, отметим, что можно привести обширнейший список научных и даже учебно-образовательных материалов, в которых авторы, независимо от занимаемых позиций по вопросам европоцентризма, единодушно утверждают, что индивидуализм, начиная, по крайней мере, с эпохи Возрождения, является одной из существеннейших черт и даже парадигм новейшей европейской культуры. Он проявил себя как один из мощнейших стимулов, обеспечивших признанные достижения этой культуры, но и стал основой множества противоречий, конфликтов и тупиков в ее развитии. Индивидуализм, начавшись как элитарное явление («титанизм Возрождения» по терминологии А. Ф. Лосева), стал впоследствии достаточно массовым и способствовал, кстати, становлению рыночного общества, существенно поменявшего основы человеческого бытия в мире. При этом возникали его множественные перекосы от эгоцентризма (в философии Фихте, например) до современного оправдания и утверждения эгоизма в «трудах» популярной на Западе публицистки Айн Рэнд [6]. Во многих публикациях этот индивидуализм, как и его крайние формы, рассматривается как фундаментальное отличие культуры Запада от всех незападных культур, от «Востока» в широком смысле слова. Хотя в данном аспекте хотелось бы отметить, что такое прямое противопоставление представляется не совсем справедливым. Речь должна

идти именно только об акцентах. Как говорится, на Западе есть свой Восток и наоборот. Ни одно общество не может обойтись без механизмов коллективистского взаимодействия, и не было социумов, построенных исключительно на альтруизме, коллективизме и сотрудничестве.

Таким образом, в качестве индикатора скрытого европоцентризма примем приближено сведение интерпретаций личности к понятиям, связанным с индивидуализмом, и тем более, с эгоцентризмом и т. д. Суть таких интерпретаций – в признании атрибутивным свойством личности ее обязательной, якобы, противопоставленности обществу и другим людям. Термины выделения, различия при этом подменяются терминологией отделения и противопоставления. Более того – обязательного примата личного над общественным.

Попробуем выяснить, насколько подобные характеристики представлены в книге А. Ф. Лосева, посвященной раннему эллинизму, этапу, когда по его мнению, впервые появляется личность в истории европейской культуры. Прежде всего, им отрицается личность на эпическом этапе, у эпических героев, и даже у самых ярких представителей расцвета греческого полиса: «Этот полис не знал всех глубин индивидуализма, субъективизма и вообще психологизма. Он для этого был слишком сдержан, слишком суров и аскетичен» [1, с. 6]; «индивидуализм диалектически связан с космополитизмом, ибо для отъединенной личности всегда открываются большие просторы, если она действительно отошла от своих непосредственных корней и стала самостоятельно и свободно мыслить» [1, с. 10]. Далее позитивно характеризуется индивидуализм Еврипида – «продукт разложения классической демократии, из недр которой... выросла новая структура мысли и жизни, уже регламентированная на основах изолированного самоощущения отдельной личности» [1, с. 10]. Эллинистическая философия «берет человеческую личность в ее практическом обыденном состоянии. Наполняет ее таким содержанием, которое бы обеспечило ей осмысленное и притом самодовлеющее существование, и уже в зависимости от этого, а главное, для *обоснования* этого, строит соответствующую космологию» [1, с. 11]; «освобожденная от родовой

общины личность по необходимости оказалась связанной со своим полисом... Только эллинизм впервые дал возможность этой личности развернуть свое внутренне самочувствие, углубиться в свою собственную личность и сделать для себя второстепенными все вопросы объективного миропорядка» [1, с. 12]. И как вывод противостояния предшествующей эпохе, он отмечает, что эллинизму Платона и Аристотеля должно было презирать все это: «Вот что значит выставленный у нас принцип дифференцированной личности, и вот что значит эта эстетика эмансипированного и самодовлеющего индивида» [1, с. 13]. В итоге получается даже не достаточно распространенный нормативный подход к пониманию личности, который обычно подчеркивает идеализированные свойства человека, и даже не классический индивидуалистический европоцентризм. Это, скорее, апология определенного этапа европоцентристских представлений, воспевание обывателя, буржуазного мещанства, которое впоследствии сам автор нещадно критикует в «Эстетике Возрождения» [3, с. 97, 120, 606]. Получается, что герои эпического и полисного времени, творцы искусства и мыслители не являлись полноценными личностями, а вот этот тип, порожденный кризисными явлениями эпохи эллинизма и пытающийся защититься от них, и есть подлинное начало личностного периода в культуре. Но далее появляется совсем странная логика: «...небывалая экспансия иноземных завоеваний и небывалый рост рабовладения с непреодолимой исторической необходимостью приводят к культу изолированной человеческой личности, углубленной в свои собственные переживания и только с большим трудом выходящей из своих глубин на встречу с объективной реальностью мира и жизни» [1, с. 31]. Каким образом небывалые общественные преобразования потребовали появления такой изолированной, самокопящейся личности – остается неясным.

Подобные же моменты мы находим и в другой работе примерно этого же периода, в книге «Античная философия истории». Для мифологического этапа характерно «полное отсутствие чувства личности, или, вернее, понимание ее как безразличной части целого, не обладающей никакой спецификой, как фактически и происходит

в период общинно-родовой формации, в которой человеческая личность еще не отделила себя от родовой общины» [2, с. 33]. Встает вопрос, возможно ли существование человека как социального существа в качестве «безразличной части целого», если учесть, что современные этологи указывают на индивидуализацию поведения и действий, своеобразное «разделение труда», даже на уровне животного царства. В качестве условия личностного становления рассматривается отделение от общих полисных целей: «Когда же в связи с ростом рабовладения отдельный свободный индивидуум уже с трудом укладывался в рамки классического полиса, он не просто отличал себя от этого полиса и от его мифологии, хотя бы и рефлексированной, но пытался и фактически отделить себя от него, преследуя уже не его, а свои собственные цели» [2, с. 88]. Затем объективизм древнего сознания неожиданно соотносится с достижениями новоевропейской классической философии и ее выводами относительно понимания свободы. Получается, что человек Античности пришел к этим глубоким выводам гораздо раньше, причем в массовом порядке, при этом не становясь личностью в полном смысле слова: «То, что объективно мыслящий древний человек понимал как объективную необходимость, было для него и актом внутренней свободы. Ведь он еще не знал всех капризов человеческой субъективности и всего субъективного противоречия многому такому, что требовалось или по крайней мере совершалось объективно. Если когда-либо в древнее время и возникало понятие свободы как осознанной необходимости, то именно в Античности и прежде всего в ее рабовладельчески полисное время» [2, с. 132]. Выходит, что такой идеальный гармоничный человек именно в силу этой гармонии не заслуживает личностно-признания.

Наконец, рассмотрение возникновения личностных характеристик связывается и с гносеологической проблематикой: «Не только человек раннеполисного времени, но и человек эпической культуры и человек мифологического историзма никак не мог себе представить этого дуализма субъекта и объекта. Субъект здесь вполне искренне и непосредственно стремился только к объективной необходимости. Он даже и не по-

нимал разницу между объективной необходимостью и субъективной свободой» [2, с. 133]. Но разделение в познании субъекта и объекта, принятое на ранних этапах западного мышления, в XX веке подвергается критике в самой Европе с самых разных сторон, и общепризнанной является констатация, что такое разделение вообще не свойственно мысли Востока. Венчает анализ описание некоего идеального, гармоничного, но при этом внеличностного социума: «Тут нечего и некого было воспитывать, а все субъективное совершалось само по себе по своей природе именно так, как оно было и вне субъекта» [2, с. 133].

Каким же образом подобные европоцентристские установки (отвергаемые, кстати, научным мышлением самой Европы) проникают в научные тексты? Конкретно у А. Ф. Лосева это, видимо, связано с общей, проникнутой европоцентризмом атмосферой гуманитарного знания в ту эпоху и с влиянием особой его формы – некритично принятыми некоторыми установками марксизма, склонного вообще к социологизации понимания культуры. Это видно, в частности, из настойчивых его попыток логически вывести сущность культурных явлений из особенностей этапов развития рабовладения. Но важнее другое. Если даже такой крупный мыслитель, как А. Ф. Лосев, не избежал подобных влияний, то тем тщательнее необходимо выявлять эти рецидивы мышления во всех других, в том числе собственных текстах. В чем же корни их сохранения и регулярного возрождения? Если попытаться объяснить эти далеко не тривиальные моменты скрытого проникновения подобных акцентов в научные тексты, то можно выделить ряд особенностей. Во-первых, современная научная мысль, так или иначе, основана, прежде всего, на европейской традиции, возобновляемой с помощью соответствующей системы образования и преобладания таких же текстов. Поэтому отказ от становящегося тормозом европоцентризма возможен лишь при сознательном анализе и самоанализе не только основополагающих идей, но и самой системы понятий. Эта работа не только далека от завершения, но, пожалуй, едва лишь начата в науке. Нужен специальный критический анализ, ее пересматривающий. Это тем более актуально, что глобализация может происходить на разной основе. Если она будет строиться по европо-

центристской модели, то в итоге окажется лишь скрытым во многом продолжением культурной монополии Запада (глобализмом), а не действительно попыткой созидания интернационального единства человечества. Соответственно, она рано или поздно, по мере осознания этого факта, будет встречать сопротивление и провалится, как и предыдущие ее исторические варианты. Во-вторых, нельзя не учитывать и влияния идей марксизма в период написания А. Ф. Лосевым своих работ. Конечно, рьяным марксистом он никогда не был, но общая атмосфера не могла не влиять и на него.

В заключение несколько замечаний общеметодологического характера. Европоцентризм как мировоззрение и научная парадигма, взращенные в XIX веке опытом колониализма и пропитанные его духом, в последней половине века XX был подвергнут мощной критике в первую очередь представителями самой европейской научной мысли, хотя и остался в массовом сознании, публицистике, учебниках и, что еще более важно, до сих пор определяет реальную политику стран Запада.

Рассмотрение указанных вопросов позволяет констатировать некое расхождение, теоретико-методологический парадокс. На общеполитическом уровне (за исключением, пожалуй, экзистенциализма и персонализма) атрибутивные характеристики личности включают ее относительную автономию, самосознание, морально-волевые качества, но абсолютно не упоминается уже обязательное отделение и противостояние, противопоставление социуму и другим людям. И это естественно, поскольку такие утверждения противоречили бы общепринятым установкам этики и правового регулирования общества. В последнем случае можно встретить декларативные утверждения о примате интересов индивида, но реально и в целом правовое регулирование, несомненно, с необходимостью направлено на защиту интересов социальных целостностей, и иначе и быть не может. Именно этические и правовые нормы служат основой и скрепами социальной жизни, в том числе и на Западе.

В антропологическом, этнологическом и культурологическом дискурсе, ориентированном на познание многообразия культур, тоже делают акценты на социокультурную детерминирован-

ность личности, а не на ее противостояние обществу или его частям [5, с. 275–323; 7, с. 464–467].

Но, почему-то, в историко-культурном плане до сих пор почти единодушно подчеркивается тезис о том, что возникновение личности в истории возможно только на этапе социальной дисгармонии, острых противоречий между личностью и обществом. Именно не осознание различий, а обязательное противоречие и противостояние. Единодушие это не зависит от социально-политических и идейных разногласий: в этом совпадают как авторы либеральной толка, так и записные марксисты. Представляется, что причина таких расхождений в дискурсе различных наук и этого удивительного единодушия в понимании истории культуры одна. Так проявляются рецидивы колониального прошлого Запада, его европоцентристские установки, возводящие особые черты определенных этапов социальной эволюции Запада в общеисторические закономерности. Интересно, что описание до-личностных характеристик человека зачастую кажется очень знакомым: они удивительно напоминают описания, в том числе и западные, идеала законопослушного гражданина современности и высоко нравственной личности, которые тоже, по идее, должны руководствоваться общегражданскими нормами и общественными интересами не только на рациональном, но и на интуитивно-психологическом уровне.

Ситуация выглядит тем более странной, если учесть достаточно распространенные идеи об исчезновении субъекта в современном обществе и описание (например, в работах Г. Маркузе), одномерного массового человека западного общества наших дней. Так стоит ли настаивать в этих условиях на столь позднем (в эпоху эллинизма в работах А. Ф. Лосева) формировании личности?

Следовательно, возникает задача преодоления на теоретико-методологическом уровне подобных доставшихся в наследство от прошлого установок и нового исследования реальных процессов становления личности в истории человечества. Отказ от европоцентризма не должен оставаться чисто декларативным, он должен ориентировать на обновление, как понятийного аппарата гуманитарных наук, так и представлений о конкретных этапах историко-культурной эволюции.

Литература

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. – М.: Искусство, 1979. – 815 с.
2. Лосев А. Ф. Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – 205 с.
3. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978. – 623 с.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book., 1994. – 367 с.
5. Орлова Э. А. История антропологических учений: учебник для студентов пед. вузов. – М.: Академ. проект, Альма Матер, 2010. – 621 с.
6. Пейкофф Л. Объективизм: философия Айн Рэнд. – М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. – 575 с.
7. Теоретическая культурология. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая кн.: РИК, 2005. – 624 с.

References

1. Losev A.F. Istoriia antichnoi estetiki. Rannii ellinizm [History of an antique esthetics. Early Hellenism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 815 p. (In Russ.).
2. Losev A.F. Antichnaia filosofia istorii [Ancient philosophy of history]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 205 p. (In Russ.).
3. Losev A.F. Estetika Vozrozhdeniia [Renaissance esthetics]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 623 p. (In Russ.).
4. Markuze G. Odnomernyi chelovek [One-dimensional Man]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 367 p. (In Russ.).
5. Orlova E.A. Istoriia antropologicheskikh uchenii [History of anthropological doctrines]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Alma Mater Publ., 2010. 621 p. (In Russ.).
6. Peikoff L. Ob'ektivizm: filosofia Ain Rend [Objectivism: Ayn Rand's philosophy]. Moscow, Astrel Publ., Poligrafizdat Publ., 2012. 575 p. (In Russ.).
7. Teoreticheskaia kul'turologiia [Theoretical cultural science]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Ekaterinburg, Delovaia kniga Publ., 2005. 624 p. (In Russ.).

УДК 130.2

ДУША РЕНЕССАНСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Казakov Евгений Фёдорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

В статье, на основании исследования образов ренессансного искусства, анализируются проявления душевной жизни человека. Происходит перемещение акцента с духа на природу, во внешнее, рассудочное, конечное. Развёртывается процесс десакрализации, обмирщения «священных ликов», становящихся всё более земными, организмическими; возвышенное низводится к обыденному. Актуализируется чувство ненадёжности человеческого бытия, начинающего доминировать над надеждой. Происходит нисхождение от образа Богородицы к образам Мадонны, Юдифи, Паллады; от «Любви небесной» – к «Любви земной»; от целостного образа Женщины (несущей в себе единство божественного и человеческого) – к частичным, поверхностным образам. Тенденция отдаления душевного от духовного находит выражение в «потемнении», ослаблении, «засыпании» Света, преломлении его в цвет; на полотнах появляется полностью отсутствующая в средневековом искусстве тень. Земной предметный мир все более тает, показывая свою иллюзорность, нарастает движение от Вечного, Незыблемого к временному, неопределённому. «Сумерки» души стужаются, из них «выползают» потерявшие античную благородность темные силы, нарастает демоническое начало. Усиливается рассудочность мировосприятия, искусство начинает рассматриваться как наука. Но светлое мироощущение не исчезает из души совсем, сохраняется и сакральность душевных переживаний. Происходит актуализация собственно человеческого духовного бытия; впервые, в образе «Сикстинской Мадонны», трансцендентное проявилось в (достаточно) конкретном человеческом облике. В целом же происходит переход от «священной истории» Средних веков к собственно человеческой «земной истории» души.

Ключевые слова: душа, ренессансный человек, плотское, телесное, духовное, душевное, рассудочное, иллюзорное, демоническое, первозданное, отчуждённое, десакрализация, обмирщение, образ человека, изобразительное искусство, живопись, зодчество, ваяние.

SOUL OF MEDIEVAL MAN

Kazakov Evgeny Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

The article, based on the study of images of Renaissance art, analysed manifestations of spiritual life of man. There is a movement of focus from spirit to nature, in the external, rational, finite. It deployed a process of desacralization, of secularization of the “Holy faces”, becoming more terrestrial organismic; the sublime is reduced to commonplace. Actualized sense of the unreliability of human existence is starting to dominate the hope. It occurs that the descent of the icon of the Holy mother to images of the Madonna, Judith, and Pallas from “Love of heaven” to “Love of the earth”; from the holistic image of Women (bearing the unity of the divine and the human) – to a partial surface images. The trend to move away from the spiritual soul finds its expression in “the darkening”, weakening, “falling asleep” Light, breaking it in color; the paintings appear totally absent in medieval art shadow. Terrestrial objective world increasingly melts, showing its illusory nature, there is an increasing movement from the Eternal, Unshakable to a temporary, indefinite. “Twilight” gathering of the soul, which “crawl” the lost antique beautifying the dark force, rising the demonic side. Increasing the rationality of the worldview, art becomes viewed as a science. But the worldly sense of light does not disappear entirely from the soul, and maintained the sacredness of spiritual experiences. In fact, we actualize the human spiritual life; first, in the image of the “Sistine Madonna” the transcendent manifested itself in a (fairly) specific human form. In general, there is a transition from “sacred history” of the middle ages to the human “earth history” of the soul.

Keywords: soul, Renaissance man, carnal, bodily, spiritual, mental, rational, illusion, demonic, primordial, alienated, desacralization, aberrance, the image of man, fine arts, painting, architecture, sculpture.

В отличие от средневековой культуры, культура Возрождения постепенно перемещает акцент с духа «на природу», «во внешнее». Уже в период Раннего Возрождения «душа возвращается в тело из своего трансцендентного полета, принося с собой беспредметную тоску, ищущую нечто в каком-то нигде не существующем царстве... душа не находит своей родины; прежняя несомненная цель небесного пути утеряна, а прочная земная телесность и уверенность не достигнуты; в глуби своей основе душа остается в бездорожье непреодолимой дали как от земного, так и от субстанционального начала всякого явления» [2, с. 413]. В период Высокого и Позднего Возрождения внешнее, организмическое (И. Тэн пишет о том, что трагедию души Микеланджело передает через «напряжение мышц») и рассудочное начинают доминировать.

Главное религиозное архитектурное сооружение того времени – Собор св. Петра в Риме – отличается (относительно готических храмов) тяжеловесностью, доминантой горизонтали над вертикалью. Соборы Ренессанса словно оседают, прижимаясь к земле, «врастая» в неё, теряя чувство полёта, порыва. Данная тенденция находит свое выражение и в живописи. Так, персонажи

фресок Мазаччо крепко стоят на ногах, их фигуры – приземистые, статуарные, почти натуралистические (см., например, фреска в церкви Санта Мария дель Кармине во Флоренции).

Происходит развертывание процесса десакрализации «священных ликов» (в самых популярных в период Ренессанса сюжетах: «Мадонна с младенцем», «Святое семейство»). Вроде бы художники изображают те же самые лики, что и средневековые мастера, используя почти ту же композицию; но если иконы наполнены верой в трансцендентность священных ликов, то картины Ренессанса, за малым исключением (см., например, Ф. Липпи «Мадонна», Рафаэль «Мадонна Конестабиле»; Б. Дадди «Мадонна») отличаются ее отсутствием. А. Бенуа пишет о творчестве Гольбейна Младшего: «Гольбейн вообще “не верит” в то, что он пишет. Он обладает огромным мастерством и вкусом, рисунок его в буквальном смысле слова безупречен, но он не знает трепета перед тайной, самое интересное – это видимость, наружное, а сокровища души он игнорировал, в них не верил» [1, с. 238].

Микеланджело в картине «Мадонна Дони» изображает немислимое для Средних веков: стоящие на заднем плане люди не обращают

никакого внимания на Мадонну, разговаривая друг с другом или отвернувшись в сторону. Мир земной занят своими делами, «мир небесный» – своими (ни один взгляд, ни оттуда сюда, ни отсюда туда, не соединяет их). Данная тема развертывается и в картине А. Мессина «Св. Себастьян». В привязанного к столбу святого впиваются стрелы, но никто из находящихся в это время на площади людей не хочет или не может увидеть этого, полностью уйдя в свои проблемы и закрывшись от всего остального.

Тенденция десакрализации находит яркое воплощение и в характере осмысления Голгофских событий. Очень показательны, что художники Ренессанса, обращаясь к образу Христа (если не говорить о младенческих его изображениях), избирают именно тот момент, когда Он был мертв (сюжеты «снятия с креста» и «Пиета»). Большинство картин (будто художники Возрождения договорились об этом) запечатлевают тот миг (растянувшийся на века), когда «Бог умер» (см., например, Ян Госсарт «Снятие с креста»; Герард Давид «Мария, обнимающая мёртвого Христа»; М. ван Хемекерк «Голгофа. Триптих»; Эль Греко «Эсполио»; Р. Кампен «Троица»; Микеланджело «Пиета»). Значит данный образ не может не выражать очень важную особенность ренессансного мировосприятия. Обмирщение «священного лика» происходит в данном случае посредством придания Ему организмического характера. Внешний облик «Спасителя» здесь явно доминирует над внутренним, практически исчерпывая его («тело» просто анатомически «проработано»). Часто мёртвое «тело» прописывается с такой натуралистической тщательностью (как у Р. Кампена, например), что изображаются даже следы его тления (внешний облик «Спасителя» исчерпывается «кожным покровом»). Тело (как «храм души») низводится до организма. В бесконечном, заключенном в данном образе и составляющем его сущность, художниками находится миг конечного, и именно на нем сосредоточивается всё внимание. Временной конечный миг (смерть «Христа») предстает как абсолютный конец: «за» чувством потери совсем не проглядывает Вера в Воскресение (см. [3, с. 158–162]).

«Сопереживая» мукам Спасителя, внешний (организмический, конечный) человек, в конечном счете, сопереживает самому себе. Не случай-

но в раскрытии темы «снятие с креста» большее внимание уделено не самому Спасителю, а чувствам, позам и действиям окружающих Его людей, «прописанных» гораздо «богаче» и живее. Человеку ближе, значимее и интереснее не сами страдания Христа, а собственные переживания по этому поводу. Не лик Спасителя запечатлевают в данном случае человек, а собственную многоликость (если композиционным центром картин чаще является образ Христа, то смыслообразующим – собравшиеся на Голгофе люди).

Развертывается тема «своего» (земного, «прирученного») «неба». Уже Мазаччо во фреске «Троица» изображает Бога-Отца, Богоматерь, Христа, его любимого ученика и... чуть ниже – коленапреклоненных заказчиков. Боттичелли в картине «Поклонение волхвов» изображает семейство Медичи, приближённых к ним и себя с краю. Место Троицы занимает «Святое семейство», образ которого все более обмирщается. Это уже не Библейская история, а коллективный портрет современников на фоне «своего» неба. Святое Семейство изображается в центре, но уже номинально, так как главное действие – в лицах, позах и жестах «спонсоров-волхвов». Рождество Мессии превращено в фальшиво разыгранный спектакль, в котором «Святому семейству» отведена роль декорации. Обращаясь к священной теме, Боттичелли вовсе не испытывает священного трепета; происходит низведение возвышенного до обыденного.

Микеланджело изображает во фреске «Страшного Суда» многих известных людей (Данте, М. Аретино, Б. де Чезена и... себя), забегая немного вперед и помогая Всевышнему отделить грешников от праведников, распределяя их по соответствующим кругам ада и рая. Работая над «Тайной вечерей», Леонардо был движим не откровением, рисуя Христа с «молодого графа, что у кардинала Мортаро», а в одном из набросков к фреске – раздел апостолов, чтобы лучше штудировать их движения. Не удивительно, что в результате подобного преобразования «священные лики» не предстают трансцендентными, исполненными любви и милосердия (когда папа Юлий II увидел микеланджеловского «Христа-Геракла» в сцене «Страшного суда», то спросил, «благословляет он или проклиняет»). Для Микеланджело «Страшный Суд» – это не торжество справедливости, не окончательная победа Добра над злом (добра-то

здесь и нет ни в образе Судии, ни в образе праведников), а конец всего – тотальная погибель. Эта фреска – об утрате Веры, Надежды и Любви (как «снизу», так и «сверху»). Чего стоит образ «Богоматери», в испуге (и... все?) прижавшейся к «Судие-Христу». Выражением чувства ненадежности человеческого бытия, начинающего доминировать над надеждой, и выступает страх.

Происходит нисхождение от образа Богоматери к образу Мадонны, образам Юдифи и Паллады. Развёртывается нисхождение от «Любви небесной» к «Любви земной»; от целостного образа Женщины (несущей в себе единство божественного и человеческого) к частичным, поверхностным образам. Впервые с такой отчётливостью Тициан пространственно разделяет Любовь Небесную и Любовь Земную.

Тенденция отдаления душевной жизни от духовного бытия находит свое выражение в «потемнении», ослаблении, «засыпании» Света, преломлении его в цвет. Цвет теряет свойство Световой прозрачности, становясь матовым, поверхностным. На полотнах художников появляется, практически не известная ранее, полностью отсутствующая в средневековом искусстве *тьень* (в которой уже меркнет и цвет). Леонардо да Винчи первый отошел от изображения резких контуров предметов (характерных ещё для раннего Возрождения (Липпи, Боттичелли), назвав этот «переворот» в живописи «пропаданием очертаний» («сфумато») (см., например, его фреску «Тайная вечеря»). Земной предметный мир все более тает, показывая свою иллюзорность, возрастающую по мере удаления от Света-Духа. Нарастает тенденция движения от Вечного, Незыблемого (запечатлённого в отчётливых «полуденных» контурах средневековой живописи) к временному, неопределённому. Леонардо первым почувствовал приближение душевных «сумерек», когда границы предметов внутреннего мира начинают теряться.

Рождается новый самостоятельный жанр изобразительного искусства – графика, где цвет вообще отсутствует (вершиной творчества Дюрера является не живопись, а серии соединенных той или иной темой гравюр). Черно-белая художественная реальность входит в искусство естественно и органично, не вызывая у человека никакого внутреннего сопротивления, сомнения в ее правомерности. В душевно-холодном «лунном» мире цветовидение бледнеет, меркнет, «остыва-

ет». Только из «ночных» душевных бездн могли явиться ярчайшие микеланджеловские образы полностью отчаявшегося «Грешника» (из сцены «Страшного суда») и мраморного, «с кровью на губах», человекоубийцы «Брута». Подобного уровня незабываемых свидетельств «рая» Микеланджело не оставил. «Преисподняя» душевной жизни изображается убедительнее, ярче, чем «край». Чем сильнее сгущаются сумерки в душе, тем больше из нее выползают потерявшие античную облагороженность темные силы (целую галерею их создал Й. Босх в картинах ада; см. также А. Дюрер «Четыре ведьмы», «Дискордия», «Борзая»).

П. Брейгель Старший в картине «Слепые» показывает, как уютно-светел, тепел земной мир. Всё дело в том, что ночь стоит в «глазах» души. В душевной жизни ощущаются первые «заморозки». В искусство впервые входит, и сразу активно, тема зимнего пейзажа (А. Гриммер, Г. Лейтенс, оба Брейгеля). Данная тенденция проявляет себя и в преобладающей «холодной» цветовой гамме многих картин (например, у Эль Греко).

Нарастает рассудочность мировосприятия. Многие художники Возрождения рассматривали искусство как науку. Особенно преуспели в этом Леонардо, Микеланджело и Дюрер, буквально разбирая человека по косточкам, мышцам, хрящам и сухожилиям, вписывая его (и в него) в разнообразные геометрические фигуры. Эталон внешней красоты полностью перекрывает собой «эталон» красоты внутренней. Математически выверенная гармония утверждается в качестве исчерпывающей гармонии человеческого бытия вообще. На гравюре А. Дюрера «Меланхолия» изображена одинокая, разочарованная героиня с опущенными крыльями в окружении многочисленных инструментов познания и математических символов. Это – одно из первых предчувствий ограниченности, бесплодности, тупиковости рассудочного восприятия мира (см. также полотно Й. Босха «Операция глупости»). Есть и саморазоблачающее выражение достигаемого рассудочной энтелехией итога своих устремлений. На «Автопортрете» (1513) Леонардо да Винчи запечатлены утомление и гордыня, мудрость и презрение, кичливость и жалкое бессилие; словно его великий интеллект, добравшись до самого «дна истины», обнаружил там великую «Пустоту».

Все более утверждается в своих правах греза. Так, многие образы «Мадонны с младенцем» не несут в себе сакральное содержание, исчерпываясь красивым внешним обликом (успокаивающим глаз, но не спасающим душу) (см., например, С. Боттичелли «Мадонна дель Магнификат», «Мадонна с гранатом»). У данных образов слишком много «внешнего золота» (в волосах, одежде) и слишком мало «внутреннего золота» души. В картинах Леонардо да Винчи – «Мадонна с гвоздикой», «Мадонна в гроте» – изображен мир застывших, замороженных собой кукол. Они не участвуют в событиях, а грезят ими; в них нет желания ни открывать мир, ни открываться миру; они словно занесены сюда издалека неведомым ветром мечтаний. «Мадонны» Леонардо – пластилиновые, облачные, полусонные, лениво расслабленные, играющие в жизнь.

Набирает силу демоническое начало. Безбожий мир не только утверждает себя (о «бесовской улыбке» Джоконды см., например, [4, с. 427]), но и переходит в наступление. С. Булгаков писал, что «демоническое начало прикрывает пустоту, и улыбка его играет на устах леонардовских героев» (цит. по [6, с. 365]). Вспомним, кстати, что «Тайная вечеря» осталась «навсегда незавершенной», так как Леонардо не смог создать убедительный образ Христа.

Но светлое мироощущение не исчезает из души. Оно присутствует в образах «Любви Небесной» у Боттичелли («Рождение Венеры») и Джорджоне («Спящая Венера»). На обоих полотнах прекрасные женские образы несут в себе неземную гармонию (они – полностью обнажены, но абсолютно целомудренны); они высоко гармоничны, возвышенны (но – не одухотворены, в них нет сакрального содержания). Тёплым чувством наполнены картины Питера Брейгеля Старшего (см., например, «Каток», «Зимний пейзаж», «Деревенский праздник»). Образы Брейгеля – это вставленная в рамку «любовь земная» (не отвлеченный символ, как у Тициана, а наш узнаваемый мир). Его картины проникнуты любовью к природе («лунных пейзажей» здесь не увидишь) и любовью к людям (таким маленьким, неказистым и бесхитростным, как дети). Зимние пейзажи Брейгеля наполнены таким радостным чувством, что по своему внутреннему состоянию это – весна.

Сохраняется и сакральность душевных переживаний (см., например, Й. Босх «Св. Христо-

фор»); Ф. Липпи «Мадонна с младенцем»; росписи Гентского алтаря Яна ван Эйка). Эти образы не просто возвышенны, а одухотворены; духовное начало выражено здесь не опосредованно, а непосредственно, через изображение священных ликов («Святой Христофор» Й. Босха не отличается физической силой, но в его образе – непреодолимое обаяние, искренность, младенческая беззащитность и полное доверие высшему провидению). От образов данного плана исходит золотистый жизнеутверждающий теплый свет. Богородуновенностью наполнен и образ «Сикстинской Мадонны» (см. [7, с. 109–110]). Он отличается от иконописных ликов меньшей степенью обобщенности (всеобщности), большей наполненностью земной жизненностью и в то же время отличается от натуралистических портретов трансцендентной одухотворённостью. Впервые в образе «Мадонны» трансцендентное проявилось в (достаточно) конкретном человеческом облике (имеющим сходство с возлюбленной Рафаэля Форнариной).

На этапе Ренессанса происходит актуализация собственно человеческого духовного бытия. Тем самым происходит переход от «Священной истории» Средних веков (когда «Другим» для человеческой души предстало трансцендентное) к собственно человеческой «земной истории» души (когда «другим» предстаёт либо иная душа, либо оппозиция, актуализирующаяся внутри «своей» души). Одна из особенностей Ренессанса – поляризация душевного бытия на «полюса», которые демонстрируют как достаточно автономное существование («Мадонна» Липпи, с одной стороны, «Брут» Микеланджело – с другой), так и активное сопряжение (образы Юдифи, Св. Себастьяна, «Поцелуй Иуды» Джотто, «Тайная вечеря» Леонардо, «Страшный суд» Микеланджело, «Кающаяся Мария Магдалина» Тициана). «Светлое» и «тёмное» в жизни души не только переплетаются, отталкиваются, но и, достигая стадии противоположностей, крайностей, «сходятся» друг с другом. Запечатлеть сакральный облик Христа оказался неспособным ни один из «титанов» Возрождения. «Вся религиозная живопись Ренессанса, – пишет С. Булгаков, – есть очеловечивание, обмирщение Божественного: эстетизм – в качестве мистики, мистическая эротика – в качестве религии, натурализм – как средство иконографии» (цит. по [6, с. 365–366]).

Литература

1. Бенуа А. История живописи всех времен и народов. – СПб., 1912. – Ч. 1, вып. 13. – 112 с.
2. Зиммель Г. Микеланджело // Соч.: в 2 т. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1: Философия культуры. – С. 411–433.
3. Казаков Е. Ф. Душа европейского человека. – Кемерово, 2012. – 463 с.
4. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1982. – 624 с.
5. Флоренский П. А. Иконостас: избр. тр. по искусству. – СПб.: Рус. кн., 1993. – 406 с.
6. Успенский Л. На путях к единству? // Философия русского религиозного искусства. – М.: Прогресс-Культура.– 1993. – Вып. 1. – С. 350–374.

References

1. Benua A. Istoriiia zhivopisi vsekh vremen i narodov [The history of painting of all time]. St. Petersburg, 1912, part. 1, iss. 13. 112 p. (In Russ.).
2. Zimmel' G. Mikelandzhelo. Tom 1. Filosofiiia kul'tury [Works by Michelangelo. Vol. 1. Philosophy of Culture]. Moscow, Jurist Publ., 1996, pp. 411–433. (In Russ.).
3. Kazakov E.F. Dusha evropeiskogo cheloveka [European human soul]. Kemerovo, 2012. 463 p. (In Russ.).
4. Losev A.F. Estetika Vozrozhdeniia [The aesthetics of the Renaissance]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 624 p. (In Russ.).
5. Florenskii P.A. Ikonostas: izbrannye trudy po iskusstvu [The iconostasis: Selected Works of Art]. St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., 1993. 406 p. (In Russ.).
6. Uspenskii L. Na putiakh k edinstvu? [On the Road to Unity?]. *Filosofiiia russkogo religioznogo iskusstva [Philosophy of Russian religious art]*. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1993, iss. 1, pp. 350–374. (In Russ.).

УДК 930.85

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ: МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: makar@kemsu.ru

Звягин Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: whitesiberia@narod.ru

В статье рассматривается проблема становления гражданской культуры городского населения Сибири на примере местного самоуправления во второй половине XIX – начале XX веков. Актуальность темы очевидна не только с научной точки зрения, но и для современной социальной практики, когда остро стоит вопрос учёта исторического опыта в условиях становления гражданского общества и его культуры в регионах России.

Методологической основой работы послужило положение о том, что специфические особенности гражданской культуры определяются историческим опытом. Поэтому в статье поставлена задача реконструкции конкретно-исторической обстановки и показ конкретных форм социально-политического участия. Целью авторов является исследование проявлений гражданской культуры через участие в органах местного самоуправления горожан сибирского региона в конкретный исторический отрезок времени.

Особое внимание уделяется деятельности городских дум и влиянию на них представителей политических партий. Авторы приходят к выводу, что постепенно гражданская культура местного самоуправления приобретала либеральные черты. Доказывается преимущественное влияние либералов на

местные «общества обывателей и избирателей», а также на сменившие их повсеместно «прогрессивные группы». Благодаря этому, толерантность, основанная на признании прав другого, становилась частью гражданской культуры городского самоуправления, а через него и значительной части горожан Сибири.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская культура, политическая культура, местное самоуправление, городские думы, политические партии, либерализм.

CIVIC CULTURE OF THE URBAN POPULATION OF SIBERIA: THE LOCAL GOVERNMENT IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of National History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makar@kemsu.ru

Zviagin Sergey Pavlovich, Dr of Historical Sciences, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: whitesiberia@narod.ru

The problem of formation of civil culture of the urban population of Siberia as an example of local government in the second half of XIX – early XX centuries. Relevance of the topic is obvious not only from the scientific point of view, but also for the contemporary social practice when accounting is an issue of historical experience in the conditions of formation of civil society and its culture in the regions of Russia.

The methodological basis of the work was the position that the specific features of civic culture are determined by historical experience. Therefore, this article the task of reconstruction the specific historical situation and show specific forms of social and political participation. The aim of the authors is to investigate the manifestations of civic culture through participation in local government, residents of the Siberian region in a particular historical period.

Particular attention is paid to the activities of city councils and the impact on them of the political parties. The authors conclude that the civic culture gradually acquired local government liberal features. It proved the dominant influence of liberals in the local “society and inhabitants of voters”, as well as replaced them everywhere “progressive group”. Because of this, the tolerance based on the recognition of the rights of another, became part of the civic culture of municipal government, and through it, and a large part of the citizens of Siberia.

Keywords: civil society, civic culture, political culture, local government, city councils, political parties, liberalism.

Понятие «гражданская культура» только начинает выделяться из базового понятия «политическая культура», постепенно становясь объектом интереса зарубежных и российских исследователей [1–3]. Возникшее первоначально как определённая модификация политической культуры оно расширило сферу своего применения, непосредственно сочетаясь с такими понятиями как демократия, гражданское общество [6, с. 29–30]. Специфические особенности гражданской культуры любых слоёв населения в любое время определяются историческим опытом, поэтому важен показ конкретно-исторической обстановки и конкретных форм социально-политического участия. Нашей целью является исследование проявлений

гражданской культуры через участие в местном самоуправлении горожан Сибири в конкретный исторический отрезок времени.

Гражданская культура может начать формироваться лишь в условиях зарождающегося гражданского общества и демократии. Таким элементом гражданского общества в России стали органы городского самоуправления. Основы местного самоуправления и гражданских прав для горожан Сибири стали вводиться еще в период «просвещенного абсолютизма», согласно «жалованным грамотам» городам и дворянству. Однако отсутствие в крае помещиков и малочисленность дворянского сословия делало неактуальным общественное самоуправление дворян.

Согласно «Жалованной грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года город провозглашался всесословным самоуправляющимся союзом, охватывающим все городское население. Свои права «союз» осуществлял через выборные городские думы. Но, в силу малонаселенности сибирских городов, здесь вместо дум создавались ратуши, состоящие из бургомистров и ратманов, избирающихся горожанами сроком на три года [14, с. 151–152].

Только к середине XIX века в Омске, Томске, Тобольске и Тюмени были организованы городские думы, работающие по городскому положению «жалованной грамоты». Но это не привело к всплеску социально-политического участия горожан, так как избирательным правом пользовались лишь шесть разрядов городского населения, выбирающие городского голову и шестигласную думу. Возрастной и имущественный цензы резко ограничивали количество избирателей. Так, в Омске на первых выборах в городскую думу в 1840 году избирательное право получили лишь 223 человека, представляющие исключительно мещанское и купеческое сословие [25, с. 12].

Гражданская культура характеризуется демократическим содержанием, высоким уровнем социального и политического участия, ориентировкой на развитие гражданских качеств человека. В этом отношении реорганизация местного самоуправления в 1864 году, по мнению А. П. Толочко и И. А. Коновалова, «мало изменила городскую жизнь» [26, с. 14]. В городские думы стали избираться депутаты от домовладельцев всех сословий. В этой связи следует признать не совсем точным утверждение М. В. Шиловского о том, что городское самоуправление Сибири ведет свой отсчет лишь с 1864 года. Выборные городские думы в сибирских городах существовали до этого времени, и 1864 год не внес в их формирование и работу существенных изменений. В то же время М. В. Шиловский совершенно прав в обосновании вывода, что городские самоуправления Сибири из-за отсутствия земских учреждений взяли на себя апелляцию к властям по насущным проблемам местной жизни. Либерально настроенные гласные городских дум стали ставить вопросы о введении в Сибири земства, о свободе слова, печати, гласного суда, личной и имущественной неприкосновенности [9, с. 9, 25]. Посте-

пенно требования демократизации общества звучали все увереннее, одновременно утверждалось понимание того, что без демократических прав и свобод невозможно развитие гражданского общества и гражданской культуры.

Горожане стремились расширить сферу гражданского общества и принести элементы гражданской культуры на село. Городские думы нередко выражали интересы и сельской округи, тем более что процессы становления самоуправления в городах Сибири значительно опережали аналогичные процессы на селе. В сибирской деревне вся полнота власти находилась у исправников и окружных полицейских управлений. Только в 1879 году на землях государственных крестьян началось создание крестьянского самоуправления. Сельские общества получили право схода, на котором решались вопросы местной хозяйственной жизни. Сход избирал сельского старосту, выполняющего его постановления. Староста представлял интересы своего общества в волостном правлении. Однако по закону 2 июня 1898 года крестьянское общественное самоуправление попало под надзор государственного чиновника – крестьянского начальника, находящегося в подчинении губернского управления [26, с. 86–87]. Сельское самоуправление в большей степени, чем городское, испытывало на себе давление государственных административных органов.

Развитие гражданской культуры требовало расширения социально-политического участия. Дальнейшее совершенствование городского самоуправления шло по пути расширения избирательных прав. Согласно новому городскому положению 1870 года в Омске, к примеру, право избирать в думу получили 1346 человек [7, с. 116]. На избирательных собраниях проходили выборы городской думы, городской управы и городского головы. Минимальный имущественный ценз городским положением не устанавливался, но вводилась трехразрядная система по которой все избиратели делились на категории в соответствии с уплачиваемыми в казну налогами. Каждый из 3 разрядов получал право избирать одинаковое число гласных. В результате, как доказывает В. А. Нардова, незначительная группа наиболее состоятельных горожан, вносившая 1/3 часть налогов, могла послать в городскую думу столько же, сколько посылала основные

масса избирателей [13, с. 10]. На примере того же Омска это выглядело следующим образом: первый разряд включал 23 избирателя, уплативших треть городских налогов, второй – 123 и третий – 1200 избирателей [7, с. 168].

Проведенные в России контрреформы вновь уменьшили социально-политическое участие масс во всех сферах гражданского общества. Городская контрреформа 1892 года вводила имущественный ценз для избирателей. В губернских городах он достигал 1000 рублей. В результате Омск, например, смог выставить на выборы лишь 280 избирателей [26, с. 49]. В выборах гласных в городскую думу Омска в 1901–1905 годах участвовали 1,1 % от общего числа жителей; в 1905–1909 годах – 1,6 %; в 1910–1914 годах – 1,4 % [5, с. 168]. Избирательная и общественная активность низших цензовых групп была невысока. Как правило в избирательных собраниях в сибирских городах принимали участие 20–30 % от имеющих право голоса. Абсолютное большинство гласных дум составляли купцы, чиновники и мещане (преимущественно крупные домовладельцы). К примеру, в 1910 году в Томской городской думе из 60 гласных 25 были купцами, 18 – дворянами и чиновниками, 8 – мещанами. В Бийске из 29 гласных – 22 мещанина и один – чиновник [10, с. 178]. Доля городских демократических слоев населения среди гласных дум была незначительна. К ним можно отнести представителей мелкого чиновничества, врачей, учителей, инженеров, техников, присяжных поверенных. Слабость демократического элемента не способствовала становлению и развитию гражданской культуры в органах городского самоуправления.

Гражданская культура характеризуется принятием гражданами принципа главенства государства, но её успешное развитие не приемлет полной зависимости элементов гражданского общества от государственных структур. Между тем, Городовое положение 1892 года и последующие правительственные распоряжения ограничивали права городского самоуправления, ставили его в прямую зависимость от органов государственного управления. Исполнительный орган городского самоуправления – управа – более зависела от губернатора, нежели от думы. Члены городской управы приравнивались к государственным чиновникам, получали жалование, а губернатор мог

делать им распоряжения и предписания, наказывать вплоть до отстранения от должности. Решения самой думы могли исполняться, если они не опротестовывались состоящим из госчиновников губернским по городским делам присутствием (см. [18–19]).

Для гражданской культуры характерна общая вера её участников в необходимость выполнения гражданских обязанностей. Гласные городских дум работали в многочисленных комиссиях, занимающихся вопросами городского благоустройства, санитарного состояния, строительства, народного просвещения и здравоохранения. Важнейшей прерогативой городского самоуправления являлось формирование городских бюджетов. Стремясь завоевать доверие горожан многие думы постоянно проводили линию на увеличение ассигнований на народные нужды. Омская дума добилась того, что городские расходы выросли за период с 1909 по 1913 год в три раза. Самыми крупными расходами являлись ассигнования на врачебно-санитарную часть и народное образование [12, с. 37].

Важнейшим показателем гражданской культуры является активное гражданство, инициативное поведение и гражданское соучастие в общественных делах. Думы открывали в городах училища и гимназии, муниципальные аптеки и благотворительные заведения. Они занимались мобилизацией 1914 года, организовывали сборные пункты, госпитали, оказывали помощь раненым, боролись с бедностью и голодом. В сентябре 1915 года совещание гласных городской думы в Томске обсудило вопрос об обеспечении горожан продуктами. После этого городская дума приняла постановление о создании городских складов муки, дров, крупы, соли, сахара, чая. Продовольственная комиссия думы изыскала возможность ассигновать на это дело 400 тыс. рублей (см. [21, с. 224]). Подобные действия были характерны для большинства городских дум Сибири.

Гражданская культура – это, прежде всего, культура участия. Граждане считают себя вправе влиять на власть, участвуя в выборах, в деятельности политических партий и общественных движений. Длительное время городские думы занимались хозяйственной деятельностью и почти не касались политических вопросов. Однако очередные перевыборы дум в 1902 году дали значи-

тельное количество мест представителям либерально настроенной интеллигенции. По данным О. А. Харусь, в числе 38 гласных Красноярской городской думы, избранных на 1902–1905 годы, насчитывалось 14 человек, вступивших позднее в кадетскую партию и один будущий октябрист. Из 54 гласных Томской городской думы будущих кадетов было 9 и октябристов – 11. Двое гласных Барнаульской городской думы, в том числе городской голова, стали кадетами, а один – октябристом (см. [21, с. 96]).

Для гражданской культуры в целом характерны традиционализм и отстаивание местных ценностей. В то же время, приверженность к демократической политической культуре требовало поддержки широкого политического реформизма. Под влиянием разворачивающегося в стране либерального движения местная интеллигенция стала ставить вопросы политического реформаторства и, прежде всего, реорганизации местного самоуправления. Уже Программа Союза освобождения требовала, «чтобы государственное устройство преобразованной России было утверждено на широком местном и областном самоуправлении» [11, с. 463]. Программа конституционно-демократической партии заявляла о необходимости выборов органов местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого, закрытого голосования и обеспечения их независимости от органов государственной администрации. Даже в более умеренной программе Союза 17 октября содержались требования расширения прав земского и городского самоуправления, придания ему самостоятельности и упразднения административной опеки.

Особенностью восточных регионов страны было отсутствие земского самоуправления, поэтому политические устремления либералов были направлены на введение земского самоуправления и реорганизацию на демократических началах органов самоуправления городского. Сибирские кадеты рассчитывали, что будущее реформированное законодательство «предоставит городскому самоуправлению активную и самостоятельную роль» [13]. Лидеры и идеологи сибирских кадетов И. А. Малиновский, Н. Я. Новомбергский считали, что правовое государство не должно вмешиваться в сферу гражданского общества к которому они относили и городское самоуправление.

Необходимость его реорганизации они, в свою очередь, связывали с потребностями развития гражданского самосознания и становления гражданского общества. Профессор Томского университета Н. Я. Новомбергский в демократическом местном самоуправлении видел фундамент обновленной России. «Никакие декларации прав и конституционные хартии, – писал он, – не выведут нашего Отечества из переживаемого кризиса, если в основу преобразования не будет положена самая широкая реформа местного управления. Только в этой области нужно искать фундамент для обновленной России, иначе народное представительство окажется висящим в воздухе» (см. [20, с. 122–127]).

Гражданская культура предполагает инициативное гражданское поведение, связанное с активным политическим и общественным участием. В период революции 1905–1907 годов под влиянием либералов городские думы стали более активно включаться в политическое движение. Они взяли на себя инициативу разработки реформ по вопросам совершенствования государственного благоустройства и самоуправления на местах. О. А. Харусь приводит примеры того, как после опубликования рескрипта о булыгинской думе доминирующей идеей в проектах гласных Томска, Красноярска, Тобольска, Барнаула становится организация выборов народных представителей на основании всеобщего, равного избирательного права при тайной подаче голосов, а также полной свободе предвыборных собраний, слова и печати при гарантии неприкосновенности личности. Гласные Барнаульской думы подняли вопрос о необходимости изменений в городском положении. В проекте выдвигались требования устранения опеки со стороны губернской власти над органами городского самоуправления, их самостоятельности и ответственности только перед судом. На заседаниях Томской, Барнаульской, Тобольской, Красноярской, Енисейской и Минусинской дум были сформированы комиссии по подготовке проекта земской реформы. Красноярская городская дума в телеграмме на имя С. Ю. Витте отмечала, что успокоение страны возможно «лишь при условии немедленной амнистии политических борцов за свободу, уничтожения военных положений, усиленных охран и исключительных полицейских полномочий товарища МВД, предо-

ставления народу всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов» (см. [21, с. 97–98, 99–101]).

Городские думы стали откликаться и на политические события местного значения. Та же Красноярская дума избрала депутацию для выяснения обстоятельств, происшедшего 10 августа 1905 года столкновения между рабочими и полицией. Томская дума на заседании 18 октября 1905 года высказала протест по поводу разгона и избияния полицией собравшихся около коммерческого училища учащихся. Городская дума Тюмени рассматривала вопрос о создании охраны из местного населения. Проект об организации самообороны был принят и Иркутской городской думой. Гласные городской думы Бийска в январе 1906 года послали Томскому губернатору послание протеста против ареста мирового судьи Петрова, ветеринарного врача Ахонтова и Л. Ешина «за печатание и распространение листовок к.-д. характера». Покой в Бийске не будет нарушен, – заверяло послание, – если «к жителям гор. Бийска не будет применено каких-либо чрезвычайных репрессивных мер» [4, л. 12].

Некоторые монархические настроенные члены городских дум выступали против их политизации, впоследствии они стали членами Союза русского народа. Зарегистрированный 7 августа 1906 года Устав Союза заявлял, что деятельность властей, в том числе и местных, должна быть направлена на обеспечение свободы слова, собраний, союзов, «но с установлением правил, определяющих границы указанной свободы, дабы не нарушался государственный правопорядок» [22, с. 412]. Целям ограничения зарождающегося гражданского общества в стране призван был служить циркуляр, направленный 30 сентября 1906 года Советом СРН местным организациям черносотенцев. В нем сказано: «...союз основною своею целью полагает уничтожение в стране всякой политической партийности, влекущей за собою взаимную вражду и ненависть» [23, с. 93].

Стремясь защитить государственные ценности, центральный орган СРН газета «Русское Знамя» в своих статьях обрушивался на «кадетское и кадетствующее самоуправление» [15]. Особенно нетерпимым стал ее тон после повсеместного возникновения в стране в 1909 году обществ обывателей и избирателей, возглавляемых,

как правило, либералами и призванных обеспечивать выдвижение в городские думы «прогрессивных кандидатов». Черносотенцы объявили общества обывателей и избирателей организациями, конкурирующими с органами городского самоуправления «в интересах второй революции», которые пытаются захватить в свои руки «жидо-кадетская шайка» [23]. Даже умеренных октябристов, участвующих в работе обществ, газета объявила партией «политических иезуитов-предателей» [15]. По отношению же к кадетам, родственная «Русскому Знамени» газета красноярских монархистов «Сусанин» писала: «Не верьте кадетам... Они давно морочат русский народ, именуя себя партией народной свободы, являясь же наоборот партией народной неволи» [24].

Монархисты всячески стремились оградить гражданскую культуру от элементов партийности и политики. Газета «Русское Знамя» обращала внимание правительства: «В некоторых местах делается попытка привлечь под фирму обществ обывателей и избирателей бывшие и еще влачащие жалкое существование профессиональные союзы... Почтенные и умеренные имена, обладатели коих восседают в первых рядах обновленных комитетов (монархисты в правлениях обществ обывателей и избирателей. – С. М.) – это лишь декорация, ширма. Всем делом заправляют редакции прогрессивных и еврейских изданий» [15]. Под этими изданиями черносотенцы имели ввиду местные газеты в редакции которых входили в большинстве своем либералы и умеренные социалисты. В одной из статей орган СРН предупреждал: «Вообще общества обывателей и избирателей, за немногим исключением, начинают представлять из себя отделы нелегализованных партий, обществ и союзов, закрытые администрацией» [15].

Антикадетская агитация черносотенцев сыграла свою роль. В числе 29 гласных Тюменской городской думы, избранных до 1911 года, оказалось только 3 кадета. В Томске из 60 гласных, избранных до 1910 года, всего 7 являлись представителями кадетской партии, а 19 принадлежало к октябристам. Только в городской думе Красноярска до 1909 года кадетам принадлежало 20 из 46 мест гласных [27, с. 96].

Общества обывателей и избирателей прибавили места в городских думах «прогрессив-

там» – в основном либералам и отчасти правым социалистам. Так, при выборах 1909 года «прогрессисты» Красноярска увеличили представительство в городской думе до 34 гласных, в то время как черносотенцы получили всего 19 мест [17].

Постепенно гражданская культура местного самоуправления приобретала либеральные черты. После повсеместного закрытия во второй половине 1910 года обществ обывателей и избирателей им на смену в 1913–1914 годах пришло движение «прогрессивных групп», которые в некоторых сибирских городах противостояли монархистам. В том же Красноярске «прогрессивная группа» на выборах гласных противостояла правой группировке, сплотившейся вокруг газеты «Сусанин». По мнению О. А. Харусь, выборы в городские думы сибирских городов 1913–1914 годов сохранили в них паритет между консерваторами и либералами [27, с. 612]. Более оптимистической точки зрения по отношению к либералам придерживаются Л. М. Коломыцева и М. В. Шиловский, считая городские самоуправления «тра-

диционными центрами сосредоточения либеральной оппозиции» в межреволюционный период. Из 182 сторонников кадетской партии, установленных Л. М. Коломыцевой, 65 являлись гласными городских дум, а трое – городскими головами Барнаула, Бийска и Иркутска [8–9].

Очевидно значительное влияние как монархистов, так и либералов на органы местного городского самоуправления в Сибири, в то же время гласные стали проявлять больше толерантности к представителям различных политических сил, в том числе к социалистам. Совместно с кадетами умеренное крыло социалистических партий приняло участие в работе обществ обывателей и избирателей, прогрессивных групп. Некоторые из них успешно баллотировались в гласные городских дум. Кадеты (особенно левые) демонстрировали солидарность с правыми социалистами, причем, часто более тесную, чем с октябристами и черносотенцами. Толерантность, основанная на признании прав другого, становилась частью гражданской культуры городского самоуправления, а через него и горожан Сибири.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полит. исслед. – 1992. – № 4. – С. 101–135.
2. Лаут Х., Меркель В. Гражданское общество и трансформация // Повороты истории. Постсоциалистическая трансформация глазами немецких исследователей: в 2 т. – СПб.: М.; Берлин, 2003. – Т. 1. – С. 364–401.
3. Омеличкин О. В. Гражданская культура: теор.-методолог. проблемы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 227 с.
4. Архивный отдел администрации г. Бийска. – Ф. Д-1. – Оп. 1. – Д. 2.
5. Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994.
6. Ивлев С. В. Понятие «гражданская культура» в контексте современных процессов развития общества // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 29, ч. 2.
7. Из истории Омска. 1716–1917 годы. Очерки, док., мат-лы. – Омск, 1967.
8. Коломыцева Л. М. Конституционные демократы в Сибири. Февраль 1917 – начало 1918 года: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1993. – С. 234–268.
9. Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск, 1995. – Вып. 2: Либералы. – С. 43.
10. Литягина А. В. Отражение истории городского самоуправления Западной Сибири в документах РГИА // Акт. вопр. истории Сибири. Науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. – Барнаул, 1998.
11. Манифесты политических сил // Первый штурм. – М., 1990.
12. Меренкова Е. Ю. Бюджетная политика омского городского самоуправления накануне первой мировой войны // Исторический ежегодник. – Омск, 1996.
13. Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. – СПб., 1994.
14. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. – Новосибирск, 1984.
15. Русское Знамя. – 1909. – 3 нояб.
16. Сибирская жизнь. – 1905. – 18 нояб.
17. Сибирская жизнь. – 1909. – 28 нояб.
18. Городовое положение. – СПб., 1910.

19. Выписки из указов Правительствующего Сената по Первому Департаменту. – СПб., 1909.
20. Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика. – Томск, 1996.
21. Харусь О. А. Городские думы: замыслы реорганизации и реалии практической деятельности сибирских либералов в период первой российской революции // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. – Омск, 1995.
22. Союз русского народа. По мат-лам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 1917 год. – М., 1929.
23. Подготовка второй революции // Русское Знамя. – 1909. – 26 нояб.
24. Сусанин. – 1907. – 29 сент.
25. Толочко А. П., Коновалов И. А. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. – Омск, 1997.
26. Томская область. Ист. очерк / под ред. В. П. Зиновьева. – Омск, 1994.
27. Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 1998.

References

1. Almond G., Verba S. Grazhdanskaia kul'tura i stabil'nost' demokratii [Civil Culture and Stability of Democracy]. *Politicheskie issledovaniia [Political study]*, 1992, no 4, pp. 101–135.
2. Lout Kh., Merkel' V. Grazhdanskoe obshchestvo i transformatsiia [Civil Society and Transformation]. *Povoroty istorii. Postsotsialisticheskaia transformatsiia glazami nemetskikh issledovatelei [Turns of history. The post-socialist transformation of eyes German researchers]*, St. Petersburg, Moscow, Berlin, 2003, vol. 1, pp. 364–401.
3. Omelichkin O.V. Grazhdanskaia kul'tura: teoretiko-metodologicheskie problemy [Civil culture: theoretical and methodological problems]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1996. 227 p. (In Russ.).
4. Arkhivnyi otdel administratsii g. Biiska [Archival department of administration of Biisk]. F. D 1. Op. 1. D. 2. (In Russ.).
5. Wibe P.P., Mikheev A.P., Pugacheva N.M. Omskii istoriko-kraevedcheskii slovar' [Omsk Local History Dictionary]. Moscow, 1994. (In Russ.).
6. Ivlev S.V. Poniatie "grazhdanskaia kul'tura" v kontekste sovremennykh protsessov razvitiia obshchestva [The concept of "civil culture" in the context of modern processes development of the society]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo state university of culture and arts]*, 2014, no 29, part 2. (In Russ.).
7. Iz istorii Omska. 1716–1917 gody. Ocherki, dokumenty, materialy [From the history of Omsk. 1716–1917 years. Sketches, documents, materials]. Omsk, 1967. (In Russ.).
8. Kolomytseva L.M. Konstitutsionnye demokraty v Sibiri. Fevral' 1917 – nachalo 1918 goda: dis. kand. ist. nauk [Constitutional democracy in Siberia. February 1917 – early 1918: PhD hist. sci. diss.]. Tomsk, 1993, pp. 234–268.
9. Shilovskii M.V. Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. Vyp. 2. Liberaly [Socio-political movement in Siberia second half XIX – early XX century. Iss. 2. Liberals]. Novosibirsk, 1995, p. 43. (In Russ.).
10. Litiagina A.V. Otrazhenie istorii gorodskogo samoupravleniia Zapadnoi Sibiri v dokumentakh RGIA [Reflection history of municipal government in the Western Siberia RSHA documents]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Nauch. chteniia pamiati prof. A.P. Borodavkina [Actual problems of the history of Siberia. Sci. read memory prof. A.P. Borodavkina]*. Barnaul, 1998. (In Russ.).
11. Manifesty politicheskikh sil [Petitions political forces]. *Pervyi shturm [The first assault]*. Moscow, 1990. (In Russ.).
12. Merenkova E.Iu. Biudzhethnaia politika omskogo gorodskogo samoupravleniia nakanune pervoi mirovoi voiny [Budgetary policy of the Omsk city government on the eve of World War]. *Istoricheskii ezhegodnik [Historical yearbook]*. Omsk, 1996. (In Russ.).
13. Nardova V.A. Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Autocracy and city councils in Russia in the late XIX – early XX century]. St. Petersburg, 1994. (In Russ.).
14. Rabtsevich V.V. Sibirskii gorod v doreformennoi sisteme upravleniia [Siberian city in the pre-reform system of governance]. Novosibirsk, 1984. (In Russ.).
15. Russkoe Znamia [Russian flag], 1909, Nov 3. (In Russ.).
16. Sibirskaia zhizn' [Siberian life], 1905, 18 Nov. (In Russ.).
17. Sibirskaia zhizn' [Siberian life], 1909, 28 Nov. (In Russ.).
18. Gorodovoe polozhenie [City regulations]. St. Petersburg, 1910.
19. Vypiski iz ukazov Pravitel'stva Senata po Perвому Departamentu [Excerpts from the Government Decree First Department of the Senate]. St. Petersburg, 1909. (In Russ.).

20. Harus' O.A. Liberalizm v Sibiri nachala XX veka. Ideologiya i politika [Liberalism in Siberia in the early twentieth century. Ideology and politics]. Tomsk, 1996. (In Russ.).
21. Harus' O. A. Gorodskie dumy: zamysly reorganizatsii i realii prakticheskoi deiatel'nosti sibirskikh liberalov v period pervoi rossiiskoi revoliutsii [City Duma: restructuring plans and practical realities Siberian Liberals activities during the first Russian revolution]. *Revoliutsiia 1905–1907 godov i obshchestvennoe dvizhenie v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Revolution Of 1905–1907 and social movement in Siberia and the Far East]. Omsk, 1995. (In Russ.).
22. Soiuz russkogo naroda. Po materialam chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva. 1917 god [The Union of the Russian people. According to the materials of the Interim Extraordinary Commission of Inquiry government. 1917]. Moscow, 1929. (In Russ.).
23. Podgotovka vtoroi revoliutsii [The preparation of the second revolution]. *Russkoe Znamia* [Russian flag], 1909, 26 Nov. (In Russ.).
24. Susanin [Susanin], 1907, 29 September. (In Russ.).
25. Tolochko A.P., Konovalov I.A. *Gorodskoe samoupravlenie v Omske v dorevoliutsionnyi period* [Municipal government in Omsk before the revolution period]. Omsk, 1997. (In Russ.).
26. Tomskaia oblast'. Istoricheskii ocherk [Tomsk region. Historical Review]. Ed. V.P. Zinoviev. Omsk, 1994. (In Russ.).
27. Harus' O.A. Liberalizm v Sibiri nachala XX veka: dis. dokt. ist. nauk [Liberalism in Siberia in the early twentieth century: PhD hist. sci. diss.]. Tomsk, 1998. (In Russ.).

УДК 304.3

ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА Е. СОЛОМИНА «ГЛУБИНКА 35x45»)

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ).
E-mail: guk56mai@mail.ru

Около трети населения современной России составляет крестьянство. Их образ жизни значительно отличается от того, как живет городское население, которое все больше погружается в информационную реальность, медиасреду, актуализируя ее культурные ценности. У крестьянской части населения эти ценностные установки и их проявления носят иной характер. Изученность в определенных аспектах российского крестьянства дореволюционного и советского периодов не распространяется на современную ситуацию. Образ жизни российских крестьян сегодня исследован явно недостаточно. К тому же нет работ, где жизнь современного крестьянства была бы рассмотрена как целостное социокультурное явление. Такое интегрированное знание способен дать только культурологический метод познания. В статье анализируется не образ жизни российского крестьянства непосредственно, а ее отражение в документальном кинопроизведении – фильме Е. Соломина «Глубинка 35x45». В нем глубоко и правдиво представлен определенный срез жизни современного крестьянина в различных ее проявлениях. Анализ содержательно-смысловой сферы фильма дает основание утверждать самодостаточность форм жизнедеятельности современного крестьянства, их устойчивость к внешним цивилизационным воздействиям. Исследование формообразующих элементов фильма позволяет приблизиться к пониманию российской национальной идентичности, которая сохраняет свой ценностный стержень и жизнетворную основу. Утверждается также, что современный крестьянин, будучи включен отчасти в цивилизационные процессы, получает ощущение полноты своего бытия в большей степени от общения с природой, реальными людьми и от результатов своей творческо-созидательной деятельности.

Ключевые слова: российское крестьянство, образ жизни, цивилизационные достижения, традиционная культура, фильм «Глубинка 35x45».

**MODERN RUSSIAN PEASANTRY LIFESTYLE
IN THE CONTEXT OF CIVILIZING DEVELOPMENT
(E. G. E. SOLOMIN'S FILM "OUTBACK 35x45")**

Guk Alexei Alexandrovich, Dr of Philosophical Sciences, Associate Professor, Director of Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: guk56mai@mail.ru

About a third of the population of modern Russia is peasantry. Their way of life is very different from urban population more immersed in the reality of information, media environment, actualizing its cultural values. For the peasant population, these values and their manifestations are different. The study of certain aspects of the prerevolutionary Russian peasantry and in the Soviet period does not apply to the current situation. Today's lifestyle of Russian peasants is investigated not nearly enough. In addition, there is no work, in which the modern peasant life would be viewed as a holistic sociocultural phenomenon. This integrated knowledge could be given only by a culturologic method of comprehension. The article analyzes the way of life not of the Russian peasantry, but its reflection in the documentary cinema art in E. Solomin's film "Outback 35x45." It deeply and truly presented a certain slice of contemporary peasant life in its various manifestations. The analysis of semantic containing sphere of the film gives grounds to assert the self-sufficiency of the modern forms of the peasant life, their resistance to external influences of civilization. A study of formative elements of the film gets you closer to understanding the Russian national identity that retains its value and life-giving foundation. It is also argued that the modern peasant, being included in part in the civilization processes, gets a sense of the fullness of his life to a greater extent from the contact with nature, real people, and from the results of their creative and constructive activity.

Keywords: Russian peasantry, lifestyle, civilization achievements, traditional culture, film "Outback 35x45."

Более семидесяти процентов населения России проживает в городах. 38 млн человек является сельскими жителями, из которых лишь половина занята непосредственно сельским хозяйством, тогда как остальные работают в «городских» отраслях экономики (транспорт, промышленность, непродовольственная сфера). В начале XXI века в России насчитывалось около 150 тыс. сельских населенных пунктов, подавляющее количество которых (72 %) имеет численность жителей менее 200 человек (настоящая глубинка) [11]. Эти статистические данные показывают нам, что значительная часть населения страны живет, как минимум, в иных условиях и, несомненно, иначе, чем городские жители.

Жители города и жители села по-разному воспринимают, оценивают и осваивают окружающую нас действительность. Их картина мира значительно отличается, поскольку детерминирована различными факторами. В одном случае человека преимущественно окружает искусственно созданная культурно-информационная среда, в дру-

гом – доминирует естественно-природная среда. Городское население все больше погружается в информационную реальность, актуализируя ее ценности и становясь носителем, так называемой, медийной культуры. Сельская часть населения, напротив, не спешит воспринимать созданные цивилизационные достижения, противопоставляя им традиционный уклад жизни и собственные ценности, утверждая тем самым значимость традиционной культуры своего этноса.

Российский этнос как специфическая общность, ярким представителем которого является сельское население, изучался в тот или иной исторический период в различных аспектах учеными многих социально-гуманитарных направлений. Эволюция хозяйственно-производственного сектора деревни и динамика ее трудовых ресурсов в XX веке представлена в одном из коллективных сборников [4]. Становление советской повседневности прослежено в работах И. Б. Орлова, Л. В. Лебедевой [9; 7]. Образ жизни крестьянства Восточной Сибири в 1920–1930-е годы проанализирован

в диссертационном исследовании В. А. Шаламова [15]. Жизнь крестьянства в отдельных территориальных образованиях стала предметом изучения таких авторов, как Р. В. Шайдулин, Ю. И. Попова, С. Б. Летуновский, М. М. Есикова, Ж. О. Абрегова [14; 10; 8; 6; 1]. Крестьянская ментальность в дореволюционной России отражена в работах О. Г. Буховец, Л. П. Долбилиной, Н. А. Уваровой [2; 5; 13]. Особенности жизни в российской глубинке посвящена работа М. Голубых [3].

Анализ представленной литературы показывает, во-первых, что жизнь российского крестьянства и в дореволюционный, и в советский период описана достаточно полно и многоаспектно. Вместе с тем изученность крестьянства новой России, его состояния сегодня не является достаточным и разнообразным. Во-вторых, образ жизни российских крестьян отражен в научной литературе фрагментарно, с позиции той или иной узкоспециализированной науки. Необходимо, на наш взгляд, представить жизнь современного российского крестьянства как целостное социокультурное явление.

Исходя из этого, мы поставили перед собой цель дать образ жизни современного крестьянства, используя метод культурологического анализа произведения документального киноискусства. Только такой подход, по нашему мнению, способен выработать целостное культурологическое знание и представить его во всей полноте.

Выбор для этой цели фильма Соломина «Глубинка 35х45» [12] не случаен. В целом искусство в плане художественного познания обладает поистине уникальными возможностями. Оно позволяет усвоить и понять мир комплексно, в различных его взаимосвязях, используя свою образную систему. Документальный фильм «Глубинка 35х45» имеет несомненные художественные достоинства. Он неоднократно отмечался на различных фестивалях и конкурсах. Авторская концепция режиссера предполагает «активное невмешательство» в течение предкамерной реальности, а сам вид искусства дает максимально жизнеподобные формы действительности, наиболее органичные для естественного наблюдения. Данный фильм можно поставить в один ряд с работами таких режиссеров, как В. Шукшин, А. Кончаловский, которые на игровом материале также отображали определенный срез повседневной жизни сельских жителей российской глубинки.

С точки зрения содержательно-смысловой фильм Е. Соломина говорит нам о том, что любые происходящие в стране акции, будь то смена паспортов или, скажем, выборы президента практически не оказывают какого-либо влияния на жизнь в сельской глубинке. Эта жизнь самодостаточна. Возникает четкое ощущение, что ничто не может поколебать то, что складывалось веками: работа на земле, скотоводство. И тот факт, что жителям деревни можно не платить зарплату по несколько лет, только подтверждает эту мысль. Об этом говорит одна из героинь фильма. Им вообще не нужен паспорт (в райцентре они не бывают по несколько лет). Он нужен только 92-летней бабушке, которая надеется, если доживет до Нового года, получать пенсию. Сам факт смены советских паспортов на новые российские не может нарушить естественного течения жизни и САМ главный герой – фотограф – прекрасно это осознает. Поэтому-то он и возит с собой пиджак для мужчин, чтобы не отвлекать на переодевание сельских мужиков-трактористов. Когда же фотограф организует съемку в сельском клубе или местной школе, то и в этом случае данное событие не выглядит чем-то необычным, экстраординарным, выделяющимся из обыденного течения жизни. Очень легко можно представить этих же людей, приходящих в местный клуб на просмотр еженедельного фильма или приходящих в школу на родительское собрание. Мысль о вечных ценностях жизни деревни ненавязчиво растворена во всей ткани фильма.

Формообразующий уровень фильма, в который входит среда обитания героев, их стиль одежды, манера поведения и т. д., так же служит выявлению реалий российской деревенской повседневности.

В частности, жизненная среда людей складывается из кадров *природы*, видов села и деревенских дворов, интерьеров клуба, школы, кочегарки, сельского дома. Общим для них является *аскетизм*. Фильм начинается долгим кадром окраины села. Зима. Людей не видно и не слышно. Лишь лай собак, пение петухов, вой ветра. Ближе к концу фильма мы видим уже деревенскую улицу, так же зимой, и вновь метет вьюга и ежится от холода дворовая собака, рождая у зрителей мысль о суровых климатических условиях, в которых приходится выживать сельским жителям самой северной в мире страны.

Не слишком комфортно приходится им и в летний период. Нередкие дожди превращают улицы села в огромные лужи, которые приходится с трудом форсировать животным и людям. Комфортно в этих условиях лишь водоплавающим – уткам и гусям. Типично российская картина предстает и в сцене отъезда фотографа из одного из сел. Разбитая колея дороги, по которой, подпрыгивая, как мячик, удаляется выдавший виды наш российский уазик. Какая еще машина может преодолеть такие препятствия!

Да и сами деревенские подворья обустроены примитивно и бесхитростно, словно цивилизация обошла их стороной. То же самое можно сказать и в отношении интерьеров. В клубе мы видим стены, расписанные еще в советское время картинками, чем-то напоминающими иконы, но не религиозного, а коммунистического содержания. Кухня фотографа обустроена весьма непритязательно: на стенах полки с кухонными принадлежностями, маленький обеденный стол, застеленный клеенкой. Правда, есть стационарный телефон – средство современной связи, с помощью которого Алексей договаривается о предстоящей фотосъемке. Надо полагать, что этот атрибут цивилизации есть далеко не у всех, а только у предприимчивого фотографа.

Фигура фотографа примечательна во всех отношениях. Именно через него и с его помощью зритель постигает черты русского народа из глубинки. В его образе находит воплощение один из типов русского человека – неунывающего, энергичного, предприимчивого, балагура. Быстро сориентировавшись в ситуации, он понял, что сельским жителям нужны фотографии на паспорт, а ехать в город для фотографирования нет времени, денег, а у некоторых и сил. Поэтому Алексей, будучи фотолюбителем, предложил свои услуги сельчанам. Профессиональной его работу назвать трудно, но что не сделаешь, для того чтобы выживать. Тем более что к его фотографиям особых требований и не предъявляют. Попутно можно снимать свадьбы, что он и делает с удовольствием. К тому же там можно повеселиться и приударить за разгулявшимися женщинами, проявив себя деревенским ловеласом.

Снимая сельских жителей, Алексей не забывает о своих хозяйских нуждах. «Вот если бы вы подсказали, где купить поросеночка» – эта фраза звучит в сцене фотографирования трактористов

не один раз. В конце концов, он все-таки добивается своего и счастливый увозит в мешке купленного поросенка. В этой сцене очень выпукло предстает настойчивый характер русского мужика, его типичная хватка и способ, которым он это делает (сажает в мешок).

Русские характеры иного типа предстают в фильме через персонажей, которые приходят к фотографу сниматься. Это главным образом пожилые люди – еще одна типичная примета российской глубинки. Тяжелый физический труд и суровые условия труда оставили на их лицах неизгладимый след. Внешне они степенны, неторопливы, скупы на проявления эмоций, но иногда, когда их провоцирует фотограф, их душа выплескивается наружу. «Даже дед уже не замечает», – с горечью произносит пожилая женщина с бусами в ответ на комплимент фотографа и добавляет: «Уже с сорока лет не замечает меня». Чувствуется, что тяга к красоте в ней еще живет. Иначе как трактовать ее реплику, обращенную к фотографу: «Красивая кофта. Пусть видна будет!».

Другой персонаж – девушка – крайне немногословна и послушна, легко откликается на советы фотографа: «Давай распустим волосы, будешь как русалка. Ну вот! Эх, жаль, что я лысый и старый!». Этакая покорность русской женщины явно подкупает. Девушку перед фотографом сменяет 92-летняя бабушка. На вопрос фотографа: «Зачем тебе, бабуля, паспорт?» – она заявляет: «Я немка. А вдруг на новый год я буду жива, и пенсию будут давать!». В ее словах житейская мудрость и желание жить, несмотря на все невзгоды.

Обращают на себя внимание в фильме и деревенские мужики, но не своими высказываниями, а внешним видом. Большинство из них одеты в пестрые свитеры с корабликами, животными и прочими рисунками. Скорее всего, это их идеал красоты и удобства. И неважно, что порой свитерок не по размеру или просто не «сидит» на фигуре, зато обращает на себя внимание, бросается в глаза. Вообще в отношении одежды и деревенские мужчины, и женщины крайне непритязательны. Особенно это заметно на деревенской свадьбе. Мужчины одеты в простенькие светлые рубашки, а женщины в традиционные цветастые платьишки. Данная традиция, характерная для сельских жителей, резко отличает их от городских мужчин и женщин, для которых внешний облик – это выражение их индивидуальности.

Свадьба, о которой говорилось выше, играет в обычном деревенском доме. Традиционно произносятся тосты, вершится обряд одаривания молодых. Мы слышим это за кадром, а видим фотографии молодых и смачно целующихся гостей. При этом пожелания новобрачным носят характер скабрзностей, интимных намеков. Особенно ярко это проявляется в сцене танцев во дворе, когда подвыпившие гости начинают петь частушки – традиционный атрибут народных гуляний. Это пение представляет собой игру на грани фола, в которой присутствует разыгравшийся народный дух, разрушающий принятые табу и условности. Вообще крепкие выражения, маты – довольно привычные формы общения в повседневной жизни сельских жителей. Мы слышим их в начале фильма, когда коров гонят утром на пастбище, от пастуха и женщины, которая ему помогает. Все это – приметы, идентифицирующие российскую глубинку.

Еще одной важной приметой, отсылающей нас, зрителей, к нашей истории, является финальная сцена фильма – сжигание советских паспортов в котельной. Подана она обыденно, по-деловому, но от этого ее зловещий смысл становится еще более ощутимым. В грязную, темную котельную трое мужчин («тройка») во главе с майором милиции приносят полиэтиленовый мешок с паспортами. Далее свершается процедура сожжения, в конце которой звучит как приговор фраза: «Все? Все. Пошли». В данном контексте и эта фраза, и вся сцена приобретает расширительный, обобщающий смысл – возможно, это прощание с частью нашей советской истории, возможно, с теми людьми, которые ее делали.

Фильм Е. Соломина в целом, хоть и посвящен локальным событиям повседневной жизни современных сельских жителей, тем не менее,

воспринимается как небольшое эпическое произведение, такое, например, как «Старик и море» Э. Хемингуэйя. Ему присуща некая притчевость, характеризующая определенную историческую эпоху. Этому способствует и творческий метод режиссера, использующего длинные статичные кадры, которые заставляют зрителя не столько считать информацию, сколько прочувствовать происходящее.

Таким образом, по нашему мнению, фильм Е. Соломина «Глубинка 35х45», действительно, можно назвать истинно русским фильмом, потому что в нем, в его идейно-художественной концепции, в каждом аудиовизуальном элементе, можно найти черты повседневной жизни современной русской деревни. Данный фильм подводит нас к двум основным выводам:

1. Позволяет приблизиться к пониманию нашей национальной идентичности. Какие бы цивилизационные изменения ни происходили в России и мире, они почти не затрагивают глубинных основ жизни деревенской глубинки, она продолжает существовать традиционно, сохраняя свой ценностный стержень, свою жизнетворную основу.

2. Дает возможность расставить акценты в оценке того, что есть истинное, а что ложное в нашей современной жизни. Оказывается можно жить вне пространства, насыщенного цивилизационными достижениями и манками. Ощущение полноты бытия человек получает не только от взаимодействия с ними, а и от общения с природой, реальными людьми и от освоения результатов своей творческо-созидательной деятельности. Сельская глубинка служит определенным камертоном, по которому могут настраиваться базисные основы актуального бытия современного общества.

Литература

1. Абрегова Ж. О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани (конец XIX – первая треть XX века): дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2004. – 196 с.
2. Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые мат-лы, методы, результаты. – М.: Мосгорархив, 1996. – 398 с.
3. Голубых М. Очерки глухой деревни. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – 124 с.
4. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: моногр. сб. – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.
5. Долбилина Л. П. Крестьянский менталитет в первые годы советской власти. 1917–1920. – Киров, 1995. – 157 с.

6. Есикова М. М. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1928 годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2003. – 24 с.
7. Лебедева Л. В. Повседневная жизнь российской деревни в 20-е годы XX века: традиции и перемены: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2006. – 18 с.
8. Летуновский С. Б. Общественное сознание крестьянства Мордовии конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1995. – 200 с.
9. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторические и социологические аспекты становления: моногр. – М., 2008. – 230 с.
10. Попова Ю. И. Повседневная жизнь крестьянства Олонецкой губернии в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. – Петрозаводск, 2004. – 180 с.
11. Российская глубинка: деревенская реальность [Электронный ресурс]. – URL: <http://droplak.ru/?p=2834> (дата обращения: 07.09.2015).
12. Соломин Е. Глубинка 35x45 [Электронный ресурс]. – URL: <http://posmotri-online.com/a4d1> (дата обращения: 01.09.2015).
13. Уварова Н. А. Мировосприятие Ярославского и Нижегородского крестьянства в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2004. – 24 с.
14. Шайдулин Р. В. Деревня Татарии: социально-экономический аспект. (1921–1928 годы): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1990. – 203 с.
15. Шаламов В. А. Образ жизни крестьянства Восточной Сибири в 1920–1930-е годы (на мат-ле Иркут. обл. и Краснояр. края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2011. – 23 с.

References

1. Abregova Zh.O. Povsednevnaia zhizn' sel'skogo naseleniia Kubani (Konets XIX – pervaiia tret' XX veka): dis. kand. ist. nauk [The daily life of the rural population of the Kuban (in the late XIX – first third of the XX century): PhD in history diss.]. Maikop, 2004. 196 p. (In Russ.).
2. Bukhovets O.G. Sotsial'nye konflikty i krest'ianskaia mental'nost' v Rossiiskoi imperii nachala XX veka: Novye materialy, metody, rezul'taty [Social conflicts and peasant mentality in the Russian Empire in the early XX century: new materials, methods, results]. Moscow, Mosgorarkhiv Publ., 1996. 398 p. (In Russ.).
3. Golubykh M. Ocherki glukhoi derevni [Sketches of a remote village]. Moscow, Leningrad, Gos. Publ., 1926. 124 p. (In Russ.).
4. Gorod i derevnia v Evropeiskoi Rossii: sto let peremen: monograficheskii sbornik [City and village in European Russia: a hundred years of change: the monographic collection]. Moscow, OGI Publ., 2001. 560 p. (In Russ.).
5. Dolbilina L.P. Krest'ianskii mentalitet v pervye gody Sovetskoii vlasti. 1917–1920 [The peasant mentality in the first years of Soviet power. 1917–1920]. Kirov, 1995. 157 p. (In Russ.).
6. Esikova M.M. Krest'ianskoe khoziaistvo Tambovskoi gubernii v pervoe desiatiletie Sovetskoii vlasti (1918–1928 gody): avtoref. dis. kand. ist. nauk [Farm Tambov province in the first decade of Soviet rule (1918–1928's.): abstract of PhD in history diss.]. Penza, 2003. 24 p. (In Russ.).
7. Lebedeva L.V. Povsednevnaia zhizn' rossiiskoi derevni v 20-e gody XX veka: traditsii i peremeny: avtoref. dis. kand. ist. nauk [The daily life of a Russian village in the 20-ies of XX century: Tradition and Change: abstract of PhD in history diss.]. Penza, 2006. 18 p. (In Russ.).
8. Letunovskii S.B. Obshchestvennoe soznanie krest'ianstva Mordovii kontsa XIX – nachala XX veka: dis. kand. ist. nauk [Public consciousness of the Mordovia peasantry in the late XIX – beginning of XX century: PhD in history diss.]. Saransk, 1995. 200 p. (In Russ.).
9. Orlov I.B. Sovetskaia povsednevnost': istoricheskie i sotsiologicheskie aspekty stanovleniia: monografiia [Soviet everyday life: the historical and sociological aspects of formation: monograph]. Moscow, 2008. 230 p. (In Russ.).
10. Popova Iu.I. Povsednevnaia zhizn' krest'ianstva Olonetskoii gubernii v XIX veke: dis. kand. ist. nauk [The daily life of the peasants of Olonets province in the XIX century: PhD in history diss.]. Petrozavodsk, 2004. 180 p. (In Russ.).
11. Rossiiskaia glubinka: derevenskaia real'nost' [The Russian remote places: the rural reality]. (In Russ.). Available at: <http://droplak.ru/?p=2834> (accessed 07.09.2015).
12. Solomin E. Glubinka 35kh45 [Outback 35x45]. (In Russ.). Available at: <http://posmotri-online.com/a4d1> (accessed 01.09.2015).
13. Uvarova N.A. Mirovospriatie Iaroslavskogo i Nizhegorodskogo krest'ianstva v kontse XIX – nachale XX veka: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Mentality of the Yaroslavl and Nizhny Novgorod peasantry in the late XIX beginning of XX centuries: abstract PhD in history diss.]. Iaroslavl', 2004. 24 p. (In Russ.).

14. Shaidulin R.V. Derevnia Tatarii: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt. (1921–1928 gody): dis. kand. ist. nauk [The village of Tatarstan: the socio-economic aspect. (1921–1928): PhD in history diss.]. Kazan', 1990. 203 p. (In Russ.).
15. Shalamov V.A. Obraz zhizni krest'ianstva Vostochnoi Sibiri v 1920–1930-e gody (na materiale Irkutskoi oblasti i Krasnoiarского kraia): avtoref. dis. kand. ist. nauk [Lifestyle peasantry of Eastern Siberia in 1920–1930-ies (on the basis of the Irkutsk Region and the Krasnoyarsk Territory): abstract of PhD in history diss.]. Irkutsk, 2011. 23 p. (In Russ.).

УДК 008

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН) КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО И АГРАРНОГО ВИДОВ ТУРИЗМА

Реховская Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: rehovskaia@yandex.ru

В данной статье рассматриваются вопросы актуализации традиционного крестьянского образа жизни, то есть знакомство современных людей с традиционной крестьянской культурой. Представлены различные формы актуализации. В статье отмечается неразвитость сферы внутреннего туризма в России. В связи с этим уделяется внимание путям развития внутреннего туризма в стране, подробно анализируются этнографический и аграрный виды туризма. Этнографический и аграрный виды туризма широко востребованы различными категориями населения, они могут быть представлены разными формами, но, безусловно, должны ориентироваться на крестьянский образ жизни. Актуализируя крестьянский образ жизни, можно развивать и гастрономический туризм. В статье показывается взаимосвязь различных форм актуализации и возможностей развития туризма. Отмечается, что актуализировать можно как материальное, так и духовное наследие. Большим интересом у посетителей пользуются различные фольклорные праздники, в рамках которых можно познакомиться с национальными ремёслами, одеждой или традиционной пищей. Авторы уделяют внимание участию музеев как в процессе презентации традиционной культуры, так и в развитии туризма. Отмечается, что в современных условиях музеи могут использовать различные формы работы с посетителями. Одной из востребованных форм работы является реконструкция элементов традиционной крестьянской жизни, включая реконструкцию обрядов приготовления пищи. В статье говорится о больших перспективах развития внутреннего туризма в стране.

Ключевые слова: актуализация, обрядовая кухня, реконструкция, крестьяне, культура, питание.

UPDATING THE TRADITIONAL PEASANT WAY OF LIFE (E. G. RUSSIAN PEASANTS) AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF ETHNOGRAPHIC AND AGRICULTURAL TOURISM

Rehovskaya Tatyana Aleksandrovna, PhD in History, Associate Professor of Department of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: rehovskaia@yandex.ru

This article is devoted to the study of two modern processes. In the field of culture at the present stage is the question of updating of historical and cultural heritage, i.e. the introduction into the daily life of traditional culture, everyday lifestyle, folklore for the purpose of meeting them on living people. This will help modern people to join the past, to feel the unity with their ancestors and to define themselves in the modern world.

The article notes that in the process of actualization of historical and cultural heritage can participate in different cultural institutions, but the leading role should be given to museums as a kind of cultural institutions. In museums is fruitful scientific work associated with the revival of the past. The article analyzes different forms of actualization of historical and cultural heritage that can be represented by the fairs and exhibitions organized in museums or contests of skill and festivals held over the last few days.

The author notes that the second task is the development of domestic tourism that is due-Leno both economic and cultural reasons. The development of domestic tourism will help to solve important economic problems: the attraction of financial funds in the region, creating new jobs, the development of agriculture. Two types of domestic tourism will especially contribute to the actualization of the traditional peasant way of life: ethnographic and agricultural tourism, as these types of tourism are associated with rural areas, which largely preserved the traditional culture, the bearers of which are farmers. In the center of attention of tourists can be not only intangible heritage, but also the household culture. Also tourists can get acquainted with the practice of farmers of both agricultural and industrial.

The article pays attention to different tourism programmes that, according to the author, should be designed for different age groups. Special attention should be given to the child audience. As a result of the problem analysis, the author comes to the conclusion that these two activities: update of the traditional peasant way of life and tourism development of two types of domestic tourism complement each other, leading to maximum results for the benefit of the population.

Keywords: updated, ritual kitchen, reconstruction, peasants, culture, food.

Актуализация историко-культурного наследия на современном этапе является очень важной формой постижения истории современными людьми. В результате актуализации люди могут узнать о прошлом своей страны, региона. Процесс актуализации историко-культурного наследия можно назвать – «оживление прошлого», «оживление истории». На современном этапе это вызывает у людей большой интерес, большое желание прикоснуться к истокам их современной культуры. Со своей стороны ученые – историки, музееведы, филологи, культурологи – поменяли отношение к прошлому. Если раньше рассматривались вопросы глобального исторического масштаба, то теперь обратились к изучению более частных проблем. Если раньше картину прошлого писали большими мазками, то теперь обратили внимание на детали, «повернулись лицом к человеку». У историков даже появилось новое научное направление «история повседневности», то есть история отдельных людей, их быта, их проблем и радостей.

Актуализация историко-культурного наследия может выражаться в разных формах и осуществляться представителями разных отраслей науки, разными научными и культурными учреждениями. Вопросами актуализации историко-культурного наследия могут заниматься не только профессиональные учёные, но и обычные гражда-

не, интересующиеся своим прошлым. Например, одна из форм актуализации – это реконструкция каких-то исторических событий. В последнее время создано большое количество исторических клубов, занимающихся военными реконструкциями. Однако ещё многим непонятны цели и задачи реконструкций, поэтому реконструкторам необходимо доносить до людей информацию и о своей деятельности, и о ее целях [1].

Мероприятия по актуализации историко-культурного наследия могут быть притягательными для туристов, стремящихся как отдохнуть, так и расширить свой кругозор. Как правило, наше культурное и историческое прошлое во многом связано с сельской местностью. Это не случайно. Вплоть до середины XX века сельское население России преобладало над городским. Своими предками крестьян имеют больше половины современных жителей страны. Это вызывает стойкий интерес к народной культуре, во всех её проявлениях. Именно сельские жители в большей степени сохраняли традиционные элементы культуры, поддерживали самобытность русского народа. В современных условиях, если мы хотим прикоснуться к настоящей народной культуре, то общаемся именно с сельскими жителями. Следовательно, на основе актуализации традиционного крестьянского быта можно широко развивать этнографический и аграрный виды туризма.

Внутренний туризм развивается в России крайне медленно, но, тем не менее, существуют определенные традиции данного вида туризма, разработаны старые и возникают новые маршруты, то есть осуществляется плодотворная работа в данном направлении. Этнографический туризм имеет достаточно продолжительную историю существования в России, чего нельзя сказать об агротуризме. Он только начинает зарождаться в России.

Между тем, сельский или аграрный туризм широко развит в мире. Зародившись во Франции и Италии в 70–80-х годах XX века, он широко распространился и в ряде других стран Европы и Азии. Развитие аграрного туризма было вызвано сокращением сельского населения в этих странах. Миграция жителей из сельской местности была вызвана, прежде всего, нехваткой рабочих мест. Решить эту проблему (создать новые рабочие места) и был призван сельский туризм. Привлекая большое количество путешественников, этот сегмент туристического рынка приносит и большие доходы, что в свою очередь подталкивает предпринимателей ещё больше развивать данное направление.

В отечественной научной литературе не сложилось единого мнения о концепции и понятии, характеризующих отдых людей в сельской местности. В литературе для обозначения такого вида отдыха как равнозначные употребляются понятия: «сельский туризм», «аграрный туризм», а некоторые специалисты называют его «зеленый туризм». Это приводит к многочисленным дискуссиям среди исследователей и практиков по вопросам как организовывать данный вид туризма, чем отдыхающие должны заниматься, проживая в сельской местности.

Как было отмечено выше, в России этот вид туризма практически не развит, как и вообще внутренний туризм. Причин здесь может быть достаточно, начиная от отсутствия поддержки государства, заканчивая сложившимся стереотипом мышления россиян о престижности именно заграничного отдыха. Вместе с тем, если серьезно проанализировать ситуацию, в нашей стране существуют предпосылки для развития агротуризма. Одна из них – это наличие территорий, на которых можно создавать инфраструктуру данного туристического направления. Вторая предпосылка, назовем ее «ментальная», – это на-

личие большого количества людей, которые предпочли бы всем прочим видам отдыха спокойный отдых «на природе».

К таким отдыхающим можно отнести группу людей, представители которой в своё время (60-е – начале 70-х годов XX века) покинули деревню, переселившись в города, но, так и не потеряв духовной связи, со своей малой Родиной. Многие из них испытывают ностальгию по временам своей юности и молодости, проведенным в сельской местности. Есть и такие люди, которые бы хотели спокойно отдохнуть, занимаясь сбором ягод, грибов, ловлей рыбы. Интерес вызывает народная культура, как было отмечено выше, и у современных горожан, потомков крестьян. В большей степени народная культура сохраняется именно в сельской местности.

Безусловно, имеются и серьёзные причины для развития сельского туризма. Основная из них – это кризис аграрного сектора экономики современной России. В социальной сфере это выражается в сокращении численности сельского населения, в низком уровне его жизни. Развитие данного вида туризма будет способствовать созданию новых рабочих мест на селе, повышению жизненного уровня сельчан.

Этнографический и сельский виды туризма могут быть представлены разными организационными формами. Но доминирующим направлением здесь должна быть ориентация на традиционный крестьянский уклад. Попадая в сельскую местность, человек переносится в другую социальную среду, тесно связанную с природой, имеющую другой бытовой уклад. Этот сельский, или крестьянский, образ жизни складывался в результате взаимодействия человека с природой, взаимодействия социального и биологического. Именно к этому природному началу стремится человек, попадая в традиционный сельский, иначе говоря, крестьянский уклад.

При данных видах туризма местом проживания отдыхающих, безусловно, должны стать традиционные крестьянские дома. Старые постройки сейчас практически не сохранились, но при этом сохранились чертежи и макеты традиционных русских домов. Отдыхающему можно предложить на выбор проживание либо в современном крестьянском доме, который довольно часто сейчас имеет разные коммунальные удобства, или смоделированном традиционном доме.

Символом такого дома для современного человека всегда была и остаётся русская печь. Поэтому, по возможности, надо построить и русские печи. Интерьер дома также должен соответствовать крестьянским бытовым традициям, начиная с обстановки и заканчивая утварью. В таком случае достигается аутентичность реальной атмосферы. Туристы знакомятся с традиционным крестьянским бытовым укладом.

Питание туристов также должно быть выдержано в русских традициях. В современном обществе, несмотря на гастрономические заимствования, сохраняется традиционная русская кухня. Это, прежде всего, выражается в использовании традиционного набора продуктов, технологиях приготовления блюд и их ассортименте. Ученые считают, что пища – наиболее устойчивый компонент традиционной культуры, который поддерживается и сохраняется народом дольше всех ее элементов. Соответственно, знакомство с национальной кухней позволяет в большой степени познакомиться с традициями народа. Степень ещё большей аутентичности может быть достигнута при использовании приёмов приготовления пищи и напитков, свойственных традиционной кулинарной системе, а именно – в русской печи. Качественно приготовленная и вкусная пища может стать дополнительным стимулом привлечения туристов.

Как известно, существует и такой вид туризма, как гастрономический, когда туристов привлекает возможность попробовать какие-то блюда или напитки. Среди разнообразного ассортимента русской кухни, от жидких блюд до выпечки, можно выбрать наиболее востребованные или знаковые, которые ассоциируются именно с русской кухней. Как правило, таким блюдом являются блины с икрой. Можно пойти и по другому пути: предложить туристам традиционные русские, но малоизвестные блюда или изменить технологию их приготовления. Например, ранее популярным, а теперь забытым блюдом является кулага. Не меньшей популярностью будут пользоваться и традиционные напитки: квас, сбитень. Существуют и особые традиционные технологии приготовления этих напитков.

Для многих людей, выбирающих сельский туризм, не малую роль играет качество продуктов питания. Они выбирают экологически чистую, натуральную продукцию. В условиях проживания

в сельской местности такой продукцией напрямую их могут снабжать местные крестьяне. В данном случае наблюдается обоюдная выгода: крестьяне находят рынки сбыта для своей продукции, получая тем самым дополнительный доход, а туристы питаются натуральными качественными продуктами питания.

В рамках проекта этнографического и сельского видов туризма могут использоваться и определённые просветительские акции. Например, отдыхающим рассказывают о традиционной русской кухне и параллельно с этим устраивается дегустация блюд, приготовленных по технологиям, известным русским крестьянам. Можно использовать элементы реконструкции крестьянской трапезы с соблюдением всех традиций питания. Своего рода реконструкцией будет считаться процесс приготовления традиционной русской пищи. Участвовать в этом процессе будет интересно и взрослым, и детям. К тому же занятия здесь найдутся для каждого. К примеру, мужчины должны будут наколоть дров, нанести воды, а женщины могут растопить печь, замесить тесто, а затем вместе с детьми что-то испечь. Можно применить и традиционные технологии приготовления кваса, пива, сбитня.

Помимо знакомства с бытом русских крестьян туристы могут познакомиться с традиционными крестьянскими занятиями. Это знакомство может осуществляться в нескольких формах. Во-первых, туристы могут наблюдать за традиционными занятиями крестьян. Во-вторых, они могут сами участвовать в крестьянской деятельности. Как известно, основным занятием крестьян было земледелие. Этот процесс в настоящее время достаточно сложно реконструировать в его традиционном виде, познакомиться с этим видом крестьянкой деятельности можно на экскурсиях или во время лекций.

Второе весьма важное занятие крестьян – это животноводство. Как известно, в своих подсобных хозяйствах крестьяне держали разные породы крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, различную птицу. Такое животноводческое мини-хозяйство необходимо иметь при развитии аграрного туризма. Поучаствовать в его работе могут и дети, и взрослые. Безусловно, экзотичным для городского ребёнка будет выглядеть, например, доение коровы. Однако, еще бо-

лее экзотическим явлением будет участие в этом процессе. Дети могут доить корову, поить телят, кормить животных.

Это будет иметь большое положительное значение для эмоционального состояния ребенка. Таким образом, он имеет возможность общаться с представителями животного мира, что будет развивать в нем любовь ко всему живому и чувство ответственности за сохранение природы. Как доказано клиническими испытаниями, общение с животными оказывает благотворное влияние не только на психическое состояние человека, но и на его физическое здоровье. Во многих странах применяется такой метод реабилитации и взрослых, и детей, как иппотерапия.

Наряду с бытовыми и хозяйственными традициями можно актуализировать и духовные традиции русского народа. Самыми распространенными видами духовного наследия, с которыми знакомо большинство современного населения, – это национальные песни, танцы, сказки. Одним из важных мероприятий по актуализации духовного наследия народа будет являться фольклорный праздник. Организовать его можно разными способами. Во-первых, такие праздники могут проходить и один день, и несколько. Во-вторых, можно ограничиться песенным творчеством, а можно использовать и другие формы – театрализацию, конкурсы мастеров, национальные игры, чтобы привлечь внимание и взрослых, и детей.

При организации фольклорных праздников предпочтительнее проводить их в течение нескольких дней. В результате этого можно привлечь большее количество туристов, которые более полно познакомятся с традиционной культурой. В ходе организации таких праздников должны работать несколько площадок, чтобы национальная культура была представлена во всем многообразии: песенное творчество, танцевальное мастерство, театрализованные представления. Большой интерес у представителей всех возрастных групп вызовет проведение национальных игр, а, как известно, у русского народа они были весьма разнообразными.

Русские крестьяне, как мужчины, так и женщины, славились своим мастерством. И по сей день сохраняются эти традиции отдельными людьми. В рамках фольклорных праздников можно провести конкурсы таких мастеров. Мужчины могут

соревноваться в плотницком, бондарском, гончарном, сапожном или других видах ремесла. Женщины могут показать свое умение в ткачестве, плетении, вязании, вышивании и т. д. Безграничны и их возможности в кулинарном искусстве, начиная от изготовления элементарных блинов и заканчивая приготовлением традиционных русских курников или изготовлением традиционного русского пива. В рамках этих праздников можно проводить ставшие сейчас очень популярными мастер-классы по изготовлению традиционных бытовых предметов: посуды, одежды, игрушек; кушаний и напитков. Такие мастер-классы повышают заинтересованность туристов и позволяют им напрямую соприкоснуться с народной культурой.

Все фольклорные праздники способствуют популяризации этнографического туризма, так как происходит непосредственное постижение традиционной народной культуры, что, по сути, является целью этнографического туризма. Большую роль в жизни крестьян играла ярмарка. Ярмарка – это традиционная русская форма организации торговли, но очень часто она сопровождалась праздничными мероприятиями. В современных условиях можно провести ярмарку как стилизованное праздничное событие, а можно организовать настоящее торговое мероприятие, используя элементы традиционной русской культуры. В данном случае будет развиваться аграрный туризм. В ярмарке могут принимать участие сельские товаропроизводители, а туристы являются потенциальными покупателями.

Большую роль в актуализации крестьянского образа жизни играют музеи. Современная музейная система страны включает в себя большое количество разнообразных музеев, и во многих из них широко представлена крестьянская тематика. К числу таких музеев можно отнести этнографические музеи, цель которых состоит в презентации традиционной культуры. Некоторые этнографические музеи специализируются сугубо на сельской или крестьянской тематике. Существуют специализированные технические музеи, в экспозициях которых среди прочих может быть представлена и сельскохозяйственная техника. Создаются профильные сельскохозяйственные музеи, например, музей хлеба. Практически в каждом населённом пункте есть краеведческий музей, который имеет в своей экспозиции предметы крестьянского быта.

В последнее время происходят большие изменения в работе музеев: меняются формы их работы, ставятся новые задачи. К новым формам работы музеев относится актуализация историко-культурного наследия, к которому, безусловно, относится традиционная крестьянская культура. Актуализация разных видов историко-культурного наследия может проводиться в форме реконструкции традиционных крестьянских занятий, как сельскохозяйственных, так и ремесленных. Реконструкция элементов традиционного быта также возможна в стенах музея. В частности в музее можно реконструировать праздник или обряд, восстановив его подлинные элементы, подготовить традиционные костюмы, приготовить традиционные блюда. Традиционная обрядовая кухня каждого народа уникальна и отражает не только знания о приготовлении блюд, но и выражает многие культурные традиции и представления [2]. В последнее время появляется все больше музеев под открытым небом, то есть музеев, в которых имеется больше возможностей заниматься актуализацией историко-культурного наследия. Очень часто такие музеи создаются непосредственно в сельской местности, что облегчает процесс актуализации традиционной крестьянской культуры.

Деятельность музеев напрямую способствует развитию этнографического туризма, так как

позволяет посетителям ознакомиться с традиционной крестьянской культурой. Создаваемые в сельской местности музеи способствуют развитию аграрного туризма, так как привлекают дополнительных посетителей. Как было отмечено выше, актуализацией традиционного крестьянского наследия могут заниматься разные учреждения культуры. Отличительной особенностью музейной актуализации является ее научная обоснованность и тщательная проработка. Прежде чем показать какой-то экспонат посетителям или организовать какое-то мероприятие, сотрудники музея проводят предварительный научный анализ, чтобы предоставить вниманию зрителей подлинный музейный продукт, сами музейные работники постоянно повышают свой профессиональный уровень [3]. Таким образом, можно прийти к выводу, что сегодня имеются предпосылки для развития двух видов внутреннего туризма: этнографического и сельского. В настоящее время два процесса: актуализация историко-культурного наследия и развитие туризма – пересекаются и взаимодополняют друг друга. Востребованность в туристских продуктах способствует деятельности по актуализации историко-культурного наследия, а работа музеев и других учреждений культуры по оживлению культурного наследия привлекает людей и способствует развитию туризма.

Литература

1. Богданов С. В., Волошинов А. В. Инженерия духа: движение военно-исторической реконструкции и формирование ценностной современной общества // Обсерватория культуры. – 2014. – № 6. – С. 30–36.
2. Кимеева Т. И., Глушкова П. В. Актуализация традиционной обрядовой кухни в деятельности музеев Кемеровской области // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 28. – С. 49–55.
3. Родионова Д. Д., Покровская А. Ф. Проблемы использования информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности музейных специалистов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 28. – С. 13–18.

References

1. Bogdanov S.V., Voloshinov A.V. Inzheneriia dukha: dvizhenie voenno-istoricheskoi rekonstruktsii i formirovanie tsennostei sovremennogo obshchestva [Engineering spirit: the movement of military-historical reconstruction and the formation of values of a modern society]. *Observatoriia kul'tury [Observatory of culture]*, 2014, no 6, pp. 30–36. (In Russ.).
2. Kimeeva T.I., Glushkova P.V. Aktualizatsiia traditsionnoi obriadovoi kukhni v deiatel'nosti muzeev Kemerovskoi oblasti [Updating traditional ritual cuisine in activities of museums of the Kemerovo region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo state University of culture and arts]*, 2014, no 28, pp. 49–55. (In Russ.).
3. Rodionova D.D., Pokrovskaya A.F. Problemy ispol'zovaniia informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v professional'noi deiatel'nosti muzeinykh spetsialistov [Problems of use of information and communication technologies in the professional activities of the Museum's specialists]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo state University of culture and arts]*, 2014, no 28, pp. 13–18. (In Russ.).

УДК 008

ФЕНОМЕН ШЕСТАКОВСКОГО КОМПЛЕКСА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, ректор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор, гл. научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: kulemzin41@mail.ru

Пономарев Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурной деятельности, проректор по творческой и международной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Авторы анализируют роль проектной деятельности по актуализации, реконструкции нематериального культурного наследия на примере Шестаковского историко-культурного комплекса (Чебулинский муниципальный район, Кемеровская область) и возрождению традиционной культуры. В статье отражены приоритетные направления проектной деятельности, включающие реализацию научных и творческих проектов на основе партнерства государственных структур и организаций с ведущими специалистами и общественностью, совместно с иностранными партнерами. Дана оценка практике сохранения и возрождения нематериального культурного наследия с использованием методов актуализации и реконструкции, сохранения или восстановления той социально-культурной среды, в которой возникло и функционировало историческое событие или явление, характеризующее традиционную культуру, определены пути по развитию проектной деятельности в регионе. Предметную основу для создания этой социально-культурной среды, по мнению авторов, составляют недвижимые объекты палеонтологии, истории, археологии, биологии, которые и являются как первоисточником подлинной историко-культурной информации, так и становятся естественными подмостками сцены в открытом пространстве. Авторы определяют театрализацию как ведущий метод в области актуализации и реконструкции нематериального культурного наследия. В статье описаны творческие и научные проекты, реализованные в 2015 году на базе Шестаковского историко-культурного комплекса, а также инновационные творческие проекты, осуществление которых планируется осуществить в 2016 году. Проведение фестивалей-реконструкций с участием ведущих ученых, преподавателей вузов, деятелей культуры и искусства (в том числе, зарубежных) на месте исторических событий обеспечивает популяризацию объектов исторического наследия и способствует возрождению традиционной культуры. Творческие проекты, фестивали способствуют реализации инновационного типа социокультурной практики в регионе – «экономики творчества». Подчеркивается экономическая эффективность творческих проектов, которая выражается в возможностях развития туристической отрасли, направлений этнотуризма в дестинации. Проектная политика по актуализации нематериального культурного наследия направлена на увеличение количества объектов культурного наследия, принятых на государственную охрану и вовлеченных в орбиту познавательного туризма в регионе.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, актуализация и реконструкция традиционной культуры, историко-культурный комплекс, социально-культурное проектирование, фестиваль-реконструкция, театрализация, этнотуризм.

THE PHENOMENON OF SHESTAKOV COMPLEX OF CULTURAL HERITAGE AND REVIVAL OF TRADITIONAL CULTURE

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Kulemzin Anatoly Mikhailovich, Dr of Culturology, Professor, Chief Researcher, Institute of Applied Cultural Studies, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kulemzin41@mail.ru

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Sociocultural Activities, Vice-Rector for Creative and International Activity, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

The authors analyze the role of project activities on update and reconstruction of the intangible cultural heritage of Shestakov historical and cultural complex as an example (Chebula Municipal District, Kemerovo region) and revival of traditional culture. The article reflects the priorities of project activities, including the implementation of scientific and creative projects based on partnership between state agencies and organizations with the leading experts and public, together with foreign partners. The evaluation is given to practice of preservation and revival of the intangible cultural heritage using the methods of update and reconstruction, preservation or restoration of the socio-cultural environment, which emerged and functioned historical event or phenomenon that characterizes the traditional culture, and ways of development of the project activities in the region. The subject base for the creation of the socio-cultural environment, according to the authors, is constituted by the immovable objects of paleontology, history, archeology, biology, which are the primary source of both, the true historical and cultural information, and become the natural scaffolding scene in the open space. The authors define theatricality as the leading method in the field of updating and renovation of the intangible cultural heritage. The article describes the creative and research projects carried out in 2015 on the basis of Shestakov historical and cultural complex, creative and innovative projects, the implementation of which is planned for 2016. Reconstructions of the festival with the participation of the leading scientists, university professors, workers of culture and art (including foreign) at the site of historical events provide popularization of cultural heritage objects and contribute to the revival of traditional culture. Art projects, festivals contribute to the implementation of an innovative type of social and cultural practices in the region as “creative economy”. It emphasizes the cost-effectiveness of creative projects, which is reflected in the capabilities of the tourism industry, in the areas of ethno-tourism destination. The project policies designed to increase the mainstream of the Intangible Cultural Heritage aim to increase the number of objects of cultural heritage adopted by the state protection and involved in the orbit of cultural tourism in the region.

Keywords: intangible cultural heritage, updating and reconstruction of traditional culture, historical and cultural complex, socio-cultural design, festival reconstruction, staging, ethno-tourism.

Международное сообщество в последние десятилетия обратило особое внимание на необходимость сохранения и возрождения нематериального культурного наследия. Этому были посвящены крупные международные конференции: в Мехико ЮНЕСКО (1982), в Мюнхене – ИКОМОС (2000), в Париже – ЮНЕСКО (2003), в Сеуле – ИКОМ (2004) [1; 6]. Однако, во всех документах этих международных структур нет единства в определении нематериального культурного наследия. Они либо слишком громозд-

ки, либо перегружены перечислением категорий объектов, а не выявлением фундаментальных сущностных характеристик предмета дефиниции. Приведем пример определения нематериального культурного наследия ИКОМом: «Обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное

культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека» [6, с. 51]. Более того, появился термин «дух места»: «Признавая, что дух места передается главным образом людьми, и что передача является важной частью его сохранения, мы заявляем, что его следует использовать и развивать через интерактивные коммуникации и участие заинтересованных общин, которые сохраняют дух места наиболее эффективно» [2].

В своей статье мы придерживаемся следующего определения: «Нематериальное культурное наследие – это производственный социальный и бытовой опыт, духовные ценности и представления людей, зафиксированные в традициях и передаваемые непосредственно от поколения к поколению» [5, с. 184].

Традиционная культура требует актуализации потому, что, как сказал В. В. Путин: «Во-первых, действительно, страна встает на ноги, просыпается чувство национальной гордости, самосознания граждан Российской Федерации, и мы должны ответить на это чувство. Во-вторых, идеологический вакуум, образовавшийся после крушения коммунистической идеологии, заполняется, и он обязательно будет заполнен или экстремизмом, шовинизмом, разрушающим нас национализмом и национальной нетерпимостью, или при нашей с вами активной поддержке – гуманистическими, общечеловеческими ценностями. Для нас с вами важно, чтобы эта работа строилась на нашей традиционной культуре, если мы не хотим утратить своего своеобразия и идентичности в глобальном мире, в условиях глобализации» [9].

В числе приоритетных государственных программ культурной политики Российской Федерации имеют место сохранение объектов культурного наследия и возрождение традиционной культуры [13]. Практика прогрессивных российских музеев показывает, что объединение методик работы этих двух сфер деятельности повышает эффективность и того, и другого. Музейное пространство «оживляет» забытое нематериальное культурное наследие, а театрализация историче-

ского события в музейном пространстве «оживляет» вышедшие из употребления артефакты материальной культуры и недвижимые объекты наследия. Председатель ИКОМа Жак Перо эту мысль выразил следующим образом: «Актуальным является исследование самой природы нематериального наследия. Необходимо найти наилучшие способы его сохранения и передачи последующим поколениям. Эта тема представляет интерес для всех стран мира. Эта миссия возлагается на музеи. Нематериальное культурное наследие надо сделать более зримым и обеспечить ему гармонию и их жизненность» [7].

В Сибирском регионе имеются успешные примеры соединения этих двух методов в возрождении традиционной культуры. Так, например, музей-заповедник «Томская писаница» в Кемеровской области, музей-скансен под открытым небом «Тальцы» в Иркутской области. В Омской области – Казахский национально-культурный центр, Сибирский культурный центр русской традиционной культуры. В Тюменской области – музеи возрождения культуры народа ханты «Торум Маа» и «Рода Велла», музейный парк «Лангепас» и другие. Всего же в Сибирском регионе имеется более сорока музеев под открытым небом, занимающихся актуализацией материального и нематериального культурного наследия коренных народов Сибири и переселенцев из различных регионов Евразии: русских, казаков, казахов, башкир, немцев, голландцев и других народов. Подавляющее большинство этих музеев создано по методу скансен-музея, зачастую с использованием метода экомuzeя. Основу их деятельности составляет выявление и возрождение сохранившихся элементов фольклора – главной составляющей нематериального культурного наследия.

Историко-культурное и природное наследие регионов Российской Федерации представляет собой значимый ресурс социально-экономического развития. Повышение роли объектов культурного и природного наследия, сохранения исторической среды городов и поселений, в том числе, малых городов, способствует созданию условий для развития внутреннего туризма.

Территория Западной Сибири богата объектами историко-культурного и природного наследия. Уникальные археологические и палеонтологические находки в Чебулинском муниципальном

районе Кемеровской области значительно расширяют инновационный социально-экономический потенциал данной территории и создают условия ее туристической привлекательности [8, с. 224].

В настоящей статье мы показываем возможности и перспективы возрождения традиционной культуры в еще не созданном, но проектируемом провинциальном музее под открытым небом на базе комплекса объектов культурного и природного наследия. На северо-востоке Кемеровской области в Чебулинском районе в окрестностях с. Шестаково археологами, палеонтологами и биологами выявлен и частично исследован уникальный феномен в российском предметном потенциале наследия – комплекс памятников истории и культуры и редких объектов природы. Здесь сосредоточены и плотно расположены рядом друг с другом несколько десятков памятников археологии от палеолита до Средневековья, памятников периода Гражданской войны и сталинских репрессий, три местонахождения окаменевших останков динозавров и других животных ранне-мелового периода (130–110 млн лет), реликтовое болото, населенное редкими и исчезающими видами животных и растений.

Этот комплекс, известный далеко за пределами Кемеровской области и России, находится в легкодоступном месте. В последние годы он стал весьма популярен, из-за чего терпит ущерб от «черных» копателей, браконьеров, неорганизованных туристов, а также от непрофессиональной попытки его музеефикации неспециалистами в этой сфере деятельности. В связи с этим Шестаковский комплекс требует принятия незамедлительных мер по его охране и созданию на данной территории полноценного музея-заповедника [4].

Кроме того, в окрестных селах Чебулинского района и близлежащих территорий еще сохранились угасающие «реликты» традиционной культуры русских переселенцев из Центральной России. Все вместе это создает благоприятные условия для исторического и культурного просвещения на подлинной исторической основе, экологического воспитания и возрождения национальной традиционной культуры. В настоящее время усилиями профессиональных работников культуры и местным населением возвращается к жизни традиционная культура села. В районном

центре пгт. Верх-Чебула в 1993 году создан хор казачьей песни, руководимый Сергеем Кругловым, с 2002 года действует детский фольклорный ансамбль «Друженька» под руководством Л. И. Дрыгиной и Е. Е. Федоровской. Участники ансамбля совершают фольклорные экспедиции по окрестным селам, привозят оттуда новые песни, частушки, наигрыши, танцы. Юные любители русской песни стремятся максимально приблизить свое исполнение к оригиналу [10]. В 2003 году по инициативе Е. В. Ларионовой возник фольклорный коллектив «Разгуляй», получивший звание «народный». В его репертуаре календарные, лирические, шуточные, плясовые и свадебные песни [11]. Под руководством Людмилы Осиповой действует также клуб казачек «Берегиня». В с. Дмитриевке в 1989 году А. В. Васильевой создан фольклорный ансамбль «Сударушка», главной целью которого является возрождение традиций сибирского казачества. Имеются также фольклорные самодеятельные коллективы в селах Курск-Смоленке (руководитель О. Д. Дюкарева) и Чумай (руководитель А. И. Емельянов). Весь этот народный фольклорный потенциал с успехом может быть использован в открытом музейном пространстве и презентован посетителям (туристам) на современном уровне с использованием новых коммуникативных технологий.

Предметную основу для создания открытых экспозиций будущего музея составят недвижимые объекты палеонтологии, истории, археологии, биологии, которые являются не только первоисточником подлинной историко-культурной информации, но и могут стать естественными подмостками импровизированной и реальной сцены в открытом пространстве (*in situ*) естественно-исторического ландшафта.

В своей практике сохранения и возрождения нематериального культурного наследия мы используем оправданные методы: актуализации и реконструкции, то есть сохранение или восстановление той среды, в которой возникло и функционировало событие или явления, а также воссоздаются внешние выразительные формы посредством театрализации процессов традиционной культуры.

Примером такой актуализации стало проведение областного фольклорного фестиваля «В гостях у Динозавра» в июле 2015 года в Шестаков-

ском историко-культурном комплексе памятников археологии и палеонтологических местонахождений (с. Шестаково Чебулинского района). На берегу реки Кии, в окружении исторических, палеонтологических и археологических памятников посетители могли стать не только зрителями, но и участниками раскопок, что показало эффективность такой формы привлечения посетителей. На праздник приехали не только жители ближайших сел Чебулинского района, но и население из городов и районов Кемеровской области. Были гости также и из других областей.

Гостей фестиваля встречала группа «первобытных людей» и приглашала на тропу динозавра, где по его «следам» они приближались к огромному яйцу динозавра и, согретья его теплом своих рук, помогали родиться маленькому динозаврику.

По праздничной поляне гуляли «динозавры» (ростовые куклы), которые приветствовали всех участников фестиваля и фотографировались с ними. В центре поляны, на которой проходил фестиваль, возвышалась огромная фигура динозавра, изготовленная из соломы. Поблизости расположился «сельский дворик», где посетители с удовольствием фотографировались в шалаше, у копны сена, там же были расположены тантамарески с изображением сельской картинки.

В фестивале приняли участие 31 творческий коллектив из 12 городов и районов Кузбасса, 8 спортивных команд и 9 групп в номинации «Стол старинных русских угощений» (более 500 участников).

Творческие коллективы и исполнители в номинациях «Песни в кругу друзей» и «Именинная вечерка» дарили виновнику праздника – Шестаковскому динозавру музыкальные подарки и выступления, а спортсмены в номинации «Поляна народных игр» – спортивные достижения в соревнованиях любителей гиревого спорта, ходьбе на ходулях и перетягивании каната.

Участники номинации «Стол старинных русских угощений» для выставки-дегустации представили разнообразие традиционных блюд и напитков и щедро угощали ими всех присутствующих.

Участники праздника побывали на ярмарке мастеров «Чебулинские умельцы», где приняли участие в мастер-классах по изготовлению сувениров.

Большой интерес у присутствующих вызвало посещение интерактивной палатки «Шестаково – родина динозавров» с показом документального фильма о раскопках.

Для всех желающих была организована поездка на прогулочном дилижансе к местам раскопок с посещением музейной комнаты. Дети и подростки с удовольствием принимали участие в театрализованной игровой программе на детской площадке «Путешествие в Динозаврию».

Всего фестиваль собрал около трех тысяч зрителей [12].

Следует отметить, что творческие проекты по актуализации историко-культурного наследия позволяют привлекать в социально-культурную сферу региона альтернативные ресурсы, поддерживать партнерство государственных структур и организаций с ведущими специалистами и общественностью, международными партнерами, в конечном счете – выступают эффективной современной управленческой моделью для реализации инноваций в сфере культуры.

Таким инновационным проектом в актуализации культурного наследия региона в 2016 году выступит Международный фестиваль-реконструкция «Земля Хягас», посвященный 290-летию вхождения Хакасии в состав России и который будет проводиться по инициативе Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Данная инициатива является весьма актуальной, потому как: «Современная педагогическая система образования в сфере культуры и искусства, ориентированная на социокультурную ситуацию XXI века, приобретает инновационный характер новой парадигмы образования – “образование в течение всей жизни”. Поэтому вузы культуры и искусств призваны пропагандировать историко-культурное и духовное наследие не только через предметное поле дисциплин, но и посредством формирования интеллектуальной социокультурной среды в вузе, а также в регионе, в стране в целом» [3, с. 68].

Проведение Международного фестиваля с участием ведущих ученых, преподавателей вузов, деятелей культуры и искусства (в том числе, зарубежных) на месте исторических событий более чем двухтысячелетней давности, в окружении археологических памятников будет способствовать популяризации объектов

исторического наследия и бережному к ним отношению, укреплению национального самосознания, формированию культуры толерантности, патриотизма, популяризации туристского потенциала юга Сибири. В качестве участников театрализованных реконструкций планируется привлечение большого количества детей и молодежи – участников творческих коллективов, а также местного населения.

В рамках Фестиваля предполагается проведение:

- театрализованных реконструкций исторических событий, театрализованных обрядов и ритуалов в соответствии с национальными культурными традициями;
- художественных выставок произведений изобразительного искусства, изделий декоративно-прикладного искусства, народных промыслов;
- мастер-классов для детей и молодежи в области народного художественного творчества, национального искусства, изготовлению изделий народных промыслов;
- концертных мероприятий и спортивных состязаний в национальных видах спорта;
- круглого стола по вопросам сохранения материального и нематериального культурного наследия России с привлечением ведущих отечественных и зарубежных ученых.

В фестивале в качестве исполнителей «исторических» реконструкций, участников концертных мероприятий, мастер-классов и спортивных состязаний выступят представители молодежи национальных республик юга Сибири.

На историческом материале будет реконструирован процесс слияния хозяйственно-культурных типов, различных национальных культур и разных социально-политических уровней развития древних народов. На основе использования местного археологического материала будет продемонстрировано взаимопроникновение обрядовой культуры бронзового и раннего железного веков. В «свернутом», сжатом виде будет показан многолетний процесс национально-культурного слияния дружественных народов как духовная основа вхождения в состав России.

Активными участниками фестиваля-реконструкции, реализующими творческий замысел, станут представители молодежи коренных малочисленных народов Южной Сибири: шорцы,

телеуты, сибирские татары, тувинцы и другие. Их участие послужит мотивом для проведения подобных фестивалей-реконструкций и в других регионах Сибири. Проведение красочного массового мероприятия будет способствовать развитию туризма на юге Сибири, привлечет внимание общественности и местной власти к принятию более эффективных мер по сохранению и использованию объектов культурного наследия. Использование элементов народного художественного творчества (национальный фольклор, костюмы, предметы декоративно-прикладного творчества) будет способствовать сохранению нематериального культурного наследия, сохранению и развитию народных художественных промыслов коренных малочисленных народов Южной Сибири.

Данный творческий проект будет способствовать повышению роли культуры и науки в жизни регионов России, позволит создать благоприятные условия для развития и реализации культурного и духовного потенциала. Социальная эффективность проекта определена возможностями презентации культурного наследия народов Сибири, привлечения внимания широкой общественности к проблемам сохранения традиционной культуры. В дальнейшем этот эффект может найти выражение в увеличении количества Всероссийских и Международных культурно-массовых и научных мероприятий, посвящённых сохранению материального и нематериального культурного наследия народов Сибири. Экономическая эффективность творческого проекта связана с возможностями развития туристической отрасли в направлении этнотуризма в регионе.

То есть проектная политика в области актуализации нематериального культурного наследия открывает возможность осуществления инновационного типа социокультурной практики в регионе – «экономики творчества», в которой творчество и проектные технологии сбалансированы с деловой активностью и бизнес-активностью в регионе.

Другим показателем эффективности проектной политики по актуализации нематериального культурного наследия является увеличение количества объектов культурного наследия, принятых на государственную охрану и вовлеченных в использование в познавательном туризме.

Осуществление творческих проектов, фестивалей обращает внимание государства к охране региональных памятников.

На все памятники археологии, истории и уникальные объекты природы в окрестностях с. Шестаково, где будут реализованы творческие или научные события фестиваля-реконструк-

ции, предполагается в дальнейшем установление охранных зон, проведение работы по составлению государственных учетных паспортов на памятники, и создание на их основе музея-заповедника под открытым небом, а также создание на северо-востоке Кемеровской области нового туристического комплекса.

Литература

1. Джованни Панна. Музеи и нематериальное наследие // Информ. бюл. ИКОМ России. – М., 2004. – № 3.
2. Квебекская декларация по передаче духа места [Электронный ресурс]. – URL: http://icomos-spb.ru/index.php/component/joomdoc/2008_%20%20%20%20%20.pdf/download.
3. Кудрина Е. Л. Роль вузов культуры и искусства в пропаганде исторического культурного наследия России // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 61–73.
4. Кулемзин А. М. Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский музей-заповедник: Концепция создания и развития. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2015. – 107 с.
5. Кулемзин А. М. Как лодку назовешь, так она и поплывет (к вопросу об определении понятия «нематериальное культурное наследие») // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Томск, 7–10 дек. 2008 года / отв. ред. Э. И. Черняк. – Томск: Изд-во Томск. уни-та, 2009. – С. 184.
6. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия // Информ. бюл. ИКОМ России. – М., 2004. – № 2.
7. Перо Ж. Приветствие XX конференции ИКОМ в Сеуле (2 окт. 2004 года) // Информ. бюл. ИКОМ России. – М., 2004. – № 2. – С. 7.
8. Пономарев В. Д., Юдина А. И., Родионова Д. Д., Мухамедиева С. А., Насонов А. А. Научно-творческий форум с международным участием «Историко-культурное и природное наследие как основа развития внутреннего туризма в регионе» // Вестн. Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – 2015. – № 31. – С. 223–228.
9. Путин В. В. Выступление на заседании Государственного совета «О государственной поддержке традиционной национальной культуры в России» 26 дек. 2006 года [Электронный ресурс]. – URL: archive.kremlin.ru/text/appears2/2006/12/26/116109.html.
10. Управление культуры и кино администрации Чебулинского муниципального района [Электронный ресурс]. – URL: http://chebkult.ucoz.ru/index/folklornyj_ansambl_druzhenka/0-123.
11. Управление культуры и кино администрации Чебулинского муниципального района [Электронный ресурс]. – URL: http://chebkult.ucoz.ru/index/narodnyj_kollektiv_folklornyj_ansambl_razguljaj/0-133.
12. Управление культуры и кино администрации Чебулинского муниципального района [Электронный ресурс]. – URL: <http://chebkult.ucoz.ru/news/?page3>.
13. Федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 годы)»: утв. распоряжением Правительства РФ от 22 февр. 2012 года № 209-п [Электронный ресурс]. – URL: <http://fcpkultura.ru/new.php?id=9>.

References

1. Dzhovanni Panna. Muzei i nematerial'noe nasledie [Museums and intangible heritage]. *Informatsionnyi biulleten' IKOM Rossii [Newsletter of ICOM Russia]*. Moscow, 2004, no 3. (In Russ.).
2. Kvebekskaja deklaratsiia po peredache dukha mesta [Declaration of Quebec to transfer the spirit of the place]. (In Russ.). Available at: http://icomos-spb.ru/index.php/component/joomdoc/2008_%20%20%20%20%20.pdf/download.
3. Kudrina E.L. Rol' vuzov kul'tury i iskusstva v propagande istoricheskogo kul'turnogo nasledii Rossii [Role of universities of culture and art in the promotion of the historical heritage of Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Ability]*, 2014, no 2, pp. 61–73. (In Russ.).
4. Kulemzin A.M. Vos'moe chudo Kuzbassa. Shestakovskii muzei-zapovednik: Kontseptsiia sozdaniia i razvitiia [Eighth Wonder of the Kuzbass. Shestakovsky Museum-Reserve: The concept of creation and development]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2015. 107 p. (In Russ.).
5. Kulemzin A.M. Kak lodku nazovesh', tak ona i poplyvet (k voprosu ob opredelenii poniatiiia "nematerial'noe kul'turnoe nasledie") [How to call a boat, so it will float (the question of the definition of "intangible cultur-

- al heritage”]. *Akademicheskie i vuzovskie muzei: rol' i mesto v nauchno-obrazovatel'nom protsesse: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Tomsk, 7–10 dekabria, 2008* [Academic and university museums: the role and place in the scientific and educational process: Proceedings of the Scientific Conference with international participation. Tomsk, 7–10 December, 2008]. Ed. E.I. Cherniak. Tomsk, Tomsk University Publ., 2009, p. 184. (In Russ.).
6. Mezhdunarodnaia konventsia ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo nasledia [International Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage]. *Informatsionnyi biulleten' IKOM Rossii* [Newsletter of ICOM Russia]. Moscow, 2004, no 2. (In Russ.).
 7. Pero Zh. Privetstvie XX konferentsii IKOM v Seule (2 oktiabria 2004 goda) [Greeting XX Conference of ICOM in Seoul (October 2nd. 2004)]. *Informatsionnyi biulleten' IKOM Rossii* [Newsletter of ICOM Russia]. Moscow, 2004, no 2, p. 7. (In Russ.).
 8. Ponomaryov V.D., Iudina A.I., Rodionova D.D., Mukhamedieva S.A., Nasonov A.A. Nauchno-tvorcheskii forum s mezhdunarodnym uchastiem “Istoriko-kul'turnoe i prirodnoe nasledie kak osnova razvitiia vnutrennego turizma v regione” [Scientific and Creative Forum with International Participation “Historical, Cultural and Natural Heritage as a Basis For Development of Domestic Regional Tourism”]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no 31, pp. 223–228. (In Russ.).
 9. Putin V.V. Vystuplenie na zasedanii Gosudarstvennogo soveta “O gosudarstvennoi podderzhke traditsionnoi natsional'noi kul'tury v Rossii” 26 dekabria 2006 goda [Speech at the meeting of the State Council “On state support of traditional national culture in Russia” on December 26, 2006]. (In Russ.) Available at: archive.kremlin.ru/text/appears2/2006/12/26/116109.html.
 10. Upravlenie kul'tury i kino administratsii Chebulinskogo munitsipal'nogo raiona [Department of Culture and Cinema of Chebula Municipal District Administration]. (In Russ.). Available at: http://chebkult.ucoz.ru/index/folklornyj_ansambl_druzhenka/0-123.
 11. Upravlenie kul'tury i kino administratsii Chebulinskogo munitsipal'nogo raiona [Department of Culture and Cinema of Chebula Municipal District Administration]. (In Russ.). Available at: http://chebkult.ucoz.ru/index/narodnyj_kollektiv_folklornyj_ansambl_razgul'jaj/0-133.
 12. Upravlenie kul'tury i kino administratsii Chebulinskogo munitsipal'nogo raiona [Department of Culture and Cinema of Chebula Municipal District Administration]. (In Russ.). Available at: <http://chebkult.ucoz.ru/news/?page2>.
 13. Federal'naia tselevaia programma “Kul'tura Rossii (2012–2018 gody)”: utverzhdena rasporiazheniem Pravitel'stva RF ot 22 fevralia 2012 goda № 209-r [The federal target program “Culture of Russia (2012–2018)”: approved by the Federal Government on February 22, 2012, no 209-p]. (In Russ.). Available at: <http://fcpkultura.ru/new.php?id=9>.

УДК 008

ТЕХНОЛОГИЯ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, магистр музеологии, заведующая кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Сергеев Александр Викторович, доцент кафедры дизайна, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: aleksandr_3571@mail.ru

В статье изложены основные подходы к созданию и применению в музейном пространстве интерактивных технологий, которые представляют собой перспективное направление развития музеев. Одной из таких развивающихся интерактивных технологий является дополненная реальность, которая не может быть создана и существовать без применения современных информационно-коммуникационных технологий. Авторы считают, что дополненная реальность именно в музейной среде смогла бы решить

сразу несколько задач. Это и возможность комплексного осмотра экспонатов без вырывания их из контекста, возможность создания контекста, достижение максимальной коммуникации экспоната и посетителя, возможность введения интерактивности, а также вероятность быстрого внесения изменений в экспозицию в соответствии с тематикой проводимых в музее мероприятий. В статье приведены примеры уже существующих проектов с использованием технологии дополненной реальности как на базе музеев Кемеровской области, так и ведущих музеев страны. Обоснована необходимость внедрения данной технологии в музейное пространство региона. Кроме того, в статье приводятся примеры успешного использования еще одной технологии с элементами внутреннего видеомэппинга. Авторами предполагается, что музеи, которые используют элементы дополненной реальности, способствуют привлечению большего внимания посетителей по сравнению с традиционными музеями, так как данный музей выделяется из тысячи обычных, глубоко вовлекает аудиторию в проблему и является интерактивным.

Ключевые слова: музей, дополненная реальность, экспозиция, 3D-модель, виртуальное пространство, интерактивность, проект.

TECHNOLOGY OF AUGMENTED REALITY AS A PROMISING DIRECTION OF DEVELOPMENT OF MUSEUM SPACE AT THE PRESENT STAGE

Rodionova Daria Dmitrievna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Master of Museology, Head of the Department of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Sergeyev Aleksander Viktorovich, Associate Professor of Department of Design, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: aleksandr_3571@mail.ru

The article describes the main approaches to the development and use of space in the museum's interactive technologies, which represent a promising area of museums. One of these technologies is developing an interactive augmented reality that can not be created and exist without the use of modern information and communication technologies. The highest point of the demand for augmented reality technologies in museum activity has not yet been reached, however, many foreign and domestic museums are already using them to raise interest in museums and, consequently, improve their cultural and educational function. The authors believe that augmented reality in the museum environment could solve several problems. This and the possibility of a complex examination of exhibits without pulling them out of context, the possibility of creating the context, maximizing communication and exhibit visitor, the possibility of introducing interactivity, and the possibility of rapid changes in the exposure to the subject of ongoing activities at the museum. The article gives examples of existing projects using augmented reality technology on the basis of the museums of Kemerovo region and the country's leading museums. The article grounded the necessity of introduction of this technology in the museum space in the region. In addition, the article provides examples of the successful use of another technology with elements of the internal projection mapping. The authors suggest that museums, which use elements of augmented reality, contribute to attracting more attention of visitors compared to traditional museums, as the museum stands out from the thousands of ordinary, deep inside, attracts an audience of the problem and is interactive.

Keywords: museum, augmented reality, exposure, 3D model, the virtual space, interactivity, project.

На современном этапе развития общества становится все сложнее обходиться без информационно-коммуникационных технологий, которые проникают во все сферы нашей жизни, в том числе и в музей. Создание и применение в музейном пространстве интерактивных технологий

представляет собой очень перспективное направление развития музеев. Одной из развивающихся интерактивных технологий является дополненная реальность. Дополненная реальность не может быть создана и существовать без применения современных информационно-коммуникационных

технологий. Интерактивная (компьютерная) графика – это одно из направлений развития современных информационно-коммуникационных технологий, с помощью которых посетитель имеет возможность оперативно вносить изменения в изображение непосредственно в процессе его воспроизведения и взаимодействовать с ним, то есть предполагается возможность работы с графикой в режиме диалога в реальном масштабе времени. Это своего рода преобразователь визуального контента, отображенного на компьютере. Он может принимать различные формы. Интерактивная графика позволяет пользователям работать с информацией, взаимодействовать с ней и управлять ею. Интерактивная графика делает потребление контента активным.

За последние несколько лет технология дополненной реальности совершила огромный скачок в развитии и расширении сфер применения. Пик востребованности технологий дополненной реальности в музейной деятельности еще не достигнут, однако многие зарубежные и отечественные музеи уже используют их для повышения интереса к музеям и, соответственно, улучшения их культурно-образовательной функции. Одним из «передовиков» в использовании данной технологии в экспозиционном пространстве является Государственный Дарвиновский музей. Благодаря технологии дополненной реальности, словно в фантастическом фильме животные оживают и покидают свои витрины. Гости музея могут сфотографироваться с ними или записать видео. В проекте участвуют не похожие друг на друга представители фауны нашей планеты.

С первого взгляда, экспозиция музея осталась прежней, однако стоит занять определенное место («встать на волшебную кнопку»), и мир вокруг преобразуется – на огромном экране прямо перед посетителем животные в витринах неожиданно оживают и стремглав бросаются к экскурсантам. Знакомство происходит в онлайн режиме, не оставляя сомнений в реальности происходящего [1].

Использование дополненной реальности в музее включает возможности рассмотреть 3D-модель чего-либо (например, экспоната, природного явления), взаимодействовать с местом нахождения в режиме реального времени, играть в игры. Включение посетителей как участников

реального процесса увеличивает их интерес к музеям. На наш взгляд, музеи активно подхватывают преимущества рассматриваемой технологии, и в целом ожидается рост объема использования дополненной реальности в данных учреждениях культуры.

Подобный передовой опыт уже используется и в музеях Кемеровской области. Так, например, в феврале 2015 года в рамках Научно-творческого форума с международным участием «Историко-культурное и природное наследие как основа развития внутреннего туризма в регионе» КемГУКИ представил проект «Восьмое чудо Кузбасса». Это 3D-проекция **пси́ттакоза́вра сиби́рского**, найденного на территории Чебулинского района Кемеровской области. Создание интерактивного динозавра состояло из нескольких этапов:

Первый этап – изучение и анализ графического материала (фотографии найденных костей динозавра, палеонтологических рисунков динозавра), для создания 3D-модели сначала был воссоздан скелет. Эту работу можно сравнить с собиранием головоломки-пазла, в которой недостаёт многих кусочков, с помощью современных программ 3DSMAX и ZBrush был смоделирован скелет пси́ттакоза́вра сиби́рского.

Второй этап – моделирование мускулатуры динозавра. Он базируется на уже созданной модели скелета. На окаменевших костях, найденных учеными, сохраняются неровности, по которым можно судить, как именно к ним прикреплялись сухожилия и мышцы, какого они были размера и как работали. Конечно, здесь не обойтись без хорошего знания строения современных животных. Базируясь на этих знаниях, была создана 3D-модель пси́ттакоза́вра сиби́рского.

Третий этап – технический. Создание интерактивной модели включает в себя монтаж и настройку видеопроекционного оборудования, установку проектора Panasonic PT-VX510E на кронштейн, потолочный монтаж, настройку проектора, выбор режима работы, выбор проекционного расстояния, установку углов проецирования, наложение видеоизображения с учетом формы проекционной конструкции. Изготовление трансформируемой металлической конструкции (алюминиевый профиль) для монтажа проекционного голографического экрана, монтаж проекционного экрана (320x430 см).

Данный проект вызвал огромный интерес и, на наш взгляд, может найти свою дальнейшую реализацию как на базе Кемеровского областного краеведческого музея, в рамках экспозиции отдела природы, посвящённой палеонтологическим раскопкам, проведенным на территории Кемеровской области, так и в Чебулинском районном краеведческом музее, то есть в непосредственной близости от места находки пситтакозавра сибирского.

Данному проекту предшествовала реализация нескольких мультимедийных проектов на базе Кемеровского областного краеведческого музея, начиная с 2012 года:

- Видеоинсталляция «Тайна древней маски»;
- Видеоинсталляция «Рождество Христово»;
- Видеоинсталляция «Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский парк мелового периода».

В 2012 году в Кемеровском областном краеведческом музее была представлена выставка одного предмета – древней погребальной маски [4].

Маска является находкой мирового значения – это подлинный артефакт тесинского периода тагарской культуры, дошедший до наших дней в максимальной сохранности. Внутри маски заключен череп священного животного – овна (барана), который почитался в древности как верховное божество. Уникальная маска была обнаружена на территории Сибири в 1968 году при исследовании Шестаковского могильника. Для показа маски были применены современные проекционные технологии с элементами внутреннего видеомэппинга. Изображения проецировались непосредственно на витрину и на сам экспонат, что позволило показать 3D-модель маски в разрезе, а с помощью видеоряда на витрине создать атмосферу таинства погребения в тесинский период тагарской культуры.

В реализации выставочного мультимедийного проекта «Рождество Христово» были применены комбинированные проекционные технологии, видеоряд проецировался на четыре проекционные плоскости, расположенные пространственно на разном удалении, также при проецировании изображения на стену учитывались архитектурные особенности выставочного помещения. В целом сочетание технологий видеомэппинга с видеоконтентом и звуком дало возможность погрузить посетителей музея в атмосферу таинства Рождества Христова.

В рамках выставочного проекта «Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский парк мелового периода» была создана модель пситтакозавра сибирского, а также его скелета на основе иллюстраций российского палеохудожника А. А. Атучина. Используя новые проекционные технологии и материалы (в частности, прозрачную проекционную пленку), был изготовлен экран, на котором проецировалось трехмерное изображение динозавра с эффектом голографии. Проекционные технологии позволили наглядно представить информацию о раскопках динозавра, проводимых палеонтологическим экспедиционным отрядом Кемеровского областного краеведческого музея в районе села Шестаково Чебулинского района Кемеровской области [6].

Конечно, Кемеровский областной краеведческий музей не исключение. Современные проекционные технологии с элементами внутреннего видеомэппинга с большим успехом использует историко-культурный и природный заповедник «Томская Писаница» [3]. В экспозиции «Археодром: павильон погребений» на захоронение, относящееся к тагарской культуре, проецируется лазерное шоу, включающее определенные знаки и символы. В ближайших планах музея расширение данной экспозиции элементами дополненной реальности, которые будут демонстрировать обряд погребения того времени.

Однако создание музейной выставки с элементами дополненной реальности может вызвать некоторые сложности как технические, так и организационные. Такую выставку следует рассматривать как комплекс из двух элементов – технического и смыслового. С одной стороны, это компьютерная технология, для успешного функционирования которой требуется выполнение определенных алгоритмов, наличие специальных технических устройств, и создавать эту технологию пока могут только специалисты в сфере компьютерных и мобильных технологий. С другой стороны, музейная выставка с элементами дополненной реальности – это сложный информационный продукт, к которому необходимо подходить комплексно и серьезно, не забывая ни про один этап создания такой выставки, и заниматься этим должны специалисты.

Прежде всего, необходимо помнить, что технология дополненной реальности требует определенных технических возможностей.

Несмотря на большой потенциал дополненной реальности на различных мобильных платформах, прогресс в развитии данных технологии во многом демонстрируется через инновационные исследования и прототипы сложных устройств. С учетом развития современных технологий можно предположить, что не прошло еще нужное время для повсеместной реализации проектов с дополненной реальностью. Можно проанализировать основные причины этого. Очевидно, что цифровые технологии и вычислительные мощности постоянно возрастают, но все же остаются некоторые проблемные области. К их числу можно отнести вопрос миниатюризации технической продукции, разработка соответствующих таким устройствам источников энергий и систем вентиляции. Вместе с тем, к этому добавляются новые вычислительные стандарты, которые обязательно надо учитывать при вводе в эксплуатацию какого-либо продукта, использующего технологии дополненной реальности.

Существуют также и определенные внешние условия, которые необходимо учитывать. Например, если мы имеем дело с использованием какой-либо технологии дополненной реальности на улицах, то должны учитываться специфические особенности уличной среды, начиная от температуры и заканчивая технологиями цифровой передачи [7].

Существуют другие варианты прикладного применения технологий дополненной реальности при помощи вычислительных систем. Например, в киноиндустрии давно применяется виртуальная реальность. А сегодня технически совершенные компьютеры занимаются наложением виртуальных объектов на видеозапись с физическими объектами. Несмотря на это, все еще остается пласт таких задач в этом процессе, который человек выполняет вручную самостоятельно. И это порой занимает большое количество времени. Вместе с тем, стоит задача максимальной детализации объектов, создание графически очень сложных, но реалистичных объектов.

Но также следует учесть ряд проблем и потенциальных угроз, которые могут возникнуть при внедрении технологии дополненной реальности в музейную среду. Одной из важнейших проблем является возможное уничтожение традиционной статичной музейной среды, какой мы привыкли ее видеть. Это может повлечь за собой

полное изменение концепции музеев в плане подачи информации, а также привести к пресыщению информацией в музее, особенно в формате 3D, повышенному утомлению, усталости от потока информации, созданию дополнительного информационного шума в музейной среде. Нанесение определенного урона музейным экспонатам, например выцветание экспоната из-за постоянно направленного на него света от проектора, повышение температуры в экспозиционном помещении и т. п. Но к таким последствиям данная технология может привести при неграмотном ее использовании, при корректном же ее применении повысится привлекательность музея. Правильное использование дополненной реальности и внедрение ее именно в культурно-образовательную музейную среду позволит при посещении музеев получать в комплексе эстетическое восприятие, новое знание и образование. Технология будет стимулировать проявление самостоятельности, инициативы и творчества.

Обратим внимание на интересный факт: человек запоминает 10 % информации, которую слышит, помнит 20 % прочитанного, запоминает 80 % того, что видит и делает [2]. И если мы говорим о том, что человек запоминает 80 % того, что видит и делает, то в этом случае объединяются два канала восприятия информации: визуальный и кинестетический. Секрет эффективности интерактивной технологии как раз заключается в активации визуального и кинестетического каналов восприятия.

Иными словами, технологии дополненной реальности заставляют человека совершать какие-либо целенаправленные действия во время получения информации. Это значительно облегчает передачу и усвоение информации.

Именно поэтому в современном музейном пространстве становится очень важным процесс освоения и применения в экспозициях интерактивных технологий – дополненной реальности, – так как с помощью нее безгранично расширяются возможности работы с музейными экспозициями.

Виртуальное пространство, создаваемое современными компьютерными технологиями, а именно сочетание приемов и инструментов, которые позволяют создать объемные предметы и объекты при помощи формы и цвета. Объекты и персонажи, которые в нем создаются и существуют, являются виртуальными, то есть немате-

риальными. Само пространство при этом проектируется с помощью специальных программ для 3D-моделирования [8].

Создание трехмерных объектов, полностью имитирующих реальные прототипы на основе исследований ученых, позволяет воссоздать утраченные виды флоры и фауны, традиционную одежду и обряды и т. д., что в свою очередь открывает безграничные возможности представления экспонатов в музейных экспозициях [8].

Значимость технологии дополненной реальности сложно переоценить, так как это – единственная технология, которая так стремительно проделала путь от компьютерных игр, где она выполняет развлекательную функцию, до сложных медицинских аппаратов, неся в себе общественную пользу. Несмотря на то, что эта отрасль стала расширяться и расти совсем недавно, сегодня она одна из самых перспективных сфер в области компьютерных технологий. Связано это с повсеместным распространением современной электроники, планшетов, смартфонов, с помощью которых возможно использование данной технологии не только для научных и технических целей, но и в повседневной жизни.

Дополненная реальность именно в музейной среде смогла бы решить сразу несколько задач. Это и возможность комплексного осмотра экспонатов без вырывания их из контекста, возможность создания контекста, достижение максимальной коммуникации экспоната и посетителя, возможность введения интерактивности, а также вероятность быстрого внесения изменений в экспозицию в соответствии с тематикой проводимых в музее мероприятий. Дополненная реальность в музее – большие возможности на небольшом пространстве. Учитывая рост интереса потребителей к дополненной реальности, внедрение ее в музейную среду сможет повысить интерес к музеям и, соответственно, улучшить их культурно-образовательную функцию [5].

Следовательно, можно сделать вывод, что музеи с использованием элементов дополненной реальности способствуют привлечению большего внимания посетителей по сравнению с традиционными музеями, так как данные музеи выделяются из тысячи обычных, глубоко вовлекают аудиторию в проблему и становятся интерактивными.

Литература

1. Государственный Дарвиновский музей [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.darwinmuseum.ru/> (дата обращения: 08.09.2015).
2. Знакомство с UnrealEngine [Электронный ресурс]. – URL: <http://habrahabr.ru/post/185232/> (дата обращения: 03.09.2015).
3. Историко-культурный и природный заповедник «Томская Писаница» [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.gukmztp.ru/> (дата обращения: 03.09.2015).
4. Кемеровский областной краеведческий музей [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.kuzbasskrai.ru/> (дата обращения: 03.09.2015).
5. Родионова Д. Д., Реховская Т. А. Современные подходы к музейному источниковедению // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 53–57.
6. Сергеев А. В. Современное компьютерное искусство как перспективное направление творчества (на примере развития музейного пространства Кемеровского областного краеведческого музея) // Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России: сб. науч. ст. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2015. – С. 223–230.
7. Фролов А. А., Бычков И. Г., Щербатский В. Б. Управление выставочной деятельностью с использованием информационных технологий: моногр. / под общ. ред. проф., д-ра экон. наук Е. Д. Фроловой. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – С. 56–71.
8. Что такое 3D-графика? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ixbt.com/video/3dgrafx.html>. – Загл. с экрана.

References

1. Gosudarstvennyi Darvinovskii muzei: ofitsial'nyi sait [State Darwin Museum: official site]. (In Russ.). Available at: <http://www.darwinmuseum.ru/> (accessed 08.09.2015).
2. Znakomstvo s UnrealEngine [Familiarity with UnrealEngine]. (In Russ.). Available at: <http://habrahabr.ru/post/185232/> (accessed 04.09.2015).

3. Istoriko-kul'turnyi i prirodnyi zapovednik "Tomskaiа Pisanitsа": ofitsial'nyi sait [Historical, cultural and nature reserve "Tomskaiа Pisanitsа": official site]. (In Russ.). Available at: <http://www.gukmztp.ru/> (accessed 03.09.2015).
4. Kemerovskii oblastnoi kraevedcheskii muzei: ofitsial'nyi sait [Kemerovo Regional Museum: official site]. (In Russ.). Available at: <http://www.kuzbasskray.ru/> (accessed 03.09.2015).
5. Rodionova D.D., Rekhovskaiа T.A. Sovremennnye podkhody k muzeinomu istochnikovedeniiu [Current approaches to the museum source study]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no 32, pp. 53–57. (In Russ.).
6. Sergeev A.V. Sovremennoe komp'yuternoe iskusstvo kak perspektivnoe napravlenie tvorchestva (na primere razvitiia muzeinogo prostranstva Kemerovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia) [The modern computer art as a promising area of creativity (for example, the development of the museum spaces of the Kemerovo Regional Museum)]. *Vnutrennii turizm kak osnova ustoichivogo razvitiia regionov Rossii [Domestic tourism as a basis for sustainable development of the regions of Russia]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2015, pp. 223–230. (In Russ.).
7. Frolov A.A., Bychkov I.G., Shherbatskii V.B. Upravlenie vystavochnoi deiatel'nost'iu s ispol'zovaniem informatsonnykh tekhnologii: monografiа [Management of exhibition activities with the use of information technology: Monograph]. Ed. E.D. Frolova. Ekaterinburg, UrFU Publ., 2014, pp. 56–71. (In Russ.).
8. Chto takoe 3D-grafika? [What is a 3D graphics?]. (In Russ.). Available at: <http://www.ixbt.com/video/3dgrafx.html> (accessed 01.09.2015).

УДК 008

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ Г. КЕМЕРОВО: КЛАССИФИКАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: prof_martynov@mail.ru

Леонов Евгений Евгеньевич, кандидат культурологии, заведующий отделом гражданско-патриотического воспитания детей и подростков, Центр дополнительного образования детей им. В. Волошиной (г. Кемерово, РФ). E-mail: lucky-number@mail.ru

Онюшева Елизавета Евгеньевна, объединение «Школа юного исследователя», Центр дополнительного образования детей им. В. Волошиной (г. Кемерово, РФ). E-mail: onyusheva0807@mail.ru

Раскрывается значение мемориальных досок, принципы и обоснование необходимости их установки. Дается анализ мемориализации как направления сохранения культурного наследия. Приводится термин «memory studies», характерный для принципа мемориализации. Перечислены исследователи, которые уделяли повышенное внимание трактовке термина «memory studies». В процессе исследования около 220 мемориальных досок составлена классификация из одиннадцати групп, согласно которой были проанализированы все мемориальные доски города. Все мемориальные доски также были разделены по пяти районам г. Кемерово (Центральный, Ленинский, Заводский, Рудничный, Кировский), что позволило сравнить их по нескольким компонентам, где выделены: стиль, шрифт, пояснительная информация о личности. Количественный состав мемориальных досок раскрыт по районам г. Кемерово. Обозначены четыре основные особенности, которые были выявлены в ходе исследования мемориальных досок г. Кемерово. Отмечены четыре основные проблемы, связанные с исследованием мемориальных досок, на основе которых поднимаются вопросы о муниципальном руководстве охраны мемориальных досок как объектов историко-культурного наследия. Акцентируется внимание на проблемах, связанных с сохранностью мемориальных досок, слабой степенью их популяризации и незаконным снятием, либо переносом с одного места на другое.

Ключевые слова: мемориальная доска, мемориализация, классификация, сохранность, группы.

MEMORIAL BOARDS OF KEMEROVO: CLASSIFICATION, PROBLEMS OF STUDYING, FEATURE OF RESEARCH

Martynov Anatoly Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: prof_martynov@mail.ru

Leonov Evgeny Evgenyevich, PhD in Culturology, Head of the Department of Civil and Patriotic Education of Children and Teenagers, the Center of Additional Education of Children of V. Voloshina (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lucky-number@mail.ru

Onyusheva Elizabeth Evgenyevna, Activist of the Association “School of the Young Researcher”, the Center of Additional Education of Children of V. Voloshina (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: onyusheva0807@mail.ru

Value of memorial boards, the principles of their installation, justification of need of installation of boards is revealed in the article. The analysis of a memorilization as the directions of preservation of cultural heritage is given. The term “memory studies”, characteristic for the principle of a memorilization is provided. Researchers who paid special attention to interpretation of the term “memory studies” are listed. In the course of research, about 220 memorial boards classification were classified in eleven groups according to which all boards of the city were divided. All memorial boards were also divided in five districts of Kemerovo (Central, Leninsky, Zavodsky, Rudnichny, Kirovsky) that allowed to compare them on several components where they are allocated: style of a board, font, explanatory information on the personality. The quantitative structure of memorial boards is opened on Kemerovo districts. Four main features which were revealed during research of memorial boards of Kemerovo are designated. Four main problems connected with research of memorial boards on the basis of which questions of municipal administration of protection of memorial boards as objects of historical and cultural heritage are brought up noted. The attention is focused on the problems connected with safety of memorial boards, weak extent of their promoting and illegal removal, or transfer of a board from one place on another.

Keywords: Memorial board, memorilization, classification, safety, groups.

Для современного общества важным и ценным является сохранение социально-исторического и культурного опыта. Мемориальные доски выступают наиболее массовой формой увековечивания исторической памяти общества художественными средствами наряду с памятниками архитектуры и скульптурными сооружениями. Становление и развитие мемориальной доски как вида искусства в мировой практике имеет длительный исторический срок, пройдя в своем развитии путь от надписей, сделанных на стенах, стелах, арках, колоннах, монет, до мемориальных досок в современном понимании. По сравнению с Европой, в России существовала своя многовековая традиция – отмечать важнейшие вехи истории народа сооружением церковных архитектурных памятников. Появление такого понятия увековечивания памяти как мемориальная доска в русской культуре приходится на на-

чало XIX века и связано с патриотическим подъемом в обществе после победы над Наполеоном в 1812 году [9, с. 1].

С. Ф. Рысаева отмечает, что сама мемориализация является важным компонентом культуры памяти в целом, целенаправленно изучаемой мировой наукой и обозначаемой англоязычным термином «memory studies», что значит – изучение памяти, понимаемой не в физиологическом, а в социально-культурном аспекте. Проблема так называемой коллективной памяти уже несколько десятилетий волнует европейских и русских ученых и политиков, в частности, в связи с необходимостью выработки политики памяти как инструмента социального управления [8, с. 186].

Инициатором исследований в рамках работы по трактовке термина «memory studies» стал последователь Э. Дюркгейма (E. Durkheim) французский философ М. Хальбвак (M. Halbwachs), идеи

которого получили затем поддержку и творческое развитие в работах Я. Ассмана (J. Assmann), П. Нора (P. Nora), Ф. Йейтса (F. A. Yates), П. Х. Хаттона (P. H. Hutton) [1, с. 45].

Исследования и дискуссии в данной области выявили ряд устойчивых проблем внутри «memory studies», успешность решения которых влияла на многие сложные вопросы, где главным являлась политическая стабильность как межнациональных отношений, которые очень важны для обществ любого исторического периода, так и отдельного государства в целом. Также стоит здесь отметить проблему исторической ответственности нации и вины за отдельные события, которые негативно сказывались на исторической действительности. Особо остро стоит проблема отражения исторических событий в «правильном русле», что выделяется в проблему «исторической памяти» и «исторической лжи», что особенно остро прослеживается в обществе XXI века. В данном случае, всё вышеописанное говорит именно о направлении изучения исторических образов в мемориальном искусстве, куда относятся, в том числе, и мемориальные доски (см. [8, с. 186–187]).

В центре такого исследования – именно категория исторической памяти. Это очень важный термин, так как коллективная память рассматривается как «общий опыт, пережитый людьми совместно», а историческая память трактуется как «совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и представлений социума об общем прошлом» (см. [1, с. 46]).

В данном случае мы особенно подчёркиваем именно проблемы коллективной памяти и несправедливость в отношении отражения исторической действительности, когда правда о войнах и событиях, или подвигах людей очень сильно искажается, создавая лживую ситуацию. Это серьёзная проблема общества, особенно обострившаяся после событий Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

А. В. Святославский считает, что одна из самых серьёзных проблем современной России заключается именно в увековечивании событий истории или лиц, а также правильности отражения трактовок этих событий. Он выделяет это и в качестве политического аспекта, то есть когда

политика играет роль в этом вопросе (см. [11]). Кроме того, есть такие проблемы, как: установка объектов памяти, их разрушение, их оценка обществом.

С. Ф. Рысаева отмечает, что важным является изучение мемориальной культуры естественным образом, что связано с практиками сохранения, изучения и использования культурного наследия в целом (см. [8, с. 186]).

Стоит отметить, что в среде обитания, взятой в качестве источника материалов для исследования, выделяются архитектурно-скульптурные мемориальные сооружения, памятные знаки, надписи, памятные наименования тех или иных установлений, включая мемориальную топонимику, мемориальные комплексы и др. Категория памятников, являющих собой знаки намеренного увековечения, позволяет наиболее полно выявить, что именно хотела передать та или иная культура будущему [8, с. 187].

Факты открытия мемориальных досок, посвященных тому или иному событию и деятелю, или само намерение увековечить таким образом память о знаменитом человеке были и остаются важным информационным поводом в общественной жизни города, предметом обсуждения заинтересованных сторон [1, с. 48–49].

Изучение проблемы мемориальных досок как знака исторической памяти связано с аспектами философского осмысления, политической практики и правового регулирования. Мемориальная доска является наглядной репликой истории, позволяющей нашим современникам зримо вообразить ту или иную эпоху через представленное в ней содержание события или строку биографии исторического деятеля. Их легче поместить в окружающий архитектурный ландшафт. Становясь составным элементом городской среды, мемориальные доски, как правило, более «деликатно» вписываются в социокультурное пространство, не требуют специальной, дополнительной его организации, как в случае с архитектурно-скульптурными мемориальными сооружениями (см. [1, с. 49]).

Таким образом, политика памяти может использоваться в качестве инструмента социального управления. Так, проблемы установки, разрушения, восстановления памятников, выбора тех или

иных форм увековечения, обсуждение художественных достоинств монументов – все эти вопросы по-прежнему пребывают в числе наиболее актуальных для общественной и политической жизни, в том числе и в нашей стране (см. [1, с. 4]).

Согласно действующему законодательству об объектах культурного наследия, к компетенции Министерства культуры, Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области (государственного органа) относятся вопросы государственной охраны, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия, относящихся к памятникам мемориального искусства. Сегодня в Кузбассе под государственной охраной состоят 65 объектов культурного наследия, относящихся к памятникам мемориального искусства, посвященных событиям Великой Отечественной, Гражданской войн, шахтерской памяти. Введение списка иных памятных мест и сооружений, не являющихся объектами культурного наследия, не входят в компетенцию госоргана, а относятся к полномочиям муниципального образования. К ним, в частности, относятся мемориальные доски [8, с. 187]. Мемориальные доски города Кемерово создавались в рамках политико-массового искусства последних 50 лет XX века, с характерными особенностями, присущими в целом искусству страны этого периода [9, с. 2].

С. Ф. Рысаева отмечает, что к 2013 году в г. Кемерово установлено около 212 мемориальных досок. Каждая мемориальная доска обладает своей самодостаточностью, но именно в ансамбле они осуществляют главную содержательную идею – сохранение истории города для потомков, увековечение памяти о памятных событиях и выдающихся людях, внесших значительный вклад в становление и развитие города как крупного промышленного и культурного центра Западной Сибири [2]. В мемориальных досках воплощены традиционные для России идеалы человека – война и государственного деятеля. В основе создания мемориальных досок города Кемерово лежат мотивы торжественного содержания, символизирующие трудовые подвиги, героизм и боевые заслуги; мотивы скорби и смирения, сочувствия жертвам вооруженного конфликта, погибшим и тем, кто это пережил; мо-

тивы бессмертия деяний и подвигов выдающихся людей государства и города в благодарной памяти потомков [9, с. 3–4].

Стоит отметить несколько особенностей мемориальных досок г. Кемерово:

1. Выполнены они, как правило, из мрамора, металла, гранита и гипса.

2. При их изготовлении использовались классические технические приемы – чеканка, литье, ковка.

3. Они отличаются друг от друга в зависимости от формы. Чаще всего они по горизонтали прямоугольные (например, по адресу: ул. Красная, 9), есть вертикальные (например, по адресу: пр. Ленина, 77), несколько, фактически, напоминают по форме квадрат (например, по адресу: пр. Ленина, 77).

4. Шрифты на них отличаются и представляются специфическими.

К осени 2015 года нами было исследовано около 220 мемориальных досок. На основе проведенной работы мы выявили 11 групп, в которые включили мемориальные доски:

1) посвященные основателям города (в том числе и памятные камни);

2) посвященные революционным событиям и событиям Гражданской войны;

3) посвященные историческим памятникам и объектам трудовой славы г. Кемерово;

4) посвященные событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов;

5) являющиеся частью памятников и мемориалов;

6) посвященные сотрудникам силовых структур, героям локальных войн и вооруженных конфликтов;

7) посвященные выдающимся жителям г. Кемерово и Кемеровской области;

8) посвященные жизнедеятельности Героев Социалистического Труда;

9) посвященные историческим событиям или личностям, в честь которых были названы улицы;

10) находящиеся на религиозных объектах (соборы, храмы, церкви, часовни);

11) охранные мемориальные доски.

В настоящее время никто не занимается мемориальными досками и не следит за их место-

положением и состоянием. Поэтому возникает слишком много вопросов, связанных с ними. Мы выделили самые основные проблемы:

1. Проблема доступа к мемориальным доскам.
2. Сохранность мемориальных досок.
3. Незаконное снятие мемориальных досок.
4. Перенос мемориальных досок в другое место.

В ходе исследования мы столкнулись с проблемой сохранности мемориальных досок. Например, на улице Шорникова, 1, располагается мемориальная доска в честь Героя Советского Союза Н. А. Шорникова. Во время ремонта под аптечный офис здание покрыли сайдингом, предварительно не сняв мемориальную доску, что привело к ухудшению ее состояния. После придания ситуации огласки в средствах массовой информации возле здания возвели демонстрационную стелу, на которую установили мемориальную доску.

Отдельно стоит выделить случай, связанный с мемориальной доской, посвященной Н. И. Бачинину, которая располагалась по адресу: ул. Весенняя, 2, где находится кафе «LeMur». Мемориальная доска была прикрыта шторками на летней веранде, даже персонал кафе не знал о её существовании. В итоге мемориальная доска была закрыта от общего обозрения, и лишь после оповещения администрации кафе об этической стороне вопроса мемориальная доска была перевешена на другое место на том же здании.

Много вопросов вызывает мемориальная доска И. Р. Васильеву. Дело в том, что она находится на здании, адрес которого относится к ул. 50 лет Октября, а не к ул. Васильева. Это связано с тем, что ранее дом, на котором установлена мемориальная доска, относился именно к ул. Васильева, а потом уже его отнесли к ул. 50-лет Октября (дом находится на пересечении двух улиц).

Мы выделили ещё одну проблему – доступ к мемориальным доскам. Например, доступ к мемориальной доске на здании Главного Управления МЧС России по Кемеровской области (ул. Красная, 11) возможен только с разрешения руководства, которое согласовывается по нескольким должностям. На исследование мемориальной доски выделяется не более 15 минут. Похожая ситуация обстоит с заводами, на территории которых также установлены мемориальные доски.

Доступ к ним открывается лишь при наличии официального письменного разрешения от организации с обоснованием причины фотосъемки либо знакомства с мемориальной доской.

В качестве примера проблемы несанкционированного сноса мемориальных досок следует упомянуть доску, посвященную В. С. Зевакину, по адресу: ул. Васильева, 7. В здании начался ремонт под новый магазин, на время которого мемориальную доску снимали, она находилась в неизвестном месте. Рабочие не знали местонахождения мемориальной доски. Лишь после завершения ремонтных работ её вернули на прежнее место.

Сохранность мемориальных досок вызывает вопросы. В качестве примера стоит отметить, что на здании по ул. Кузбасская, 29, находятся две мемориальные доски – В. А. Мархинину и В. Н. Ясникову. В их состоянии есть отличия – мемориальная доска, посвященная В. Н. Ясникову, в сохранности, а посвященная В. А. Мархинину – в плохом состоянии. Проблема в том, что время установки мемориальных досок практически одинаковое, следовательно, одна мемориальная доска находится под постоянным присмотром, а другая – в полной безвестности. Во время поиска мемориальной доски, посвященной А. С. Щербакову, мы обнаружили, что она находится в непригодном состоянии: очень пыльная, некоторые буквы уже стерлись, становится трудно воспринимать информацию, теряется смысловая нагрузка.

Все мемориальные доски отличаются друг от друга. Например, некоторые мемориальные доски, посвященные какой-либо выдающейся личности, содержат много информации о данном человеке, а на других – почти ничего не написано. Например, на мемориальной доске, посвященной Л. И. Донбаю, полностью раскрыта информация о его деятельности: «Это здание построил в 1953–1954 годах один из первых архитекторов нашего города Донбай Лаврентий Иванович (1909–1993)», а мемориальная доска, посвященная писателю Вилю Рудину, – не содержит такой подробной информации о человеке: «В этом доме жил и работал писатель Виль Рудин», – не указаны даже годы жизни писателя. Хотя это, скорее всего, связано с изменениями в принципах установки мемориальных досок в России на разных исторических этапах.

При фотосъёмке мемориальной доски, посвящённой Вере Волошиной, на школе № 12, мы обнаружили, что наполовину она закрыта недавно установленным козырьком крыши, и в связи с этим её внешний вид является неполным. Это говорит о слабом контроле над мемориальными досками, которым не всегда уделяется должное внимание.

Проанализировав сведения о мемориальных досках, мы сделали следующие выводы:

1. Мемориальная доска является одной из наиболее важных форм увековечивания памяти.

2. В России мемориальные доски появились в XIX веке.

3. Установка мемориальных досок позволяет отразить «коллективную память» народа в правильном русле.

4. По данным Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, мемориальные доски относятся к полномочиям муниципального образования.

5. В г. Кемерово установлено около 220 мемориальных досок.

6. По большей части мемориальные доски устанавливались к юбилейным датам.

7. Внешне мемориальные доски сильно менялись на разных исторических этапах развития.

8. В Центральном районе располагается 45 вертикальных мемориальных досок, что составляет 36,5 % от всех мемориальных досок района; 63,4 % – 78 горизонтальных мемориальных досок.

9. В Центральном районе установлены 63 мемориальные доски с изображениями людей, что составляет 51,2 %, а 60 – не содержат изображений людей (48,7 %).

10. В Центральном районе имеется 53 мемориальные доски (43 %), которые содержат развёрнутую информацию о том, в честь кого они установлены, но 70 (56,9 %) – недостаточно полно раскрывают информацию.

11. Только в Центральном районе установлены памятные камни (посвящены Михайло Волкову и Щегловым).

12. Большее количество мемориальных досок в Рудничном районе посвящены сотрудникам силовых структур, Героям локальных войн и вооружённых конфликтов (7 мемориальных досок).

13. Самое меньшее количество мемориальных досок в Рудничном районе относится к трем группам. Это мемориальные доски, посвященные выдающимся жителям г. Кемерово и Кемеровской области (одна мемориальная доска); жизнедеятельности Героев Социалистического Труда (одна мемориальная доска) и находящиеся на религиозных объектах (соборы, храмы, церкви, часовни) (одна мемориальная доска).

14. В Рудничном районе расположено 9 вертикальных мемориальных досок (36 %) и 16 – горизонтальных (64 %).

15. В Рудничном районе установлено 9 мемориальных досок с изображениями людей (36 %), 16 – без изображений людей (64 %).

16. В Рудничном районе имеется 18 мемориальных досок, где раскрыта информация о том, в честь кого они установлены (72%) и 7 – где недостаточно полно раскрыта информация (28 %).

17. Большее количество мемориальных досок в Заводском районе посвящены событиям Великой Отечественной войны (9 мемориальных досок).

18. Самое меньшее количество мемориальных досок в Заводском районе относится к четырем группам. Это мемориальные доски, посвященные сотрудникам силовых структур, Героям локальных войн и вооружённых конфликтов (одна мемориальная доска); выдающимся жителям г. Кемерово и Кемеровской области (одна мемориальная доска); жизнедеятельности Героев Социалистического Труда (одна мемориальная доска), охранные мемориальные доски (одна мемориальная доска).

19. В Заводском районе расположено 6 (27,2 %) вертикальных мемориальных досок и 16 – горизонтальных (73 %).

20. В Заводском районе установлено 6 мемориальных досок с изображениями людей (27,2 %) 16 – без изображений людей (73 %).

21. В Заводском районе имеется 10 мемориальных досок, где информация о том, в честь кого они установлены, раскрыта полностью (45,4 %) и 12 – где информация раскрыта недостаточно (55 %).

22. Большее количество мемориальных досок в Кировском районе посвящены историческим событиям или личностям, в честь которых были названы улицы (11 мемориальных досок).

23. Самое меньшее количество мемориальных досок в Кировском районе относятся к двум группам. Это мемориальные доски, посвящённые основателям города (одна мемориальная доска) и находящиеся на религиозных объектах (соборы, храмы, церкви, часовни) (одна мемориальная доска).

24. Большее количество мемориальных досок в Ленинском районе посвящены событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (4 мемориальные доски).

25. Самое меньшее количество досок в Ленинском районе относятся к двум группам. Это мемориальные доски, посвящённые сотрудникам силовых структур, Героям локальных войн и вооружённых конфликтов (две мемориальные доски) и выдающимся жителям г. Кемерово и Кемеровской области (две мемориальные доски).

26. В Кировском районе расположено 9 вертикальных мемориальных досок (31 %) и 20 – горизонтальных (68,9 %).

27. В Кировском районе имеется 6 мемориальных досок с изображениями людей (20,6 %) и 23 – без изображений людей (79,3 %).

28. В Кировском районе установлено 10 мемориальных досок, где достаточно полно раскрыта информация о том, в честь кого они установлены (34,4 %), и 19 – где информация не раскрыта (65,5 %).

29. В Ленинском районе нет вертикальных мемориальных досок, то есть все имеющиеся 8 мемориальных досок являются горизонтальными (100 %).

30. В Ленинском районе установлено 5 мемориальных досок с изображениями людей (62,5 %).

Исследование мемориальных досок – сложная задача. Несмотря на то, что они, с одной стороны, являются значимой чертой исторической памяти, с другой – практически не изучаются и не охраняются. Именно поэтому необходимо привлекать больше внимания к их исследованию и охране, чтобы ситуация хоть немного менялась в лучшую сторону. Большая часть мемориальных досок установлена в честь выдающихся людей, сыгравших значимую роль в развитии Кузбасса или России. Мы считаем, что в современном обществе мемориальным доскам уделяется слишком мало внимания.

Литература

1. Беседина Е. А., Буркова Т. В. «В этом здании жил и работал...»: мемориальные доски как образ исторической памяти // Тр. ист. фак. С.-Петербург. ун-та. – 2013. – № 16. – С. 45–67.
2. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. Р-18. – Оп. 6. – Ед. хр. 176.
3. Декрет о памятниках Республики / Декрет СНК от 12 апр. 1918 года. – Декреты Советской власти. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1959. – Т. II: 17 марта – 10 июля 1918 года. – С. 95–96.
4. Доронина Л. Н. Памятники и мемориальные доски 1920–1930-х годов // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2012. – № 2. – С. 164–171.
5. Заболотный Н. Мемориальные доски Центрального района г. Кемерово // Я – Кемеровчанин: мат-лы V город. поисково-краевед. конф., 5 апреля 2012 года / под общ. ред. Е. Е. Леонова. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2013. – С. 280–285.
6. Медальерное искусство [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Медальерное_искусство (дата обращения: 22.02.2014).
7. Песков О. В. Мемориальные доски Москвы. – М.: Московведение: Московские учебники, 2009. – 336 с.: ил.
8. Рысаева С. Ф. Мемориальная доска как историческая и художественная память города Кемерово // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 21. – С. 186–193.
9. Рысаева С. Ф. Мемориальная доска как историческое и художественное наследие города Кемерово (вторая половина XX – начало XXI века) [Электронный ресурс] // Науч. электрон. архив. – URL: <http://econf.rae.ru/article/7471> (дата обращения: 18.02.2013).
10. Рысаева С. Ф. Мемориальные доски города Кемерово // Балибаловские чтения: мат-лы VII науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию город. статуса Кемерово, июнь 2013 года. – Кемерово: Примула, 2013. – С. 134–139.
11. Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: К истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2011. – 53 с.
12. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Российская газета. – 29.06.2002. – № 116–117.

References

1. Besedina E.A., Burkova T.V. “V etom zdanii zhil i rabotal...”: memorialnye doski kak obraz istoricheskoi pamiati [“In this building I lived and I worked ...”: memorial boards as image of historical memory]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta [Works of department of history of the St. Petersburg university]*, 2013, no 16, pp. 45–67. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti. F. R-18. Op. 6. Ed. hr. 176. (In Russ.).
3. Dekret o pamiatnikakh Respubliki [The decree about monuments the Republic]. Dekret SNK ot 12 aprelia 1918 goda. Dekrety Sovetskoj vlasti. Tom II. 17 marta – 10 iulija 1918 goda [Decree of SNK of April 12, 1918. – Decrees of the Soviet power. Volume II. On March 17 – on July 10, 1918]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1959, pp. 95–96. (In Russ.).
4. Doronina L.N. Pamiatniki i memorial'nye doski 1920–1930-kh godov [Monuments and plaques 1920–1930]. *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury [Burganov House. Space Culture]*, 2012, no 2, pp. 164–171. (In Russ.).
5. Zabolotnyi N. Memorial'nye doski Tsentral'nogo raiona g. Kemerovo [Memorial boards of the Central district Kemerovo]. *Materialy V gorodskoi poiskovo-kraevedcheskoj konferentsii Ia – Kemerovchanin, 5 aprelia 2012 goda: [I am a Resident of Kemerovo: Materials V of the city search and local history conference, on April 5, 2012]*, 2013, pp. 280–285. (In Russ.).
6. Medal'ernoie iskusstvo [Medalyerny art]. (In Russ.) Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Медальерное_искусство (accessed 22.02.2014).
7. Peskov O.V. Memorial'nye doski Moskvy [Memorial boards of Moscow]. Moscow, Moskvovedenie Publ., Moskovskie uchebniki Publ., 2009. 336 p. (In Russ.).
8. Rysaeva S.F. Memorial'naia doska kak istoricheskaja i khudozhestvennaia pamiat' goroda Kemerovo [Memorial board as historical and art memory of the city of Kemerovo]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo state university of culture and arts]*, 2012, no 21, pp. 186–193 (In Russ.).
9. Rysaeva S.F. Memorial'naia doska kak istoricheskoe i khudozhestvennoe nasledie goroda Kemerovo (vtoraia polovina XX – nachalo XXI veka) [A memorial board as historical and art heritage of the city of Kemerovo (the second half of XX – the beginning of the XXI centuries)]. *Nauchnyi elektronnyi arkhiv [Scientific electronic archive]*. (In Russ.). Available at: <http://econf.rae.ru/article/7471> (accessed 18.02.2013).
10. Rysaeva S.F. Memorialnye doski goroda Kemerovo [Memorial boards of the city of Kemerovo]. *Balibalovskie chteniia: materialy sed'moi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 95-letiiu gorodskogo statusa Kemerovo, iun' 2013 goda [Balibalovsky readings: materials of the seventh scientific and practical conference devoted to the 95 anniversary of the city status Kemerovo, June, 2013]*. Kemerovo, 2013, pp. 134–139. (In Russ.).
11. Sviatoslavskii A.V. Sreda obitaniia kak sreda pamiati: K istorii otechestvennoi memorial'noi kul'tury: avtoref. dis. d-ra kul'turologii [Habitat as memory environment: To history of domestic memorial culture: abstract of Dr culturology diss.]. Moscow, 2011. 53 p. (In Russ.).
12. Federal'nyi zakon ot 25.06.2002 № 73-FZ (red. ot 30.11.2011) “Ob ob”ektakh kul'turnogo nasledii (pamiatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii” [The federal law of 25.06.2002 No. 73-FZ (an edition of 30.11.2011) “About objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the people of the Russian Federation”]. *Rossiiskaia gazeta [Russian newspaper]*, 29.06.2002, no 116–117. (In Russ.).

УДК 008

«ЖИВОПИСЬ ЦВЕТОВОГО ПОЛЯ» МАРКА РОТКО

Купрякова Вера Сергеевна, аспирантка кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: verakuprjakova@gmail.com

Статья посвящена одному из самых известных художников второй половины XX века, имя которого Марк Ротко. Феномен живописи Ротко стал важной составляющей американского искусства. Живописец был ярким представителем такого направления, как абстрактный экспрессионизм. Пройдя длительный путь становления, художник пришел к «живописи цветового поля» и благодаря этому про-

славился на весь мир. Все творчество мастера пронизано мотивами трагедии, внутренних переживаний и поиска. На картинах Ротко соседствуют монолитные блоки чистого цвета с размытыми границами, которые он располагал на глухом фоне. Масштабные и красочные полотна Ротко находятся в коллекциях музеев мировых столиц и являются жемчужинами многих частных собраний. Стоимость картин Ротко неуклонно растёт и часто бьёт аукционные рекорды на торгах Sotheby's и Christie's. Посредством своих работ Ротко сумел показать всему миру глубину и мощь американской живописи и навсегда вписать своё имя в историю мирового искусства. Творчество Марка Ротко актуально и по сей день, так как он был настоящим новатором в сфере живописи.

В статье рассматриваются такие вопросы, как особенность творческого пути художника, а также специфика его новаторских исканий, обуславливающая проблемы становления новых тенденций в художественной культуре XX века. **Исследование затрагивает широкий круг вопросов, касающихся художественного языка, стиля как культурной универсалии и индивидуальности творчества Марка Ротко в мировом искусстве.**

Ключевые слова: абстрактный экспрессионизм, культура и искусство Америки, «живопись цветового поля», художественные практики, Марк Ротко, современное искусство.

THE “COLOR FIELD” OF MARK ROTHKO

Kupryakova Vera Sergeevna, Postgraduate, Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State Institute of Culture (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: verakupryakova@gmail.com

The article is devoted to the important and topical theme: the consideration of the phenomenon of paintings by Mark Rothko as an essential part of American cultural heritage of the twentieth century. To this day, many aspects of American art culture are still unexplored in context of natural sciences of culture. This is due largely limited range of sources: there are not many publications on this topic and they have in many respects art character. Interest in the artistic discoveries of the twentieth century, which was made by American artists, was always considerable in our country, but to the 1980s it was limited by ideological bounds. The quantity of publications, which were devoted to American art culture, increased because of the liberalization in the social and cultural spheres in Russia. However, it's not enough resumptive researches on cultural meanings of creation of American art leaders of the second half of the twentieth century and their role in the development of the global art process.

The article shows, how the work of Mark Rothko reveals the depth and power of American art. His innovative touches in painting fast went down in the history of world art. Rothko's special method is called the “color field.” Using the large-scale canvases, he arranged on them solid color blocks one on top of another. The boundaries of these rectangles are outlined softly and do not create barriers between “color fields.” Mark Rothko's art is meditative and has great depth. Using the technique of consecutive superposition of some colorful layers, paintings beam special light and to this day have a certain magnetism.

The article is called upon to attract attention to American artists of the second half of the twentieth century. Being one of the most bright representatives of this trend in painting as an abstract expressionist, Rothko became a leader and creator of the “color field.”

Based on analysis of Mark Rothko's art as the important element of the artistic process of the twentieth century, the research gives the idea of his place in world art culture. The article focuses on identifying the specificity of artistic style of Mark Rothko, and his creative heritage.

Keywords: abstract expressionism, culture and art of America, “color field,” artistic practices, Mark Rothko, modern art.

Свободный, струящийся цвет, поток сознания, сотканный из эмоций и переживаний, начало пути в новое, неизвестное нам измерение – все это

можно сказать о жизни и творчестве великого американского художника абстракциониста Марка Ротко. Именно он, один из немногих, показал

всему миру настоящую глубину американской живописи, её силу и мощь, способную вдохновлять людей и демонстрировать иной способ мироощущения. Ротко по-настоящему считал, что искусство призвано изменить мир, и его творчество это доказывает. Полотна мастера вызывают эмоциональное сопереживание, они подобны движению мысли, свободным ассоциациям и потоку сознания. В письме к художественным редакторам журнала «The New York Times», опубликованном в 1943 году, Марк Ротко и Адольф Готтлиб писали: «Для нас искусство – это путешествие в неведомый мир, в которое могут отправиться те, кто не боится рискнуть» [3].

Полотна художника представляют собой прямоугольники сплошного цвета с плавными, едва уловимыми границами, которые аккуратно расположены друг над другом на глухом фоне картины. Эти абстрактные работы внушительных размеров обладают особой аурой притяжения и магнетизма. Таинственно-мрачная атмосфера, царящая на полотнах, поражает воображение зрителя и вовлекает его в мир пульсирующего цвета и формы. Туманные цветовые плоскости выступают в качестве предвестников трагедии, отчаяния и экстаза одновременно. Они словно возвещают о необратимой конечности бытия, в финале которого наступает долгожданный катарсис и прозрение. По мнению художественного критика и искусствоведа Ирвинга Сандлера: «Подлинно трагичные – и в то же время величественные – работы Ротко вышли из темных недр его души и способны достигнуть потаённого мира любого человека» [5, с. 98–99]. Наблюдая за полотнами мастера с близкого расстояния, зрителя охватывает неподдельное чувство тревоги и одиночества, волны меланхолии способны накрыть с головой и погрузить в мир чувственного переживания и рефлексии. И то, что художник встал в плеяду абстракционистов, покончивших жизнь самоубийством, лишь добавляет в его творчество ещё большей трогательности.

Прежде чем стать одним из представителей такого направления американской живописи, как абстрактный экспрессионизм, сын евреев-эмигрантов, переехавших жить в Америку, прошёл длительный путь становления. Развитие творчества Марка Ротко проходило в Нью-Йорке в 30-е годы XX века, в эпоху джаза, когда в атмосфере обесиленного войной мира каждый житель был в поисках развлечений и беззаботного

веселья. Будущий всемирно известный художник обучался живописи в студии у кубиста Макса Вебера. На этих курсах к Ротко пришло понимание искусства, как особого способа самовыражения посредством цвета, линий и формы. Несмотря на это, Вебер оказал незначительное влияние на становление творческого гения Марка Ротко.

В своих художественных поисках будущий мастер, конечно, обращался и к фигуративной живописи. Доказательством этого служит серия работ, посвящённая нью-йоркскому метрополитену. Из этого цикла особого внимания заслуживает работа под названием «Вход в метро», написанная в 1938 году. На картине изображены фигуры людей, спускающихся в подземку, четкими линиями построена архитектура станции, но фокус внимания зрителя сосредотачивается совсем не на этом. Мрачная атмосфера подземного мира становится метафорой внутренних переживаний и тревог эпохи Великой депрессии в Америке, которая оставила неизгладимый след в сердцах ее жителей. Раннее творчество Ротко пронизано беспокойством, мотивами одиночества и тревоги. Люди на его картинах выступают индикаторами всеобщей подавленности и уныния. Жители мегаполиса погружены в свои переживания и мысли.

В 40-е годы полотна Марка Ротко, зачастую именуемые «Untitled» (что в переводе означает «без названия, безымянные»), демонстрируют нам беспокойные фигуры людей с оттенком тревоги и ужаса во взгляде. Такой предстаёт перед нами картина «Untitled», написанная в 1937–1938 годах, на которой изображена обнажённая девушка, стоящая в углу. Её взгляд обращён на зрителя и полон отчаяния, он внушает чувство дискомфорта и неприятия. От картины хочется отвернуться и перестать ощущать то беспокойство, которое тебе передаётся от наполненной холодом и мрачностью героини.

Ротко, как и многих других американских художников, не обошло стороной влияние сюрреализма, который пришел из Европы в то время. С переездом Дали в Нью-Йорк идеи нового художественного направления поражают современников и вызывают много споров и дискуссий. Будущие абстрактные экспрессионисты Марк Ротко, Барнетт Ньюмен и Адольф Готтлиб увлечены идеями и художественными приёмами новаторов Хуана Миро, Пита Мондриана, Макса Эрнста и Сальвадора Дали. На сюрреалистический период

в творчестве Ротко оказало влияние и увлечение им трудами Ницше, Фрейда, Юнга. Мастер от живописи с увлечением погрузился в исследование и изучение теорий бессознательного, архетипов и толкование сновидений. 40-е годы XX века становятся для Марка ещё одним этапом отхода от предметности в чистую абстракцию. Живопись этого периода наполнена мифологическими символами. Об этом свидетельствуют и нарочито мистические названия его картин: «Иерархические птицы», «Антигона», «Жертвоприношение Ифигении», на которых изображены фрагменты человеческих тел, ладони, сложенные в молитвенном жесте, картины не менее мрачные и трагичные, чем в начале его фигуративного творчества. Эта живопись, несомненно, носила медитативный характер и была наполнена внутренними переживаниями и эмоциями. Предчувствия новой мировой катастрофы оставили свой след на полотнах Ротко.

Ужасы Второй мировой войны и ее бессмысленность стали новым импульсом для творчества Марка Ротко во второй половине 40-х и 50-х годов. Близкий друг Ротко Барнетт Ньюмен тогда произнёс слова, ставшие манифестом для многих художников: «Больше нет никакой возможности писать так, как раньше, и то же самое, что раньше» [1, с. 54] – и сам оставил живопись на четыре года. Марк отправляется на поиски вдохновения в послевоенную Европу, во Флоренции он посещает выполненную по эскизам Микеланджело библиотеку Медичи, а также изучает живопись Рембрандта и Уильяма Тёрнера, своих кумиров в мире искусства. Но только работы Анри Матисса смогли оказать значительное влияние на дальнейшее творчество Ротко. Особенно его поразила картина под названием «Красная студия», перед которой он простоял несколько часов. Именно она произвела переворот в сознании всемирно известного в будущем мастера. Цветовые акценты «Красной студии» перевернули его восприятие. Французский новатор Матисс открыл для Ротко путь к мультиформам и чистому цвету, он словно подтолкнул его к разработке собственного стиля и художественных приёмов. Примером служит работа Марка Ротко 1948 года «Номер 9», в которой прослеживается влияние Анри Матисса. Завершающий этап в становлении Ротко как зрелого самобытного живописца наступил под влиянием ещё одно-

го известного художника – Клиффорда Стилла. «Цветовые поля» Стилла оказали решающее воздействие на всё последующее творчество Ротко. Его абстрактные цветовые плоскости открыли для Марка новое направление, в русле которого он работал все последующие годы. Художник отходит от фигуративного изображения и отдаёт свою живопись во власть цвета, света и формы.

После Второй мировой войны Меккой современного искусства становится Америка, в 1950-е годы ослабленный послевоенный Париж уступает арт-сцену сильному Нью-Йорку, который становится новатором в искусстве. Поиски приводят американских художников к новому художественному направлению, название которого – абстрактный экспрессионизм. Именно с этого художественного течения стоит говорить о подлинно американской живописи, наполненной глубиной, смыслом и богатой на выразительные средства. Художественный критик Гарольд Розенберг первый занялся исследованием абстрактного экспрессионизма и изложил его основные идеи и манифесты в известной статье «Американские художники действия», которая была опубликована в авторитетном журнале «ART news» (см. [4, с. 56–63]). В начале 50-х годов другой известный арт-критик Климент Гринберг при изучении нового стиля заметил два направления в его развитии. Одно из них было представлено Джексоном Поллоком, уже успевшим прославиться в то время своей новаторской техникой «дриппинг» (метод хаотичного распыскивания краски на поверхности холста). Другое направление абстрактного экспрессионизма – «живопись цветового поля», представленная в работах Клиффорда Стилла, Марка Ротко и Барнетта Ньюмена. Эта дихотомия существовала на протяжении всего царствования абстрактного экспрессионизма на художественной арене. Работа в направлении «живописи цветового поля» принесла Ротко славу и известность. С этого времени имя Марка Ротко было навсегда вписано в историю абстрактного экспрессионизма.

Полотна Ротко, созданные в послевоенное время, словно были призваны затронуть потаённые струны души каждого человека и настроить его на медитативный лад. Глубина и сила масштабных картин Ротко позволили ему стать наравне с Джексоном Поллоком, одним из выдающихся американских живописцев XX века,

и показать всему миру могущество американского искусства. Несмотря на то, что Климент Гринберг относил Ротко к представителям «живописи цветового поля», сам он не причислял себя к каким-либо художественным школам и течениям. Марк Ротко также отрицал, что в его работах заключены внутренние переживания и трагедия жизни, напротив, он говорил о том, что на полотнах представлен именно материальный мир во всей своей полноте и многообразии. Большие прямоугольники строгого цвета, созданные Ротко, соседствовали на простом глухом фоне картины и были мягко обрамлены по сторонам, теряя строгие очертания и размывая форму. Он умело пользовался цветом, как инструментом для достижения своей цели. Интерес к трагедии, катарсису и экстазу пронизывает все его творчество. В цветовом отношении живопись Марка была представлена оранжевым, красным, зеленым и маджентой. Стилистические инновации в рамках абстрактного экспрессионизма все же сделали Марка Ротко звездой «живописи цветового поля» и навсегда соотнесли его с этим направлением.

В конце 60-х годов живописный мир Ротко становится более мрачным и темным. Сочные красные, оранжевые и желтые цвета уступают место серым, темно-синим, землистым и черным краскам. Эти своеобразные абстрактные пейзажи словно становятся манифестами уныния и апатии духовного выражения. Но несмотря на эти перемены, данный период становится самым успешным в творчестве Марка Ротко, пиком его славы и признания художественного дарования общественностью. К сожалению, именно это время сопряжено с многочисленными депрессиями мастера, которые наложили отпечаток на последние годы его жизни.

Теперь перед нами Ротко классического периода творчества, представленного знаменитыми широкими цветовыми полосами, похожими на прямоугольные монолитные блоки, поставленные один поверх другого. Полотна внушительных размеров создают целостное и монументальное впечатление. Блоки цвета лишены четко очерченных границ и формы, по колориту они неоднородны и размыты. Кен Джонсон в статье «Прогресс живописи Марка Ротко», опубликованной в журнале «Art in review», достаточно точно отмечает: «Плоскость холста не несет и намек на изобра-

жение, они производят дивный эффект: их хочется рассматривать, к ним тянет приблизиться, они останавливают зрителя. Может быть, отсюда рождается ощущение, что они способны тормозить время» [2].

Картины Ротко представляют простые прямоугольники цвета. Но если смотреть на них буквально как на цветовые плоскости, то мы не сможем проникнуть во вселенную мастера и понять его художественный замысел. Цвет, размытые очертания, размер полотен – все это инструменты, посредством которых в зрителе пробуждаются эмоции, чувства и переживания. Поднимаясь из глубин души, они создают вибрации, которые входят в резонанс с картиной. Полотна Марка Ротко требуют определенной духовной подготовки при их восприятии. Не менее важным условием является и пространство, в котором живут картины. Сам художник призывал экспонировать их в помещениях с приглушенным светом, способных создать атмосферу таинственности и недосказанности. В такой обстановке цветовые пятна словно витают в воздухе, они способны вибрировать и излучать определенную энергетику. А рассматривать полотна, по мнению Ротко, необходимо с максимально близкого расстояния, чтобы граница между картиной и зрителем становилась еле уловимой и зыбкой. Окунаясь в работу Ротко, мы словно делаем шаг в неведомый мир, полный чувственности и экстаза.

Грандиозные по замыслу и исполнению работы Марка Ротко тяжело описывать. Они словно созданы для того, чтобы их воспринимать и черпать от них вдохновение, нежели писать о них. Представьте, что перед вами внушительных размеров картина, на которой блоки цвета плывут навстречу друг другу, образуя горизонтальные дуэты, трио и квартеты. Словно вам открывают новые сочетания цветов и переходов, невиданных до этого. Все одновременно просто, ясно и понятно, как если бы перед вами было абсолютное знание или истина. Краски на холст он наносил множественными слоями различных оттенков. Цветовая палитра варьировалась между теплыми и холодными сочетаниями. Используя технику наложения нескольких оттенков, мастер достигает уникального эффекта люминесцирующего и подвижного цвета. Края и боковины картины Ротко также окрашивал, поэтому их невозможно заключать в какие-либо рамы, так как при этом они по-

теряют свою целостность и станут искусственно ограниченными.

Волна успеха подарила Ротко множество заказов на его картины. Самый масштабный из них художник получил в 1958 году. Серия работ, выполненная Ротко, предназначалась для украшения ресторана «Four Seasons» в только что построенном небоскребе Сигрем-билдинг на Манхэттене. Архитектором новой высотки стал звёздный в то время Мисван дер Роэ. В ресторане царила атмосфера роскоши и богатства, самые влиятельные люди Нью-Йорка посещали это место. Работы Ротко по замыслу заказчика должны были подчеркнуть статус заведения и придать ему ещё больший лоск. Художнику была предложена хорошая цена за этот проект, и многие мастера по цеху сочли бы такой заказ как удачу и дополнительную возможность прославить своё имя среди представителей элиты города. Но только не Ротко... После многочисленных колебаний и уговоров со стороны жены, он все же принимается за работу, но когда полотна были готовы, он демонстративно возвращает аванс заказчику и оставляет картины у себя. Объяснить такое поведение художника просто, так как он неоднократно говорил о том, что его картины не будут висеть там, где богатейшие жители Нью-Йорка приходят показать себя и тратят кучу денег на развлечения.

Еще одним важным заказом для Ротко, который все же удалось претворить в жизнь, стал цикл из 14 холстов, написанных для экуменической церкви в Хьюстоне, расположенной при Католическом университете Святого Фомы. Благодаря Марку Ротко капелла приобрела вид раннехристианских баптистериев восьмиугольной формы. В народе постройку стали называть капеллой Ротко, это название и закрепилось за ней поныне. Фиолетово-черная гамма цветов создает настроение глубины, погружает зрителя в бездну сокровенного и скрытого от посторонних глаз. В оформлении капеллы отчетливо прослеживаются традиции русского мифотворчества и живописные приемы Казимира Малевича с его идеей квази-икон. Три триптиха и пять отдельных картин создают атмосферу медитативности и погружают зрителя в мир духовности. Такая обстановка настраивает посетителя капеллы на особый лад, затрагивая струны его души. Эти полотна словно созданы для того, чтобы открыться высшим силам, расплакаться и достичь катарсиса.

Но самому мастеру не удалось дожить до открытия капеллы в 1971 году.

Для Ротко наступает период мрачной меланхолии, связанный с проблемами в личной жизни, и он снова встает на путь творческих поисков. За несколько месяцев до своей трагической гибели Ротко пишет картину без названия, более известную как «Черный и серый». Здесь фирменный стиль Ротко претерпевает изменения, и на смену плавным формам и переходам приходят строгие границы, мерцающий цвет с переливами становится монохромным и однородным. Поверхность работы разделена на две части и ни одна не преобладает над другой. Черный цвет на картине похож на бескрайнюю вселенную без звезд, серый цвет напоминает лунную дорогу. Работы последних лет всё более носят запредельный характер, словно художник разрывает последние связи с внешним миром и отправляется в неведомое путешествие по просторам космоса.

Алкоголь и сигареты становятся его спутниками до конца жизни. С течением времени Марк все больше уходил в себя и целыми днями находился один в студии, слушая Моцарта и читая Ницше. Все это привело к тому, что 25 февраля 1970 года, приняв смертельную дозу антидепрессантов, Ротко перерезал себе вены. В мастерской художника, лежащего в луже собственной крови, нашел его ассистент. Таким трагическим образом на 67 году оборвалась жизнь великого новатора XX века.

На сегодняшний день гений Марка Ротко признан во всем мире, о чем свидетельствуют цены на его полотна. Аукционным рекордом для работ Марка Ротко является картина под названием «Оранжевое, красное, желтое», проданная в 2012 году на торгах Christie's за 86, 9 млн долл. На полотне расположены традиционные для Ротко блоки цвета, один поверх другого. Три цветных прямоугольника с плавными границами расположены на глухом фоне. Преобладает оранжевый цвет, который диктует настроение тревоги. На сегодняшний день это одна из самых дорогих картин послевоенного периода.

Гений абстракции, один из самых блестящих колористов второй половины XX века, мастер «живописи цветового поля» Марк Ротко навсегда оставил своё имя в истории мировой живописи. Его монументальные картины-мультиформы явились открытием для мира искусства и своео-

бразным призывом обратиться к духовности, познать неведомый мир за границами происходящего. На протяжении всей жизни Ротко стремился передать оттенки чувств и дать зрителю максимальную эмоциональную нагрузку. Неподдельное чувство трагизма сопровождало все его работы. Ротко оставил после себя более

800 картин, некоторые из которых стали жемчужинами коллекций всемирно известных музеев. Поныне Марк Ротко остаётся одним из самых именитых и узнаваемых художников второй половины XX века. В честь Ротко установлен памятник в его родном городе Даугавпилсе в Латвии, автором которого является Ромуальд Гибовский.

Литература

1. Гесс Б. Абстрактный экспрессионизм. – М.: Арт-родник, 2008. – 54 с.
2. Джонсон К. Прогресс живописи Марка Ротко [Электронный ресурс] // The New York Times. – URL: <http://www.nytimes.com/2004/02/06/arts/art-in-review-mark-rothko-a-painter-s-progress-the-year-1949.html>.
3. Письмо Марка Ротко и Адольфа Готлиба редакторам журнала The New York Times [Электронный ресурс] // Федерация современных художников и скульпторов. – URL: <http://fedartnyc.tumblr.com/post/82412858602/a-letter-from-mark-rothko-and-adolph-gottlieb-to>.
4. Розенберг Г. Американская живопись действия // Искусство. – 2008. – № 3. – С. 56–63.
5. Сандлер И. Воспоминания о Марке Ротко // Третьяковская галерея. – 2011. – № 31. – С. 98–99.

References

1. Gess B. Abstraktnyi ekspressionizm [Abstract Expressionism]. Moscow, Art-rodnik Publ., 2008. 54 p. (In Russ.).
2. Dzhonson K. Progress zhivopisi Marka Rotko [Progress painting by Mark Rothko]. *The New York Times*. (In Engl.). Available at: <http://www.nytimes.com/2004/02/06/arts/art-in-review-mark-rothko-a-painter-s-progress-the-year-1949.html>.
3. Pis'mo Marka Rotko i Adol'fa Gotliba redaktoram zhurnala [A Letter of Mark Rothko and Adolph Gottlieb to the editor of magazine]. *The New York Times*. (In Engl.). Available at: <http://fedartnyc.tumblr.com/post/82412858602/a-letter-from-mark-rothko-and-adolph-gottlieb-to>.
4. Rozenberg G. Amerikanskaia zhivopis' deistviia [The American action painting]. *Iskusstvo [Arts]*, 2008, no 3, pp. 56–63. (In Russ.).
5. Sandler I. Vospominaniia o Marke Rotko [Memories of Mark Rothko]. *Tret'iakovskaia galereia [Tretyakov Gallery]*, 2011, no 31, pp. 98–99. (In Russ.).

УДК 304.444

КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СМИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Деревцова Елена Анатольевна, соискатель, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, шеф-редактор ГТРК «Кузбасс» (г. Кемерово, РФ). E-mail: derevtzova@mail.ru

На базе анализа современной геополитической ситуации и вытекающего из неё обострения информационных войн показано как в условиях информационного противостояния («кто не с нами, тот против нас»), культурные установки журналиста (как российского, так и западного) трансформируются, утрачивают базовые культурно-ценностные установки свободной и объективной журналистики и сводятся, как во времена цензуры, к процессу согласований (с ситуацией, «курсом», «внутренним цензором», политикой редакции и т. п.) социально-статусных номинаций, сюжетов. Совокупность таких согласований формирует определенные стереотипные группы: «свои, наши», «другие», «чужие», которые транслируются населению, формируя его ценности, сознание и поведение.

Конституция РФ, закрепив народ источником власти политической, делает его и источником власти информационной, однако реальные рычаги влияния граждан на информационную политику воз-

можно лишь при независимости СМИ, журналистики и каналов коммуникации. В условиях ожесточенных информационных войн демократия СМИ всё чаще рассматривается как «пособничество» или «пятая колонна», сознательно разрушающая «монолитное единство». Сегодня журналисты уже не наблюдатели, а активные участники, «солдаты» информационных войн, где несут ощутимые потери. В относительно «мирное» время журналисты также мобилизованы на «символическое производство», продукт которого, конвертируясь в пространство коммуникации, во многом определяет эффективность государственного управления и вектор диалога в системе «общество – СМИ – власть».

Ключевые слова: средства массовой информации, информационные войны.

CULTURAL TRANSFORMATION OF MASS MEDIA IN THE INFORMATION WARS

Derevtsova Elena Anatolievna, Applicant, Kemerovo State University of Culture and Arts, Editor-in-Chief of the State TV and Radio Company “Kuzbass” (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: derevtsova@mail.ru

Today, behavior of the population largely depends on the content received with the mediation of the mass media showed the value of knowledge about current events. The behavior of citizens in the socio-political sphere is not only, and most of all – and not solely by reaction to events or the actions of the government, as a reflection of the derivative of the complex factors that influence on the formation which have media. They primarily participate in so-called information wars of modernity. In the article the modern problems of the freedom of journalism in the face of the deteriorating geopolitical situation and escalation of information wars against Russia. In terms of information confrontation, cultural attitudes of the journalist (both Russian and Western) quickly lose their basic cultural values of a free and objective journalism and periodistas power, are reduced as in the days of censorship, to compulsory approvals (with political and editorial course, in society, and often – and with his “inner censor”) social-status categories, stories. The totality of such approvals certain stereotyped forms of the group: “my, our,” “other,” “other,” which broadcast to the population, forming its values, consciousness and behavior. In modern democracy, the people, formally regarded as the source of political power, is not a source of government information. Mechanisms of influence of citizens on policy information act in the information democracy, independence of media, journalism and communication channels. In terms of fierce information wars, the media democracy is increasingly seen as “aiding” or “fifth column” deliberately destructive “monolithic unity.” Today, journalists are no longer observers, but active participants, “soldiers” of information wars, where are significant losses. In relatively “peaceful” time, journalists have also mobilized to “symbolic production,” the product of which, converts in the space of communication, largely determines the feedback in the management and direction of the dialogue between the authorities and society.

Keywords: media, information warfare.

В современных условиях поведение населения в значительной степени зависит от содержания получаемых им при посредничестве масс-медиа ценностно окрашенных знаний о текущих событиях. Поведение граждан в социально-политической сфере является не только, а чаще всего – и не столько реакцией исключительно на события или действия власти, сколько отражением производной от комплекса факторов, влияние на формирование которых оказывают СМИ. Именно они, прежде всего, участвуют в так называемых информационных войнах современности.

Средства массовой информации традиционно выполняли функции общественной связи и медиатизации, в идеальной модели – направленные на достижение естественного ценностного согласия в журналистике, а также стабильное устойчивое развитие общества [17, с. 95–96]. В условиях резкого обострения геополитической напряженности и нарастания интенсивности информационных войн, научное понимание роли СМИ трансформировалось от признания их активными участниками, до статуса акторов политического процесса [2, с. 226]. В то же время, для реализации

новой (в формате информационного общества) функции важно разрешить старое противоречие, охарактеризованное в свое время Н. Луманом, который, с одной стороны, отмечал, что «мы так много знаем о масс-медиа, что не можем доверять им» [12, с. 6], а с другой – указывал на определяющее влияние этих же масс-медиа на сознание.

Контроль над информационной сферой, как обоснованно утверждает Н. П. Арапова, позволяет манипулятивно воздействовать на массовое сознание и социальную психику, что составляет суть войны как социально-психологического феномена [1, с. 12].

Все последние информационные войны против России связаны с постсоветским наследием (грузино-осетинский вооруженный конфликт августа 2008 года, российско-украинский газовый кризис начала 2009 года, ситуация в Украине 2014–2015 годов и др.) и начинаются с «нападения», направленного на формирование негативного образа России в зарубежных СМИ, международных организациях, а затем и образа агрессора в общественном сознании. Реакцией на «нападение» становится «защита», направленная на создание положительного образа России. Современные российские исследователи [5, с. 311], заимствуя весьма неопределенное понятие *сетевая война* («специфическая организация социальной структуры общества, в результате которой она приобретает свойство быстро объединяться и решать определенные задачи» [24, с. 12]), тем не менее, делают обоснованный вывод о том, что поведение сторон современных конфликтов зависит от уровня информации и коммуникации. При этом особую роль в современной информационной войне играет культурная составляющая, на базе которой реализуются все типы стратегий **soft power («мягкой силы»)**, ведутся **«информационные операции»** по налаживанию «управления восприятием». 1 октября 2014 года, выступая на Совете Безопасности РФ, посвященном противодействию угрозам в информационной сфере, В. В. Путин подчеркнул, что «отдельные страны пытаются использовать свое доминирование в глобальном информационном пространстве для достижения военно-политических целей, активно применяя информационные системы как инструмент “мягкой силы” для достижения своих интересов» [9].

Сами по себе информационные системы, без контента, наполняемого, как правило, политехнологами и журналистами, имеют лишь вспомогательное значение. В современных условиях именно журналисты становятся уже не бесстрастными наблюдателями, а участниками, «солдатами» информационных войн. В относительно «мирное» время они также являются работниками «символического производства», от качества и способов конвертации которого в пространство коммуникации во многом зависит эффективность государственного управления, возможность смыслозначимого диалога в системе «общество – СМИ – власть» [18, с. 16]. При этом, как правильно указывает Э. А. Татаринцева, необходимо различать процессы информирования и коммуницирования, учитывая разную природу информации и коммуникации [20, с. 7].

Сегодня в условиях наиболее жесткого (со времен холодной войны) информационного противостояния, общие и культурные установки журналиста изменились. Сейчас, как и во времена цензуры, он постоянно согласовывает (с ситуацией, «внутренним цензором», политикой редакции и т. п.) социально-статусные номинации в совокупности политических, экономических, социальных, культурных, конфессиональных, исторических, религиозных, демографических и иных характеристик. Совокупность таких согласований формирует определенные стереотипные группы: «свои, наши» – те, у кого совпадают основные характеристики и базовые ценности; «другие» – при разнице отдельных характеристик совпадают базовые ценности; «чужие» – при возможности близости характеристик, не совпадают или противоположны ценности.

Интегральные образы указанных категорий формируются по типам:

- внешности – то есть по расово-антропологическим признакам (лицо... национальности и т.п.);
- мировоззрения и идеологии – оценки и признания/ не признания значимых исторических и политических фактов (коммуникативных ситуаций);
- психологии – национального характера, темперамента и менталитета.

Современная журналистика дифференцирует коммуникативное действие с указанными ка-

тегориями: со «своим» – солидарность, помощь, поддержка; с «другим» – поиск путей нахождения и поддержания ценностного согласия; с «чужим» – применение методов ценностного реформатирования [3, с. 91–92]. Таким образом, трансформируясь в политических коммуникаторов, СМИ обеспечивают функционирование информационной власти и в целом (в совокупности с социальными сетями) – системы коммуникативно-информационных отношений. Кроме того, СМИ, активно эксплуатируя актуальный культурно-исторический концепт («Русский мир», «Возвращение Крыма домой» и т. п.), выполняют и функции контрпропаганды, отражая атаки с противоположным культурно-историческим концептом («имперские амбиции России (Путина)», «агрессия» и т. п.). Таким образом, современная информационно-коммуникативная система [23, с. 101–102] включает и новую, формируемую властью информационную культуру, часто в отличие от «традиционных ценностей» не имеющую под собой содержательной духовноценностной (а нередко и просто материальной) основы. Вместо них широко внедряются симулякры – виртуальные копии реально не существующих явлений (в интерпретации Ж. Бодрийера) [4, с. 39–40]. В силу их присутствия отношение аудитории к реальности опосредованно символической картиной мира, которая, в свою очередь, по отношению к реальности опосредствованна коммуникатором.

Если в сфере внешней политики все акценты более-менее предметны и имеют географические и/или геополитические координаты, то во внутренней все существенно сложнее. Так, в политической жизни виртуально присутствуют «политические партии», «фронты» и «движения», которые классическим, естественным путем – «снизу», через свободное волеизъявление единомышленников и их добровольную самоорганизацию не создавались, а являются чистым симулякром – виртуальной, пусть технически отлично исполненной, но копией несуществующего оригинала («партии», «фронта», «движения» и т. п.).

Еще один симулякр – местное самоуправление. На выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга в 2009 и 2014 годах явка избирателей

составляла 16–25 %. Какова легитимность органов местного самоуправления, сформированных 20 % избирателей? Президент России, основываясь на опросах Фонда общественного мнения (ФОМ) (май 2014 года) привел данные, что 79 % жителей городов с населением более 1 млн жителей не знают своих муниципальных депутатов, в городах с населением от 250 тысяч до 1 млн человек – это 76 %. Президент России назвал эти величины «запредельными» [15]. Местные СМИ, пытаясь поддерживать концепцию культурно-исторической преемственности самоуправления (возрождения земских традиций и т. п.), политкорректно оценили приведенные данные как «показатель умеренной активности избирателей» [16].

Для того чтобы гражданин (избиратель) мог разбираться в этих «миражах» в современных исследованиях, обоснованно обозначена проблема подготовки личности к жизни в информационном пространстве [7, с. 6]. Однако пока такой подготовки нет, информационная культура формируется, на первый взгляд, стихийно, а на деле – информационной властью, оказывающей регулирующее воздействие на сознание, поведение, деятельность людей через информацию и коммуникацию.

Дискуссионным представляется вопрос об источнике информационной власти. Согласно Конституции России, источник власти – народ, соответственно он же должен быть и источником информационной власти, имея рычаги влияния на информационную политику, что возможно лишь в условиях демократии (независимые СМИ, журналистика и каналы коммуникации). В современных условиях ожесточенных информационных войн демократия СМИ нередко рассматривается как «пособничество» или «пятая колонна», сознательно разрушающие «монолитное единство». В значительной части с этим согласны и граждане. По данным ВЦИОМ (3 августа 2015 года), 49 % граждан России убеждены в необходимости цензуры в Интернете, а 58 % поддерживают его отключение при угрозах национальной безопасности или массовых протестов, а 73 % указывают на нежелательность публикации в Интернете негативной информации о государственных служащих [6]. Как же сохранить свободу СМИ и слова в такой ситуации?

В современном обществе (по оценке Л. Н. Тимофеевой) одновременно сосуществу-

ют и противоборствуют в рамках политико-административного управления три культуры: идейно-нарративная (как мы полагаем – это идеология), приписываемая политикам; юридико-документная – бюрократическая и морально-нарративная – общественная, которые, с одной стороны, являются причиной противоречий и конфликтов, а с другой – движущей силой развития [21, с. 46]. Очевидно, что журналист как лицо, выполняющее общественный долг, может быть носителем исключительно морально-нарративной культуры.

В. Л. Иваницкий полагает, что актуальной особенностью института российской журналистики является отсутствие «неформальных и формальных правил», которые, по мнению автора, «нигде не прописаны, не собраны в единый свод» [10]. В результате складывается ситуация, когда такие правила (корпоративная этика) вырабатываются самими игроками информационного рынка для реализации своей медиастратегии, и потому правила не системны и не обязательны для медиаиндустрии в целом. С таким подходом сложно согласиться. Формальные правила для журналиста не только законодательно закреплены [8], но и защищены (ст. 144 УК РФ «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов») [22]. Что касается неформальных правил, то они также зафиксированы [11]. В то же время культурно-ценностные ориентации для современной журналистики не являются общепринятыми. Показательна дискуссия, состоявшаяся в рамках круглого стола «Журналистика в мире политики: ценностный раскол и согласие». При обсуждении проблематики внутриредакционных этических кодексов выяснилось, что 40–45 % редакций имеют такие кодексы, а часть редакций («Эхо Москвы») даже включают этические положения в трудовой договор, но при этом, как отметил С. Г. Корконосенко, «у кого нет, тех вообще не интересуют этические вопросы» (см. [13, с. 74]).

В соответствии с культурно-историческими традициями русской литературы и журналистики XIX века (как революционно-демократического, так и консервативного направлений) СМИ призваны служить Родине. В современной литературе сформулировано соотношение, согласно которому СМИ в той степени обязаны служить власти, государству, элите, в какой степени госу-

дарство и элита служат гражданскому обществу, народу [14, с. 29]. Достижение такого баланса в современной России, на наш взгляд, является, скорее, перспективной задачей, чем реальностью. В то же время надо помнить и о взаимосвязи политики и журналистики, при которой *политика не должна растворять в себе журналистику*. В связи с этим украинский исследователь Е. А. Семенец обоснованно видит неадекватность традиционной модели журналистики как формы контроля над обществом (работа над поддержанием общественно-политической системы через контроль информации), по крайней мере в русле новейшей постнеклассической научной парадигмы [17, с. 27].

В условиях активных информационных войн происходит активная культурная трансформация средств массовой информации, которые традиционно всегда выполняли функции общественной связи и медиатизации, при демократических моделях – направленные на ценностный плюрализм в журналистике и развитие общества. В условиях резкого нарастания интенсивности информационных войн СМИ трансформируются в акторов политического процесса, меняя свои культурно-ценностные ориентации, которые в новых условиях подчинены реализации стратегий «мягкой силы», ведению «информационных операций» («вбросов», «сетевых вирусов» и т. п.) по «управлению восприятием». Так, журналисты превращаются в «солдат» информационных войн, параллельно по «мирным» сюжетам поддерживая «символическое производство», от качества и способов конвертации которого в пространство коммуникации во многом зависит эффективность государственного управления.

В условиях жесткого информационного противостояния, широких санкций (где по сути реализуется известный лозунг «кто не с нами, тот против нас»), культурные установки журналиста (как российского, так и западного) сводятся как во времена цензуры к процессу согласований (с ситуацией, «курсом»), «внутренним цензором», политикой редакции и т. п.) социально-статусных номинаций, сюжетов и, в итоге, всего своего творчества. Совокупность таких согласований формирует определенные стереотипные группы: «свои, наши», «другие», «чужие», которые транслируются населению, формируя его ценности, сознание и поведение

Литература

1. Арапова Н. П. Социально-информациологический подход в теории информационных войн: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. – М., 2003. – 22 с.
2. Бальнская Н. Р. Парадигма развития СМИ в современном политическом процессе // Век информации – 2012: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара «Век информации» (16 дек. 2012 года). – СПб.: Свое изд-во, 2013. – С. 226–229.
3. Блохин И. Н. Коммуникативная миссия журналистики во взаимодействии культур // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: мат-лы 53-й междунар. науч.-практ. конф. (23–25 апр. 2014 года) / отв. ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций», 2014. – 248 с. – (Век информации).
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. – М.: Республика, Культурная Революция 2006. – 272 с. – (Мыслители XX века).
5. Гурушкин П. Ю. Конфликты нового типа и информационное пространство в постиндустриальном обществе // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: мат-лы 51-й междунар. науч.-практ. конф. (19–20 апр. 2012 года) / отв. ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2012. – С. 311–312.
6. Доклад «Чего желает общество: стремление россиян к контролю Интернета». Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Центр изучения глобальных коммуникаций при Анненбергской школе коммуникаций университета Пенсильвании (США) [Электронный ресурс] // ИТАР ТАСС: офиц. портал. – URL: <http://tass.ru/obschestvo/2160136>.
7. Заитова Т. М. Средства массовой коммуникации как фактор формирования информационного пространства населения региона: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Уфа, 2012. – 23 с.
8. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 2015) «О средствах массовой информации».
9. Заседание Совета Безопасности 1 окт. 2014. Стенограмма [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/46709>.
10. Иваницкий В. Л. Фирма масс-медиа в условиях рынка // Основы медиабизнеса / под ред. Е. Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2014. – С. 63–88.
11. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. Одобрен Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года [Электронный ресурс] // Союз журналистов России: офиц. сайт. – URL: http://www.ruj.ru/_about/code_of_professional_ethics_of_the_russian_journalist.php.
12. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 252 с.
13. Материалы Дней философии в Санкт-Петербурге «Ценностные миры современного человечества», 17–19 нояб. 2011 года. – СПб., 2011. – 844 с.
14. Попов В. Д. Парадигмы исследования информационных процессов. – М.: РАГС, 2010. – 218 с.
15. Путин В. В. Выступление на заседании Совета при Президенте по развитию местного самоуправления. Иваново 26 мая 2014 года [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/21097>.
16. Радио «В Подмосковье» [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – 2014. – 14 сент. – URL: http://inmosreg.ru/happen_life/20140915/604936960.html.
17. Семенец Е. А. (Украина) Духовные ценности общества и журналистики: по Луману, Хабермасу и по существу // Журналистика в мире политики: ценностный раскол и согласие: мат-лы круглого стола Всерос. форума с междунар. участием «Дни философии в Петербурге – 2011» / ред.-сост.: И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. – СПб., 2012. – С. 86–98.
18. Силкин В. В. Влияние пространства политической коммуникации на процессы модернизации государственного управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 10.01.10. – М., 2006. – 54 с.
19. Сошников А. И. Ценностные миры современной журналистики // Журналистика в мире политики: ценностный раскол и согласие: мат-лы круглого стола Всерос. форума с междунар. участием «Дни философии в Петербурге – 2011» / ред.-сост.: И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. – СПб., 2012. – С. 7–31.
20. Татаринцева Э. А. Реализация права на коммуникацию в информационном обществе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. – М., 2009. – 21 с.
21. Тимофеева Л. Н. Противоречивость этосов политико-административного управления: причины и последствия [Электронный ресурс] // Политология – XXI век. Политические ценности современного российского общества: проблемы и перспективы изучения. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 2013. – URL: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/1/17.pdf>.

22. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2013. – № 30 (ч. I). – Ст. 4078.
23. Шевченко А. В. Мониторинг информационно-коммуникативной системы: подходы и проблемы // Социология власти. – 2006. – № 3. – С. 98–109.
24. Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. – Santa Monica, Calif., 2003. 217 p.

References

1. Arapova N.P. Sotsial'no-informatsiologicheskii podkhod v teorii informatsionnykh voyn: avtoref. dis. kand. polit. nauk: 10.01.10 [Socio-informatology approach in the theory of information warfare: Author's abstract of Diss. PhD in politics: 10.01.10]. Moscow, 2003. 22 p. (In Russ.).
2. Balynskaia N.R. Paradigma razvitiia SMI v sovremennom politicheskom protsesse [Paradigm of media development in the modern political process]. *Vek informatsii – 2012: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. seminara "Vek informatsii" (16 dekabria 2012 goda) [Age of Information – 2012: proceedings of the international scientific-practical seminar "Information Age" (16 December 2012)]*. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2013, pp. 226–229. (In Russ.).
3. Blokhin I.N. Kommunikativnaia missiia zhurnalistiki vo vzaimodeistvii kul'tur [Communicative mission of journalism in the interaction of cultures]. *Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Peterburgskie chteniia: materialy 53-i mezhdunar. nauchno-prakt. konf. (23–25 apreliia 2014 goda) [Media in the modern world. Petersburg readings: proceedings of the 53rd international scientific-practical conference (April 23–25, 2014)]*. Ed. S.G. Korkonosenko. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., Institute "School of Journalism and Mass Communications" Publ., 2014. 248 p. (In Russ.).
4. Bodriiia Zh. Obshchestvo potrebleniia [Consumer Society]. Translator E.A. Samarskaia. Moscow, Respublika Publ., Kul'turnaia Revoliutsiia Publ., 2006. 272 p. (In Russ.).
5. Gurushkin P.Iu. Konflikty novogo tipa i informatsionnoe prostranstvo v postindustrial'nom obshchestve [Conflicts of a new type of information space in post-industrial society]. *Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Peterburgskie chteniia: materialy 51-i mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (19–20 apreliia 2012 goda) [Mass media in the modern world. Petersburg readings: proceedings of the 51st international scientific-practical conference (19–20 April 2012)]*. Ed. S.G. Korkonosenko. St. Petersburg, Philological faculty of St. Petersburg State University Publ., 2012, pp. 311–312. (In Russ.).
6. Doklad "Chego zhelaet obshchestvo: stremlenie rossiian k kontroliu internet". Vserossiiskii tsentr izucheniia obshchestvennogo mneniia (VTSIOM) i Tsentr izucheniia global'nykh kommunikatsii pri Annenbergskoi shkole kommunikatsii universiteta Pensil'vanii (SShA) [The report "What society wants: the desire of the Russians to control the Internet". All-Russia centre of studying of public opinion (VTSIOM) and the Center for the study of global communications at Annenbergs school of communication at the University of Pennsylvania (USA)]. *ITAR TASS: official portal*. (In Russ.). Available at: <http://tass.ru/obshchestvo/2160136>.
7. Zaitova T.M. Sredstva massovoi kommunikatsii kak faktor formirovaniia informatsionnogo prostranstva naseleniia regiona: avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk: 22.00.04 [Mass media as a factor of forming of information space of the population of the region: Author's abstract of diss. PhD in sociology: 22.00.04]. Ufa, 2012. 23 p. (In Russ.).
8. Zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 2015) "O sredstvakh massovoi informatsii" [The law of the Russian Federation of 27.12.1991 no 2124-1 (ed. on 2015) "On mass media"]. (In Russ.).
9. Zasedanie Soveta Bezopasnosti 1 oktiabria 2014. Stenogramma [Security Council meeting 1 October 2014 Transcript]. *Prezident Rossii [President of Russia: official website]*. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/news/46709>.
10. Ivanitskii V.L. Firma mass-media v usloviiakh rynka [Firm of mass-media in the marketplace]. *Osnovy mediabiznesa [Media business Basics]*. Ed. E.L. Vartanova. Moscow, Aspect Press, 2014, pp. 63–88. (In Russ.).
11. Kodeks professional'noi etiki rossiiskogo zhurnalista. Odobren Kongressom zhurnalistov Rossii 23 iunია 1994 goda [The Code of professional ethics of the Russian journalist. Approved by the Congress of Russian journalists on 23 June 1994]. *Soiuz zhurnalistov Rossii: ofitsial'nyi sait [Union of journalists of Russia: official website]*. (In Russ.). Available at: http://www.ruj.ru/about/code_of_professional_ethics_of_the_russian_journalist.php.
12. Luman N. Real'nost' massmedia [The reality of the mass media]. Transl. A.Iu. Antonovskogo. Moscow, Praksis Publ., 2005. 252 p. (In Russ.).
13. Materialy Dnei filosofii v Sankt-Peterburge "Tsennostnye miry sovremennogo chelovechestva", 17–19 noiabria 2011 goda [Materials Days of philosophy in St. Petersburg "Worlds of modern Values of humanity" on November 17–19, 2011]. St. Petersburg, 2011. 844 p. (In Russ.).

14. Popov V.D. Paradigmy issledovaniia informatsionnykh protsessov [Paradigms of the study of information processes]. Moscow, RAGS Publ., 2010. 218 p. (In Russ.).
15. Putin V.V. Vystuplenie na zasedanii Soveta pri Prezidente po razvitiu mestnogo samoupravleniia. Ivanovo 26 maia 2014 goda [Vladimir Putin speech at a meeting of the presidential Council for local government development. Ivanovo, may 26, 2014]. *Prezident Rossii: ofitsial'nyi sait [President of Russia: official website]*. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/news/21097>.
16. Radio "V Podmoskov'e": ofitsial'nyi sait, 2014, 14 sentiabria [Radio "In The Suburbs": official site, 2014, September 14]. (In Russ.). Available at: http://inmosreg.ru/happen_life/20140915/604936960.html.
17. Semenets E.A. (Ukraina) Dukhovnye tsennosti obshchestva i zhurnalistiki: po Lumanu, Khabermasu i po sushchestvu [The Spiritual values of society and journalism: for Luhmann, Habermas and the merits]. *Zhurnalistika v mire politiki: tsenostnyi raskol i soglasie: materialy kruglogo stola Vseros. foruma s mezhdunar. uchastiem "Dni filosofii v Peterburge – 2011" [Journalism in the world of politics: a split value and harmony: mater. round table vseros. forum with Intern. participation "Days of philosophy in St. Petersburg – 2011"]*. Ed. I.N. Blokhin, S.G. Korkonosenko. St. Petersburg, 2012, pp. 86–98 (In Russ.).
18. Silkin V.V. Vliianie prostranstva politicheskoi kommunikatsii na protsessy modernizatsii gosudarstvennogo upravleniia: avtoref. dis. d-ra polit. nauk: 10.01.10 [Influence of space of political communication in processes of modernization of public administration: author. Diss. Dr political sciences: 10.01.10]. Moscow, 2006. 54 p. (In Russ.).
19. Soshnikov A.I. Tsenostnye miry sovremennoi zhurnalistiki [Value worlds of modern journalism]. *Zhurnalistika v mire politiki: tsenostnyi raskol i soglasie: mater. kruglogo stola vseros. foruma s mezhdunar. uchastiem "Dni filosofii v Peterburge – 2011" [Journalism in the world of politics: a split value and harmony: mater. round table vseros. forum with Intern. participation "Days of philosophy in St. Petersburg – 2011"]*. Ed. I.N. Blokhin, S.G. Korkonosenko. St. Petersburg, 2012, pp. 7–31. (In Russ.).
20. Tatarintseva E.A. Realizatsiia prava na kommunikatsiiu v informatsionnom obshchestve: avtoref. kand. polit. Nauk: 10.01.10 [Implementation of the right for communication in the information society: author. PhD in political sciences: 10.01.10]. Moscow, 2009. 21 p. (In Russ.).
21. Timofeeva L.N. Protivorechivost' etosov politiko-administrativnogo upravleniia: prichiny i posledstviia [Ecosov the contradictory politico-administrative governance: causes and effects]. *Politologiya – XXI vek. Politicheskie tsenosti sovremenno rossiiskogo obshchestva: problemy i perspektivy izucheniia. [Political Science – the twenty-first century. Political values of contemporary Russian society: problems and prospects of research]*. Moscow, Moscow University Publ., 2013. (In Russ.). Available at: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/1/17.pdf>.
22. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 13.07.2015) [The Criminal code Russian Federation of 13.06.1996 no 63-FZ (as amended on 13.07.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected legislation of the RF]*, 1996, no 25, pt. 2954; 2013, no 30 (part I), pt. 4078. (In Russ.).
23. Shevchenko A.V. Monitoring informatsionno-kommunikativnoi sistemy: podkhody i problem [The Monitoring of information and communication systems: problems and approaches]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]*, 2006, no 3, pp. 98–109. (In Russ.).
24. Arquilla, J., Ronfeldt, D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Santa Monica, Calif., 2003. 217 p. (In Engl.).

УДК 02

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БИБЛИОТЕКИ В ЭПОХУ WEB 2.0

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: isp@kenguki.ru

Роот Евгения Викторовна, аспирант, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: evgeniay_root@mail.ru

Виртуализация социокультурного пространства является предметом междисциплинарных исследований. Цель статьи – на фоне философско-культурологического осмысления идеи виртуальности выявить и оценить тенденции освоения виртуального пространства культуры библиотеками. Введе-

ны понятия «виртуальная реальность», «виртуальный контент», определены функции виртуальной культуры, ее коммуникативная природа.

Охарактеризованы основные направления виртуализации информационного пространства библиотек на технологической платформе Web 1.0. Основное внимание уделено трансформации «библиотеки для книг» в «библиотеку для людей», превращение ее в «место живой культуры». Проанализирован опыт расширения виртуального пространства библиотек за счет освоения принципов сетевого общения и сервисов Web 2.0, отличающихся интерактивностью и обеспечивающих прямой обмен данными, совместную работу в сетевом сообществе, вовлечение пользователей в формирование и оценивание информационного контента, стирание разграничений между создателями информации и ее потребителями. Проанализированы проекты литературной направленности, ориентированные на продвижение чтения, реализуемые библиотеками и рядовыми пользователями сети Интернет (форумы, блоги, буктрейлеры, флешбуки, группы в социальных сетях). Предпринята попытка классификации читательских и библиотечных сетевых сообществ.

Сделан вывод о том, что развивающееся виртуальное пространство библиотек обеспечивает безбарьерный доступ к информации и услугам, эффективную обратную связь с пользователями, возможность их участия в создании актуального и востребованного контента. Это создает условия для расширения ассортимента информационных и социокультурных услуг, делает библиотеки более доступными и открытыми. Вместе с тем лавинообразный рост сетевого контента культуры на базе Web 2.0 обуславливает снижение его качества, изменение ценностно-смысловых ориентаций и предпочтений, расширение «пространства» массовой культуры. Эта проблема требует серьезного научного осмысления культурологами, библиотековедами, внимания со стороны практикующих специалистов библиотек и других учреждений сферы культуры.

Ключевые слова: виртуальная культура, массовая культура, виртуальная коммуникация, библиотеки, социальные сети, сетевые сообщества, буктрейлеры, флешбуки.

VIRTUAL LIBRARY SPACE IN THE ERA OF WEB 2.0

Pilko Irina Semenovna, Dr of Pedagogical Science, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: isp@kemguki.ru

Root Evgenia Victorovna, Postgraduated, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: evgeniy_root@mail.ru

Virtualization of sociocultural space is an important scientific issue with an interdisciplinary character. Contemporary philosophers and culturologists consider a virtual reality as a global sociocultural communication environment, a process of interaction with society, culture and an individual. Library specialists and information scientists particularly note such properties of a virtual communication as openness, transparency, choice of independence and freedom of creativity.

An informational and communicative factor becomes one of the pivotal ones concerning an interpretation of modern culture essence, a formation of continuously regenerated owing to a development of new technologies of sociocultural space communication. Libraries are actively developing a virtual space of culture. Library websites were created on Web 1.0 technology platform which first were portals in a world of electronic informational resources (electronic catalogues, data bases, digital full-text collections etc.) then they were channels of “virtual services” provision (virtual reference, electronic document delivery, library additions, updates etc.) An extension of library informational space was occurred by this means.

The interactive services Web 2 and net contacts are essential to make library the “third place” for getting knowledge, creation, leisure, inspiration and for communication. They provide direct data communication, online community cooperation for a user, forming and rating the informational content, differentiation elimination between information creators and users. For instance, it is net projects of reading advancement, realizing by libraries and ordinary net users (forums, flash books, book trailers, etc.)

It was concluded that virtual space developing ensures free access to information and services, effective feedback and users' opportunity to create actual and relevant content. It makes libraries more public and accessible and extends the sociocultural and informational services.

At the same time avalanche-like growth of Web 2.0 net content of culture causes its quality decrease and notional changing of orientations and preferences. Culturologists mentioned the mass culture new type formation – “commenting culture” – which is of typical judgement dependence, interests, information manipulating, simplified presentation, stereotype supporting, middle linguistic standard using. This problem requires serious scientific comprehension by culturologists, sociologists, library specialists and other cultural institutions' attention.

Keywords: virtual culture, mass culture, virtual communication, libraries, social networks, online community, book trailers, flash books.

Не стоит опасаться, что в будущем книгам грозит исчезновение, – напротив, чем больше с помощью каких-то новых изобретений будут удовлетворяться потребность в развлечениях и нужды народного просвещения, тем больше достоинства и авторитета будет возвращаться к книге.

Герман Гессе

Виртуализация социокультурного пространства, обусловленная глобальной информатизацией и медиатизацией всех его сегментов, становится предметом междисциплинарных исследований, научного интереса современных философов, социологов, культурологов, психологов. Эта тема волнует представителей «частных» наук культуроведческого и искусствоведческого циклов: библиотекведов, музееведов, исследователей в области музыкального, изобразительного, экранного искусства, дизайна, архитектуры и др.

Минуло время оживленных дискуссий вокруг понятия «виртуальное» в значении «мнимое», «воображаемое», «несуществующее, но возможное», «условное», «кажущееся» и т. п. [7; 8]. Выявлены ключевые вариации философско-культурологического осмысления идеи виртуальности: виртуальность как инобытие, несуществующая реальность; виртуальность как непознанная реальность; виртуальность как утопия – идеалистическая реальность; виртуальность как внутренний мир, субъективно переживаемая индивидом реальность; виртуальность как мнимая, имитационная реальность («псевдорéalность»); виртуальность как информационно-технологическое (кибернетическое) пространство: технически-опосредованная среда, информационный ресурс современного общества, медий-

ная среда культуры [9, с. 8–9]. В каждом своем значении виртуальность может стать и становится предметом научного осмысления на основе различных (одной или нескольких) методологий.

Многие современные философы и культурологи рассматривают виртуальную реальность как среду глобальной социокультурной коммуникации, процесс взаимодействия с обществом, культурой и отдельной личностью. Так, по мнению, Т. А. Бондаренко, *виртуальная реальность* есть «символическая по сути, объективно и актуально существующая реальность, носящая порожденный, заданный и высоко динамичный характер и позволяющая взаимодействовать с собой» [2, с. 14, 18–19]. В этом смысле важное значение имеет осознание такой особенности *виртуально-го контента*, как отсутствие четкого разграничения объективного и субъективного начал в его понимании, когда различные содержания перетекают друг в друга, становясь неразличимыми [2, с. 30]. Культурологи размышляют о симбиотическом уровне культуры, которому свойственно сочетание несочетаемого.

Динамично развивающаяся виртуальная культура, реализуя когнитивную, регулятивную, компенсаторную, гедонистическую, социализирующую функции [2, с. 42; 9, с. 20], в своей основе имеет коммуникативную природу. Информационно-коммуникативный фактор становится одним из центральных в понимании сущности современной культуры, в формировании постоянно обновляющегося под влиянием интенсивного развития новых технологий коммуникации социокультурного пространства.

Одними из первых к активному освоению виртуального пространства культуры приступили библиотеки. Библиотечный социальный институт

«по определению» ориентирован на выполнение в обществе информационной, коммуникативной, культурно-просветительской функций. В новой информационно-технологической ситуации их невозможно эффективно реализовывать в ограниченном пространстве библиотеки, которое является одновременно и материальной средой, и ресурсной базой, и организационным условием удовлетворения многообразных запросов пользователей. Лозунг «Если вас нет в Интернете, значит, вас нет вообще» компьютеризированные библиотеки восприняли как руководство к действию. Все началось с создания сайтов – виртуального представительства библиотеки в Глобальной сети.

Первые библиотечные сайты носили характер «визитных карточек» с официальной и справочной информацией, актуальной разве что для «непользователей» библиотек. Постепенно они стали выполнять роль порталов («центрального входа») в мир электронных информационных ресурсов. Библиотеки размещали на своих сайтах электронные каталоги, списки новых поступлений, рекомендательные указатели, обзоры литературы, цифровые коллекции полных текстов и т. п. Это привело к появлению новых библиотечных феноменов – «виртуальных услуг» (в числе первых: виртуальная справка, электронная доставка документов, информирование о новых поступлениях и др.) и «виртуальных пользователей» (их обращения к электронным библиотечным ресурсам отчасти компенсировали сокращение числа реальных читателей и количества посещений библиотеки).

Расширение *информационного пространства* библиотек за счет его виртуальной составляющей происходило на технологической платформе Web 1.0. Это модернизированное пространство еще не обладало в полной мере свойственными виртуальной коммуникации характеристиками *открытости* (предназначенности всем и каждому), *транспарентности* (прозрачности), *ориентации самостоятельность выбора и свободу творчества* [5]. Все перемены осуществлялись в рамках *фондоцентрической библиотечной модели* за счет увеличения информационного контента.

Своеобразие современной социокультурной ситуации в российском обществе потребовало от библиотек усиленного внимания к реализации

их *культурно-просветительского назначения*, превращения в «третье место» (наряду с домом и работой) – пространство для получения знаний, для общения, творчества, вдохновения и релаксации, основными характеристиками которого становятся не «унификация» и «стандартизация», а «многообразие» и «множественность».

Непростую задачу соединения информационно-коммуникационных и социально-культурных технологий предстояло решать, расширяя ассортимент предоставляемых пользователям услуг. Приходило понимание библиотечного пространства как полифункциональной структуры, способной, исходя из конкретной ситуации, оперативно обретать иное качество, обеспечивая условия для общения, неформального взаимодействия людей [4].

Развитие виртуального пространства библиотеки сегодня происходит в направлении интеграции ее информационного и культурно-просветительского потенциала. Оно осуществляется путем освоения сложившихся принципов сетевого общения и сервисов Web 2.0 с их интерактивностью, прямым обменом данными, совместной работой в сетевом сообществе, вовлечением пользователей в формирование и оценивание информационного контента, стиранием разграничений между создателями информации и ее потребителями. Библиотека 2.0 концентрируется не вокруг фонда и каталога, а вокруг пользователя и его потребностей, руководствуется принципами «библиотека не для книг, а для людей»; «библиотека – место живой культуры». А технологии Web 2.0 обеспечивают реализацию этой модели [6]. Некоторые культурологи считают ее постмодернистской, соединяющей несоединяемое, непредсказуемой – способной удивлять посетителей, вызывать интерес, привлекать внимание [4]. Проекты и сервисы, активно развиваемые самими пользователями (форумы, блоги, wiki, социальные сети и др.), отличаются мобильностью и социальностью. Таким образом создаются условия для самоорганизации неформальных сообществ по интересам, перехода от монологовой коммуникации с активным «отправителем» и молчаливым «адресатом» информации к диалогу и полилогу, появляется возможность учитывать мнения интернет-пользователей о прочитанном и о качестве их обслуживания в библиотеках, формировать новый информационный ресурс на основе

разнонаправленного взаимодействия между библиотекарями и пользователями и т. п.

Приведем в качестве примера читательские сообщества в социальных сетях, которые в противовес «руководству чтением» советских времен стали формировать вкусы и интересы читающей публики, особенно молодежи. Предварим их характеристику пояснением неологизмов, рожденных в процессе освоения библиотеками виртуального пространства культуры и обозначающих новые виды электронных продуктов, создаваемых библиотеками и «рядовыми» пользователями Интернета в целях популяризации книг и продвижения чтения.

Флешбук (*flash* – вспышка, сверкание, озарение) – 1) цифровое отражение любимых книг на страницах социальных сетей; 2) специализированный блог, ориентированный на привлечение к чтению; 3) книжный флешмоб в Интернете. Движение по созданию флешбуков зародилось в России в 2012 году. Начало ему положила акция, посвященная Дню российских библиотек, инициаторы которой обратились с призывом создавать аккаунты в социальных сетях на имя любимой книги для привлечения внимания «посетителей» данной страницы к литературному произведению. Идею поддержали сотрудники библиотек России, ближнего зарубежья и отдельные читатели. В результате к 27 мая 2012 года в сводном каталоге флешбука была зарегистрирована 91 книжная страница (аккаунты, открытые группы, посты в блогах, онлайн-дневники и др.) в социальных сетях Facebook, ВКонтакте, Google+, Twitter, Одноклассники, Liveinternet.ru, Мой Мир@Mail.Ru. Участвовавшие в акции библиотеки ставили перед собой и решали коммуникативно-просветительскую задачу наполнить Интернет интересным, информативным и ярким контентом, предоставив свободную площадку для общения, обмена мнениями и обсуждения проблем чтения.

Акция не закончилась в мае 2012 года, как задумывалось первоначально, а продолжается по сей день. По данным наблюдений, в 100 % случаев флешбукеры Рунета на своих страницах размещают аудиокниги, иллюстрации, биографии авторов, интервью с писателями, цитаты из произведений, отзывы и комментарии о прочитанном. Около 70 % флешбуков дополнены

театральными постановками и экранизациями литературных первоисточников, музыкальными произведениями, написанными по мотивам презентуемых книг. 25 % страниц содержат творческие задания, мастер-классы и литературные викторины, которые служат средством популяризации флешбуков. Примером могут служить конкурсы «Любимая книга в социальной сети» (Зональная научная библиотека, г. Екатеринбург), «Любимые книги брянских читателей» (Детская библиотека № 2, г. Брянск), «Чисто английская литература» (ЦБС, г. Мончегорск), «Представь любимую книгу в сети, прими участие во Флешбуке!» (Центральная городская библиотека, г. Каменец-Уральский) и др.

Буктрейлер (*trailer* – анонс, отрывок из фильма) – 1) небольшой видеоролик, посвященный книге, визуализирующий самые яркие и узнаваемые моменты ее содержания; 2) форма продвижения книги путем ее визуализации; 3) видеокomпозиция, составленная из экранизированных эпизодов литературного произведения; 4) медиаоформленная аннотация с целью презентации книги потенциальному читателю.

Назначение буктрейлеров – заинтересовать рассказом о книге; побудить к чтению; помочь вернуть былое значение книги, сыграв на устойчивых трендах современной культуры, прежде всего, доминировании визуального. Их специфические особенности: ориентация на широкий круг потребителей, популярный стиль изложения; оценка представленных произведений; наличие культурологического анализа или гуманитарной экспертизы (философской, филологической, искусствоведческой, педагогической, читательской).

По способу визуального воплощения текста различают буктрейлеры: *игровые* (минифильм по книге); *неигровые* (набор слайдов с цитатами, иллюстрациями, книжными разворотами, тематическими рисунками, фотографиями); *анимационные* (мультфильм по книге). По содержанию выделяют: 1) *повествовательные* (презентующие эпическую сторону, основу сюжета произведения); 2) *атмосферные* (передающие основные настроения книги и ожидаемые читательские эмоции); 3) *концептуальные* (транслирующие ключевые идеи и общую смысловую направленность текста) [10, с. 289].

Отражая клиповый характер современной культуры, буктрейлеры привлекают внимание значительной части современных читателей. Однако, как замечает Ю. Щербинина, недостаток любого буктрейлера заключается в том, что он «неизбежно содержит элемент насилия над читательским воображением», содержанию произведения навязываются несуществующие в нем смыслы и образы, а имеющиеся изменяются или редуцируются [11]. В то же время этот электронный продукт может рассматриваться в качестве особого культурного феномена, если становится инструментом для читательского самовыражения, самостоятельным жанром, индивидуальной аннотацией к понравившемуся произведению.

Социальная сеть даёт пользователю уникальную возможность конструировать собственный мир, исходя из личных потребностей, мотивов и целей. Рост популярности социальных сетей объясняется стремлением личности к самоопределению, поиску похожих на себя. Парадокс социальных сетей заключается в том, что пользователи одновременно хотят выразить свою индивидуальность и найти единомышленников, что делает «жителей виртуального мира» похожими на подростков, независимо от их реального возраста. Отсутствие иерархических связей и зависимостей в сетевых сообществах позволяет свободно высказывать свое мнение вне зависимости от возраста, статуса, профессиональной принадлежности его «носителя».

Яркой тому иллюстрацией является социальная сеть ВКонтакте. Существовая с 2006 года, она входит в мировой рейтинг 50 самых быстрорастущих сайтов. В ней зарегистрировано более 250 млн пользователей. Ежедневно сеть посещают 57 млн человек. Сервисы, предоставляемые этой сетью, позволяют пользователям создавать сообщества по интересам, включая литературные.

Все их многообразие можно условно дифференцировать, выделив среди них:

- страницы размышлений о книгах и чтении вообще («ЛИТОТА – книги • писатели • стихи • литература», «BOOK», «BookZzza – хорошие книги для детей и подростков»);

- официальные и неофициальные сообщества авторов («Вера Полозкова. Официальная группа», «Наши читатели. Жвалевский/Пастернак»);

- социальные сети читателей и любителей книг («LiveLib / Живая Библиотека», «Rubuki», «Goodreads», «Bookmix»);

- сообщества традиционных и электронных библиотек («Красноярская краевая молодежная библиотека», «БИБЛИОБУС ВИРТУАЛЬНЫЙ. ЧИТАЛЬЦЫ ЛЮБИМЫЕ», «Библиотека: Книги & Аудиокниги»);

- группы издательств («Издательский дом “Арт Волхонка”», «Издательство и интернет-магазин “КИТОНИ”»);

- сообщества книжных магазинов («Фёдор-михалыч и Корнейваныч», «Все Все свободны», «МЫ»);

- литературные проекты, направленные на создание новых литературных произведений или на обсуждение, разбор и анализ авторских рукописей («“Детям до шестнадцати” – группа поддержки», «“Агент” – книга-эксперимент, создается онлайн»);

- страницы отдельных книг («Девочка-робинзон», автор Юлия Лавряшина);

- флешбуки (Михаил Гарковский «Замороженное время»; Иван Крылов «Стрекоза и муравей»; Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье» и др.);

- подборки буктрейлеров («Буктрейлеры. Видеоролики о книгах», «Буктрейлеры по произведениям М. Ю. Лермонтова») и др.

Сообщества создаются отдельными любителями чтения, группами пользователей, сотрудниками издательств, магазинов, библиотек. Контент в сообществах, как правило, мало зависит от намерений модераторов страницы, цели ее создания и представляет собой следующий «типовой» набор: информация о книгах, иллюстрации, цитаты, аудио- и печатные тексты произведений, музыка, фотоальбомы, видеозаписи, обсуждения.

В обсуждениях участники читательских сообществ размышляют о писателях и книгах, о чтении и проблемах, с ним связанных. Они комментируют прочитанное, дают советы, что почитать в том или ином случае. Популярны обсуждения по типу «Я сейчас читаю», ссылки на всевозможные топы и рейтинги, например: «100 лучших книг, которые должен прочесть каждый», «Лучшие книги о любви всех времен», «Семь книг, от которых появляются крылья» и т. д. Администраторы сообществ приглашают к участию в играх, викторинах, тестировании.

Особое внимание следует обратить на комментарии к постам, субъективные заметки посетителей страниц, выливающиеся в дискуссии о литературе, обсуждения отдельных авторов, споры о популярности тех или иных произведений. Тот факт, что реальный пользователь часто скрывается за «ником», делает такой разговор острым, далеко не всегда доказательным, хотя и вызывающим интерес к книге. И. Дацкевич именует этот новый тип массовой культуры, распространенной в сетевом пространстве, «comment-культурой» (комментирующей культурой), оперирующей информацией в двух формах: «remark» (замечания, высказывания) и «remix» (перемешивания). «Remark – это высказывание..., никогда не бывающее абсолютно самостоятельным. Это своего рода *postscriptum* к чужому высказыванию». Remix – это простое манипулирование информацией, ее механическое переключивание и передача, именуемая иногда «информационным вирусом», транслируемым из сознания в сознание, с угрожающей перспективой «отказа от возможности рефлексивного восприятия» [3, с. 4–6].

Все сетевые сообщества объединяет их коммуникативная направленность. По сути они являются площадкой для тематического (литературного) общения и дают пользователям возможность для осмысленного или неосмысленного эмоционального переживания и восприятия прочитанного, увиденного, услышанного. Большинству из них присущи такие характеристики массовой культуры, как упрощенная подача проблематики, опора на стереотип, ориентированность на однородную аудиторию, быстродоступность, быстро забываемость, занимательность, оперирование средней языковой нормой [1]. По наблюдениям специалистов Российской государственной библиотеки, в читательских сообществах Интернета каждая вторая цитата искажена или неправильно указан автор, размещаются непроверенные данные, не соответствующие действительности новости и т. п. Возможности библиотечных сообществ

влиять на эту ситуацию ограничены. Назревшая необходимость осуществлять профессиональную экспертизу, сертифицировать и рекомендовать к распространению качественный контент привели к появлению концепции Web 3.0 [6, с. 9].

Таким образом, мы становимся свидетелями того, как развивающееся виртуальное пространство библиотек обеспечивает их большую доступность и открытость всем и каждому за счет безбарьерного доступа к информации и услугам, эффективной обратной связи с пользователями, их участия в создании актуального и востребованного контента. Технологии и сервисы Web 2.0, ориентированные на коллективную работу, сотворчество (совместный поиск информации, совместное хранение закладок и медиафайлов, создание и редактирование документов on-line, wiki, диаграммы связей, социальные сети, общение в 3D и др.), обеспечивают близкие к неограниченным возможности для расширения ассортимента информационных и социокультурных услуг библиотек.

Глобальная виртуализация социокультурного пространства, расширяя пространство культуры, приучая человека жить в условиях открытости и постоянных изменений, продуцирует новые текстовые и визуальные феномены, что свидетельствует о том, что формирующееся общество Web 2.0 обретает адекватную ему культурную коммуникацию. В то же время лавинообразный рост сетевого контента культуры обуславливает снижение его качества, изменение ценностно-смысловых ориентаций и предпочтений его потребителей. Формируемая интегрированная информационная среда, несмотря на присущие ей признаки интерактивности и избирательности, стирает границы между различными источниками познавательной и эмоциональной информации и со всей очевидностью осложняет проблему выбора. Эта проблема требует глубокого научного осмысления и выработки механизмов «сопротивления» негативным тенденциям электронной культуры.

Литература

1. Аблеев С. Р., Кузьминская С. И. Массовая культура современного общества: теоретический анализ и практические выводы [Электронный ресурс]. – URL: http://aipe.roerich.com/russian/mas_kult.htm (дата обращения: 16.09.2015).
2. Бондаренко Т. А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – Ростов н/Д., 2007. – 52 с.

3. Дацкевич И. Феномен массовой культуры [Электронный ресурс]. – URL: <http://polutona.ru/books/datskevich-fenomen-p1.pdf> (дата обращения: 19.09.2015).
4. Матлина С. Г. Библиотечное пространство: в поисках определения: (Социокультурные аспекты) // Науч. и техн. б-ки. – 2013. – № 7. – С. 3–20.
5. Матлина С. Г. Реальность и метафизика современного библиотечного пространства // Библ. технологии: наука о мастерстве. – 2011. – № 1 (07). – С. 2–5.
6. Пурник А. В. От Библиотеки к Библиотеке 2.0: новые методики построения системы // Библ. дело. – 2011. – № 6. – С. 6–9.
7. Столяров Ю. Н. Критика термина *виртуальная библиотека* // Науч. и техн. б-ки. – 1997. – № 8. – С. 16–20.
8. Сукиасян Э. Р. Об уместности понятия «виртуальный СБА» // Науч. и техн. б-ки. – 1996. – № 11. – С. 4–15.
9. Усанова Д. О. Виртуальная культура: концептуализация феномена и репрезентации в современном социокультурном пространстве: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Челябинск, 2014. – 24 с.
10. Шевцова Н. В. Отечественные буктрейлеры: проблема эффективности коммуникативной тактики // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2013. – № 22(313): Филология. Искусствоведение, вып. 81. – С. 289–293.
11. Щербинина Ю. Смотреть нельзя читать [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/3/s8.html> (дата обращения: 18.09.2015).

References

1. Ableev S.R., Kuz'minskaia S.I. Massovaia kul'tura sovremennogo obshchestva: teoriticheskii analiz i prakticheskie vyvody [Mass culture of modern society: theoretical analysis and practical conclusions]. (In Russ.). Available at: http://aipe.roerich.com/russian/mas_kult.htm (accessed 16.09.2015).
2. Bondarenko T.A. Virtual'naia real'nost' v sovremennoi sotsial'noi situatsii: avtoref. dis. dokt. filosof. nauk: 09.00.11 [Virtual reality in today's social situation: abstract Dr. philosophy sci. diss.: 09.00.11]. Rostov-on-Don, 2007. 52 p. (In Russ.).
3. Datskevich I. Fenomen massovoi kul'tury [The phenomenon of mass culture]. (In Russ.) Available at: <http://polutona.ru/books/datskevich-fenomen-p1.pdf> (accessed 19.09.2015).
4. Matlina S.G. Bibliotchnoe prostranstvo: v poiskakh opredeleniia: (Sotsiokul'turnye aspekty) [Library Space: In Search of the definition (Sociocultural aspects)]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and Technical Library]*, 2013, no 7, pp. 3–20. (In Russ.).
5. Matlina S.G. Real'nost' i metafizika sovremennogo bibliotchnogo prostranstva [Reality and metaphysics of modern library space]. *Bibliotchnye tekhnologii: nauka o masterstve [Library technology: the science of skill]*, 2012, no 1(07), pp. 2–5. (In Russ.).
6. Purnik A.V. Ot Biblioteki k Biblioteke 2.0: novye metodiki postroeniia sistemy [From library to library 2.0: new methods of constructing a system]. *Bibliotchnoe delo [Librarianship]*, 2011, no 6, pp. 6–9. (In Russ.).
7. Stoliarov Iu.N. Kritika termina *virtual'naia biblioteka* [Criticism of the term *virtual library*]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and Technical Library]*, 1997, no 8, pp. 16–20. (In Russ.).
8. Sukiasian E.R. Ob umestnosti poniatiiia "virtual'nyi SBA" [The appropriateness of the concept of "virtual SBA"]. *Nauchnye tekhnicheskie biblioteki [Scientific and Technical Library]*, 1996, no 11, pp. 4–15. (In Russ.).
9. Usanova D.O. Virtual'naia kul'tura: kontseptualizatsiia fenomena i reprezentatsii v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve: avtoref. dis. kand. kul'turologii: 24.00.01 [Virtual Culture: conceptualization of the phenomenon and representation in today's socio-cultural space: author PhD cultural sci. diss.: 24.00.01]. Cheliabinsk, 2014. 24 p. (In Russ.).
10. Shevtsova N.V. Otechestvennye buktreilery: problema effektivnosti kommunikativnoi taktiki [Domestic booktrailers: the problem of effective communication tactics]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 22 (313). Filologiya. Iskuststvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. No 22 (313). Philology. Art History], 2013, iss. 81, pp. 289–293. (In Russ.).
11. Scherbinina Iu. Smotret' nel'zia chitat' [Watch can not read]. (In Russ.). Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/3/s8.html> (accessed 18.09.2015).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 78(091)(470.4) «1920/1979»

ПЕРИОДИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ФОРМИРОВАНИЯ СИНТЕТИЧЕСКОГО ВИДООБРАЗОВАНИЯ В ИСКУССТВЕ «НЕРУССКИХ» НАРОДОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Эрре Татьяна Алексеевна, доктор искусствоведения, профессор кафедры музыкального исполнительства и дирижирования, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова (г. Чебоксары, РФ). E-mail: erre.tatyana@mail.ru

Статья представляет оригинальное исследование процесса формирования синтетического видообразования как явления композиторского творчества периода 20-х – начала 70-х годов XX века. Определена исследовательская точка зрения. Предложена хронология, внешние и внутренние границы которой мотивированы общехудожественными и специфически музыкальными тенденциями и закономерностями процесса, конкретно-исторического, стадияльного закономерно-возникшего в условиях создания профессиональной модели культуры в Башкирской, Марийской, Мордовской, Татарской, Удмуртской и Чувашской автономных республиках. Установлен круг компонентов, основания интеграционной функции которых видятся, в частности, в родовых признаках содержания – эпическом, лирическом, драматическом, заключенных в художественной структуре русской оперной классики, по-разному соотносенных в произведениях национальных авторов. Музыкальный психологизм интонирования представлен, с одной стороны, как обусловленный стимулами саморазвития характеров, с другой – как явление оригинальной интерпретации художественной концепции драматургической основы произведений, в чем видится тенденция продолжения подчиненности авторской воле драматурга. Тенденции и закономерности процесса, детализированные с точки зрения формирования основ жанро- и стилиобразования, выявлены как обусловленные действием универсального закона факторы: одни – на уровне приверженности канонам традиционной структуры, другие – объективно заявившие о себе в форме всеобщих показателей явления ассимиляции европейских (русских) традиций профессионального искусства в локальных культурах. Выявлены главные основания авторской интерпретации традиционной структуры синтетического видообразования в «Джалиль» Н. Жиганова – явление синтеза композиционных закономерностей музыкального искусства и искусства слова, и наряду с этим неисчерпываемые художественные возможности типовых форм оперного интонирования, симфонизм как метод раскрытия идейно-утверждающей концепции произведения.

Ключевые слова: А. Асламас, А. Васильев, Ф. Васильев, Н. Жиганов, Э. Сапаев, С. Сайдашев; авторская интерпретация, историко-художественная преемственность, музыкальный психологизм, отправная точка, основная точка, «Джалиль».

PERIODS OF SYNTHETIC SPECIATION FORMATION IN THE ART OF “NON-RUSSIAN” NATIONS OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Erre Tatyana Alekseevna, Dr of History Arts, Professor of Department of Artistic Performance and Conducting, I. N. Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: erre.tatyana@mail.ru

The article presents an original study of the process of generating the synthetic speciation as a phenomenon of composing art of the 1920^s – early 1970^s. The chronology of the period, based on the socio-typological, cultural, specifically musical trends and patterns, is given in the article. The author defines the circle of components, integration functions, which are seen in particular in the kin features of the content: epic, lyric, dramatic, which are enclosed in the structure of synthetic speciation of the Russian tradition of the XIX century and which are differently correlated in the works of national authors. Music psychology is revealed as an essential part of the musical intonation of “Chakka” by A. Vasiliev, “Shiverman” by F. Vasiliev, “Altynchech,” “Tulak and Su-Sulu,” “Jalil” by N. Zhiganov. The dramatic basis of this works contains incentives of self-development of personalities as a factor of the original interpretation of the ideological concept of the dramatic basis of works, which indicates overcoming the dependence on compositional regularities of the scenery dramatic art. Specific musical characteristics of the process appeared in the musical standard forms, but in most cases they were interpreted in one way or another with consideration of logically interdependent relations of national traditional and the imported. The original phenomenon of interrelated factors of genre and style formation is proved in the context of “Jalil” by N. Zhiganov. The main reason for innovative interpretation of traditional patterns, synthesis of compositional common factors of related arts, is defined. Inexhaustible possibilities of the symphonic style, traditional forms of vocal intonation, original structuring of the composition due to the expansion of space-time within musical and dramatic whole, major compositional units of which were picture-novella “internal monologue,” etc. were unfolded in the article. So, at the confluence of the dominant forms of musical art and the art of word – a new artistic quality – short story opera-confession has appeared.

Keywords: A. Aslamas, A. Vasilyev, F. Vasilyev, N. Zhiganov, E. Sapaev, S. Saydashev, author’s interpretation, historical-artistic succession, musical psychology, starting point, basic point, “Jalil.”

Выбор темы¹ обусловлен, во-первых, своевременностью включения в широкий научный обиход вопросов, имеющих отношение к изучению и пропаганде нематериального культурного наследия «нерусских» народов Приволжского федерального округа; во-вторых, необходимостью предварительного обоснования историко-художественной значимости нематериальных объектов культурного (духовного) наследия народов региона.

Ретроспективный взгляд на период 20-х – начала 70-х годов XX века еще раз убеждает в том, что процесс формирования профессионального музыкального искусства отвечал интересам создания современной модели культуры в автономных республиках Приволжского федерального округа. Мотивации к духовной деятельности, как свидетельствует история, были настолько оче-

видными, что музыкальное искусство за короткий исторический период встало вровень с литературой и театром, возвысилось как явление художественно значимое, современное и в отдельных образцах исключительное.

Основания изучения темы видятся в признании самоценности процесса профессионализации музыкального искусства «нерусских» народов Приволжского федерального округа, возвысившихся за период 20-х – начала 70-х годов в своей устремленности к национальному самоутверждению, в понимании значимости отечественного и шире – мирового художественного опыта для поступательного движения к высотам мастерства. Данные основания мотивировали выбор синтетического видообразования в качестве предмета, демонстрирующего конкретно-историческое содержание музыкально-творческого процесса, склонного к системному качеству.

Логика профессионализации музыкального искусства в период 20-х – начала 70-х годов и, в частности, процесс формирования синтетического видообразования (показательный с точки зрения духовного возвышения народов), количественные и качественные показатели авторских инициатив обусловил изучение заявленной темы в аспекте проявления типичных для времени

¹ Изучение видов художественного творчества отдельно взятого народа Приволжского федерального округа, как известно, дало положительные результаты. Накопленный материал, касающийся истории становления, понимания локальной специфики художественных видообразований не утратил актуальности. И наряду с этим не утратило своевременности познание отдельных художественных видообразований с точки зрения их историко-художественной значимости.

общехудожественных тенденций и закономерностей. Целесообразность такого подхода очевидна, так как процесс, вызванный факторами исторического, социокультурного, общехудожественного порядка, находился на начальной стадии формирования и имел открытый характер. Учитывая это, считаем преждевременным использование категории авторства (разумеется, конкретно-исторической по содержанию) в качестве средства, определяющего результаты творческого процесса. Историко-процессуальная сторона периода очевидна, дает основания для констатации конкретно-исторического содержания формирующегося в период 20-х – начала 70-х годов художественного явления, в границах которого возникли исключительные результаты музыкального творчества.

Цель статьи – интерпретировать процесс формирования синтетического видообразования как явление профессионального музыкального искусства, обнаружившее качества поступательного движения, очевидную художественную обусловленность внутренних и внешних границ процесса, сосредоточиться на тенденциях и закономерностях, отвечающих направлениям профессионализации искусства и согласующихся с социокультурными и идейно-художественными запросами времени. Историко-теоретическое обоснование национальных структурных основ процесса, на наш взгляд, преждевременно.

Периодизация процесса зиждется на оправдавшем свою целесообразность в исследовательской практике историко-процессуальном изучении явлений и сопоставлении удаленных друг от друга во времени и пространстве произведений. Данный подход исключил абсолютизацию внешних и внутренних границ начального (с нашей точки зрения) этапа формирования профессионального музыкального искусства, в том числе синтетического видообразования, позволил обнаружить:

- тенденции и закономерности общехудожественного порядка и по необходимости детализировать проявление отдельных показателей процесса, перспективных для будущего;
- действие всеобщей историко-культурной закономерности «дополнительного подключения явлений» как фактора, внесшего в процесс признаки неоднородного, неравномерно формиру-

щегося явления, но с тенденцией к сближению и тяготением к системности;

- типовые признаки процесса, регулируемого законом историко-художественной преемственности;
- отдельные особенности авторских инициатив в области интерпретации художественных структур профессионального музыкального искусства;
- приверженность художественным концепциям русской классики;
- устремленность к новаторскому толкованию традиционных структур отечественного искусства.

Перечисленные основания позволили наметить хронологию периода согласно показателям общехудожественного и специфически музыкального значения; представить синтетическое видообразование как значимое историко-художественное явление музыкального искусства, видо-жанростилеобразующие показатели которого свидетельствуют о кристаллизации основ системы профессионального художественного творчества период 20-х – начала 70-х годов.

В качестве стимулов определения внутренних и внешних границ процесса избраны специфически музыкальные и общехудожественные тенденции и закономерности, позволившие использовать понятия «отправная стадия», «основная стадия», «начальный этап формирования» и пр.²

Факторы общественнотипологического, общекультурного и общехудожественного порядка направляли профессионализацию искусства, углубляя в процессе центростремительные начала. Социокультурные и художественные достижения народов заявили о себе со всей очевидностью, представ как закономерные явления времени.

Среди факторов, обусловивших процесс, выделим следующие:

1. Столицы Башкирской, Марийской, Мордовской, Татарской, Удмуртской и Чувашской автономных республик стали культурными центрами. И наряду с этим Казань возвышается в статусе общенационального культурного центра, консолидирующего протекавшие в автономиях художественные процессы.

² Историко-художественное обоснование понятий «отправная стадия», «основная стадия», «начальный этап формирования» и др. не входит в задачу статьи.

2. Культура и искусство функционируют как государственно значимые сферы общественной жизни.

3. Реализация права народов на самостоятельное решение вопросов культуры и искусства обусловила ценностные ориентации, консолидировала общество, стимулировала рост общественного и обновление художественного сознания, просветительские, образовательные и творческие инициативы, рождала осознанное отношение народов к достижениям своей культуры.

4. Контакты и взаимодействия, рост авторских инициатив (особенно в период 50-х – начала 70-х годов) приобрели значение постоянно действующих факторов, обусловивших преодоление замкнутости культур, укрепление центростремительных начал в художественном процессе.

5. Формируется система видов профессионального художественного творчества, в иерархии которой музыка занимает весьма заметное положение, обретает статус, равный искусству слова, драматическому театру.

6. Создаются условия для художественно-эстетического воспитания публики, способной воспринимать результаты профессиональной художественной деятельности.

7. Кристаллизуются структурные основы процесса, формирующие тенденции и закономерности историко-художественной преемственности.

20–40-е годы (обозначенные нами как отправная стадия начального этапа профессионализации музыкального искусства) отмечены небывалой интенсивностью возникновения художественных явлений, обусловленных предоставленной возможностью к расширению контактов, взаимодействиям, готовностью народов к заимствованию и переработке европейского (русского) профессионального художественного опыта.

Значение творческой деятельности не столь многочисленной плеяды представителей искусства трудно переоценить. Все, без исключения, независимо от степени дарования, творческой инициативы формировали процесс профессионализации искусства, проявляя особое внимание к национально значимым явлениям социальной истории и традиционного уклада, к народным и инонациональным профессиональным традициям – ко всему, что стимулировало раскрытие твор-

ческих потенций авторов. Напомним, расширение авторских инициатив наблюдается прежде всего в литературе. Драматический театр, по традиции связанный с искусством слова, занял устойчивую позицию как художественное видообразование, синтетическое по природе, зрелое и массовое.

В возникающей видовой системе искусства обнаруживают свои качества музыка и живопись, в силу видовой специфики предъявлявшие особые требования для функционирования в условиях начавшейся профессионализации художественного творчества. Появляются предпосылки формирования синтетического художественного видообразования (возвысившего музыкальное искусство региона, особенно в период 50-х – начала 70-х годов) как явления, духовно значимого, отразившего глубокие перемены в общественном и художественном сознании и в целом в культуре народов автономных республик.

Предпосылки формирования синтетического видообразования видятся в обработках фольклорных образцов, имевших значение в целом для рождения системы профессионального музыкального мышления и, в частности, для формирования синтетического видообразования. По мнению Г. И. Литинского, исследователя, педагога, композитора, художественный потенциал народной песни раскрывается во всей полноте в музыкально-театральном искусстве: «И все-таки, на мой взгляд, театр вызвал необходимость пересмотра отношения к народной песне. Именно театр побудил композиторов к работе с фольклором. Драматические спектакли создали условия для “цитирования” народных образцов и создания оригинальной музыки к спектаклям, оригинальных музыкально-сценических произведений»³.

Побудительными мотивами стали также образцы национальной поэзии, прозы, драматургии, традиционного фольклора. Перечисленные источники содержали в себе потенции к объединению. Естественное стремление народов к совершенствованию духовной культуры стимулировало преобразование этих источников согласно видовой сущности оперы.

Музыкальные драмы татарского композитора С. Сайдашева и среди них «Голубая шаль», «На Кандре» по пьесам К. Тинчурина, «Наемщик»

³ Из беседы с Г. И. Литинским, состоявшейся в июне 1973 года.

по драме Т. Гиззата и др. имеют прямое отношение к процессу профессионализации искусства региона, в том числе к формированию синтетического видообразования. Такие традиционные формы оперы, как ария, ансамбль, хоровые номера, получив адекватное музыкально-драматургическое толкование, органично влились в художественную структуру музыкально-драматических спектаклей С. Сайдашева.

Глубоко права исследователь Ф. Салитова, подчеркнувшая роль композитора в освоении европейской профессиональной традиции [12]. Авторская склонность С. Сайдашева к синтезу интонационных структур и композиционных закономерностей народной и профессиональной музыки наметила одну из закономерностей последовательного решения вопросов профессионального мастерства. Татарские музыкальные драмы, созданные на основе синтеза традиционной татарской музыки, композиционных закономерностей популярного в 20–40-е годы музыкально-драматического представления и основ европейской музыкально-театральной традиции, вошли в историю как явление нового профессионального искусства.

С. Сайдашев, по мнению исследователя М. Нигмедзянова, «уже в первой половине 20-х годов приступил, а впоследствии успешно решил в своем творчестве центральную проблему, вставшую перед татарской музыкой (она оказалась типичной и для музыки башкирского, марийского, мордовского, удмуртского и чувашского народов. – Т. Э.) – проблему гармонизации национального мелоса» [10].

Таким образом, важнейшая предпосылка профессионализации музыкального искусства и, в частности, формирования синтетического видообразования видится в музыкальных драмах С. Сайдашева. Подчеркнем, создание вокально-хоровых произведений, инструментальных композиций, возникновение музыкально-исполнительского искусства, авторские инициативы поэтов, драматургов, композиторов коренной национальности (С. Альмухамедова, С. Габяши, Т. Гиззата, М. Джалиля, Н. Жиганова, Л. Кирюкова, М. Музафарова, Ф. Павлова, С. Сайдашева, К. Тинчурина, С. Чавайна и др.), авторские инициативы представителей русской композиторской школы отвечали критериям профессионализации

культуры и искусства автономных республик Приволжского федерального округа.

Произведения представителей русской художественной традиции, в том числе Б. Асафьева («Алтынчеч»), В. Иванишина («Нарспи»), М. Чемберджи («Карлугас»), А. Эйхенвальда («Мэгрэн») и др. тоже обладали ценными качествами музыкально-драматургической интерпретации национальной литературы (воплощения событий национальной истории и традиционного быта) при посредстве композиционных закономерностей синтетического видообразования. Опыты оказались позитивными, в частности, с точки зрения информации о содержательских формах европейской профессиональной художественной традиции.

Важно, что к созданию оперы подключаются местные авторы. Так, в 1930 Г. С. Габяши, С. Альмухамедов и В. Виноградов создали на современную национальную тематику оперу «Эшче». На рубеже 30–40-х годов была заявлена авторская инициатива Н. Жиганова, склонного к созданию значительных идейно-художественных концепций. Как особенное художественное явление времени, согласующееся с идейно-художественными и культурными запросами 20–40-х годов предстала опера «Алтынчеч». Произведение продолжило линию историко-художественной преемственности, намеченную С. Сайдашевым и представителями русской композиторской школы.

Художественная структура произведения Н. Жиганова восприняла наиболее общие музыкально-драматургические принципы русской классики – музыкально-драматургическую организацию целого и частей, органичную во взаимодействии сказочно-легендарного и жизненного начала. Личные и общественные помыслы действующих лиц определяющим образом сказались на драматургии музыкального действия, усилив в нем рефлексивный тон повествования (либретто Мусы Джалиля). И все же центральная, национально-историческая линия проводится целенаправленно, с пафосом, утверждая идеалы добра, красоты, ответственности за судьбы народные. Пафос борьбы, стремление к счастью пронизывает образы главных героев.

Разработка сквозного музыкального действия (в основном исчерпанная интонационными комплексами лирического, героического, драматиче-

ского содержания) целенаправленна, привлекает мелодическим началом (которое, как известно, является «главным репрезентантом» музыкального произведения), богата в нюансах интонационного проявления: открыто песенного, в отдельных элементах декламационного, интонационно напряженного, свободного по мелодическому дыханию. Что касается музыкального решения конфликта, то здесь композитор на стороне доступного воплощения его. В частности, использован типовой прием обнаружения противоборствующих сторон – способ противопоставления интонационно-смысловых элементов горизонтали (вокальная партия) и вертикали (оркестровая партия).

Творческая деятельность С. Сайдашева и Н. Жиганова имела глубинный историко-культурный смысл. Авторские инициативы, обусловленные внутренними потребностями культурного развития автономных республик, были своевременными, отвечали идейно-художественным и эстетическим запросам времени, в частности, задачам создания произведений, способных увлечь широкую аудиторию, мало подготовленную к восприятию профессионального художественного творчества. И, таким образом, в эпицентре художественных событий 20–40-х годов оказались музыкальные драмы С. Сайдашева и оперы Н. Жиганова. Эпохальное значение авторских инициатив видится также в профессионально обоснованном использовании музыкально-драматургических средств, «лексико-грамматических» норм, форм традиционного и профессионального искусства – всего, что отвечало авторской интерпретации художественных структур профессионального искусства. Впоследствии достижения этой области поиска были развиты, сформированы в художественные закономерности музыкального процесса 50-х – начала 70-х годов.

Итак, отправная стадия периода, отмеченная музыкальными драмами С. Сайдашева, операми Н. Жиганова (особенно оперой «Алтынчеч») предстала как исключительное явление художественного творчества 20–40-х годов, отвечавшее критериям современной модели национальной культуры «нерусских» народов Приволжского федерального округа.

Следует признать, что первые опыты в области создания почвенной основы для формирования синтетического видообразования только в отдельных образцах были обусловлены логикой

внутреннего художественного развития народов, тем не менее, начало процесса профессионализации музыкального искусства было очевидным уже на отправной стадии периода, когда возникло «встречное течение», согласующееся с потребностями локальных культур к росту. Напомним, «встречное течение» обусловило действие всеобщего закона историко-художественной преемственности с европейским (русским) профессиональным художественным опытом.

В период 50-х – начала 70-х годов в условиях возросшей устремленности «нерусских» народов к профессионализации художественного творчества, восприятию инонациональных достижений (прежде всего русского народа) историко-художественная преемственность сформировалась в устойчивую закономерность фундаментального значения. Данное явление мотивировало, во-первых, совершенствование художественного сознания, во-вторых, формирование видов профессионального искусства (в том числе музыкального), создание новых художественных структур, в частности, структуры синтетического видообразования, и параллельно с этим совершенствование профессионального мастерства в вокально-хоровом и инструментально-исполнительском искусстве; в-третьих, кристаллизацию показателей, структурирующих процесс профессионализации музыкального искусства. Авторские инициативы, заявленные в области синтетического видообразования, в значительной мере сказывались на процессе профессионализации музыкального искусства, меняя, таким образом, представление об уровне духовного развития «нерусских» народов Приволжского федерального округа. В русле историко-художественной преемственности с европейским (русским) искусством были созданы произведения профессионального музыкального искусства, по всем признакам художественно состоятельные, среди которых «Священная дубрава» А. Асламаса, «Шывармань» Ф. Васильева, «Чакка» А. Васильева, «Тюляк и Су-Слу» Н. Жиганова, «Салават Юлаев» З. Исмагилова, «Акпатыр» Э. Сапаева, «Нарспи» Г. Хирбю и др. Авторские инициативы композиторов пролегли, главным образом, в русле национально-исторической оперы, исходными позициями создания которой стали образцы национальной поэзии, традици-

онного фольклора, традиции русской оперной классики. Этот материал содержал потенциал к объединению. Естественная потребность народов к художественному росту стимулировала преобразование этих источников согласно процессу профессионализации музыкального искусства.

Опера «Джалиль» (1957) Н. Жиганова возвысилась в ряду произведений 50-х – начала 70-х годов как исключительное, своевременное художественное явление (так называемой эпохи «изоляции» отечественного искусства от мирового художественного опыта)⁴. Опера «Джалиль» заявила о себе независимостью авторской воли в трактовке традиционной структуры синтетического видообразования и, следовательно, стала ответом на запросы времени, поставившего задачу преодоления традиционализма в советском многонациональном искусстве. Данное событие, правда, не стало стимулом последовательного, целенаправленного решения вопроса обновления структуры синтетического видообразования в оперном творчестве композиторов автономных республик округа. Безусловно, необходимо было время для совершенствования мастерства, обновления художественного мышления и, в целом, для осмысления достижений своей культуры и искусства в контексте отечественного и шире – мирового художественного опыта. Заметим, решительным выражением идеи преодоления традиционализма в музыкальном искусстве автономных республик округа стала и опера «Чакка» А. Васильева, наметившая один из путей художественного осмысления национально-исторической тематики при помощи композиционных закономерностей современного искусства⁵.

В каждой отдельно взятой автономной республике процесс создания профессиональной модели музыкального искусства (в частности,

формирование синтетического видообразования) имел свои границы, что стало глубоко симптоматическим явлением основной стадии. Обусловленность данного явления видится, в частности, в отдельных различиях социокультурной организации профессионального художественного творчества, что, безусловно, сдерживало проявление отдельных авторских инициатив. Тем не менее 50–60-е годы заявили о себе сразу, решительно, качественно и количественно иными показателями композиторского творчества. Напомним, созданная в 1957 году опера «Джалиль» Н. Жиганова привлекла внимание экстраординарностью идейно-художественной концепции, отвечавшей всеобщим критериям художественности и актуальным запросам отечественного искусства. Наметившийся в 50–60-е годы перелом дал картину склонного к синхронизации оперного процесса. Почти одновременно создаются оперы в Башкирской, Марийской, Удмуртской автономных республиках. Расширяется круг авторов в Татарии. В Чувашии структура синтетического видообразования была в центре внимания музыкального творчества, что, разумеется, поддерживалось идеей создания чувашского профессионального музыкально-театрального искусства.

Идея национального самоутверждения поддерживала интерес к локальной истории и традициям, отечественной классике, имеющей глубокие профессиональные корни, стимулировала идейно-художественный рост «нерусских» народов в период 50-х – начала 70-х годов. Традиции русской классики XIX века отвечали художественно-эстетическим ориентациям начального этапа профессионализации музыкального искусства, в том числе формирования синтетического видообразования. Избирательное отношение к профессиональным традициям музыкального искусства составило устойчивую закономерность основной стадии, общехудожественные и музыкально-особенные показатели которой выразились в авторских инициативах вполне самостоятельного подхода к интерпретации композиционных закономерностей оперных образцов XIX века, но в отдельных случаях нечуждого подражанию (как известно, свойственному ускоренному формированию художественных процессов).

Наиболее устойчивые композиционные закономерности русской классики (социально-пси-

⁴ Известный исследователь советской музыкальной культуры и искусства М. Тараканов, говоря о начавшемся в музыкальном творчестве 50–60-х годов процессе преодоления «изоляции», имел в виду произведение Н. Жиганова. (Из беседы с М. Е. Таракановым в июне 1992 года).

⁵ Преждевременно ушедший из жизни композитор А. Васильев был воспитанником выдающегося педагога и ученого Г. И. Литинского, внесшего неизмеримый вклад в подготовку национальных музыкальных кадров для республик Советского Союза.

хологическая направленность проблемно-тематической основы, принципы и приемы музыкальной драматургии, организации целого) органично вошли в структуру национально-исторических произведений, проявив тем самым универсальную способность к взаимодействию с компонентами традиционного художественного творчества. Ориентация на структурные основы русской оперы мотивировала разного рода формы связей традиционного (локального) и профессионального (всеобщего). Так рождался конкретно-исторический тип синтетической структуры, отвечающий критериям профессионализации музыкального искусства «нерусских» народов Приволжского федерального округа в период 50-х – начала 70-х годов.

Музыкально-драматургические свойства произведений на национально-историческую тематику индивидуальны, но есть общие черты, позволившие понять составляющие процесса ассимиляции синтетического видообразования. Толкование тем, сюжетов, связанных с историей и традиционным бытом «нерусских» народов осуществлено в условной форме⁶, и чаще всего, в аспекте противостояния общественных и личных интересов. В масштабных музыкально-драматургических композициях представлены «народно-коллективистский», социальный и драматический аспекты содержания при главенстве социально-психологического начала. Композиционные закономерности произведений ориентированы на принципы и приемы, отвечающие родовым признакам русской классики XIX века. Идеино-утверждающие функции лирического, объективно-повествовательного и драматического выразились в музыкально-типовых формах синтетического видообразования и формах индивидуально интерпретированных, учитывающих логически взаимообусловленные связи традиционно-национального и привнесенного

⁶ Музыкальная драматургия – главная составляющая художественной концепции синтетического видообразования. Сценарная драматургия, подчиняясь законам этой стороны структуры, утрачивает способность к исторически обоснованному толкованию тем, сюжетов, образов. Поэтому их трактовка условна, хотя с точки зрения художественности синтетического видообразования имеет, как правило, жизненную направленность.

извне. Напомним, типовая форма музыкально-драматургического обнаружения противостояния сторон была использована Н. Жигановым в симфонической картине «Бой» (опера «Алтынчеч», 1941). Средства музыкально-инструментальной разработки (интонационно-тематические сопоставления, столкновения и взаимодействия) формируют музыкально-выразительную, драматизированную оркестровую ткань симфонической картины «Бой», в которой логика музыкально выраженного противостояния сторон имеет жизнеутверждающий исход.

Иного рода форма-стимул обнаружения противостояния сил, драматизация сквозного музыкального действия есть в «Шывармань» Ф. Васильева, «Акпатыр» Э. Сапаева.

Эти произведения в определенной мере близки, в частности, в использовании вокальной формы баллады, как известно, нейтральной по музыкально-типовым свойствам, но эффективной в качестве обнаружения конфликта («Шывармань») и в качестве одного из приемов утверждения основной мысли произведения («Акпатыр»). Баллада фокусирует внимание участников событий на этапе экспозиции, мотивирует ход музыкально-драматургического действия. Так, в объективно-повествовательном тоне баллады, согласующемся (как это принято) с экспозицией действия, есть содержательный мотив-стимул роста напряженности музыкального развития («Шывармань»). В «Акпатыр» баллада-стимул мотивирует иную идейно-смысловую направленность музыкального действия. Объективно-повествовательный тон музыкального интонирования, картинность и размеренность в показе среды и затем перелом в музыкально-драматургическом действии (выраженном при посредстве симфонизированной драматургии) имеет своим исходом пафос героического утверждения легендарных основ событий.

Мотивы беспросветного существования, недостижимости счастья в мире социального неравенства, протеста определили социально-психологический (с уклоном в народно-коллективистский) аспект национально-исторической оперы. Предрасположенность к героико-эпическому, героико-романтическому обобщению событий и образов в операх «Салават Юлаев», «Тюляк и Су-Слу», «Шывармань» проявилась в формах, близких к традиционным, с другой

стороны, пафос драматического выразился в повышенно-экспрессивных музыкальных обобщениях, наметивших тенденцию преодоления типовых закономерностей оперного и народно-песенного интонирования в «Шывармань» Ф. Васильева, «Чакка» А. Васильева, «Тюляк и Су-Слу» Н. Жиганова и др. Например, динамику образа Тюляк определила линия перехода (в некоторой степени сдержанного, в пределах авторско-обоснованной психологической детализации образа) – от богатого нюансами лирического интонирования к суровому тону преобразившихся, согласно ситуации, интонационно-тематических комплексов.

Напомним, музыкальный психологизм впервые был заявлен в музыкальных драмах С. Сайдашева, в «Алтынчеч», особенно в «Джалиль» Н. Жиганова. Что касается «Алтынчеч», то монологи главных персонажей объективированы в форме «устойчивого состояния» при посредстве речитативно-декламационных и народно-песенных элементов, что согласуется с образной концепцией либретто Мусы Джалиля.

На основной стадии формирования синтетического видообразования, когда проявилась тенденция авторско-независимого толкования драматургической основы синтетической структуры и, конечно, в немалой степени благодаря влиянию «Джалиль» Н. Жиганова⁷, музыкальный психологизм предстал как художественно-значимое явление оперы автономных республик. В связи с этим обратим внимание на логически взаимообусловленную связь «народно-коллективистского» и субъективного в образе Сарби («Шывармань» Ф. Васильева). Трансформация исходного интонационно-тематического компонента хора крестьян (первая картина) проявила двойственное функционально-смысловое значение: воплотила волевое побуждение крестьянской массы и в то же время оказалась способной выразить противо-

⁷ Кстати, большинство представителей музыкального искусства автономных республик, и прежде всего композиторы, были воспитанниками, стали последователями композиторской и музыкально-педагогической школы Литинский-Жиганов, быстро сформировавшейся в Казанской государственной консерватории (организована в апреле 1945 года) и затем в музыкально-образовательных учреждениях автономных республик Приволжского федерального округа.

речивое, полное драматизма, внутреннее состояние главной героини в форме «внутреннего монолога», сначала интонируемого проникновенно, затем утратившего (согласно ситуации) эмоциональную наполненность музыкальной речи.

В «Чакка» А. Васильева мотив бесправного положения женщины-крестьянки возвысился до уровня трагического музыкального обобщения образа. С самого начала внутреннее состояние Тайби объективируется в интонационных комплексах-переживаниях, на основе которых формируется структура «длящегося состояния». Музыкальная экспрессия возрастает, достигает высокой степени концентрации, что мотивирует «проращение» данной структуры в моносцене третьей и четвертой картин оперы. К концу музыкально-драматургического действия концентрация внимания на внутреннем состоянии Тайби, искусная, совпавшая с кульминацией действия, музыкально-психологическая разработка характера и в целом музыкального действия на основе сквозной драматургии интонаций, последовательной полифонизации музыкальной ткани и повышенного внимания к оркестровой выразительности – все это определяющим образом сказалось на оригинальной интерпретации традиционной структуры синтетического видообразования.

Музыкальный психологизм «Чакка» зиждется на синтезе музыкально-стилевых закономерностей профессиональной и народной традиций – ариозной и речитативно-декламационной манере интонирования, включившей архаические элементы чувашской песенности. По-особенному интерпретированная стилевая манера оперной классики внятно сказала на идейно-художественной концепции произведения. Предвидя возможную форму преодоления традиционной музыкально-драматургической схемы финала, композитор ввел на заключительном этапе действия развернутые, разработанные в современной интонационной стилевой манере «внутренние монологи», представшие как необычное, но внутренне закономерное явление оперы на национально-историческую и традиционно-бытовую тематику.

Избирательное отношение к традициям, обогатившееся в творчестве С. Сайдашева, Н. Жиганова, представителей русской музыкальной школы в 50-е годы, стало закономерным явлением процесса формирования национальной опе-

ры, в которой наметилось вполне самостоятельное отношение к классическим и современным формам музыкальной стилистики. Например, в «Нарспи» И. Пустыльника традиционная система мажоро-минора проявила естественную для идейно-художественной концепции данной оперы восприимчивость к особенностям чувашской народной песни. С одной стороны, напевы, органично согласующиеся с общепринятыми закономерностями классической функциональной гармонии, с другой – обозначилась заметная склонность к преодолению общепринятых функциональных отношений классического мажоро-минора. В «Джалиль» Н. Жиганова общепринятые функциональные отношения гомофонно-гармонического склада ослаблены, в результате чего содержательная сторона стилеобразующих показателей расширилась благодаря бифункциональным созвучиям. Стремление к расширенному толкованию элементов народной музыки не успело обрести в рассматриваемый период свойства типичного явления. Хотя были отдельные качественно позитивные показатели, регулирующие процесс ассимиляции классической традиции стилеобразования. В условиях последовательной полифонизации музыкальной ткани начался процесс поиска новых способов взаимосвязи горизонтали и вертикали в русле современной традиции музыкального искусства XX века. Это позитивно сказалось на «форме-процессе» оперы «Чакка» А. Васильева, где один из способов обновления музыкальной ткани проявился при посредстве известного приема «проецирования горизонтали на вертикаль». Это предстало как логически взаимообусловленное единство народного и профессионального, обусловившее кристаллизацию структуры, «особого аккорда», в процессе ладово-интонационной разработки материала. Компромисс в отношении к диссонансу и центру многоголосного склада (например, в опере «В шесть часов вечера после войны» Г. Вдовина) обусловлен усилением мелодико-интонационных связей в организации музыкальной ткани и дифференциацией ладово-гармонических элементов по горизонтали.

Основания отмеченных явлений видятся в органичном взаимодействии народной и профессиональной традиций (в частности, в усилении ладово-мелодических связей в системе

многоголосной ткани, взаимообусловленности вертикали горизонталью). Это мотивировало тенденцию обновления стилистических закономерностей оперы конца 60-х – начала 70-х годов.

Творческая инициатива отдельных авторов расширила границы историко-художественной преемственности, и, таким образом, процесс формирования синтетического видообразования на основной стадии изучаемого периода предстал в новых качествах, отвечающих в отдельных образах всеобщим критериям художественности.

Совершенно особое место в процессе формирования синтетического видообразования принадлежит «Джалиль» Н. Жиганова – произведению общечеловеческой проблематики, посвященному теме Великой Отечественной войны.

Устремленность Н. Жиганова к новаторской интерпретации традиционной структуры синтетического видообразования была обусловлена своевременно заявленной темой подвига Мусы Джалиля, поэта-воина, героя Великой Отечественной войны: «Для меня была важна память о тех, кто самоотверженно защищал Родину, приближая Победу. Память о Герое, Поэте, Человеке пламенной души, озаренном мечтой о будущем, вдохновила меня на создание произведения, в определенной мере нетрадиционного, но доступного восприятию»⁸.

Обусловленность создания экстраординарной композиции видится и в другом – необходимости решения вставших в 50–60-е годы вопросов идейно-художественного обновления отечественного искусства, совершенствования профессионального мастерства в музыкальном творчестве автономных республик Приволжского федерального округа.

«Джалиль» Н. Жиганова – пример нового, возможного в условиях 50–60-х годов, пути обновления традиционной структуры синтетического видообразования на основе синтеза универсальных закономерностей музыкального искусства и искусства слова. Мотивы гражданственности, стойкости, возвышенные переживания, мысли, устремленные в будущее, обозначили актуальные проблемы социально-политического (человек и время), роль личности в истории, морально-этического (смысл человеческого бытия, жизнь

⁸ Из беседы с Н. Г. Жигановым, состоявшейся в июне 1987 года.

смерть-бессмертие) значения. На первый взгляд, таких проблем не существует в произведении, так как у поэта-воина нет выхода. Он обречен. Но есть выбор – до конца оставаться верным Отчизне.

Идейно-художественный замысел обусловил авторскую позицию в отношении к традиционной структуре синтетического видообразования. Н. Жиганов в сотрудничестве с либреттистом А. Файзи создал музыкально-драматическую композицию, согласующуюся с циклом стихов «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля.

Архитектоника оперы зиждется на мастерски обобщенных универсальных традициях профессионального музыкального искусства – симфонизме и типовых формах оперной драматургии, волей автора направленных в русло последовательного раскрытия «диалектики души» и жизненных перипетий поэта-воина. Музыкально-драматическая концепция обнаружила несводимые к традиционной структуре синтетического видообразования композиционные закономерности (совмещение пространственно-временных пределов событий, череду лирически-проникновенных и экспрессивных «внутренних монологов» (в отдельных примерах с тенденцией к диалогизации). Ретроспекция как главный фактор структурирования целого расширила пространственно-временные границы настоящего момента, мотивировала высокую концентрацию впечатлений, раздумий, переживаний, имеющих отношение к сиюминутному положению героя и возвысивших его в социально-политическом и морально-нравственном отношении.

Впечатления, раздумья, переживания, объединенные логикой вокально-симфонического развития, структурируют композицию в масштабный внутренний монолог-сцену, где есть герой – носитель характерных черт новой действительности, парадоксальные ситуации, совмещение пространственно-временных пластов, события-впечатления, сопряженные композиторской волей в логически последовательную линию сквозного музыкального действия с внутренне закономерным выводом: «никто не забыт, ничто не забыто».

Органично вошедшие в концепцию «Джалиль» принципы и приемы искусства слова мотивировали необычный художественный результат. На стыке видожанростилеобразующих форм му-

зыкального искусства и искусства слова возникло новое художественное качество – новеллистическая опера-исповедь.

Событийная сторона произведения замкнута в пространстве и остановлена во времени. Джалиль – узник камеры Моабитской тюрьмы. Ситуация дала ход воспоминаниям, всколыхнувшим сознание, душевную жизнь поэта-воина. Впечатления, раздумья, переживания оформлены в виде «внутренних монологов» и картин-новелл о торжестве жизни, стойкости, верности Отчеству.

В четвертой картине (эпиграф «Жизнь моя песней звенела в народе, смерть моя песней борьбы прозвучит») вокально-симфоническое интонирование, органичное во взаимодействии составляющих его компонентов, вырастает из лирически-проникновенной кантилены первой картины-новеллы. Начальный этап произведения демонстрирует кантилену с элементами эмоционально-смысловой детализации, прорастающей затем в ариозную форму музыкального высказывания («Прощай, Казань»). И далее, последовательная разработка (драматизация) интонационно-тематических комплексов формирует лирико-психологическую направленность сквозного музыкального действия. Противостояние сил достигает предела на волне конфликтной разработки интонационно-тематических комплексов сквозного и контрсквозного действия в симфонической картине «Бой» (вторая картина-новелла). Все это дано сильно, открыто, с пафосом утверждения героики сопротивления и верности воинскому долгу.

Четвертая картина-новелла (эпиграф «Прости, Родина») – центральная в музыкально-драматическом решении проблемы «жизнь-смерть-бессмертие». Идея воинского долга, сопряженная с мотивом противостояния жизненным обстоятельствам, обусловила выбор Джалиля – путь к самопожертвованию. Внутренний монолог-сцена переполнен раздумьями, переживаниями склонного к анализу обстоятельств поэта-воина. Ладово-мелодические истоки данного этапа музыкально-драматического действия видятся в сформировавшихся ранее интонационно-тематических комплексах сквозного музыкального действия, в ариозной, речитативно-декламационной традиции отечественной оперной классики, в татарской песенности.

Сопоставление, взаимодействие, мотивная разработка элементов ранее сформировавшихся интонационно-тематических комплексов, вызревание типического – героико-драматического начала, экспрессия которого сопряжена с действительными, непреклонными интонациями – такова свойственная мастеру логика драматизации «внутреннего монолога» и в целом сквозного симфонического действия. И, наконец, пафос героико-драматического начала символизирует непреложность выбора поэта-воина.

Очевидно заявленная в пятой картине-новелле (эпиграф «Кто посмеет сказать, что я предал!?!») событийная сторона конфликта дает ход торжеству духовного превосходства поэта-воина в шестой картине-«новелле» (эпиграф «Не верь!»). Динамика душевной жизни героя достигает высшей точки трагического в музыкальном обобщении образа. В седьмой картине-новелле (эпиграф «Песни всегда посвящал я Отчизне. Ныне Отчизне я жизнь отдаю») пафос трагического сохраняется. И наряду с этим кантилена данного раздела произведения представлена в специфически авторской манере интонирования, проникнутой возвышенным чувством. Вокально-симфоническая разработка, направляемая творческой волей мастера, непреклонна в утверждении торжества созидательных жизненных начал.

В центре симфонизированной идейно-художественной концепции – образ поэта-воина, непреклонного в своем сопротивлении и беспредельного в возможностях духовного созидания. Трактован как «психологический субъект» и характер. Чрезвычайно важным является драматизм внутренней жизни героя, специфические условия для проявления которого создали ретардация и ретроспекция. Впечатления, события, соединенные памятью поэта-воина структурированы в авторское вокально-симфоническое повествование, по всем признакам развернутое, углубленное, раскрывшее «диалектику души» и жизненные перипетии Мусы Джалиля.

В последовательном музыкально-драматургическом решении образа внесобытийным моментам, как отмечалось, принадлежит определяющая роль. Впечатления поэта-воина мотивировали пространственно-временной дуализм музыкально-драматургического действия.

Н. Жиганов заявил о себе как мастер высокого дарования, создавший произведение по всем признакам исключительное. Композиционные закономерности смежных видов искусства, неисчерпаемые возможности симфонизма, традиционные формы вокального интонирования предстали в органическом единстве. Обобщив универсальные принципы оперно-симфонической драматургии, Н. Жиганов структурировал композицию оперы в виде многочастного внутреннего монолога-сцены, вокально-симфоническая драматургия которого предстала в градациях импрессионно-лирической (лирически непосредственного, мгновенно пробудившегося), экспрессивного, конфликтного вокально-симфонического обобщения, выразившего пафос лирико-драматического, героического и трагического положения.

Обобщая результаты исследования, под черкнем:

1. Изучение процесса формирования синтетического видообразования в период 20-х – начала 70-х годов подтвердило невозможность использования устоявшихся схем познания музыкальных культур, видов и жанров искусства. Процесс предстал как художественное явление, отличное от других национальных школ, направлений отечественного музыкального творчества.

2. Историко-процессуальный подход к явлению обусловил применение принципа «логического выпрямления» художественного процесса, сопряженного с рассмотрением основных линий (тенденций и закономерностей), касающихся существа вопроса. Определенным образом систематизированный материал позволил сосредоточиться на отдельных показателях явления, конкретно-исторического, стадийного, склонного к структурированию, обусловленного общественно-типологическими, общехудожественными и специфически музыкальными тенденциями и закономерностями, дающими представление о процессе как начальном, быть может, во многом переходном, демонстрирующем главные линии авторской интерпретации традиционной структуры синтетического видообразования. И это несмотря на то, что временные границы начального этапа в каждой отдельно взятой автономной республике не совпадают по причине различий в динамике, в отдельных художественных показателях.

3. Традиционные формы профессионального искусства и художественные формы локальной традиции одинаково активно влияли на процесс, отвечая внутренне закономерным потребностям народов к художественному росту. В органичном синтезе художественных форм профессионального и традиционного творчества выделся единственный путь, по которому прошло все цивилизованное человечество.

4. Затронутые явления жанро- и стилеобразования оказались достаточными для иллюстрации положительно протекавшего в оперном творчестве процесса выработки профессиональной системы музыкально-драматургического мышления. С одной стороны, приверженность законам традиционной структуры, с другой – противонаправленная, на первый взгляд, тенденция преодоления устойчивых компонентов художественного целого и явная устремленность к обновлению синтетического видообразования за счет внутренних и внешних источников – все сохраняло на протяжении периода непреложность закономерности, по-особенному протекавших художественных явлений.

5. Обновляющие свойства процесса очевидно выразились в творческой устремленности композиторов к авторской интерпретации (в той или в другой степени выраженной) традиционной структуры. Данное явление особенно явно проявилось в опере «Джалиль» Н. Жиганова, внесшей в художественный процесс качественно иные, перспективные для будущего, приемы и принципы музыкально-драматургического решения художественного замысла.

6. Принимая во внимание действие закона историко-художественной преемственности мы не склонны абсолютизировать общее, универсальное и особенное в процессе формирования синтетического видообразования. Различия авторского толкования структуры проистекают из объективных основ процесса, далеко неоднородных генетическо-контактных связей и типологических схождения. Общее, универсальное, переключившись с отдельными чертами особенного на начальном этапе формирования синтетического видообразования, преобладало по причине предрасположенности культур избирательно подходить к инонациональным влияниям. В пользу объективности господства общего, универсального свидетельствует, как известно, история искусств

периода складывания стиля. Тогда, по верному мнению исследователя А. Соколова, «родственные центростремительные начала приводят к образованию общего стиля, который в результате развития идейно-образного содержания искусства, художественного метода, жанров, то есть стилеобразующих факторов, в дальнейшем постепенно дифференцируется» [14].

Структурирующие процесс основы (инонациональные и локально-традиционные), выраженная унификация процесса оцениваются нами как объективно возникшие явления, обусловленные уровнем социокультурного, общехудожественного развития народов и отвечающие начальному этапу формирования синтетического видообразования. Что касается явления унификации, то оно будучи исторически обусловленным существенно отличается от аналогичных явлений в отечественном искусстве. Попав в иные локальные условия, синтетическая структура традиционного видообразования ассимилировалась в течение достаточно короткого периода, проявила склонность к преодолению канонов видообразования, выработке самостоятельных идейно-художественных концепций, генетически связанных с национальными традициями и общечеловеческими ценностями.

7. Актуализация отдельных вопросов, касающихся периодизации процесса, формирования основ профессионального искусства, может стать стимулом создания серьезных трудов узкоспециального и комплексного содержания, отражающих вопросы художественного, в частности, музыкально-исполнительного творчества «нерусских» народов региона. Не утратило своей актуальности изучение последовавшей за периодом стадии «неопределенностей», обусловленной известными событиями социокультурного содержания.

И, наконец, предвидя возражения и не забывая об известной истине – невозможности и нецелесообразности создания безоговорочной схемы художественного процесса, подчеркнем. Затронутые проблемы могут быть дополнены, развиты, переосмыслены в аспектах более широкого – культурологического и искусствоведческого (музыкально-исторического и теоретического) исследований.

Литература

1. Асламас А. Священная дубрава: Клавир оперы (рукопись).
2. Васильев А. Чакка: Клавир оперы (рукопись).
3. Васильев Ф. Шывармань: Клавир оперы (рукопись).
4. Гачев Г. Ускоренное развитие литературы: на мат-ле болг. лит. 1-й половины XIX века. – М.: Наука, 1964. – 312 с.
5. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. – М.: Прогресс, 1979. – 320 с.
6. Жиганов Н. Алтынчеч: Клавир оперы (рукопись).
7. Жиганов Н. Джалиль: Клавир оперы (рукопись).
8. Жиганов Н. Тюляк и Су-Слу: Клавир оперы (рукопись).
9. Иванишин В. Нарспи: Клавир оперы (рукопись).
10. Нигмедзянов М. Татарская народная песня в обработке композиторов. – Казань: Таткнигоиздат, 1964. – 139 с.
11. Пустыльник И. Нарспи: Клавир оперы (рукопись).
12. Салитова Ф. Музыкальные драмы Салиха Сайдашева: Роль жанра в становлении татарской профессиональной музыки. – Казань: Таткнигоиздат, 1988. – 159 с.
13. Сапаев Э. Акпатыр: Клавир оперы (рукопись).
14. Соколов А. Теория стиля. – М.: Искусство, 1968. – 228 с.
15. Хирбю Г. Нарспи: Клавир оперы (рукопись).

References

1. Aslamas A. Sviashchennai dubrava: Klavir opera (rukopis') [The sacred oak grove Aslamas: Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).
2. Vasil'yev A. Chakka: Klavir opery (rukopis) [Chakka: Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).
3. Vasil'yev F. Shyvarman': Klavir opery (rukopis') [Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).
4. Gachev G. Uskorennoe razvitie literatury: na materiale literatury i poloviny XIX veka [Accelerated development of literature: on a material bolg. Lit. 1st half of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 312 p. (In Russ.).
5. Djurishin D. Teoriia sravnitel'nogo izucheniia literatury [The theory of comparative study of literature]. Moscow, Progress Publ., 1979. 320 p. (In Russ.).
6. Zhiganov N. Altynchek: Klavir opery (rukopis) [Altynchek: Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).
7. Zhiganov N. Dzhaliil': Klavir opery (rukopis') [Jalil: Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).
8. Zhiganov N. Tiuliak and Su-slu: Klavir opery (rukopis') [Tyulyakov and Su-Slu: Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).
9. Ivanishin V. Narspi: Klavir opery (rukopis') [Narspi: Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).
10. Nigmedzianov M. Tatarskaia narodnaia pesnia v obrabotke kompositorov [Tatar folk song in the treatment of composers]. Kazan', Tatknigoizdat Publ., 1964. 139 p. (In Russ.).
11. Pystyl'nik I. Narspi: Klavir opery (rukopis') [Narspi: Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).
12. Salitova F. Muzykal'nye dramy Salikha Saidasheva: Rol' zhanra v stanovlenii tatarskoi professional'noi muzyki [Musical drama Salih Saidashev: The Role of the genre in the formation of the Tatar professional music]. Kazan', Tatknigoizdat Publ., 1988. 159 p. (In Russ.).
13. Sapaev E. Akpatyr: Klavir opery (rukopis') [Akpatyr: Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).
14. Sokolov A. Teoriia stilia [The theory of style]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. 228 p. (In Russ.).
15. Khirbiu G. Narspi: Klavir opery (rukopis') [Narspi: Piano Opera (manuscript)]. (In Russ.).

УДК 78.072

АПОЛОГИЯ АВТОРОЛОГИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ

Чепеленко Ксения Олеговна, кандидат социологических наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского (г. Саратов, РФ). E-mail: kseniya_ch@list.ru

Проблематика <автора художественного> обширна, многообразна и актуальна, пока существует творчество, искусство и наука. Теоретическое направление отечественной филологической

науки об <авторе художественном> стало определяться в 20-е годы прошлого века. Его полемически-заостренное развитие не привело к формированию современной парадигмы автора художественного. Маска, образ, лик, фигура автора – таковы некоторые координаты исследования поэтики автора, метафорически представленной в исторической ретроспективе.

Современный взгляд на проблему утверждает: автор, главный актер литературной практики, открывает возможность изучения литературного произведения в его целостном единстве. Новый виток развития теории автора связан с теоретическими воззрениями И. Карпова и его авторологической парадигмой.

Данная статья посвящена авторологическому дискурсу, разомкнутому в сферу историко-теоретического музыковедения. В качестве объекта исследования выступает авторология как научная область филологии, наука об авторе. Предмет исследования фокусируется на фигуре композитора в свете авторологической парадигмы.

Цель работы предполагает выявление ряда авторологических характеристик, участвующих в построении концептуальной модели современного композитора.

Осмысля перспективу авторологического подхода к рассмотрению заявленной проблематики, необходимо отметить: далеко не вся концептуальная основа авторологического дискурса соответствует ракурсу музыкальной авторологии, обозначенному в данном исследовании. Речь идет только о той части теоретических представлений, которая эксплицирует автора художественного в свете высказываний о собственном творчестве, характеризуя его в аспекте литературно-оформленного <авторского слова>. Такой тип интроспективного высказывания <автора музыкального> (композитора) соответствует интенции самопрезентации.

Интенция эта пронизывает деятельностное пространство композитора-творца, охватывая многообразие осуществляемых им творческих практик. Данный тезис репрезентирует оригинальную стратегию исследования и его оригинальную смысловую доминанту.

Ключевые слова: авторология, музыкальная авторология, современный композитор.

APOLOGIA OF AUTHOROLOGY IN THE LONG TERM OF MUSICOLOGY

Chepelenko Kseniia Olegovna, PhD in Sociology, Assistant of Department of Philosophy, Humanities and Psychology, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: kseniya_ch@list.ru

Various Problems of author is very actually in sphere of the humanities today.

Concept of author is wildespread in science and art. The literary theory of the author is known as authorology. Authorology (*greek* author – itself, logos – a word, the doctrine) – is a science concerned with the author of literary and art product considering him as the subject of literary and art activity.

Authorology formed as self-contained branch of analytical philology in the last few decades the XX-th centuries. I. Karpov became the founder of this direction.

The article is about the problems of authorology discourse opened into the sphere of historical theoretical musicology. This is a new scientific approach to musicology. I can suggest to denote it as musical authorology.

The musical authorology is a verbal composer's say about himself and his creations. The composer's word can exist in different form. The composer's word attending in music context – is one of displaing aspects of verbal principle in author's creativity.

One more aspect – is composer's word, concerning with such piece of music, but placed outside the music text. The fourth type is an interpreting composer's word about his music. Author's self-analysis of his music piece is especially valuable. This field is a composer musicology (A term suggested by T. Naumenco). We can consider an aggregate of these aspects as a modern music authorology, where composer and his verbal utterance about himself and his creations can get a key role.

Keywords: Authorology, Authorology of Music, Modern Composer.

Музыкальная авторология (если можно будет в дальнейшем так называть это направление) – междисциплинарного плана терминопонятие, предлагается к введению в музыковедческий тезаурус. Молодая отрасль аналитической филологии со своим особенным предметом, терминосистемой и научной стратегией – авторология – продолжает наметившуюся в научном дискурсе в конце прошлого века, линию изучения <автора художественного> как субъекта творческой активности. С тех незапамятных пор получило распространение весьма авторитетное суждение: «не произведение, подчиненное канону, а его создатель, центральной категорией поэтики является – не стиль или жанр, а автор» [1, с. 33].

Теория автора не теряет своей актуальности на протяжении длительного периода времени. Общеизвестно, авторское искусство вписано в историю искусств, представленную новоевропейской академической традицией, сложившейся в живописи, скульптуре, литературе, поэзии, музыки, театре. И пока существует авторское искусство, проблема эта будет волновать ученых умы, что, собственно, и подтверждает огромное количество научных дискуссий, исследований в этой сфере. Ни одно из них не обходится без отсылок к трудам таких известных ученых, как М. М. Бахтин [2], В. В. Виноградов [5], А. Б. Есин [8], Б. О. Корман [16], Ю. В. Манн [20], В. В. Прозоров [21], Н. Т. Рымарь [22], В. П. Скобелев [22], И. П. Карпов [12–13].

Можно определенно констатировать: авторологическая теория, преодолевая собственные дисциплинарные рамки, выходит в более широкое знаниевое пространство. Мы говорим о музыковедении как о возможной точке приложения авторологической концепции и об авторе-композиторе как носителе авторологической интенции и авторологической модальности. Верификация этого положения инициирует оригинальную исследовательскую стратегию автора данной публикации.

Как проявляется специфика авторологического подхода применительно к фигуре автора-композитора – таков ключевой вопрос, смысловой узел развернутой *ad hoc* рефлексии.

Профессиональный облик современного композитора полифоничен, многопрофилен, Неудивительно поэтому, что в понятие <художественное наследие> наряду с корпусом музыкальных

произведений композитора органично включается литературная составляющая его творчества, в которой большой удельный вес имеют непосредственно авторские высказывания о творчестве, творческом методе, композиторской технике и т. д. Очевидно, что словесная деятельность композитора, только этим содержанием не ограничивается.

Полемические и критические статьи, эссе, обсуждения новых произведений, научные исследования, методологические разработки, учебные пособия, автобиографические заметки... – все перечисленное не охватывает полного объема жанровых направлений, представляющих сферу композиторской словесности.

Одну из существенных сторон композиторского «литературного поведения» (Ю. М. Лотман) представляет дискурс композитора о самом себе, что само по себе не ново в музыковедении. Традиционно при изучении творчества композитора практикуется обращение к литературным трудам, авторской информации, отличающейся качеством подлинности, достоверности.

Очевидна обусловленность специфики музыкальной авторологии природой композиторского творчества: музыка словесно невыразима, тем не менее, в творческой работе композитора определяющее значение имеет не только образно-звуковое но и словесно-когнитивное мышление, способное создать некую «понятийную опору музыки» [4].

Известная мысль о том, что композитор может творить без помощи словесного языка, вербальных представлений – нынче нонсенс. Лучший контраргумент этому находим у И. С. Тургенева: «Музыка – это разум, воплощенный в прекрасных звуках». В отношении современного музыкального искусства, главными координатами которого являются интеллектуализация, литературизация, математизация, мысль русского классика приобретает аксиоматическое звучание.

Амбивалентность словесно-музыкального в структуре композиторской деятельности проявляется в стратегии самопрезентации. Для композиторов во все времена остается актуальной идея самопрезентации, стихия самовыражения, реализуемая в продукте творческой деятельности. Однако, как показывает композиторская практика, одной только музыки для самопрезентации

оказывается не вполне достаточно. Наделенные «геном литературности» (В. И. Мартынов) композиторы стремятся «раскрыться» через вербальные каналы авторского дискурса.

Не будет большим преувеличением сказать, что не только непосредственно результат художественного труда, но и, что весьма существенно, литературно оформленная рефлексия выступают сегодня релевантными формами творческой активности. Иными словами, «автор художественный», атрибутируемый в контексте собственных произведений благодаря стратегии авторской «представленности», «формам авторского присутствия», получает возможность «быть услышанным», благодаря литературно-оформленным высказываниям.

И то, и другое одинаково важно для авторологии, но первая позиция, как известно, изучается в одном из разделов курса анализа музыкальных форм – теории музыкального содержания. Проблемой этой занимаются ведущие музыкальные ученые: В. Н. Холопова [33–37] Л. П. Казанцева [9–11], М. Г. Карпычев [14], А. Ю. Кудряшов [17–19].

Что же касается второй компоненты – то она остается, пока что, вне сферы интересов большинства исследователей и потому обладает в данном случае особой притягательной силой. В данном аспекте показательно направление, разрабатываемое И. Г. Умной [25–31]. Музыкальный ученый исследует поэтику творчества С. М. Слонимского в свете взаимоотражения вербального-невербального начал.

В исследовательский фокус данной работы попадает анализ авторологической информации, адресантом которой выступает композитор. Согласно сложившимся канонам, авторологическая интенция приоритетным признает <слово> самого автора. В узком значении лексема <слово> означает элемент художественной, поэтической речи, в широком – речевую конструкцию, высказывание. Такое представление о <слове> выдержано в духе П. А. Флоренского: «Когда по-русски мы говорим <слово>, то имеем в виду и целую речь, и отдельное предложение, и каждую отдельную часть речи. <...> Греческое слово *λογος* опять-таки имеет значение и речи, и отдельной фразы, и отдельного слова, в узком смысле» [32, с. 207]. Разномасштабные форматы авторского вербального «самовыражения» –

от отдельных реплик до развернутых высказываний, включая научные статьи, монографии и диссертационные исследования, – подходят под определение <слово> по П. А. Флоренскому.

Композиторы, метафорически интерпретируя понятие <слово>, находят ему разнообразное применение, используя в названии научной статьи, как это сделано у А. Шнитке в его «Слове о Прокофьеве» [3], или применительно к музыкальному сочинению. Речь идет о цикле из пяти произведений «Слово для духовых и ударных» (1975) А. Вустина.

Музыкальная авторология как вербально-словесной форма объективации деятельности композитора проблематизирует то, как автор/композитор в своей интеллектуально-художественной практике осуществляет интенцию самоинтерпретации, самопрезентации, апеллируя к <слову>. В аксиологическом измерении первостепенное значение приобретает эстетическая информация, исходящая от автора и воплощающая его творческую рефлексию.

<Слово> композитора коммуникативно заряжено; оно направлено адресату, в лице которого автор, как правило, надеется встретить своего слушателя. <Слово> композитора, вызванное к жизни его музыкой, надделено объясняющими, комментирующими, интерпретирующими функциями. Таким оно предстает, локализуясь в программных названиях, посвящениях, авторских эпитафиях и авторских аннотациях.

Имманентно музыкальный модус композиторской авторологии, по сравнению с литературным его прототипом, более смещен в сторону теоретизирования, затрагивающего вопросы описания авторских систем, композиционных принципов, звуковой организации музыкальной ткани и т. д. Аналогичные технические проблемы существуют в литературоведении, но так сложилось, что их решением занимаются по преимуществу исключительно специалисты: филологи, лингвисты, переводчики.

В авторских ремарках, адресованных исполнителям, находит применение функция служебного <слова>. «Склонное» к теоретизированию <слово> композитора, авторская самоаналитика, автотеория представляет собой сферу научного авторского дискурса, ориентированного на рецепцию профессионалами. Таким образом, авторологическая интенция, эксплицированная в совокуп-

ности своих видовых форм, обращена к агентам, взаимодействующим в пространстве музыкального искусства.

Исследовательскую ситуацию в музыкальной науке сегодня характеризует повышенный интерес к анализу индивидуализированных композиционных структур, звуковых систем, неординарных форм фиксации авторской текста, названных Э. В. Денисовым «графическим кодированием музыкальной информации совокупностями избранных символов» [6, с. 112]. Без участия композитора разобраться в подобных «тонкостях» не представляется возможным. Скорее всего, именно поэтому автокомментирование можно считать авторологическим жанром номер один.

Крупной формой авторологического высказывания выступает автомонография. Своеобразным автопутеводителем по творчеству является книга В. А. Сильвестрова «Дождаться музыки» [23]. В автомонографии В. Екимовского – пожалуй, единственном такого формата труде композитора о самом себе, автор «настолько детально и досконально изложил свои взгляды и воззрения, настолько точно осветил проблемы своей композиционной технологии, содержания и формы, настолько ясно показал суть своей музыкальной философии, что, казалось, раз и навсегда закрыл для музыковедов вопросы собственного творчества, вопросы аналитических исследований и глубокомысленных обобщений» [7].

Специального рассмотрения заслуживают книги В. И. Мартынова, для исследовательской оптики которого «характерно стремление видеть музыку в слиянии с внемузыкальным началом» (см. [15, с. 42]). В его литературно-философских произведениях авторологические «мысли» вплетены в широчайший культурный контекст эпохи.

Производность музыкальной авторологии от литературоведческого прототипа обуславливает общность жанровых форм. Оба крыла авторологической теории объединяет жанровая тематика словотворчества, фокусируемого вокруг фигуры

автора (в нашем случае композитор). Этому соответствуют художественно-публицистические моножанры: автобиографическая, эпистолярная, мемуарная проза, дневники.

Диалог, интервью в различных своих разновидностях и вариантах (радио-теле-интернет) представляет «устную» разговорную форму авторологического дискурса, безотносительно того, кем являются его участники, писатели, композиторы или живописцы.

Не стремясь к панорамному охвату поставленной проблемы, остановимся в качестве некоторого промежуточного итога на нескольких наиболее существенных теоретических положениях, которые могли бы в дальнейшем быть проработаны более обстоятельно:

- авторология как результирующая взаимодействия художественного, публицистического и биографического начал творчества, как аспект диалога музыкального-внемusicalного в контексте творчества;

- взаимоотражение музыки и слова в пространстве авторологического высказывания;

- двойная вербально-невербальная автопрезентация как генеральная интенция музыкальной авторологии;

- жанровая спецификация музыкального авторологического дискурса;

- адресат музыкального авторологического дискурса;

- обогащение методологического аппарата музыковедения посредством авторологических стратегий.

Как междисциплинарная теория, концепция автора «открыта» всем направлениям гуманитарных исследований, будь то искусствознание, социология, культурология, эстетика философия или филология. Обозначенный в данной работе круг вопросов, связанный с проблематизацией музыкальной авторологии, эксплицирует ее значительный исследовательский потенциал.

Литература

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. ст. – М.: Наследие, 1994. – С. 33–38.
2. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
3. Беседы с Альфредом Шнитке / сост., авт. вступ. ст. А. В. Ивашкин. – М.: Культура, 1994. – 304 с.: ил.

4. Бурьянек И. К историческому развитию теории музыкального мышления [Электронный ресурс] // Театр. 6-ка. – 2013. – URL: <http://lib.vkarp.com/2013/01/31/бурьянек-и-к-историческому-развитию> (дата обращения: 19.06.2015).
5. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: Гослитиздат, 1961. – 614 с.
6. Денисов Э. В. Стабильные и мобильные элементы музыкальной формы и их взаимодействие // Денисов Э. В. Современная музыка и проблемы эволюции композиторской техники. – М.: Советский композитор, 1986. – С. 112–136.
7. Виктор Екимовский [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ekimovsky.ru/>
8. Есин Б. А. Литературоведение. Культурология: избр. тр. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 352 с.
9. Казанцева Л. П. Музыкальное содержание в контексте культуры: учеб. пособие. – Астрахань: Волга, 2009. – 360 с.
10. Казанцева Л. П. Содержание музыкального произведения в контексте музыкальной жизни: лекции по курсу «Теория музыкального содержания». – Астрахань: АГК, 2004. – 127 с.
11. Казанцева Л. Тема как категория музыкального содержания // Музык. акад. – 2002. – № 1. – С. 131–139.
12. Карпов И. П. Авторология русской литературы (И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, А. М. Ремизов). – Йошкар-Ола: Марев, 2003. – 448 с.
13. Карпов И. П. Словарь авторологических терминов (учеб.-метод. вариант): кн. для учителей, студентов, преподавателей, аспирантов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. – 212 с.
14. Карпычев М. Г. Теоретические проблемы содержания музыки. – Новосибирск, 1997. – 68 с.
15. Катунян М. Параллельное время Владимира Мартынова // Музыка из бывшего СССР. – М., 1996. – Вып. 2. – С. 41–74.
16. Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. – М.: Наука, 1971. – С. 199–207.
17. Кудряшов А. Ю. Теория музыкального содержания. Художественные идеи европейской музыки XVII–XX веков: учеб. пособие. – СПб.: Лань, 2006. – 432 с.
18. Кудряшов А. Ю. К уточнению научно-категориального аппарата теории музыкального содержания // Семантика музыкального языка: мат-лы науч. междунар. конф. 27–28 февр. 2002 года / РАМ им. Гнесиных. – М., 2004. – С. 112–117.
19. Кудряшов А. Ю. Теория музыкального содержания. – СПб.: Планета Музыки, 2010. – 432 с.
20. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. – М.: Худож. лит., 1988. – 412 с.
21. Прозоров В. В. Автор // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк., Академия, 1999. – 556 с.
22. Рымарь Н. Т., Скобелев В. П. Теория автора и проблема художественной деятельности. – Воронеж: Логос-Траст, 1994. – 264 с.
23. Сильвестров В. А. Дождаться музыки. Лекции-беседы. По мат-лам встреч, организованных Сергеем Пилютниковым. – Киев: Дух і літера, 2010. – 368 с.
24. Сорокина Н. В., Романистика Л. М. Леонова: структурно-типологическая парадигма: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2006. – 52 с.
25. Умнова И. Г. К проблеме осмысления сочинений С. М. Слонимского сквозь призму музыкально-литературного творчества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 4(10), ч. 1. – С. 178–181.
26. Умнова И. Г. Литературное творчество композитора Сергея Слонимского: моногр. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – 188 с.
27. Умнова И. Г. Явление литературоцентризма в музыкальном искусстве XX века // Мир науки, культуры, образования: междунар. науч. журн. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2008. – № 5 (12). – С. 129–134.
28. Умнова И. Г. Литературное творчество композиторов // Вестн. Москов. ун-та: Сер. 9, Филология. – М.: Изд-во МГУ им. Ломоносова, 2008. – № 6. – С. 101–110.
29. Умнова И. Г. К проблеме изучения музыкальных текстов композитора в контексте его вербальных текстов // Музыкальная культура в теоретическом и прикладном измерении: сб. науч. ст.: в 2 ч. / Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств; ред. кол.: Е. Л. Кудрина (гл. ред.), А. В. Шунков, Л. Ю. Егле, сост. и отв. ред. И. Г. Умнова. – Кемерово: КемГУКИ, 2014. – Ч. 1. – С. 157–164.
30. Умнова И. Г. Вербальная и невербальная составляющие в музыкальном тексте современных композиторов // Музыкальное искусство и наука в XXI веке: история, теория, исполнительство, педагогика: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. научн. конф., посвящ. 45-летию Астрахан. гос. консерватории / гл. ред. Л. В. Сав-

- вина, ред.-сост. В. О. Петров. – Астрахань: ГАОУ АО ДПО «Астраханский ин-т повышения квалификации и переподготовки», 2014. – С. 103–107.
31. Умнова И. Г. Поэтика Сергея Слонимского: к проблеме взаимосвязи музыкального и литературного творчества. – СПб., 2012. – 39 с.
 32. Флоренский П. А. Мысль и язык // Флоренский П. А. Соч. – М., 1990. – Т. 2: У водоразделов мысли. – С. 207.
 33. Холопова В. Музыка как вид искусств. – СПб.: Планета музыки, 2014. – 320 с.
 34. Холопова В. Музыкальное содержание: зов культуры – наука – педагогика // Музык. акад. – 2001. – № 2. – С. 34–41.
 35. Холопова В. Н. Теория музыкального содержания [Электронный ресурс]: прогр.-конспект. – 2009. – 24 с. – URL: http://www.kholopova.ru/publ_rus.html (дата обращения: 15.12.2014).
 36. Холопова В. Специальное и неспециальное музыкальное содержание. – М.: ПРЕСТ, 2002. – 32 с.
 37. Холопова В. Н. Три стороны музыкального содержания // Музыкальное содержание: Наука и педагогика: мат-лы I Всерос. науч.-практ. конф. / МГК им. П. И. Чайковского. – М.; Уфа: РИЦ УГИИ, 2002. – С. 55–76.

References

1. Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhailov A.B. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh [Categories of poetics in changing of literary epochs]. *Istoricheskaja poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia: Sbornik statei [The Historical poetics. Literary epoches and types of artistic consciousness. Proc.]*. Moscow, Legacy Publ., 1994. 33 p. (In Russ.).
2. Bakhtin M.M. Avtor i geroi: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and hero: To philosophical bases of humanities]. St. Petersburg, Alphabet Publ., 2000. 336 p. (In Russ.).
3. Besedy s Al'fredom Shnitke [Conversations with Alfred Shnitke]. Compiler, author of introductory article A.V. Ivashkin. Moscow, Kultura Publ., 1994. (In Russ.).
4. Bur'ianek I. K istoricheskomu razvitiuu teorii muzykal'nogo myshleniia [The historical development of the theory of musical thinking]. *Teatral'naia biblioteka [Theatre library]*. (In Russ.). Available at: <http://lib.vkarp.com/2013/01/31/> (accessed 19.06.2015).
5. Vinogradov V.V. Problema avtorstva i teorii stilei [The Problem of authorship and theory styles]. Moscow, Thin. lit., 1961. 614 p. (In Russ.).
6. Denisov E.V. Stabil'nye i mobil'nye elementy muzykal'noi formy i ikh vzaimodeistvie [Stable and mobile elements of musical form and their interaction]. *Denisov E.V. Sovremennaja muzyka i problemy evoliutsii kompozitorskoi tekhniki [Modern music and the evolution of the composition technique]*. Moscow, Soviet composer Publ., 1986, pp. 112–136 p. (In Russ.).
7. Viktor Ekimovskii. (In Russ.). Available at: <http://www.ekimovsky.ru/>.
8. Esin B.A. Literaturovedenie. Kul'turologiia: izbr. trudy [Literary Studies. Cultural Studies: FAV. works]. Moscow, Flint Publ.; Science Publ., 2003. 352 p. (In Russ.).
9. Kazantseva L.P. Muzykal'noe sodержanie v kontekste kul'tury: ucheb. posobie [Musical content in the context of culture: Training tutorial]. Astrakhan', Volga Publ., 2009. 360 p. (In Russ.).
10. Kazantseva L.P. Soderzhanie muzykal'nogo proizvedeniia v kontekste muzykal'noi zhizni: leksii po kursu "Teoriia muzykal'nogo sodержaniia" [Fundamentals of music content: a Training tutorial]. Astrakhan, 2004, 127 p. (In Russ.).
11. Kazantseva L. Tema kak kategoriia muzykal'nogo sodержaniia [Theme as a category of musical content]. *Muzykal'naia akademiia [Music Academy]*, 2002, no. 1, pp. 131–139. (In Russ.).
12. Karpov I.P. Avtorologiia russkoi literatury (I.A. Bunin, L.N. Andreev, A.M. Remizov): monografiia [Astrologia of Russian literature. (I.A. Bunin, L.N. Andreev, A.M. Remizov): Monograph]. Yoshkar-Ola, 2003. (In Russ.).
13. Karpov I.P. Slovar' avtorologicheskikh terminov (uchebno-metodicheskii variant) [Dictionary of Autorological Terms]. Yoshkar-Ola *Mari State University* Publ., 2004. 212 p. (In Russ.).
14. Karpychev M.G. Teoreticheskie problemy sodержaniia muzyki [Theoretical problems of music content]. Novosibirsk, 1997. 68 p. (In Russ.).
15. Katunian M. Parallel'noe vremia Vladimira Martynova [Parallel time of Vladimir Martynov]. *Muzyka iz byvshego SSSR [Music from the former USSR]*. Moscow, 1996, iss. 2, pp. 41–74. (In Russ.).
16. Korman B.O. Itogi i perspektivy izucheniia problemy avtora [Results and Prospects of Studying the Problem of the Author]. *Stranitsy istorii russkoi literatury [Pages of history of Russian literature]*. Moscow, Science Publ., 1971, pp. 199–207. (In Russ.).
17. Kudriashov A.Iu. Teoriia muzykal'nogo sodержaniia. Khudozhestvennye idei evropeiskoi muzyki XVII–XX veka [The Theory of Musical Content. Artistic Ideas of European Music of the XVII–XX centuries]. St. Petersburg, DOE Publ., 2006. 432 p. (In Russ.).

18. Kudriashov A.Iu. K utocnenniiu nauchno-kategorial'nogo apparata teorii muzykal'nogo sodержaniia [To clarify scientific and categorical apparatus of the theory of musical content]. *Semantika muzykal'nogo iazyka: materialy nauchnoi mezhdunarodnoi konferentsii 27–28 fevralia 2002 goda* [Semantics of the musical language: proceedings of the international conference on 27–28 February 2002]. Moscow, Gnesiny Russian Academy of Music Publ., 2004, pp. 112–117. (In Russ.).
19. Kudriashov A.Iu. Teoriia muzykal'nogo sodержaniia [Theory of music maintenance]. St. Petersburg, Planeta muzyki Publ., 2010. 432 p. (In Russ.).
20. Mann Iu.V. Poetika Gogolia [Gogol's Poetics]. Moscow, Thin. lit. Publ., 1988. 412 p. (In Russ.).
21. Prozorov V.V. Avtor [Author]. *Chernets L.V., Khalizev V.E., Broitman S.N. i dr. Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye poniatii i terminy: ucheb. posobie* [Introduction to Literary Studies. Literary Work: Key Concepts and Terms: training manual]. Moscow, Higher school, Academy Publ., 1999, pp. 11–20. (In Russ.).
22. Rymar' N.T., Skobelev V.P. Teoriia avtora i problema khudozhestvennoi deiatel'nosti [The Theory of the author and the Problem of Artistic Activity]. Voronezh, Logos-Trust Publ., 1994. 264 p. (In Russ.).
23. Sil'vestrov V.A. Dozhdat'sia muzyki. Lektsii-besedy. Po materialam vstrech, organizovannykh Sergeem Piliutikovym [To Wait for Music. Conversational lectures. According to the materials of the meetings organized by Sergei Pilottown]. Kiev, Dukh i litera Publ., 2010. 368 p. (In Russ.).
24. Sorokina N.V. Romanistika L.M. Leonova: strukturno-tipologicheskaia paradigma: avtoref. dis. dr. filologicheskikh nauk [Novels by L.M. Leonov: structural-typological paradigm: author diss Dr. of Philology]. Tambov, 2006. 52 p. (In Russ.).
25. Umnova I.G. K probleme osmysleniia sochinenii S.M. Slonimskogo skvoz' prizmu muzykal'no-literaturnogo tvorchestva [To the problem of S. M. Slonimskii's compositions comprehension through the prism of musical-literary creativity]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and art of History. The theory and practice]. Tambov, 2011, no 4(10), ch. 1, pp. 178–181. (In Russ.).
26. Umnova I.G. Literaturnoe tvorchestvo kompozitora Sergeia Slonimskogo: monografiia [Literary creativity of composer Sergei Slonimsky: Monograph]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts, 2010. 188 p. (In Russ.).
27. Umnova I.G. Iavlenie literaturotsentrizma v muzykal'nom iskusstve XX veka [The phenomenon of literature centrism in music art of 20th century]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia: Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal* [World of science, culture and education: International scientific journal]. Gorno-Altai, Gorno-Altai State University Publ., 2008, no 5 (12), pp. 129–134. (In Russ.).
28. Umnova I.G. Literaturnoe tvorchestvo kompozitorov [Literary creativity of composers]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9. Filologiya*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2008, no 6, pp. 101–110. (In Russ.).
29. Umnova I.G. K probleme izucheniia muzykal'nykh tekstov kompozitora v kontekste ego verbal'nykh tekstov. *Muzykal'naia kul'tura v teoreticheskom i prikladnom izmerenii: Sbornik nauchnykh statei: v 2 chastiakh* [Musical culture in theoretical and applied dimension. Proc.]. Ed.: E.L. Kudrina, A.V. Shunkov, L.Iu. Egle, I.G. Umnova. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts, 2014, part 1, pp. 157–164.
30. Umnova I.G. Verbal'naia i neverbal'naia sostavliaiushchie v muzykal'nom tekste sovremennykh kompozitorov [Verbal and non-verbal components in the music text of modern composers]. *Muzykal'noe iskusstvo i nauka v XX veke: istoriia, teoriia, ispolnitel'stvo, pedagogika: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 45-letiiu Astrakhanskoi gosudarstvennoi konservatorii* [Music and science in the twenty-first century: history, theory, interpretation, pedagogy Collection of scientific articles on materials of the International scientific. the conference, devoted to the 45 anniversary of the Astrakhan state Conservatory]. Ed. L.V. Savvina, V.O. Petrov. Astrakhan, Astrakhan Institute of training and retraining Publ., 2014, pp. 103–107. (In Russ.).
31. Umnova I.G. Poetika Sergeia Slonimskogo: k probleme vzaimosviasi muzykal'nogo i literaturnogo tvorchestva [The poetics of Sergei Slonimsky: the problem of the relationship of musical and literary creativity]. St. Petersburg, 2012. 39 p.
32. Florenskii P.A. Mysl' i iazyk [Thought and language]. *Florenskii P.A. Works. Vol. 2. The watersheds of thought*. Moscow, 1990. 207 p. (In Russ.).
33. Kholopova V. Muzyka kak vid iskusstva [Music as an art form]. St. Petersburg, Planeta muzyki Publ., 2014. 320 p. (In Russ.).
34. Kholopova V. Muzykal'noe sodержanie: zov kul'tury – nauka – pedagogika [Musical Content: Call of Culture – Science – Pedagogy]. *Music Academy*, 2001, no. 2, pp. 34–41. (In Russ.).
35. Kholopova V.N. Teoriia muzykal'nogo sodержaniia: programma-konspekt [Theory of musical content: program-abstract], 2009. 24 p. (In Russ.). Available at: http://www.kholopova.ru/publ_rus.html (accessed 15.12.2014).

36. Kholopova V. Spetsial'noe i nespetsial'noe muzykal'noe sodержanie [Special and non-special Musical Content]. Moscow, PREST Publ., 2002. 32 p. (In Russ.).
37. Kholopova V.N. Tri storony muzykal'nogo sodержaniia [Three Sides of the Musical Content]. *Muzykal'noe sodержanie: Nauka i pedagogika: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. [Musical Content: Science and education: Materials of I all-Russia. Science-Practical. Conf.]*. Moscow, Ufa, Ufa State Institute of Arts Publ., 2002, pp. 55–76. (In Russ.).

УДК 786.2

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В ФОРТЕПИАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. САНЖИЕВОЙ

Цыбикова-Данзын Инесса Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории, теории музыки и общего фортепиано института музыки, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (г. Улан-Удэ, РФ). E-mail: ines.ts@mail.ru

В статье проанализированы фортепианные произведения бурятского композитора Л. Н. Санжиевой с целью выявления средств и приёмов музыкальной выразительности, какими создаётся национальное своеобразие музыки. Характеризуя творческий путь композитора, автор статьи отмечает, что Л. Н. Санжиева еще со студенческих лет и до настоящего времени, постоянно обращается к сочинению в сфере фортепианных жанров. Для анализа выбраны различные жанровые разновидности фортепианного жанра – пятичастная сюита «Бурятские танцы», пьеса «Настроение», фортепианный ансамбль «Степные напевы» и «Вариации» для двух фортепиано. Анализ осуществлен по традиционному плану – мелос, структура совокупности мелодических линий и фактуры сопровождения, с акцентированием на национально окрашенных средствах и приёмах музыкальной выразительности. В заключении автор отмечает, что Л. Н. Санжиева обогатила жанровый круг музыки Бурятии в сфере фортепиано, написав ансамбли для двух инструментов; композитор хорошо чувствует специфику изложения для фортепиано и является по складу своего мышления национальным композитором. Это складывается в умении Л. Н. Санжиевой, не подражая фольклорному мелосу, находить свои мелодические образы как близкие узкообъемным бурятским народным напевам, так и в широкой интервалике в стиле композиторской песни Бурятии. Эти свои мелодии композитор сопровождает фактурой разнообразного склада, логично используя и тонально-функциональную аккордику, и вертикали нетерцового строения (чаще кварто-квинтового), находит и соответствующую трактовку традиционных форм. Фортепианные сочинения Л. Н. Санжиевой являются ценным вкладом в музыкальное творчество Бурятии.

Ключевые слова: пентатонический лад, кварто-квинтовая аккордика, сюита, вариации, фортепианная пьеса.

NATIONAL FEATURES IN THE CREATIVE PIANO WORK OF L. N. SANZHEVA

Tsybikova-Danzyn Inessa Alexandrovna, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of History, Music Theory and General Piano of Music Institute, East-Siberian State Academy of Culture and Arts (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ines.ts@mail.ru

The piano pieces of the Buryat composer L. N. Sanzhieva have been analyzed to reveal the means and techniques of music expression that create the national originality of music. Briefly describing the creative career of this composer, the author stresses that beginning from her student years to the present L. N. Sanzhieva has constantly been composing the piano pieces. A variety of piano genre pieces: five-part suite “Buryat dances,” composition “Mood,” piano ensemble “Steppe melodies” and “Variations” for two pianos have been chosen

for the analysis which has been made according to the traditional plan, melos, the structure of melodic lines and texture combination with the emphasis on nationally colored means and techniques of music expression. In conclusion, the author notes that L. N. Sanzhieva enriched the genre range of piano music of Buryatia having composed ensembles for two instruments; the composer feels the specifics of composing the piano pieces and is really a national composer by her mentality. This is revealed in her ability to find her own melodic images that are close both to the narrow scale of the Buryat folk melodies and wide scale style of the Buryat composer's song. The composer accompanies her melodies with various texture using the tone-functional accords and vertical non-third construction (mainly quarter-quint). Thus, she finds the proper interpretation of traditional forms. The piano pieces of L. N. Sanzhieva are a valuable contribution to music of Buryatia.

Keywords: pentatonic harmony, quarter-quint accords, suite, variations, piano piece.

Интеграционные процессы, происходящие в современном мире, актуализировали проблему диалога «Восток – Запад». Бурятская профессиональная музыка выросла как результат плодотворного диалога Востока и Запада, синтеза национальных музыкальных традиций и культуры европейского типа. Проблематика данной статьи – рассмотреть проявления конвергенции восточной и западной культур на примере фортепианного творчества современного бурятского композитора Л. Н. Санжиевой, с целью выявления средств и приемов музыкальной выразительности, какими создается национальное своеобразие бурятской музыки.

Лариса Николаевна Санжиева (1966 г. р.) – композитор, заслуженный деятель искусств Республики Бурятия, председатель Бурятского регионального отделения Союза композиторов России, выпускница Новосибирской государственной консерватории им. М. Глинки (класс композиции профессора Г. Н. Иванова), представитель третьего поколения композиторов Бурятии. Л. Н. Санжиева является автором сочинений в разных жанрах: симфонических – «Балетные сцены» по эпосу «Гэсэр» в трех частях, симфоническая миниатюра «Чжуд-ши»; камерно-инструментальных – Вариации для скрипки и фортепиано, «Чинрезиг» для квинтета духовых инструментов; произведений для оркестра бурятских народных инструментов – Сюита в трех частях, концертные пьесы «На берегу Селенги», «Энхалуцкие забавы птиц», а также вокальных сочинений.

Творчество Л. Н. Санжиевой освещается в периодической печати республики с 1995 года [2; 7]. Ранние произведения композитора отмечены в статьях музыковедов Бурятии О. И. Куницына, В. К. Лазаревой. В учебном пособии профессора О. И. Куницына «Бурятская музыкальная литература» [3] проанализированы «Балетные

сцены» для симфонического оркестра, «Остров сетей» для оркестра бурятских народных инструментов, Трио для скрипки, виолончели и фортепиано; Пьеса для тромбона и фортепиано и песни композитора. В статье «Композитор и педагог Лариса Санжиева» [1] Э. В. Буруева приводит много интересных фактов творческой и педагогической деятельности композитора за последние годы. Однако исследований, посвященных фортепианному творчеству Л. Н. Санжиевой, до сих пор не было (фортепианные сочинения композитора не изданы и находятся у автора в рукописном варианте). Настоящая статья является первым исследованием фортепианного творчества композитора Л. Н. Санжиевой.

К фортепианному жанру Л. Н. Санжиева обращается постоянно, начиная со студенческих лет обучения и по сегодняшний день, объясняя что «в душе я – пианистка» [2]. Л. Н. Санжиева часто выступает с исполнением своих сочинений, среди которых особенным успехом у слушателей пользуется «Танец шамана» из цикла «Бурятские танцы» [1, с. 110].

Фортепианная сюита «Бурятские танцы» сочинена в 1989 году, в период обучения в Новосибирской консерватории. Пятичастная фортепианная сюита «Бурятские танцы» Л. Санжиевой включает разнохарактерные миниатюры, для которых объединяющим началом служит бурятское мелодико-ритмическое начало. Первые три танца характеризуются подвижностью, «подтекстом» – очевидной интонационно-ритмической связью с характерным для бурятского музыкального фольклора танцем-хороводом ёхором.

«Танец № 1» идет в неторопливом движении (*Moderato*) и строится на пентатоническом тематизме скорее скерцозного, чем танцевального плана. Первая тема с характерным скачком на нисходящую септиму открывает пьесу.

Moderato

Вторая тема близка по ритму к ёхору, но отличается от народного танцевального мелоса широтой скачков. Композитор часто сопоставляет тональности, подчас резко: B-dur – Fis-dur, B-dur, f-moll, g-moll. После небольшого перехода возвращается первая тема, замыкая эту трехчастную композицию.

«Бурятскому танцу № 2» Л. Санжиева послала четверостишие известного бурятского поэта Ж. Юбухаева, выразившего в стихах восхищение красотой летней природы Бурятии: «саранки, мотыльки, смеясь, друг дружке бьют поклонь». Первый четырехтакт темы танца близок по структуре народным ёхорным напевам, что подчеркнуто сопровождением, составляющим с мелодией квинты и кварты. Продолжение характеризуется расширением мелодической линии, появлением оstinатной фигуры в сопровождении, образующей с мелодией резкие диссонансы. По мере развития оstinатная фигура варьируется, в мелодической линии варьируются интонации начальной темы. Появление ещё одной темы, родственной предыдущим, отмечено тональным сдвигом: b-moll – E-dur. Тема пентатонична, а сопровождение (вариант всё той же оstinатной фигурации) расширяется до диатонического E-dur. Возвращение несколько варьированной исходной темы в исходной тональности завершает пьесу и воспринимается, как жизнерадостная танцевальная сцена в национальном стиле.

«Бурятский танец № 3» по характеру напоминает энергичное (ремарка Allegro) скерцо, в фактуре изложения которого есть полифонические приёмы. Начальный пентатонический оборот речитативного плана свободно неточно имити-

руется в нижнюю дециму, затем его вариант проводится квинтой выше (с опорой на нетерцовые созвучия) и, в свою очередь, свободно имитируется квинтой ниже. Смена фактуры (появление кварто-квинтовых вертикалей отмечает начало середины трехчастной пьесы. Энергию движения усиливает характерная триольная фигура. На частых тональных сдвигах и смене фактуры сопровождения проводится вариант начальной темы. Возвращение варианта с триольной фигурой, три новых варианта исходной темы, из которых третий (в аккордовом сложении) завершает этот танец-скерцо, в котором композитор проявила изобретательность в полифонической и мотивной разработке.

Своего рода «лирическим центром» сюиты является «Бурятский танец № 4», благодаря найденному композитором яркому мелодическому образу, заставляющему вспомнить лирические песни (пьесе дан подзаголовок «Сэсэг», «Цветок»). Это неторопливо развёртывающаяся напевная мелодия в диапазоне дуодецимы. Большое своеобразие мелодии придаёт сочетание в ней характерных для пентатоники оборотов (лад темы – пентатоника d – f – g – a – c, с широкими скачками на октаву и на септиму) и движение по минорному трезвучию. Национальный колорит мелодии подкреплён сопровождением из параллельных кварт.

Интонации темы «просвечивают» в следующем построении на фоне убыстрившегося движения в сопровождении (восьмые сменились на шестнадцатые), тонального сдвига (B-dur – E-dur), начинается середина пьесы – более подвижная мелодическая линия с мягко диссонирующими большими секундами в сопровождении.

Пример 2

Andante

Пример 3

Moderato

Из E-dur тема «перекрашивается» в Es-dur, короткий эпизод фактурного типа (квартовое удвоение на фоне гармонических фигураций) ведет к репризе первой темы – здесь она звучит в e-moll, варьируется, дробится на отдельные обороты, сопровождается выразительными подголосками, а в итоге обретает новые черты, усиливающегося значения всей пьесы как «лирического центра» сюиты Л. Санжиевой.

Пятая, заключительная пьеса сюиты «Бурятские танцы» написана на традиционный для народов Восточной Сибири и Центральной Азии сюжет – пьеса «Шаман». (В бурятском языке для обозначения шамана используется слово «бö», а шаманки – «удаган»). Во многом традиционны избранные композитором музыкально-выразительные средства, что закономерно, поскольку, задачей автора было воспроизведение средствами фортепиано звуковой атмосферы шаманского «действия» – камлания.

Вступительный раздел образно воспроизводит удары шаманского бубна (хэсэ): в предельно низком регистре ударяется секундовое созвучие, форшлагом к которому служит то же созвучие октавой выше. Композитор указывает постепен-

ное ускорение движения (*poco crescendo*), чему способствует и появление более мелких длительностей. Усиление динамики не указано автором, но оно несомненно подразумевается. Удары бубна продолжают, а на этом фоне в правой руке возникают лаконичные попевки в жестком объеме тритона, постепенно развертывающиеся в более развитые фрагменты в том же низком регистре.

Дальнейшее развитие связано с постепенным нарастанием динамики, усложнением фактуры (ее расширением по вертикали и усилением диссонантности созвучий). Органный пункт из одного повторяющегося созвучия переходит в фигурированный, а короткие попевки на его фоне удваиваются в квартовые или секундовые. Мелодические фрагменты правой руки, постепенно поднимаясь выше, чередуются с фактурными построениями (удары бубна). Все это рисует непрерывную энергию камлания. На пути к кульминации пьесы появляются несколько построений, усиливающих настроение «действия» – эпизод во фригийском f-moll, причем резко диссонировать взятые в одновременности натуральная и фригийская II ступени, эпизод, построенный на квартовом удвоении секундовой попевки, эпизод, захва-

тывающий высокий регистр при диссонировании кварто-квинтовых созвучий. Постепенно нарастает и скорость движения, и звучность. Нарастание приводит к краткой кульминации – многозвучные кварто-квинтовые созвучия, захватывающее верхний регистр, резко акцентированные. Кульминация обрывается на своей вершине, а последнюю точку «ставит» удар бубна, что можно образно трактовать как возвращение в реальность.

Образная пьеса «Шаман» Л. Санжиевой внесла свои музыкальные краски в фортепианную музыку Бурятии.

Фортепианная пьеса «Настроение» представляет собой отражение какого-то переживания или впечатления композитора. Настроение сложное, неустойчивое – в пьесе чередуются различные по складу образы, к тому же осложнённые подчас острым политональным изложением. Пьесу открывает легкий хроматический взлет, повторяется октавой ниже, а еще ниже на октаву

становится импульсом к вступлению первой темы «Настроения» – подвижной, сложной ритмически (синкопы, пунктиры), что производит впечатление причудливого танца, тем более что сопровождение мелодии оттеняет ее диссонирующими хроматическими ходами. Тема разворачивается, опирается на те же, чередующиеся по хроматическим ходам, ломанные квинты.

Хроматический оборот-взлет еще октавой ниже становится импульсом для вступления второй темы, более распевной и в отличие от диатонической первой пентатоничной, что вносит в изложение национальную окраску, а сопровождение диссонирует своей хроматикой. Автор усиливает национальный колорит, удваивая характерные попевки темы в кварту. Звучание этого эпизода резко обостряется политональным изложением – квартовое изложение на белых клавишах» опирается на гармоническое сопровождение в *Es-dur*.

Пример 4

Allegro moderato

Возвращается вторая тема, ее политональный вариант, чередуются тональные сдвиги. Взлет-пассаж, опустившийся ещё на октаву ниже, знаменует вступление нового эпизода, резко отличающегося по фактуре – плотное хоральное сложение кварто-квинтовых и секундовых вертикалей. Возвращается политональный вариант второй темы, а завершает пьесу еще один танцевальный эпизод, в котором энергично (ремарка *subito ff*) синкопируют параллельные кварты. Трижды проведённый политональный вариант второй темы придает форму пьесы «Настроение» черты рондальности. Если же говорить о впечатлении, какое производят образы пьесы, то, это настроение, неустойчивое, часто меняющееся. Пьеса «Настроение» Л. Санжиевой может служить полезным учебным материалом для усвоения хроматических и политональных образов.

Миниатюры, написанные в годы учебы, не равнозначны, по существу являются лишь пробой пера и представляют собой определенный этап в творческой эволюции композитора. Но уже в этих пьесах просматриваются некоторые характерные черты фортепианного стиля Л. Санжиевой, проявившиеся в более поздних сочинениях.

Пьеса «Степные напевы» – ансамбль для двух фортепиано Л. Санжиевой примечательна тем, что это первое произведение в бурятской музыке в данной разновидности фортепианного жанра.

«Степные напевы» привлекают своей яркой образностью, это лирический «музыкальный пейзаж». Как крайние части (пьеса трехчастна), так и середина построены на мелодических комплексах большой выразительности. Ладовая основа (пентатоника $d - f - g - a - c$ в крайних частях

и в середине $g - b - c - d$) и ее интонационно-ритмическая реализация дают темам национальное своеобразие.

Тема крайних частей – напевная, неторопливо развертывающаяся, напоминает лирические песни автора пьесы, при этом связь с современной лирической песенностью сказывается в широте диапазона мелодии (ундещима), в преобладании широких мелодических ходов. Мелодию поддерживает спокойная мелодическая фигурация, некоторый импульс к движению вносит остиная синкопированная фигура баса. По структуре тема представляет собой квадратный период из четырех предложений, три из которых варьируют первое, развивая его мелодическую идею и ведя к кульминации в третьем предложении.

Середина пьесы более подвижна (авторская ремарка – *con moto*), ритмически разнообразна и опирается на непрерывное движение гармонических фигураций в партии второго фортепиано. Развертываясь и поднявшись к кульминации, тема середины уступает место репризе, где мелодическая линия сохраняется неизменной по сравнению с первой частью, не меняется и фигурация сопровождения, но, вместе с тем, усиливается ощущение широты образа, его спокойствия, благодаря смене синкопированной фигуры на устойчивые глубокие басы.

Мелодическая выразительность, стройность изложения, привлекательность новой для бурят-

ской музыки разновидности жанра фортепианной музыки (ансамбль для двух фортепиано) пьесы «Степные напевы» Л. Санжиевой позволила занять ей должное место в учебно-педагогическом репертуаре фортепианных классов ДШИ в Улан-Удэ и в районах республики.

Вариации для двух фортепиано Л. Санжиевой написаны в 2008 году, впервые прозвучали в Камерном зале Института музыки Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств в исполнении автора сочинения и И. А. Цыбиковой-Данзын, которой сочинение посвящено.

По строению произведение Л. Санжиевой представляет собой цикл из 12 вариаций. В 9 вариациях тема сохраняет свой рисунок («глинкинский» тип вариаций), а в 5, 11, 12 значительно преобразуется, вносятся новые элементы.

Тема вариаций – распевная мелодия в пентатоническом ладе (пентатоника от тона d), однако звуки, составляющие тему, часто отстоят друг от друга на широкие интервалы (секста, квинта, септима), отчего теряется ощущение ангемитонности, тем более, что в мелодической линии нет движения по ангемитонному трихорду (главному носителю ощущения бесполутоновости), а кроме того, в сопровождении присутствуют звуки, дополняющие лад темы до натурального, а позже и гармонического d -moll. В итоге, в теме ощутимы черты современной лирической песенности.

Пример 5

Moderato

1 *mf*

2 *mp*

Тема излагается первым фортепиано на фоне широких фигураций, второе фортепиано сопровождает его широкими аккордами. 1-я вариация не вносит особых изменений – тема передается второму исполнителю, меняется рисунок фигураций. Во 2-й вариации к теме добавляются форшлаги, вновь меняется фигурация. В 3-й вариации исполнители меняются материалом сопровождения, без особых его изменений. 4-я вариация вносит подвижный элемент – фигурации восьмых сменяются на движение шестнадцатых, тема переходит октавой ниже. Резкий контраст вносит 5-я вариация, построенная на репетициях тонов и созвучий, отчего приобретает несколько скерцозный характер. От темы в этой вариации остались лишь отдельные интонации, отчего 5-я вариация воспринимается как своего

рода «отступление» от основной линии варьирования образа темы. 6-я вариация воспринимается как возвращение настроения вариаций, предшествовавших 5-й. Некоторое усложнение характерно для 7-й вариации. В 8-й вариации появляется новая формула фактуры. То же можно сказать и о 9-й вариации.

Кульминацией цикла является 10-я вариация – одноголосие темы сменяется квинтоктавным и квартоктавным уплотнением с дублированием через две октавы (у первого фортепиано), а второе фортепиано, в фактуру партии которого входит тон *f*, дополняющий бестерцовые вертикали, поскольку является их терцовым тоном. 11-я вариация переносит «действие» в одноименную с главной тональность *d-moll* – светлый *D-dur*.

Пример 6

The image shows a musical score for two staves, labeled 1 and 2. Staff 1 is in treble clef and contains two systems of music. The first system starts with a forte (*f*) dynamic and features a melodic line with eighth-note patterns and some slurs. The second system continues the melodic line, also marked *f*, with a crescendo hairpin leading to a final *f* dynamic. Staff 2 is in bass clef and contains two systems of music. The first system starts with a mezzo-forte (*mf*) dynamic and consists of a series of chords. The second system continues with similar chords, ending with a final chord. The score is in a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature.

Тематически и фактурно эта вариация переключается с 5-й – репетиции отдельных тонов и многозвучных вертикалей, некоторое сходство фактуры и, как в 5-й вариации, лишь отдельные интонации напоминают о теме. Заключительная 12-я вариация – это объемная двухчастная безрепризная по структуре пьеса, проводящаяся дважды и построенная на новой теме, подвижного, плясового характера, интонационно и ритмически не связанная с темой всего цикла, и лишь отдаленно с 5-й и 11-й вариациями, которые рез-

ко контрастируют с вариациями, где проводится исходная тема. 12-ю вариацию скорее можно считать кодой, тематически противопоставленной предыдущему. С исходной темой вариаций новую тему связывает пентатоническая ладовая основа – ангемитонная пентатоника *d – e – g – a*. Резко сменялась и фактура сопровождения – в партии второго фортепиано наблюдается «гитарная» формула (бас и опирающееся на него соответствующее созвучие). Вторая часть (кода) безрепризна, не содержит тематического материала и основана на

непрерывном движении фигураций. Отдельные репетиции тонов напоминают 5-ю и 11-ю вариации. Второе проведение двухчастной пьесы дано в сокращении. Заключительное двухтактовое аккордовое построение завершается *glissando* в обеих руках у обоих исполнителей.

Подводя итоги анализа цикла, приходим к выводу, что произведение Л. Санжиевой необычно по своей структуре, поскольку части, обозначенные автором как 5-я, 11-я, 12-я вариации, с темой цикла не связаны и могут быть рассмотрены как эпизоды (5-я), как переход к коде (11-я) и как кода (12-я). Таким образом, перед нами структура, содержащая в себе цикл вариаций на *soprano ostinato*, в который вторгаются разделы, не связанные с темой цикла.

Избрав для анализа показательные для фортепианного творчества Л. Н. Санжиевой произведения, можно прийти к выводу о том, что, во-первых, композитор обогатила жанровый круг музыки Бурятии в сфере фортепиано, написав

ансамбли для двух инструментов; во-вторых, Л. Н. Санжиева, хорошо чувствует специфику изложения для фортепиано, а в третьих, что является в данном случае очень важным, по складу своего мышления глубоко национальный композитор. Это складывается в умении Л. Н. Санжиевой, не подражая фольклорному мелосу, находить свои мелодические образы как близкие узкообъемным бурятским народным напевам, так и в широкой интервалике в стиле композиторской песни Бурятии. Эти свои мелодии композитор сопровождает фактурой разнообразного склада, логично используя и тонально-функциональную аккордику, и вертикали нетерцового строения (чаще кварто-квинтового), находит и соответствующую трактовку традиционных форм. Таким образом, фортепианные сочинения Л. Н. Санжиевой являются ценным вкладом в музыкальное творчество Бурятии, поэтому востребованы и в концертной практике, и в учебных заведениях.

Литература

1. Буреева Э. В. Композитор и педагог Лариса Санжиева // Культурно-образовательное пространство: проблемы, тенденции, перспективы. – Улан-Удэ, 2011. – С. 58–64.
2. Гончикова Н. «В душе я пианистка» // Бурятия. – 2001. – 11 дек.
3. Куницын О. И. Бурятская музыкальная литература. – Улан-Удэ, 2007. – Вып. III. – С. 110–116.
4. Куницын О. И. Выразительные средства бурятской профессиональной музыки. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ. – 1999. – 142 с.
5. Куницын О. И. Мелодии Ларисы Санжиевой // Бурятия. – 2008. – 7 мая.
6. Лазарева В. Санжиева Лариса Николаевна // Союз композиторов Республики Бурятия: к 60-летию со дня основания (1940–2000). – Улан-Удэ, 2000. – С. 89–93.
7. Петрунин А. Обаятельная первая женщина-композитор в Бурятии // Бизнес олзо. – 1999. – 2 апр. – С. 9.

References

1. Burueva E.V. Kompozitor i pedagog Larisa Sanzhieva [Composer and teacher Larisa Sanzhieva]. *Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo: problemy, tendentsii, perspektivy* [Cultural-educational space: Challenges, Trends, perspectives]. Ulan-Ude, 2011, pp. 58–64. (In Russ.).
2. Gonchikova N. "V dushe ia pianistka" [In my heart I am a pianist]. *Buriatiia [Buryatia]*, 2001, December 11th. (In Russ.).
3. Kunitsyn O.I. Buriatskaia muzykal'naia literatura [Buryat musical literature]. Ulan-Ude, 2007, iss. III, pp. 110–116. (In Russ.).
4. Kunitsyn O.I. Vyrazitel'nye sredstva buriatskoi professional'noi muzyki [Expressive means of Buryat professional music]. Ulan-Ude, VSGAKI Publ., 1999. 142 p. (In Russ.).
5. Kunitsyn O.I. Melodii Larisy Sanzhievoy [Ringtones Larissa Sanzhieva]. *Buriatiia [Buryatia]*, 2008, May 7th. (In Russ.).
6. Lazareva V. Sanzhieva Larisa Nikolaevna [Sanzhieva Larisa Nikolaevna]. *Soiuz kompozitorov Respubliki Buriatiia: K 60-letiiu so dnia osnovaniia (1940–2000)* [Union of Composers of the Republic of Buryatia: the 60th anniversary of the founding (1940–2000)]. Ulan-Ude, 2000, pp. 89–93. (In Russ.).
7. Petrunin A. Obaiatel'naia pervaiia zhenshchina-kompozitor v Buriatii [Charming first female composer in Buryatia]. *Biznes olzo [Business olzo]*, 1999, April 2th, p. 9. (In Russ.).

УДК 78.082

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИЛЕВЫЕ ДИАЛОГИ В СИМФОНИИ C-DUR МАКСИМА БЕРЕЗОВСКОГО

Алешина Маргарита Николаевна, аспирант, Уральская государственная консерватория (академия) им. М. П. Мусоргского (г. Екатеринбург, РФ). E-mail: aleshina.marg@mail.ru

Фигура Максима Созонтовича Березовского является одной из самых загадочных среди композиторов второй половины XVIII века. Большую часть его творческого наследия представляют духовные произведения разных жанров: причастные стихи, духовные концерты, литургия. Однако в XX веке был обнаружен ряд светских произведений, принадлежащих руке композитора – опера «Демофонт», Соната для скрипки и чембало C-dur, Три сонаты для клавесина (C-dur, B-dur и F-dur), Симфонии № 11 и № 13. Все они были написаны в период проживания Березовского в Италии (1769–1774). Найденные сочинения дали возможность сдвинуть начальную границу формирования профессиональной русской композиторской школы с 1780-х на начало 1770-х годов.

Интересные находки сразу привлекли внимание исследователей. Первой работой, посвященной светскому творчеству Березовского стала статья Ю. Келдыша – «Неизвестная опера русского композитора (Об опере М. С. Березовского «Демофонт»)» [3]. В дальнейшем другими музыковедами были освещены вновь обнаруженные произведения композитора. Последним из найденных сочинений стала Симфония C-dur, обнаруженная в 1998 году итальянским профессором А. Laterzza в одном из римских архивов. На сегодняшний момент она считается самой ранней русской симфонией.

Ключевые слова: симфония, М. Березовский, музыкальные рукописи, русская музыка во второй половине XVIII века.

RUSSIAN-ITALIAN STYLISTIC DIALOGUE IN THE SYMPHONY C-DUR MAXIM BEREZOVSKY

Aleshina Margarita Nikolaevna, Postgraduate, M. P. Mussorgsky Ural State Conservatory (Academy) (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: aleshina.marg@mail.ru

For a long time M. Berezovsky's role in the history of Russian musical culture was defined only by his significant contribution to development of genres of a sacred music, first of all – a spiritual concert. However, his secular music was delicate, light, virtuoso, in the spirit of young Mozart long remained unknown. The secular works belonging to the composer were discovered only in the second half of the twentieth century in foreign archives. These are important findings given the opportunity to shift the starting border of the professional formation of the Russian school of composition from the 1780s to beginning of the 1770s.

Today the following secular works of the composer are found: Opera "Demofont," Sonata for violin and Cembalo in C major, three sonatas for harpsichord, Symphony no 11 and no 13.

But the most interesting discovery among the works Berezovsky over the past decade has become a symphony C-dur, the manuscript of which is kept in the Archivio Doria Pamphilj in Rome. For the first time it was reported by Italian researcher, Professor A. Laterzza in 1998, In 2003, the Symphony was first performed in Russia. The composition, was allegedly written during Berezovsky's stay in Italy and is an important step in the formation of the sonata-style symphonic composers of the Russian school. The composer focused on samples of known symphonies of the Italian type, which are characterized by three-part composition (fast-slow-fast), integration of all parts on an unstable harmony completion of the first two parts, the embodiment of the main shaped spheres of opera: an image of heroism, lyrics and dancing style.

In this work, we can talk about the beginning of the formation of symphonic style as development method in the Russian music. By using simple techniques the composer managed to achieved internal unity, clarity

of form that brings this work to early opuses Mozart. The Symphony Berezovsky's Symphony organically combined the features of the traditional European symphony with national content. Quite a long time, the experience of Berezovsk'y remained in the shadows and was picked up by the composers of the next generation. Russian symphonic school continued to develop in the theatrical genres. Nevertheless, the symphony has a very important historical significance. Those techniques that Berezovsky used in the work found its further development in the works of composers of the nineteenth century.

Keywords: Symphony, M. Berezovsky, musical manuscripts, Russian music in the second half of the XVIII century.

Среди композиторов второй половины XVIII века Максим Березовский является уникальной фигурой. Не только потому, что в его творчестве представлены все основные жанры новой русской композиторской школы. И не только потому, что среди всех современников он выделялся особой утонченностью композиторского стиля. Уникальность стиля Березовского состоит в особой ясности и законченности концепций, в удивительном образном и тематическом единстве музыки. Эта стройность и гармоничность мышления композитора проявила себя и в наименее изученной области творческого наследия – в светских сочинениях.

Долгое время роль М. Березовского в истории отечественной музыкальной культуры определялась только его значительным вкладом в развитие жанров духовной музыки, прежде всего – духовного концерта. Однако, его светская музыка – ажурная, легкая, виртуозная, в духе молодого Моцарта долго оставалась не известной. Лишь во второй половине XX века в зарубежных архивах были обнаружены светские произведения, принадлежащие композитору. Эти важные находки сразу же привлекли внимание исследователей¹. Найденные сочинения дали возможность сдвинуть начальную границу формирования профессиональной русской композиторской школы с 1780-х на начало 1770-х годов – время создания Березовским его камерных сочинений, оперы и симфонии.

В своих светских сочинениях композитор, прежде всего, обращался к итальянской традиции, ведь в XVIII веке она имела господствующее

значение для всех европейских школ, в том числе и для русской. Причины этого вполне очевидны: Березовский был первым русским композитором, который поехал на обучение в Болонью. За выдающиеся успехи Максим Созонтович получил звание капельмейстера в итальянском музыкальном обществе, что было достаточно редким явлением. А в 1773 году в Ливорно с большим триумфом прошла премьера оперы «Демофонт» (написанной на либретто знаменитого Пьетро Метастазियो)² с участием итальянских музыкантов. Это была первая опера, сочиненная русским композитором. В Италии Березовский создал несколько произведений на латинский текст (среди них «Unser Vater» – «Отче наш»), получивших превосходные отзывы в прессе, но, к сожалению, не дошедших до нас.

На сегодняшний день обнаружены следующие светские произведения композитора:

- Опера «Демофонт». Из всей партитуры сохранилось всего четыре арии. Рецензия на постановку из ливорнской газеты, афиша с именами исполнителей и рукописные копии арий были обнаружены Робертом Алоизом Моозером (R. A. Mooser) и опубликованы в книге «Annales de la Musique et des Musiciens en Russie au XVIIIe siecle» [13]. Под редакцией М. Юрченко арии были изданы в Киеве в 1988 году.

- Соната для скрипки и чембало C-dur (1772). Ее рукопись хранится в Национальной библиотеке Парижа. В 1983 году, благодаря М. Степаненко, соната была впервые опубликована в Киеве. В издании представлены фрагменты рукописи.

- Три сонаты для клавесина (C-dur, B-dur и F-dur). Впервые рукопись этих сочинений Березовского была обнаружена исследователями

¹ Статья Ю. Келдыша «Неизвестная опера русского композитора (Об опере М. С. Березовского «Демофонт»)» [3] – положила начало исследовательской работы над светскими произведениями композитора. В статьях М. Юрченко [7; 8], Л. Ивченко [2] и других музыковедов освещались вновь обнаруженные инструментальные произведения композитора.

² К данному сюжету обращались десятки авторов (А. Кальдара, Л. Лео, Й. Мысливечек, Н. Йомелли, К. Глюк, Л. Керубини, Э. Дуни, И. Вангал, Маркуш Антониу Португал да Фонсека, В. Моцарт, Дж. Паизиелло и др.).

в Кракове. О находке данных сочинений сообщила музыковед, профессор В. Д. Шульгина на конференции в 2001 году, проходившей в Московской консерватории.

- Симфонии № 11 и № 13. В Центральной научной библиотеке имени В. И. Вернадского Национальной академии наук Украины Л. Ивченко были найдены страницы неизвестной симфонии. На титульном листе написано: *Simphonie Periodiquea Piu Stromenti Composte del Signor BERESCILOLO № XI. – A Paris: chez Mr De La Chevardiere, aux Adresses Ordinaires; A Lyon: Les Freres Le Goux.* На обратной стороне некоторых партий указан каталог за 1761 и 1762 годы, из которого можно узнать о публикации еще одной симфонии *Signer Beresciol (№ XIII)*. Утверждать со стопроцентной уверенностью, что оба произведения принадлежат М. Березовскому, – невозможно. В своей статье, посвященной интересной находке, автор пытается обосновать данную гипотезу [2].

Однако самым интересным открытием среди сочинений Березовского за последние десятилетия стала Симфония *C-dur*, рукопись которой хранится в *Archivio Doria Pamphilj* в Риме. Впервые о ней сообщила итальянский исследователь, профессор А. Laterzza в 1998 году. Спустя некоторое время, благодаря усилиям руководителя барочного оркестра «*Pratum integrum*» П. Сербина, 16 августа 2003 года симфония была впервые исполнена в России на фестивале «Шереметевские сезоны в Останкине»³.

Симфония *C-dur* предположительно была написана в период пребывания Березовского в Италии (она ровесница «Прощальной» симфонии Гайдна и Двадцать пятой Моцарта), и сегодня это первая известная русская представительница данного жанра. Она является важной ступенью в формировании сонатно-симфонического стиля у композиторов русской школы. В своем сочинении композитор ориентировался на образцы известных ему симфоний итальянского типа. История развития жанра итальянской симфонии охватывает время с конца XVII века до конца XVIII столетия. Однако этот феномен привлек

³ Оркестр «*Pratum Integrum*» был основан в Москве в 2003 году. Его название в переводе с латыни означает «некошенный луг»: имеется в виду обширный репертуар времен барокко и классицизма, который все еще мало изучен.

внимание исследователей только в начале XX века⁴. Для данного типа симфонии характерна трехчастная композиция, которая строится на противопоставлении двух крайних оживленных частей медленной средней, интеграция всех частей, завершение на неустойчивой гармонии первых двух частей, воплощение основных образных сфер оперы: образ героини в I части, лирики во II части и танцевального начала в III части⁵.

⁴ Среди первых исследований можно выделить работы Х. Боштибера [9], Р. Роллана [5], и Г. Кречмара [4]. Впервые классификацию развития итальянской симфонии изложил в своей диссертации Ливингстон [12], где он выделяет три этапа:

- 1695–1730 – ранняя итальянская увертюра,

- 1730–1760 – итальянская увертюра «классического типа» и

- 1760–1790 – поздняя итальянская увертюра.

Позже Бочаров Ю. в диссертации [1] выделяет четыре этапа в развитии жанра:

- конец XVII века – начало 1730-х годов – итальянская увертюра «барочного» типа (А. Скарлатти, Дж. Торелли, Т. Альбиони и А. Вивальди);

- 1730–1750-е годы (Л. Винчи, Л. Лео, Ф. Фео, Дж. Перголези, Н. Йомелли, Б. Галуппи. И. Хассе и др.);

- 1750–1760 годы;

- 1770–1780 годы.

⁵ Наиболее яркие образцы симфонии во второй половине XVIII века созданы Дж. Б. Саммартини и Л. Боккерины. Симфонии Саммартини еще испытывают заметное влияние оперы. Темы симфоний часто кантиленного склада и трактуются в стиле оперных арий.

Инструментовка Саммартини весьма своеобразна. В оркестре преобладает развитое движение отдельных голосов, трактуемых как сольные виртуозные высказывания. Духовые инструменты выполняют функцию динамического усиления и тембрового обогащения звучности. Партии I и II скрипок часто перекрещиваются между собой, а альт трактуется как самостоятельная мелодическая линия, либо как гармоническое заполнение. Значительной фигурой является Дж. Тартини, а также П. Локателли, основатель траурной триумфальной симфонии.

Луиджи Боккерины является автором 400 инструментальных произведений: 20 симфоний, 95 квартетов, 125 смычковых квинтетов, его перу принадлежат октеты, секстеты, скрипичные и виолончельные сонаты и концерты.

В состав оркестра симфонии входят скрипки, альты, виолончели, контрабасы, флейты, гобой, фагот, валторны, а иногда и трубы. Для оркестровки характерен

Симфония М. Березовского в полной мере воплотила модель итальянской симфонии.

Основные принципы сонатной формы и сонатно-симфонического цикла найдут свое дальнейшее развитие, как в одночастных увертюрах, так и циклических инструментальных сочинениях Д. Борджанского, И. Хандошкина, О. Козловского и др.

Интересной особенностью этой симфонии является то, что произведение должно исполняться без перерыва, так как первая и вторая части заканчиваются на доминантовой функции. Учитывая этот факт можно предположить, что эта музыка могла изначально задумываться как оперная увертюра.

В своей симфонии композитор решил использовать традиционный для своего времени состав оркестра – скрипки, альт, флейты, гобой, валторны и *basso continuo*. **Струнные выполняют** мелодическую функцию, партия духовых представляет собой гармоническое заполнение, *basso continuo* **играет роль функциональной опоры**. Каждый пласт дифференцирован фактурно, тесситурно и ритмически. Так, если в партии скрипок использован выразительный мелодический рисунок, то в партии духовых в это время выдерживаются крупные длительности, а партия *basso continuo* представляет собой остинатное повторение одного звука. Березовский смело сопоставляет оркестровые группы, начинает чаще использовать духовые инструменты (по сравнению с симфониями итальянских композиторов). Особую прелесть музыкальным темам придают разнообразные мелодические фразы-подголоски, которые рассыпаны по всей музыкальной ткани.

Первая часть симфонии написана в сонатной форме с различным тональным соотношением главной и побочной партии в экспозиции и репризе (Т-D – экспозиция, Т-Т – реприза), что, однако,

отказ от использования клавесина (обычно в симфониях ему поручалось исполнение *basso ostinato*), используя немногочисленный инструментарий, композитор, тем не менее, достигает исключительной полноты звучания.

В симфониях Боккерины большую роль сыграли формы рондо, менуэта, вариаций. В мелодике Боккерины особенно чувствуется характерная для итальянской смычковой культуры «кантабильность» (М. Рыцарева) – она наполнена особой теплотой и интонационной выразительностью.

было тогда вновь для композиторов отечественной школы. Темы сонатного *allegro* различаются по характеру, но не противоречат друг другу, и их развитие создает ощущение постепенного обогащения одного художественного образа без ярких, неожиданных контрастов. Главная партия – яркая, энергичная, волевая (нотный пример № 1) – начинается с фанфарных интонаций, что подчеркивается энергичными «скачками» на кварту и квинту. Постепенно все больше завоевывая новые тесситурные вершины в секвентном развитии, тема достигает своей кульминации.

Побочная партия ориентирована на состав старинного трио, она ярче и выразительнее по тематическому материалу, чем главная и заключительная темы (нотный пример № 2), и представляет собой несколько раз секвентно повторенный в нисходящем движении мотив, который завершается «галантными» интонациями (нотный пример № 3).

Своеобразно строение первой части в целом: развитие тем в основном заключается в простой транспозиции главного тематического материала в родственных тональностях, экспозиция в I части не повторяется.

Разработочный раздел предвосхищает собой симфонические разработки композиторов XIX века, что говорит о возникновении новой важной черты в русском симфоническом мышлении. В небольшой разработке (всего 25 тактов) Максим Созонтович работает с мотивом из заключительной темы (нотный пример № 4).

Медленная часть по характеру и тематическому содержанию близка лирическим частям итальянских симфонических циклов и выполняет роль своеобразного интермеццо между действительными, активными образами крайних частей. Основная тема очень светлая, наполнена нежным чувством, идиллически-пасторального плана (нотный пример № 5). В среднем разделе появляются яркие мелодические обороты у флейты.

Финал, написанный в сонатной форме, играет роль героического апофеоза. Здесь, как и в первой части, важную роль играют духовые инструменты – гобой и валторны. Основной мотив построен на фанфарных интонациях и в целом характеризуется восходящим направлением звуковысотной линии, акцентированными аккордовыми звуками в основной тональности (нотный пример № 6).

Разработка как средний раздел сонатного аллегро отсутствует, ее заменяет развернутый предикт к репризе (нотный пример № 7).

В симфонии нашел свое воплощение принцип единства цикла, который был характерен для одночастной увертюры. Финал симфонии образно и интонационно связан с первой частью: обе части начинаются с фанфарного восходящего хода по звукам трезвучия (нотный пример № 8).

Следующее поколение композиторов первой трети XIX века создало немало произведений, пытаясь переинтонировать итальянскую симфонию. Но никто из них так и не достиг того уровня гармонии и цельности, которыми обладает произведение Березовского.

В этом произведении можно говорить о начале формирования симфонизма как метода развития в русской музыке. При использовании простых приемов композитору удалось добиться особого внутреннего единства, ясности формы, что приближает это произведение к ранним опусам Моцарта.

В симфонии композитор в основном пользуется общими фактурными приемами и пассажами. Если говорить о содержательности музыкальной формы, то можно отметить внутреннюю наполненность и динамичную логику музыкального движения. Многих может сбить с толку обилие эпизодов, состоящих из «общих форм движения». Но при более внимательном вслушивании и анализе в них обнаруживается неповторимая пластика, свой особенный выразительный смысл, скрытый во внешне традиционных интонациях. Здесь кроется один из секретов дарования Березовского – в его произведениях даже самые простые музыкальные обороты звучат свежо и поэтично. Уже в первой симфонии Березовский проявил незаурядное мастерство и зрелость композитора, всю жизнь писавшего симфонические произведения, чего нельзя сказать о Березовском.

Тематический материал в симфонии привлекает своей вокально-интонационной осмысленностью, которая придает ему особую выразительность, весомость и индивидуальность. Березовский освоил особенности данного жанра, но совершенно не скован им. Формообразование частей свободно и логично, так же как в его хоровых произведениях. Еще одной особенностью композитора является яркое воплощение музы-

кальных образов, идущее от театра. Это общая черта, характерная для музыкального классицизма в целом. В творчестве классиков можно увидеть преемственность симфонии с кругом образов, который наметился в музыкальном театре еще на раннем этапе развития и закрепился в оперной музыке в эпоху Просвещения. В это время зародились мелодические обороты, которые постепенно стали формировать круг выразительных средств и музыкальных приемов – героического, скорбного, героико-трагического, чувственного и жанрово-комического образов в оперной музыке. Постепенно эти обороты начали самостоятельную жизнь уже за пределами оперного жанра в качестве основы для тематизма сонатно-симфонического цикла. В Симфонии Березовского использованы несколько таких тематических сфер.

В героическом ключе написаны главные темы I и III части. **Интонационная сфера** данного музыкального образа была основана на торжественных шествиях и других придворных ритуалах. Характерными особенностями стилистики героического образа являются – мелодии, построенные на звуках мажорного трезвучия, восходящих квартовых или квинтовых интонациях; пунктирном ритме, ясных функциональных тяготениях (тоника – доминанта – тоника); в тональностях C-dur или D-dur.

В фанфарах, исполняемых духовыми инструментами, впервые зародились интонации, характерные для будущей героической арии в русской опере. Благодаря тому, что в основе мелоса избраны «инструментальные» обороты, интонации героической арии легко переходят и иной жанр – симфоническую музыку.

Большое значение в XVIII веке имела обаятельная сфера, связанная с сентиментальностью, чувствительностью, трогательным переживанием. В опере она была представлена ариями двух типов:

- модусом нежной меланхолии;
- модусом умиротворения, светлого покоя.

Главное средство воплощения было мало связано с интервальной структурой мелодики (меньше, чем мелодика арии скорби или героического высказывания). Эффект достигался в основном при помощи ритмической структуры и специфической фразировки.

В основе построений, как правило, лежит простая, облегченная гармония – трезвучия, освобожденные от диссонансирующих звучаний.

Интонации светлого лирического образа Березовский использует при написании побочных партий и медленной части.

Симфония **C-dur Березовского** – произведение, в котором органично соединились черты традиционного европейского симфонизма с на-

циональным содержанием. Довольно долгое время опыт М. Березовского оставался в тени и не был подхвачен композиторами следующего поколения. Русская симфоническая школа продолжала развиваться в театральных жанрах. Тем не менее симфония имеет очень важное историческое значение. Те приемы, которые Березовский использовал в произведении, нашли свое дальнейшее развитие в творчестве композиторов XIX века.

Литература

1. Бочаров Ю. С. Увертюра в эпоху барокко. – М.: Композитор, 2005. – 280 с.
2. Ивченко Л. Тасмниця симфонії синйора Березейоло // Музыка. – Киев, 1996. – № 1. – С. 4–8.
3. Келдыш Ю. В. Неизвестная опера русского композитора (Об опере М. С. Березовского «Демофонт») // Совет. музыка. – 1966. – № 12. – С. 39–50.
4. Кречмар Г. История оперы / пер. с нем. П. В. Грачева; под ред. и с предисл. Игоря Глебова. – Л.: Академия, 1925. – 406 с.
5. Роллан Р. Опера в XVII веке в Италии, Франции, Германии и Англии: пер. с фр. – М., 1931. – 132 с.
6. Фраёнов В. П. Увертюра // Музык. энцикл. сл. – М.: Совет. энцикл., 1990. – 560 с.
7. Юрченко М. Невідомий концерт Максима Березовського // Музыка. – Киев, 1995. – № 5. – С. 18–21.
8. Юрченко М. С. Неизвестные произведения Березовского // Совет. музыка. – 1986. – № 2. – С. 99–100.
9. Botstiber H. Geschichte der Ouvertüre und der freien Orchesterformen. – Leipzig, 1913. – 281 p.
10. Kretzschmar H. Geschichte der Oper. – Leipzig, 1919. – 139 p.
11. Robinson M. F. Naples and Neapolitan Opera. – London: Oxford Univ. Press, 1972. – P. 170–173.
12. Livingston H. The Italian Overture from Scarlatti to Mozart (Diss.) / The Univ. of North Carolina. – Chapel Hill, 1952. – P. 40–50.
13. Mooser R. A. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIe siècle. – Geneve, 1948. – Vol. 1. – P. 250–301.

References

1. Bocharov Ju.S. Uvertiura v epokhu barokko [Overture in the Baroque era]. Moscow, Kompozitor Publ., 2005. 280 p. (In Russ.).
2. Ivchenko L. Taiemnytsia symfonii' syniora Berezeiolo [Secret Symphony by senior Berezeyolo]. *Musyka [Music]*, 1996, no 1, pp. 4–8. (In Ukr.).
3. Keldysh Ju.V. Neizvestnaia opera russkogo kompozitora (Ob opere M.S. Berezovskogo Demofont) [Unknown Russian opera composer (about opera M.S. Berezovskogo Demofont)]. *Sovet. Muzyka [Soviet Music]*, 1966, no 12, pp. 39–50. (In Russ.).
4. Krechmar G. Istoriia opery [The history of Opera]. Tran. by P.V. Grachev; ed. and foreword by I. Glebov. Leningrad, Akademiia Publ., 1925. 406 p. (In Russ.).
5. Rollan R. Opera v XVII veke v Italii, Frantsii, Germanii i Anglii [Opera in the XVII century in Italy, France, Germany and England]. Moscow, 1931. 132 p. (In Russ.).
6. Fraenov V.P. Uvertiura [Overture]. *Muzykal'nyi entsiklopedicheskii slovar' [Musical encyclopedia]*. Sovetskaia entsyklopediia Publ., 1990. 560 p. (In Russ.).
7. Iurchenko M. Nevidomyi kontsert Maksyma Berezovskogo [Unknown concert by Maxim Berezovsky]. *Musyka [Music]*, 1995, no 5, pp. 18–21. (In Ukr.).
8. Iurchenko M.S. Neizvestnye proizvedeniia Berezovskogo Unknown works by Berezovsky. *Sovetskaia muzyka [Soviet Music]*, 1986, no 2, pp. 99–100. (In Russ.).
9. Botstiber H. Geschichte der Ouvertüre und der freien Orchesterformen [History of Ouvertüre and free orchestral forms]. Leipzig, 1913. 281 p. (In Germ.).
10. Kretzschmar H. Geschichte der Oper [History of Opera]. Leipzig, 1919. 139 p. (In Germ.).
11. Robinson M.F. Naples and Neapolitan Opera. London, Oxford Univ. Press, 1972, pp. 170–173. (In Eng.).
12. Livingston H. The Italian Overture from Scarlatti to Mozart (Diss.). Chapel Hill, University of North Carolina Publ., 1952, pp. 40–50. (In Eng.).
13. Mooser R.A. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIe siècle [Annals of the music and musicians in Russia in the eighteenth century]. Geneve, 1948, vol. 1, pp. 250–301. (In Fr.).

УДК 7

К ВОПРОСУ НОВАТОРСТВА В ЭЛЕКТРОННОЙ КОМПОЗИЦИИ К. ШТОКХАУЗЕНА «ПЕСНЬ ОТРОКОВ»

Лейпсон Людмила Викторовна, соискатель степени кандидата искусствоведения, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки; преподаватель и концертмейстер, ведущая секции по музыкально-аналитической работе с педагогами-эвритмистами, Вальдорфская свободная школа (г. Фленсбург, Германия). E-mail: ludmila-leipson@yandex.ru

В данной статье автор рассматривает новаторскую трактовку музыкального материала в электронной композиции К. Штокхаузена «Песнь отроков». Впервые композитор включает записанный на пленку детский голос в единый тембровый континуум электронной звуковой ткани: он располагает его между синус-тонами и белым шумом, органично интегрируя фонетический элемент в музыкальный материал. Это принципиально меняет давно сложившиеся представления о языке как о носителе семантики; а модификация фонем в сегменты звуковой ткани, выводит понятие музыкального материала за границы строго музыкального. Еще одним новшеством становится пространственный параметр организации звука, его трансляция идет из пяти усилителей, расположенных в различных точках зала. В этой композиции, основанной на ветхозаветной легенде «Пещь огненная» из Книги Даниила, К. Штокхаузен находит особый путь создания широкого семантического поля высокой религиозной духовности в сочетании с исторической актуальностью – все это лишь часть многих, еще ждущих своего открытия тайн этого сочинения.

Историческое значение новаторского произведения Штокхаузена трудно переоценить. Развитие современной музыки сегодня невозможно представить без электронного звука. «Песнь отроков» – первое сочинение с применением электроники, ставшее не просто экспериментальным материалом, а достигшее высокого художественного уровня. Синтез сериальных приемов композиции с единым сонористическим континуумом, соединяющим электронный звук и фонетический элемент, привел к новому соотношению языкового и музыкального материала. Эти принципы положили начало особому виду сонористической языковой композиции, который получил дальнейшее претворение в сочинениях Д. Шнебеля, Д. Лигети, Х. Лахенмана, Х. Дармштадта. Пространственная организация музыкального материала является сегодня распространенной композиторской практикой. Органичное сочетание широкого семантического поля религиозной тематики и новаторских музыкальных средств включило К. Штокхаузена в замечательное созвездие других композиторских имен, раскрывавших образы высокой духовности в музыке XX века: М. Фельдман, А. Циммерман, К. Хубер, М. Кагель, А. Пярт, К. Пендерецкий, А. Караманов, Р. Щедрин.

Ключевые слова: звук, параметр, электронный, фонема, пространственный, текст, музыка, материал, новаторство, духовность.

INNOVATIVENESS IN K. STOCKHAUSEN'S ELECTRONIC COMPOSITION "GESANG DER JUENGLINGE"

Leipson Ludmila Viktorovna, Applicant for a Degree of PhD in Art History, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory; Teacher, Accompanist, Leading the Section of Musical Analysis for Eurhythm Teachers Freie Waldorfschule (Flensburg, Germany). E-mail: ludmila-leipson@yandex.ru

The present article is a review of the innovative treatment of musical material in Karlheinz Stockhausen's electronic composition "Gesang der Juenglinge" ("Song of the Youths"). For the first time Stockhausen includes a boy's voice into a timbre continuum of electronically produced sounds ranging from sinus waves to white noise, thus integrating phonetical elements into his electronic composition. This procedure means a fundamental break with the traditional conception of language as a carrier of semantic significance and a shift

to modification of phonemas as segments within a texture of sounding material, going beyond the limitation to the strictly “musical” in a narrow sense. An other innovative feature is the arrangement of the loudspeaker groups in the room, thus introducing spatial parameters in the organisation of the sound. By choosing the biblical legend taken from the book Daniel as the starting point for his work, Stockhausen achieves a special way of combining religious spirituality with historical actuality. All that represents only part of the secrets which one can find in this work.

The historical significance of the innovative works of Stockhausen’s hard to overestimate. The development of modern music today is unthinkable without the electronic sound. “Song of the Youths” – the first work with electronics, became not only the experimental material, and reached a high artistic level. Synthesis of serial composition techniques with a single sonoristicheskim continuum connecting the electronic sound and phonetic elements, led to a new relationship of language and music material. These principles laid the foundation for a special kind of language sonoristicheskoy composition, which has been further implementation of the writings of D. Schnebel, Gyorgy Ligeti, H. Lachenmann, H. Darmstadt. The spatial organization of the musical material is now common practice of composing. The organic combination of a wide semantic field of religious subjects and innovative musical means included in K. Stockhausen’s remarkable constellation of other composers’ names, reveals the image of spirituality in music of the XX century: M. Feldman, A. Zimmermann, K. Huber, M. Kagel, A. Pärt, K. Penderecki, A. Karamanov, R. Shchedrin.

Keywords: Sound, parameter, electronic, phonema, spatial, text, music, material, innovation, spirituality.

Сочинение немецкого композитора Карлхайнца Штокхаузена (1928–2007) «Песнь отроков» (1956) стало эпохальным событием в истории музыкального авангарда второй половины XX века: оно явилось ключевым одновременно для электронных, сериальных и сонористических композиций, новой точкой отсчета в соотношении музыки и слова; оно представило настолько иное звуковое и пространственное измерение, что можно в прямом смысле говорить о дотолем «неслыханном».

Первоначально композитор задумывал электронную мессу для исполнения ее во время церковного богослужения в Кёльнском соборе. Этот проект был не понят и отклонен представителями католической церкви. Однако Штокхаузен не отказывается окончательно от этой идеи и создает электронную композицию «Песнь отроков» на основе ветхозаветной легенды «Пещь огненная» о чудесном избавлении трех юношей (третья глава из Книги пророка Даниила)¹. Книга пророка

Даниила – одна из самых странных страниц Ветхого Завета. Она содержит пророчества, числовую символику, толкования снов, видения Апокалипсиса (последние будут использованы Иоанном в Новом Завете). Композитор обращается к фрагменту «Хвалебного псалма трех отроков» (строфы 57–73), который обычно читается в качестве молитвы после мессы².

Трудно не задаться вопросом: что заставило композитора, имеющего репутацию одного из самых радикальных новаторов музыки XX века, обратиться к библейскому тексту из Ветхого Завета? Одну из причин можно усмотреть в личных фактах биографии композитора, другую – в объективных исторических событиях Второй мировой войны, обе непосредственно связаны друг с другом.

К. Штокхаузен родился 22 августа 1928 года недалеко от Кёльна в бедной семье, воспитывал-

¹ Краткое содержание легенды: вавилонский царь Навуходоносор приказывает создать золотого идола и поклоняться ему. Еврейские юноши Седрах, Ведах и Авденага отказываются поклоняться идолу, за это их бросают в горящую печь. Не утрашившись огня, они поют и прославляют Господа. Спустившийся Ангел оттесняет от них жаркое пламя и создает вокруг спасенных дуновение свежего ветра. Огонь же вырывается на их палачей.

² В музыковедческой литературе часто указывается на апокрифическую природу этого текста. Однако это неоднозначно с точки зрения теологической науки, так как различные части Книги пророка Даниила дошли до нас на трех различных языках. Еврейские и арамейские тексты входят в Еврейский Канон «Танах», греческие – нет. «Хвалебный псалм трех юношей», на котором основано сочинение Штокхаузена (в переводе на немецкий язык), известен только на греческом языке. Поэтому иудеи и протестанты относят его к Апокрифам, для католиков же и православных они – часть канонических текстов.

ся в атмосфере строгого католицизма. В тринадцать лет он остался сиротой: отец погиб на войне, мать, страдавшая депрессиями, стала жертвой эвтаназии. Акт уничтожения психически больных людей в гитлеровской Германии стал своего рода «генеральной репетицией» к чудовищной странице немецкой истории – холокосту. Первого сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу, в этот же день Гитлер лично подписывает приказ о разрешении эвтаназии. Так, первыми жертвами газовых камер и крематориев стали самые слабые и беззащитные – инвалиды и психически больные. Близкие получали извещения о смерти с безобидно звучащими диагнозами, однако, также как и последующая департация и уничтожение евреев, судьба этих людей ни для кого не была секретом. Гертруд Штокхаузен была убита 27 мая 1941 года в газовых камерах и крематории лагеря Хадамар, о чем сохранилась запись в архивах первой фазы систематически проводимой нацистами эвтаназии. Здесь трудно не вспомнить об образе печи огненной.

К. Штокхаузен всю свою жизнь был глубоко верующим человеком, несмотря на то, что в конце своей жизни он отошел от церковного католицизма. Нам известно, что почти сразу после войны он приступил к своему музыкальному образованию в Кёльне – городе, который был превращен в руины бомбардировками союзников. Среди этих руин остался стоять почти нетронутым знаменитый Кёльнский собор – современники это считали настоящим чудом. И здесь трудно не вспомнить об образе Ангела Господня. Именно для исполнения в Кёльнском соборе Штокхаузен задумывал проект своей электронной мессы.

Напомним об эстетических установках 50-х годов – времени написания электронной композиции «Песнь отроков». Разгром фашизма и окончание войны ощущалось молодым поколением Германии не только как исторический рубеж, но и, прежде всего, как рубеж духовный. Начинается время осознания неизмеримой вины и покаяния. Знаменитые слова Теодора Адорно – первого теоретика Дармштадтских курсов современной музыки – о том, что «Nach Auschwitz ein Gedicht zu schreiben, ist barbarisch» («Писать стихи после Освенцима – это варварство») [2, с. 30] обозначи-

ли сознательное желание отмежевания от традиционного искусства, запятнавшего себя служением Третьему рейху. К. Штокхаузен называет эту историческую цезуру «часом X», с этого момента все должно быть по-новому – в том числе и музыкальный язык, на котором будет говорить молодое поколение композиторов. И Штокхаузен обращается к **принципиально новому – к электронному звуку**³.

К моменту написания «Песни отроков» К. Штокхаузен уже является автором двух электронных сочинений: это «Elektronische Studie I» (1953) с сериально организованными синтетическими синус-тонами; и «Elektronische Studie II» (1954) со смешанными звукокомплексами синус-тонов. Они – начальный этап, пробные звуковые модели, предпосылка для дальнейших поисков в этом направлении, они сродни экспериментам в научной лаборатории.

«Песнь отроков» является следующей ступенью в новаторском расширении музыкального материала электронных композиций. Впервые после исповедования так называемой «абсолютной музыки» Штокхаузен решает обратиться к языковому элементу и интегрировать фонемы человеческого голоса в ткань электронного звука. Это первое относительно крупное сочинение (длительностью около четверти часа) из различного звукового материала, созданное в электронной студии. Если до «Песни отроков» Штокхаузен использовал только синус-тоны, то в этой композиции он включает четыре различных пласта музыкального материала: синус-тоны, белый шум, цветной шум и вокально-языковые

³ Развитие электронной музыки в Германии началось с создания студии звукозаписи при радиостанции WDR в Кёльне в 1951 году. Известно, что Штокхаузен был знаком с первыми экспериментами так называемой «конкретной музыки» Пьера Шеффера, основавшего свою студию в Париже на пару лет раньше. Однако принципы немецкой студии, созданной по инициативе физика и фонетика Вернера Майера-Эпплера, отличались от французской: звукоизвлечение было основано не на принципах записи звука на пленку и последующей трансформации и комбинации коллажей, а на принципах создания синтетических электронных звуковых сигналов.

структуры записанного на пленку детского голоса (принадлежащего двенадцатилетнему на тот момент мальчику Йозефу Прочке). В то время техника еще не позволяла создать звучание человеческого голоса синтетическим способом. Поэтому вокализированный текст и все необходимые для него фонемы – гласные, согласные, слоги, слова, группы слов и т. д. – были записаны на магнитофонную пленку для дальнейшей технической обработки и включения его в электронную звуковую ткань.

Эта принципиально новая работа с текстом обозначила в музыке авангарда рождение целого ряда композиций, получивших в немецком музыкознании название «**Sprachkomposition**» (языковая сонористическая композиция). Рассмотрим это более подробно. Даже поверхностное ознакомление с библейским текстом делает очевидным тот факт, что ключевыми словами являются три слова: «*preiset den Herrn*» («славьте Господа») или как вариант «*jubelt den Herrn*». Они постоянно повторяются и дополняются перечислениями различных явлений, олицетворяющих творения Господа: свет, тьма, дни, ночи, тепло, холод и т. д. Композитор отмечает, что такая структура текста особенно хорошо интегрируется в музыкальные принципы организации «без оглядки на ее литературную форму, ее информационную составляющую и прочее» [2, с. 75]. Здесь важно подчеркнуть, что строфы библейской легенды используются композитором в качестве исходного рабочего материала, а не в русле традиции прошлых веков – как текст, положенный на музыку: речь идет о включении сегментов языка – фонем в слог, слогов в слово, слов в словосочетание, их пермутаций – в музыкальный материал между синус-тонами и электронным шумом. Следствием этого становится крайне затрудненное восприятие не только смысла всего текста, но и его элементов, или же их абсолютная неразборчивость. Это не противоречит композиционной цели, которую композитор видит в **создании единого тембрового континуума из фонетических элементов языка и электронного звучания.**

Для включения фонем и других языковых составляющих текста в тембровую структуру электронного звука композитор отдельно анализирует

акустические характеристики гласных, звонких и глухих согласных текста, а также слогов, слов, фраз. Он использует их похожесть для создания однородных тембровых структур. Однако в тексте есть часть фонем, которые не имеют акустического родства, поэтому искусственно созданные электронные звуки должны дополнять отсутствующую степень похожести. Или наоборот: определенные фонемы включаются в электронную ткань там, где они естественно вливаются в тембровую природу синтетического звука. Так, гласные больше соответствуют звуковысотному тону, то есть сочетаются с синус-тонами; согласные близки природе шумов, то есть сочетаются с белым или цветным электронным шумом и т. д. Одним словом, вокальные фонемы и электронные звуки создают звуковые комплексы, похожие на мозаику и транслируются с такой скоростью, динамикой, звуковысотностью, интенсивностью напластований, чтобы сливаться в единый звуковой континуум.

Из вышеописанных композиционных приемов становится очевидно, что процесс понимания смысла разъятого на элементы текста настолько затруднен, что его главная функция – как семантического носителя – перестает действовать в системе данной композиции. А используемые сегменты библейского текста (его фразы, слова, слоги, фонемы и их пермутации) **трактуются как элемент не языкового, а музыкального материала.** Более того, в этой композиции можно решительно говорить о **принципиально новом этапе трактовки соотношения музыкального и языкового.**

Из многовековой традиции связи музыки и слова прошлых эпох, мы знаем, что какой бы акцент ни ставился на музыкальном компоненте, **слово всегда оставалось смысловым носителем** (безусловно, есть примеры переходных ареалов), а значит, даже их синтез не предполагал отмены границ между ними. В «Песне отроков» же совершенно определенно можно говорить о размывании этих границ, об **отчуждении семантического аспекта от языкового, о переходе фонетически-языкового элемента в музыкальный.**

После всего вышесказанного может сложиться впечатление, что обращение Штокхаузена к библейскому тексту было обусловлено его чисто фонетическим соответствием поставленным композиционным задачам и композитор был занят исключительно техническим решением внутримызыкальной концепции: он уделяет колоссальное внимание сонористической стороне композиции, рационализирует организацию звуковых параметров по сериальному принципу. Для долготы, высоты, динамики это было не сложно, так как фонетические звуки каждого слога можно было записать на ленту с точным контролем каждого параметра и при электронной переработке этого материала предпринять более тонкие корректуры.

Однако Штокхаузен включает в сериальный принцип организации музыкального материала еще один параметр. Элементы текста должны быть организованы по семиступенчатому ряду **узнаваемости смысла**: 1) не точно понятен, 2) непонятен, 3) почти непонятен, 4) более понятен, 5) понятен, 6) совсем малопонятен, 7) почти понятен. В каждом из шести эпизодов композиции по-своему отражена связь двух главных слов: «preiset» или «jubelt» (славьте) и «Herrn» (Господа).

Это со всей очевидностью показывает, что смысловая сторона текста, также как и психологически-субъективный фактор слушательского восприятия, не остались вне поля зрения композитора. После многократно проведенных экспериментов Штокхаузен замечает, что параметр узнаваемости не поддается точному измерению, а значит и строгому композиторскому контролю. Он пишет: «Совершенно ясно, что градус узнаваемости не может быть измерен, а определен только через многократные прослушивания, опросы, тестирование», – и отмечает, что в данном случае можно говорить только о **«качественном ряде узнаваемости»** [4, с. 61].

Включение параметра узнаваемости смысла слов текста представляется, на первый взгляд, неким противоречием по отношению к поставленной композитором цели создания звукового континуума из электронных и фонетических звуков как равноправных структур музыкального материала. Противоречит это как будто и сделанным выше выводам об отчуждении семантического

от языкового, также как и о переходе языкового в музыкальное. **Однако, создавая именно такой «мерцающе-расплывчатый» ряд узнаваемости языковых единиц, Штокхаузен выводит конкретную смысловую природу языка в обобщенно-семантическую сферу, значительно более близкую природе музыкального текста.** Таким образом, гениальный парадокс «Песни отроков» состоит в том, что восприятие семантического пласта библейского текста и его духовной природы происходит на ином, опосредованном уровне. Это подтверждают и слова самого композитора: «Так, вместе с “отроками” мы вспоминаем о коллективной идее веры: появляется в какой-то момент слово “славьте”, а в другой – “Господа” – или наоборот, слова запоминаются, сразу становится ясной их известная взаимосвязь: первостепенно то, что они запоминаются и **как** они запоминаются, второстепенно же – содержание каждого в отдельности; концентрация направляется на духовное, язык же становится ритуалом» [5, с. 75].

Описание Штокхаузенем психологического механизма узнавания целостной структуры глобального семантического концепта через его отдельные элементы, составляющие некое общее поле родственных значений, можно сравнить с принципами так называемого фреймового мышления (понятие фрейма получило широкое распространение в лингвистике, антропологии, когнитивной психологии и с недавнего времени рассматривается в музыковедении). Вот как описывает этот феномен музыковед А. Амрахова: «В когнитивной психологии фреймом называют репрезентационную структуру, представляющую в памяти человека определенную стереотипную ситуацию. <...> **Мышление фреймом чисто гипотетически можно представить как валентные связи (ожидания), распространяющиеся на такие интеллектуальные операции, как отнесение к классу, метонимическая зависимость (часть вместо целого), сравнение предмета (явления) с “вещью” другого класса (метафора).** Смысловая энергия расплывается здесь по всем направлениям, связи – свободные и изменчивые, скорее, их можно сравнить с ассоциативным полем, окружающим культурно-исторический прототип» [1, с. 158].

Таким образом, несмотря на то, что смысловые единицы библейского текста разъяты на фонемы, слоги, слова и превращены в сегменты музыкального материала, они все же образуют, по замыслу композитора, некое семантическое поле коллективной идеи веры. Это делает очевидным и то, что композитор не случайно обращается к тексту, и именно к **религиозному** тексту. По мнению исследователя штокхаузеновского творчества Рудольфа Фризиуса, ко времени возникновения «Песни отроков», Штокхаузен стал серьезно задумываться над своими эстетическими позициями и определением функции музыки в обществе, а также ясно высказывается о ее духовном назначении. Заканчивая свои пояснительные тексты, являющиеся по сути частью партитуры, Штокхаузен пишет: «Не забудем, что два года работы над реализацией этой композиции с 1954 по 1956 год были уникальным временем ликующего прославления Господа, а сам я – “отроком в печи огненной”» [4, с. 73].

В данном контексте представляется важным сказать несколько слов и о самой партитуре «Песни отроков», которая не является собственно партитурой в музыкальном смысле этого слова. Она представляет собой факсимиле – фотокопии композиторских рукописных эскизов – и отнюдь не является сквозной «стенограммой» музыкального процесса, каким является нотный текст. В сопровождающем пояснительном тексте К. Штокхаузен пишет: «...мои эскизы являются средним звеном между указанием к технике исполнения и синхронизацией плана для пяти усилителей и содержат лишь косвенные указания о феномене звука, так как я не нашел достаточно времени сделать запись партитуры начисто» [4, с. 73].

Из этих слов явствует, что в этом произведении Штокхаузен ставит не только задачу **новаторского решения проблемы языка и музыки, но музыки и пространства**. Расширение трактовки музыкального материала путем интеграции фонетического элемента и его организации по музыкальным принципам обозначило в известной мере выход за пределы строго музыкального. Однако композитор включает еще **пространственный** параметр организации звука, также ранее не считавшийся чисто музыкальным. Штокхаузен

пишет: «Пространственные позиции тона до этого не играли в музыке вообще активной роли; они воспринимались как “совершенно другие” звуковые характеристики, которые вряд ли в состоянии доминировать над временными характеристиками тона; между тем, это принципиально изменилось, и мы замечаем все больше и больше, как все музыкальные представления все в большей степени становятся пространственными» [3, с. 31].

Композитор делит «Песнь отроков» на шесть связанных между собой эпизодов (о них уже шла речь выше), в которых важную функцию получают различные пространственные характеристики трансляции звука: издали, наибольший пространственный разброс, очень близко, с большого расстояния и т. д. Напомним, что в 50-е годы Штокхаузен параллельно работает над решением пространственно-композиционных задач в сочинении для традиционных акустических инструментов «Группы» (1955–1957). В нем он пространственно разделяет три одновременно играющих симфонических оркестра. Прием разведения звука в пространстве был знаком музыке и прошлых веков. Здесь можно вспомнить и венецианскую технику пространственного расположения хоров XVI века, и театральные эффекты одновременного расположения оркестров перед сценой и на сцене (например, в «Дон Жуане» Моцарта) в XVIII столетии. Однако очевидно, что в случае «Песни отроков» причиной обращения композитора к пространственному качеству звука является не просто дополнительный эффект или театральная установка на создание **нового параметра организации музыкального материала и достижение нового измерения его восприятия**, не говоря уже о том, что решение этой задачи осуществляется на принципиально новом техническом уровне. Немаловажным представляется сказать, что непосредственным исполнителем «Песни отроков» на концерте является звукорежиссер, а не музыкант-исполнитель.

В своей статье «Музыка в пространстве» композитор пишет: «В электронной музыке “Песнь отроков” я предпринимаю первую попытку включить в композицию аспект направления и движения звука в пространстве и открыть это но-

вое измерение для музыкального восприятия. Сочинение написано для пяти усилителей, которые должны быть распределены в зале вокруг слушателей» [3, с. 30].

Однако уже во время премьеры 30 мая 1956 года Штокхаузен сталкивается с технической проблемой подключения пятого звукового канала, который должен был, по его слуховому представлению, транслировать звук сверху – из потолка помещения. По этой причине он вынужден синхронизировать пятый канал с четвертым для исполнения «Песни отроков» в квадрофонической трансляции, ее каналы он располагает в каждом углу четырехугольного (квадратного) пространства. Невозможность полностью осуществить свои замыслы приводит композитора к мысли, что существующие залы не соответствуют современным требованиям пространственной музыки, он мечтает о шарообразных помещениях с круговым подключением звуковых каналов трансляции, с прозрачной и пропускающей звуковые волны платформой для слушателей внутри нее⁴.

Автору данной статьи удалось присутствовать в 2008 году на исполнении «Песни отроков» в зале NDR города Гамбурга. Несмотря на то что развитие техники в наше время далеко ушло вперед, предоставляя нам сегодня почти неограниченные возможности, а многоканальная трансляция сегодня не является «неслышанным» новшеством, магия звукового пространства, внутри которого находились слушатели, была сравнима с личным присутствием в печи огненной: сонорика очищенных от натуральных обертонов синус-тонов ассоциировалась с языками пламени враждебной человеку стихии, как бегущий огонь, они появлялись то там, то здесь, переплавлялись с разъятыми на микроэлементы и модифициро-

⁴ Нельзя в этой связи не вспомнить рисунок-мечту другого композитора – А. Н. Скрябина. В самом начале XX века он мечтал о своей музыкальной «Мистерии», исполнение которой, по его представлению, должно было состояться в специально построенном храме в Индии и дематериализовать мир. К сожалению, от музыкальной «Мистерии» остались только наброски, храм не был построен, но остался рисунок здания сферической формы, идея которого до сих пор ждет своего воплощения.

ванными электронными импульсами фонемами слов и фраз из библейской хвалебной песни. И удивительным становилось ощущение, что, словно хранимый Ангелом Господним, слушатель оставался невредим.

Историческое значение новаторского произведения Штокхаузена трудно переоценить. Развитие современной музыки сегодня невозможно представить без электронного звука. «Песнь отроков» – первое сочинение с применением электроники, ставшее не просто экспериментальным материалом, а достигшее высокого художественного уровня. Синтез сериальных приемов композиции с единым сонористическим континуумом, соединяющим электронный звук и фонетический элемент, привел к новому соотношению языкового и музыкального материала. Эти принципы положили начало особому виду сонористической языковой композиции, который получил дальнейшее претворение в сочинениях Д. Шнебея, Д. Лигети, Х. Лахенмана, Х. Дармштадта. Пространственная организация музыкального материала является сегодня распространенной композиторской практикой. Органичное сочетание широкого семантического поля религиозной тематики и новаторских музыкальных средств включило К. Штокхаузена в замечательное созвездие других композиторских имен, раскрывавших образы высокой духовности в музыке XX века: М. Фельдман, А. Циммерман, К. Хубер, М. Кагель, А. Пярт, К. Пендерецкий, А. Караманов, Р. Щедрин.

На этом можно было бы закончить анализ этой удивительной композиции, если бы феномен многомерности, парадоксальной неоднозначности смыслов, часто свойственный именно ключевым сочинениям эпохи, не таил в себе бесконечного потенциала новых тайн и их открытий. Еще множество вопросов ставит эта композиция: соотношение музыкального и технического, сознательного и интуитивного в слушательском восприятии, детерминированного и алеаторического в исполнении, проблемы анализа новых видов нотации... Они еще не исследованы. Поэтому автор позволяет себе конец этой статьи оставить открытым и рассмотреть ее как своего рода «work in progress».

Литература

1. Амрахова А. А. Перспективы фреймовой семантики в музыкознании // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / ред.-сост. М. Г. Арановский. – Изд. 3-е. – М.: Либроком, 2014. – 240 с.
2. Adorno T. W. Kulturkritik und Gesellschaft. Gesammelte Schriften, Band 10.1. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977.
3. Stockhausen K. Musik im Raum // Darmstädte Beiträge zur Neuen Musik / Hrsg. von Wolfgang Steinecke. B. Schott's Söhne. – Mainz, 1959. – P. 94.
4. Stockhausen K. Musik und Sprache im GESANG DER JUNGLINGE (Text vom Frühjahr 1957) // Textheft. Booklet Elektronische Musik / Hrsg. Stockhausen-Verlag. – Kuerten, 2001. – P. 184.
5. Stockhausen K. Sprache und Musik // Darmstädte Beiträge zur Neuen Musik / Hrsg. von Wolfgang Steinecke. B. Schott's Söhne. – Mainz, 1958. – P. 100.

References

1. Amrakhova A.A. Perspektivy freimovoi semantiki v muzykoznanii [Prospects of frame semantics in musicology]. *Muzyka kak forma intellektual'noi deiatel'nosti* [Music as a form of intellectual activity]. Ed. M.G. Aranovskii, Moscow, Librokom Publ., 2014. 240 p. (In Russ.).
2. Adorno T.W. Kulturkritik und Gesellschaft. Gesammelte Schriften, Band 10.1. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1977. (In Germ.).
3. Stockhausen K. Musik im Raum. *Darmstädte Beiträge zur Neuen Musik*. Mainz, Hrsg. von Wolfgang Steinecke. B. Schott's Söhne Publ., 1959, p. 94. (In Germ.).
4. Stockhausen K. Musik und Sprache im GESANG DER JUNGLINGE (Text vom Frühjahr 1957). *Textheft. Booklet. Elektronische Musik*. Kuerten, Hrsg. Stockhausen-Verlag Publ., 2001, p. 184. (In Germ.).
5. Stockhausen K. Sprache und Musik. *Darmstädte Beiträge zur Neuen Musik*. Mainz, Hrsg. von Wolfgang Steinecke. B. Schott's Söhne Publ., 1958, p. 100. (In Germ.).

УДК 78.072

«ОСТРОВ МЕЧТЫ» ДЛЯ ИРИНЫ ШРЕЙБЕР: ЭСКИЗЫ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ КОМПОЗИТОРА¹

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: sinell@narod.ru

Статья посвящена творчеству Ирины Шрейбер – молодого и талантливого композитора Кузбасса и вопросам формирования авторского стиля на раннем этапе. Ирина Шрейбер – сложившийся профессионал, аранжировщик и композитор современной формации. Она позиционирует себя как композитор эпохи постмодерна, но не по стилю, а по жанровой панораме творчества и методам работы, с использованием технических средств. Опусы кузбасского композитора далеки от авангарда, от шокирующих эпатажных акций, от сложных и рассчитанных конструкций. И. Шрейбер создает музыку, идущую от сердца, а стиль ее сочинений гармонично встраивается в широкое и многообразное движение «новой простоты», охватившее музыкальное искусство рубежа XX–XXI веков. Автор статьи рассматривает творчество И. Шрейбер с точки зрения современной музыкальной жизни, размышляет над проблемами творческого процесса композитора начала XXI столетия.

Отдельные страницы статьи посвящены музыке для детей Ирины Шрейбер. Эта область творчества оказалась наиболее любимой молодым композитором и востребованной для режиссеров, продюсеров, сценаристов, хореографов. Сфера приложения музыки для детей необычайно расширилась в XXI веке. Среди музыкальных жанров «детской» музыки И. Шрейбер – музыка к мультфильмам, детским спектаклям и постановкам театра кукол, музыка для рекламы интернет-магазина детских

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и коллегии администрации Кемеровской области в рамках научно-исследовательского проекта № 15-14-42001 «Искусство Кузбасса в контексте развития региона (период 1990–2010 годов)».

игрушек и песенки для мягких игрушек, музыка для компьютерных игр и интерактивных приложений. И. Шрейбер много экспериментирует со звуком и тембрами, включая тембр собственного голоса, ищет новые краски.

Ключевые слова: творчество Ирины Шрейбер, композитор Кузбасса, музыка для детей, сказка, «новая простота».

“ISLAND OF DREAM” FOR IRENE SCHREIBER: SKETCHES FOR CREATIVE PORTRAIT OF THE COMPOSER

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of Orchestral and Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sinel1@narod.ru

The article is devoted to the work of Irene Schreiber, is a young and talented composer of Kuzbass and the formation of the author's style at an early stage. Irina Schreiber established a professional arranger and composer of modern formation. She positions herself as a composer in the postmodern era, but not in style and genre panorama of creativity and working methods, with the use of technology. Opus Kuzbass composer is far from avant-garde, shocking of shares, from the sophisticated and calculated structures. I. Schreiber creates music, coming from the heart, and the style of her works are embedded within a broad and diverse movement of “new simplicity”, which covered the music of the turn of XX–XXI centuries. The author considers the works of I. Schreiber from the point of view of modern musical life, reflects on the challenges of the creative process of the composer in the beginning of XXI century.

A separate page devoted to the music for children of Irene Schreiber. This area of creativity was the most beloved young composer and demand for Directors, producers, screenwriters, choreographers. The scope of application of music for children extended extraordinary in the twenty-first century. Among the musical genres of “child” music by Igor Schreiber music for cartoons, children's shows and productions puppet theatre, music for advertising Internet-shop of children's toys and songs for soft toys, music for computer games and interactive applications. I. Schreiber a lot of experimenting with sound and voices, including the timbre of his voice, looking for new paint.

Keywords: creativity Irene Schreiber, the composer of Kuzbass, children's music, fairy tale, “new simplicity”.

Как появляются талантливые музыканты и композиторы? Этот вопрос, казалось бы, понятен и очевиден. Ведь многовековая история музыки демонстрирует картину, богатую выдающимися именами композиторов, которые росли и воспитывались в музыкальном окружении, в музыкальных семьях, учились у своих предшественников, работали в городах – центрах культуры и находились в среде профессиональных музыкантов. Известно, что талант к музыке передается с генами. Но бывает все иначе, как будто вопреки предлагаемым обстоятельствам.

Ирина Шрейбер (Тулякова) родилась в г. Гае Оренбургской области в немзыкальной семье инженеров-строителей (мама – Тулякова Наталья Николаевна, папа – Туляков Сергей Алексеевич). Училась в Самарской школе-интернате для сле-

пых и слабовидящих детей № 17. Там она обучалась пению и игре на фортепиано. Особенно повлияла на становление Ирины как пианистки преподаватель Чепкая Наталья Федоровна. Во время обучения в музыкальной школе Ира уже участвовала в различных конкурсах и фестивалях. Ее первым композиторским опытом стали Вариации для фортепиано, сочиненные в третьем классе музыкальной школы. Затем Ирина Шрейбер поступила в Курский музыкальный колледж-интернат для слепых и слабовидящих (в 2006 году), который находился далеко от дома. Так началась ее самостоятельная жизнь, наполненная музыкой и творчеством.

В колледже Ирина занималась по классу фортепиано у Сафоновой Натальи Александровны, по классу гармонии у Дудошникова Петра Васи-

льевича, который повлиял на ее гармоническое мышление и стиль композиции. Основы аранжировки Ирина получила у преподавателя колледжа Морозова Сергея Александровича. Свою первую песню Ирина написала, учась на третьем курсе музыкального колледжа. Преподаватель по сольфеджио дала студентам задание – сочинить песню на стихи русского поэта. Как раз в это время Ира начала посещать курсы компьютерной аранжировки. «Светлая песня» на стихи И. Бунина – первая работа Ирины в области компьютерной аранжировки – была ею исполнена на одном из концертов колледжа.

Ирине Шрейбер приходилось жить и учиться в разных городах, но по-настоящему творческий профессиональный композиторский путь для нее начинается в Кузбассе в период учебы по специальности «Фортепиано» на кафедре оркестрово-инструментального исполнительства в Кемеровском государственном университете культуры и искусств. За годы обучения в вузе И. Шрейбер завоевала множество призов и наград, неоднократно становилась лауреатом международных конкурсов как пианистка, чему немало способствовала ее преподаватель по специальности Протасова Наталья Григорьевна. Концерты, конкурсы, фестивали – все это постоянно присутствовало в ее насыщенной творческой жизни. Стремительный взлёт композиторской карьеры И. Шрейбер пришелся на первый год обучения в вузе (2010), начиная с блистательной победы в профессиональном университетском конкурсе «Прорыв», где она получила Гран-при. Уже через два года на губернаторском приеме в честь дня Российского студенчества губернатор Кемеровской области Аман Гумирович Тулеев наградил Ирину медалью «За честь и мужество» в области культуры и искусства.

В 2012 году Ирина участвовала как эстрадная вокалистка в межрегиональном эстрадном фестивале-конкурсе «Кузбасс-поколение» (заняла II место и получила специальный приз жюри). В процессе подготовки к фестивалю она написала две песни «Я устала, мне ждать?» и «Под ярким солнцем». Автор слов песни «Я устала, мне ждать?» заслуженный работник культуры России, журналист, театралный критик, автор пяти поэтических книжек, Виктор Евграфов специально для Ирины написал этот поэтический текст. Вот как он характеризует молодого компо-

зителя на форуме: «С Ирой Шрейбер-Туляковой мы сделали пять песен: две на ее музыку и мои стихи, три на мою музыку и стихи – Ира их аранжировала и озвучила. Ирина Шрейбер талантливый молодой композитор и аранжировщик с хорошим художественным вкусом. Чувствует и воспроизводит в своих композициях и аранжировках музыку стихотворения. Хорошо поет. Все, что Ира делает в музыке, наполнено ее личностным отношением к материалу. Ей присуще обильное музыкальное мышление и в композициях, и в аранжировках!» [3].

Закончив в 2014 году университет с красным дипломом, Ирина Шрейбер с головой уходит в творчество: заказов становится больше, известность растет. К настоящему времени у нее накопился уже солидный творческий багаж, состоящий из разнообразных опусов. Это песни, фортепианные пьесы, произведения для камерных ансамблей и ансамбля русских народных инструментов, электронные композиции, музыка к спектаклям театра кукол и хореографической постановке, музыка к фильму. Одним словом, произведения молодого композитора могли бы составить не один авторский вечер. Первый такой концерт состоялся 25 ноября 2013 года в концертном зале Кемеровского государственного университета культуры и искусств, когда Ирина училась еще на 4 курсе.

Небольшую часть своих сочинений представила на своем первом авторском концерте сама Ирина Шрейбер, а также студенты и преподаватели кафедры оркестрово-инструментального исполнительства и кафедры народных инструментов. Среди них «Кузнецкий экспромт» для баяна с оркестром русских народных инструментов – первый опыт Ирины создания партитуры для оркестра (пьеса посвящена 70-летию Кемеровской области)², «Экзерсис» для камер-

² Пьеса «Кузнецкий экспромт» была исполнена на авторском концерте И. Шрейбер ансамблем русских народных инструментов «Гармония» под руководством Эльбруса Шабаева. Солист – лауреат международных конкурсов преподаватель Кемеровского музыкального колледжа Денис Шрейбер. Премьера этого произведения состоялась ранее в большом зале Кемеровского музыкального колледжа в исполнении оркестра русских народных инструментов под руководством Светланы Юдиной.

ного оркестра, посвященный 15-летию кафедры оркестрово-инструментального исполнительства. В авторском концерте молодого композитора прозвучали не только ее оригинальные работы, но и аранжировки, например, песня «Реченька» (слова и музыка В. Патова), Песня Жанны (из мюзикла Ярославы Пулинович «Жанна»), «Небылица» и колыбельная «Баюн» (на слова М. Барковой). К слову сказать, данные сочинения – примеры мастерски освоенного композитором фольклорного стиля. Свои песни И. Шрейбер исполняет сама, обладая не очень сильным, но мягким и приятным сопрано. У неё есть уже свои постоянные авторы текстов песен, с которыми она сотрудничает – поэтесса, журналистка Маргарита Баркова, поэт Виктор Евграфов.

Вот такой стремительный путь к успеху: преодоление и работа, работа, еще раз работа... Авторский стиль молодого композитора только формируется, но в отдельных музыкальных жанрах она уже сегодня демонстрирует свое мастерство, интересное творческое мышление без желания эпатировать публику. И. Шрейбер сторонится авангардных техник, сочиняя простые, красивые и приятные слуху мелодии, которые хочется напевать. К каким жанрам она особенно тяготеет? В первую очередь это песня и детская музыка. На детской музыке Ирины Шрейбер хотелось бы остановиться подробнее. Думается, что именно эта область творчества на данный момент ярче всего характеризует авторский стиль молодого кузбасского композитора.

Музыку для детей Ирина Шрейбер пишет по заказу и по велению сердца. Разнообразный мир ребенка очень близок Ирине и органично отражается в ее композициях. На счету молодого композитора уже множество превосходно исполненных заказов в данной области: музыка для рекламы интернет-магазина детских игрушек «toу.gу», песенки для новогодних мягких игрушек, фирменная песня для магазина детских развивающих игрушек «Вундеркинд», музыка для интерактивного детского приложения «My First Words», музыка для детской интерактивной сказки «О девочке Малинке и кошечке Хаврошечке», музыка для компьютерной игры «Ходилки», наконец, одна из последних работ – музыка к мультфильму «Секретные приключения Арса-Костэбола».

Детская музыка во всем разнообразии своих жанров – это та сфера композиторского твор-

чества, которая на сегодняшний день лучше всего прочувствована и освоена И. Шрейбер. Эта музыка очень привлекательна для слушателей и востребована для режиссеров, продюсеров, сценаристов, хореографов. В последнее время многие заказчики обращаются к Ирине, услышав в Интернете ее музыку к детским сказкам. Произведения И. Шрейбер с ее разрешения начинают использовать даже в тех проектах, для которых она не предназначалась. Так музыка Шрейбер звучит в спектакле «Иллюзионный концерт» Московского театра иллюзии, где под нее танцуют лесные феи, подружки Гнома – главного героя спектакля (см. сайт Московского театра иллюзии [1]).

Магия простых интонаций и мелодических ходов сочинений Ирины Шрейбер производит глубокое впечатление на слушателей. Первое впечатление свежести и непосредственности услышанного переходит в сознание того, что звучит очень знакомая музыкальная тема, которая незаметно становится любимой, легко поется и долго не уходит из памяти. При этом никаких цитат И. Шрейбер не использует. Неудивительно, что со сказкой у этого композитора складываются особые отношения. Она является автором музыки к трем детским театральным спектаклям, поставленным на сюжеты сказок. Это спектакль «Новогоднее приключение сестрицы Аленушки и братца Иванушки» и музыка к двум моноспектаклям-сказкам, поставленным Московским театром кукол «Парадокс», – «Котенок Гав» и «Серая Шейка».

Весной 2013 года Ира получила долгожданный для себя заказ. На одной из интернет-площадок для фрилансеров был создан конкурс написание музыки к детскому спектаклю «Котёнок Гав» кукольного театра «Парадокс». Соискателям нужно было продемонстрировать свои «детские» работы, после чего заказчик должен отобрать для себя одного композитора. Исполнителем этого проекта была выбрана Ирина. Спектакль с ее музыкой был поставлен 12 ноября 2013 года главным режиссером театра «Парадокс» и исполнительницей всех главных ролей Ольгой Коробовой.

Музыка И. Шрейбер очень яркая, характеристичная, образная. Особенна показательно увертюра к этому спектаклю, отражающая веселый игровой сюжет. В увертюре, написанной в модифицированной сонатной форме две темы: главная партия, по-видимому, персонифицирована

под игривость главного героя Котенка по имени Гав, а побочная – передает осторожность и рассудительность «взрослых» героев этой детской пьесы – Пса и Кота. За две минуты этой миниатюрной увертюры И. Шрейбер демонстрирует умение оригинально мыслить в рамках классической сонатной формы, слышать оркестровые краски и способность развивать даже такой незамысловатый тематический материал. Однако молодой композитор более тяготеет к малым инструментальным формам, виртуозное владение которыми она отточила в искусстве создания музыки к рекламным роликам. Своеобразный талант миниатюриста сказался здесь в модификации сонатной структуры увертюры, в репризе которой не оказалось главной партии, побочная была существенно преобразована, а жизнерадостная кода обогатилась новым инструментальным колоритом вибратона.

Известно, что в детстве у детей преобладает образное мышление. Именно поэтому сказочные и мифологические истории являются лучшим способом передачи ребенку знаний о мире. А если эти волшебные образы являются ребенку в синтезе с такой трогательной и прекрасной музыкой, то получается двойной эффект. «Для кого мои спектакли? В первую очередь для родителей, для тех, кто хочет научить своего ребенка думать и сопереживать, делать хорошие поступки бескорыстно и от всей души, для тех, кто хочет, чтобы ребенок научился “видеть сердцем”» [2] – такую задачу ставит перед собой создатель моноспектаклей для детей Ольга Коробова.

Молодой композитор Ирина Шрейбер тонко чувствует хрупкий и загадочный мир ребенка. Именно это качество проявилось еще ярче в музыке ко второй сказке для театра кукол «Парадокс». Почти каждому с детства известна немного грустная история об уточке по имени Серая Шейка с хорошим, как и полагается сказке, финалом. Авторская сказка – это явление особое само по себе. В энциклопедическом источнике читаем: «Для авторской сказки характерна повышенная степень психологизма, превращение персонажей из “знаков” в полнокровные “образы” и зачастую подчеркнутая игра со сказочными клише (последнее особенно важно для литературы XX века). Авторскую сказку отличает также “двойное бытование”. За редким исключением

(в тех случаях, когда сочинение предназначается исключительно детской аудитории), авторская сказка имеет несколько уровней прочтения, а потому может по-разному восприниматься взрослыми и детьми. Причем не важно, какому читателю сказка адресована, о чем свидетельствуют два равноценных процесса: превращение “взрослых” книг в “детские” (Ш. Перро, Р. Р. Толкиен) и обратное движение – от “детской” книги к “взрослой” (Л. Кэрролл)» [4].

Такова добрая и трогательная сказка о говорящей уточке со сломанным крылышком, когда-то рассказанная русским писателем Д. Маминым-Сибиряком. Именно эта сказка, как никакая другая, способна вызвать в ребенке состояние сочувствия. Несмотря на простоту сюжета и счастливый конец, в сказке поднимается очень серьезная тема одиночества человека в огромном и полном опасностей мире. Особенно болезненно одиночество для ребенка. Поэтому данную сказку не рекомендуется показывать в детских домах и детям с ограниченными возможностями, о чем специально предупреждается на сайте театра «Парадокс». Ирине Шрейбер, которой в силу необходимости пришлось учиться и воспитываться вдали от родителей, очень знакомы подобные эмоции. Поэтому музыка к сказке «Серая Шейка» получилась особенно глубокой, временами драматичной, с чутким вслушиванием в характер сказочных персонажей.

Всего к спектаклю композитором написано 9 небольших номеров, каждый из которых очень точно соответствует ситуации, происходящей на сцене. Названия этих номеров весьма условны, но они складываются в сюиту, объединенную не только сюжетом сказки, но также музыкально-композиционными и интонационно-тематическими закономерностями. Каждая часть этой сюиты имеет свою музыкально-драматургическую функцию и яркий визуальный образ, детально «прорисованный» оркестровыми средствами: № 1 «Первая композиция» – вступление на основе гимнической темы (струнные), предвосхищающей счастливый конец сказки; № 2 «Вторая осенняя композиция» – экспозиция образа одинокой Серой Шейки (печальная мелодия флейты); № 3 «Музыка на слова рассказчика» – экспозиция образа природы, постепенно застывающая красоты осеннего леса; № 4 «Музыка на лису» –

контрэкспозиция образа хитрой Лисы (вкрадчивая тема саксофона) и испуганная Серая Шейка (мелодия флейты из № 2); № 5 «Зима и перестановки» и № 6 «Зима и мороз» – смена времени года, изображение зимних пейзажей, застывшего льда реки и обновление оркестрового колорита за счет использования «холодных» тембров (гобой и челеста); № 7 «Лиса торжествует» и № 8 «Пробежки зайца» – кульминация (выстрел охотника) и развязка; № 9 «Финал» – реприза-кода, где возвращается гимническая тема вступления и появляется новая танцевальная тема. Инструменты персонализированы в героев сказки, а создатель музыки вместе с постановщиком и исполнителем проживает жизни своих персонажей.

Вернемся, однако, из сказки к реальности современной жизни. Сегодня Ирина Шрейбер – сложившийся профессионал, аранжировщик и композитор современной формации, что немало важно для творческой идентификации и востребованности в наш жестокий век конкуренции. А что же такое современный композитор и что же он пишет? Это, пожалуй, проблема для специального обсуждения, тем более, что быть современным композитором пока еще не учат (или только очень медленно начинают учить) в российских музыкальных вузах. Понятие «современный» не имеет строгих временных рамок. Совсем недавно современностью считался XX век, но когда наступил XXI, предыдущее столетие автоматически стало прошлым. Но к И. Шрейбер это уже не относится, так как ее музыкальное мышление формировалось в начале XXI столетия и оказалось органично встроенным в новую реальность, отвечая требованиям эпохи.

Помимо традиционных жанров И. Шрейбер создает такую музыку, которая уже стала привычной и почти незаметной частью нашей повседневной жизни – музыкальное оформление рекламных роликов, компьютерных игр, веб-сайтов, передач телевизионных каналов и промоклипов, аудиологотипы разных компаний. Очевидно, что для этого требуется совершенно иная форма творческого процесса, нежели хорошо всем известный из учебников и монографий о великих композиторах прошлого способ создания музыки: от замысла до написания партитуры за столом (или за столом и роялем), а затем ее инструментовки. Надо сказать, что и многие современные композиторы старшего

поколения не мыслят сочинять по-другому, ведь годы их становления прошли в мире, который еще не знал, что такое компьютер.

И. Шрейбер позиционирует себя как композитор эпохи постмодерна, но не по стилю, а по жанровой панораме творчества и методам работы с использованием технических средств. Она далека от авангарда, от шокирующих эпатажных акций, от сложных и рассчитанных конструкций. И. Шрейбер создает музыку, идущую от сердца, а стиль ее сочинений гармонично встраивается в широкое и многообразное движение «новой простоты», охватившее музыкальное искусство рубежа XX–XXI веков. И. Шрейбер, как и другие молодые композиторы, работает в MIDI – компьютерных фиксирующих программах, позволяющих слышать макет, эскиз будущего сочинения и производить с ним любые изменения. В ее словаре множество технических терминов, которые ничего не говорят музыкантам и композиторам старшего поколения: «семпл», «секвенсор», «мастеринг», «джингл», «тайминг» и др.

Создание музыки в современных условиях – это целая наука. Ирине пришлось осваивать ее самостоятельно. Процесс написания такой музыки, уже не только творческий, но и технический, протекает в профессиональных компьютерных программах. Современный композитор, который хочет быть востребованным, должен иметь не только классическое музыкальное образование, предполагающее знание всех разделов истории и теории музыки, психологии музыкального восприятия, но и обладать навыками в области компьютерных технологий, физиологии звука, звукорежиссуры, технологии коммуникаций, стандартизации и управления техническими процессами. Владая всем этим современным арсеналом, композитору необязательно жить в крупных городах и центрах музыкальной культуры, чтобы быть узнаваемым и известным. И. Шрейбер живет в Кемерово, но успешно выполняет заказы для разных городов и стран.

Многие программы предназначены специально для работы с уже записанными звуками или семплами. Они удобны для редактирования семплов до их использования в композиции. Какое техническое изобилие! Получается, что сейчас любой дилетант в музыке может на основе знания какой-либо программы что-нибудь этакое со-

чинить. Однако не существует такой программы, которая сможет заменить опыт и талант композитора. Для качественного творчества необходимо иметь качественный музыкальный материал, а это – не только семплы, синтезаторы и готовые библиотеки инструментов, но и живой композиторский замысел – родившаяся мелодия и придуманный элемент фактуры, ритмическая фигура, гармонический колорит и оркестровая краска. Искусство создания музыки и сегодня невозможно свести только к техническому процессу.

Как же создает И. Шрейбер свои опусы? Об этом лучше спросить у самого композитора. «Весь процесс работы начинается с информации от заказчика: сценарий, или его основа, характеристики персонажей, описание декораций, внешности героев, в общем, всех красок, которые присутствуют на сцене, либо в кадре, – говорит Ирина. – Я никогда не жду, когда придет вдохновение – ознакомление с материалом, прослушивание музыки определённого стиля настраивают меня на нужный лад, и я сразу начинаю работать, пока не потеряла настроение. Иногда, конечно, приходится переделывать – я отношусь к этому спокойно, как к необходимой работе. Как правило, мне всегда присылают количество номеров в спектакле, но не всегда указывается хронометраж. Хронометраж зависит от специфики спектаклей, для которых пишется музыка. К примеру, для кукольных спектаклей музыка должна быть такой, чтобы можно было успеть проделать все движения кукол, которые запланированы в определенном эпизоде. Сейчас перед началом работы я стараюсь составить как можно более полное техническое задание. Иногда сама задаю разные уточняющие вопросы заказчикам проектов. Вся работу я выполняю в секвенсоре, который позволяет записать ноты и качественно обработать записанный материал»³. Вот так терпеливо и последовательно создается музыка композитора XXI века.

И. Шрейбер много экспериментирует со звуком и тембрами, включая тембр собственного голоса, ищет новые краски. У Ирины очень широкий круг творческого общения в Интернете с музыкантами и поэтами из разных регионов России. Один из ее друзей – музыкант-программист Илья Ефимов, который создает синтезаторы с реалистичным звучанием инструментальных тем-

бров. Благодаря новым уникальным библиотекам звуков народных инструментов, которые любезно подарил Ирине автор компьютерных программ, появилась возможность поэкспериментировать с тембром собственного голоса в народной манере.

Результатом таких экспериментов становятся новые инструментальные и вокальные композиции. Они не имеют прикладного значения, но скрытая программность, образный строй и музыкальный язык этих пьес пронизан воспоминанием о сказке, волшебством, верой в чудо. К примеру, электронная композиция «Хрустальная миниатюра № 1», возникшая в связи с интересом Ирины к тембрам, напоминающим стеклянные звучания, будто бы символизирует хрупкий сказочный мир мечты, которую так легко разрушить одним неосторожным словом или движением.

Когда Ирина изучала свою новую библиотеку тембров, ее заинтересовал один очень глубокий тембр органа, с которым она начала импровизировать. В процессе импровизации возникло название этой музыки – «Звенящий закат». Несколько дней позже пьесе услышал поэт Виктор Евграфов и, вдохновлённый музыкой, сочинил к ней стихи. В инструментальной композиции «Океан» Ирина соединяет электронное звучание с заинтересовавшим ее тембром инструмента мелодика, игру на которой она освоила самостоятельно.

Однажды, наигрывая различные мелодии на фортепиано, Ирине захотелось попробовать сделать композицию, в которой классическое фортепиано сочеталось бы с различными современными тембрами. Композиция была названа «Остров мечты». Эта маленькая пьеса – одно из лучших сочинений И. Шрейбер. Волшебный мир детства быстро исчезает с наступлением взрослой жизни, полной проблем и забот. Лишь очень немногим удается сохранять те эмоции и ощущения, которые посещали их в детстве. Ирина Шрейбер способна не только сохранять в памяти этот магический мир детства, но и воплощать его в своем творчестве интересно, ярко и талантливо. Впереди большие перспективы и много, много интересной по-настоящему творческой работы. Многому еще надо учиться, приобретать мастерство, чтобы постепенно приближаться к своему «острову мечты», волшебному и прекрасному миру музыкальной композиции.

³ Из переписки автора статьи с И. Шрейбер.

Литература

1. Московский театр иллюзии [Электронный ресурс]: веб-сайт. – URL: <http://www.teatrmagic.ru/репертуар/> (дата обращения: 03.06.2015).
2. Парадокс: театр кукол [Электронный ресурс]: веб-сайт. – URL: <http://paradoxtheatre.ru> (дата обращения: 02.06.2015).
3. Из переписки И. Шрейбер с В. Евграфовым [Электронный ресурс]: ВКонтакте. – URL: http://vk.com/topic-84069926_31002133 (дата обращения: 07.06.2015).
4. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.krugosvet.ru/node/39215?page=0,2> (дата обращения: 03.06.2015).

References

1. Moskovskii teatr illiuzii: veb-sait [Moscow theater of illusion: website]. (In Russ.). Available at: <http://www.teatrmagic.ru/repertuar/> (accessed 03.06.2015).
2. Paradoкс: teatr kukol: veb-sait [“Paradox” puppet theater: website]. (In Russ.). Available at: <http://paradoxtheatre.ru> (accessed 02.06.2015).
3. Iz perepiski I. Shreiber s V. Evgrafovym [From correspondence with W. J. Schreiber Evgrafov]. (In Russ.). Available at: http://vk.com/topic-84069926_31002133 (accessed 07.06.2015).
4. Entsiklopediia Krugosvet [Encyclopedia Krugosvet]. (In Russ.). Available at: <http://www.krugosvet.ru/node/39215?page=0,2> (accessed 03.06.2015).

УДК 783.2

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ ОБУЧЕНИЯ В КЛИРОСНОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Шелудякова Оксана Евгеньевна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского (г. Екатеринбург, РФ). E-mail: k046421@yandex.ru

Статья предназначена для студентов дирижерско-хорового, историко-теоретического и композиторского отделения музыкальных вузов и колледжей, а также всех интересующихся историей и теорией церковного пения нашей страны. Она содержит исследование основных особенностей профессионального обучения и нравственного воспитания в Древней Руси, в ней выявляются потенциальные воспитательные возможности богослужебного пения XV–XVII веков и анализируются инструменты его педагогического воздействия.

Древнерусская культура в статье рассматривается как часть мировых художественных процессов и самобытный пласт культуры с имманентными конфессиональными, социокультурными и эстетическими закономерностями. Доминантой определены теоретический, исторический и нравственно-воспитательный подходы в сочетании с эстетическими и символическими характеристиками изучаемых явлений.

Воспитательный процесс в Древней Руси носил системный характер, обладал целостностью и единством. Единство обучения, воспитания и развития было краеугольным камнем древнерусской системы образования: обучение носило ярко выраженную воспитательную направленность и развивало в воспитанниках духовную составляющую.

Материалом для обучения в Древней Руси служили источники различного характера: певческие азбуки, службы и певческие богослужебные книги, древнерусские летописи и поучения, исследования о древнерусской педагогике, собственно древнерусские песнопения.

В результате обучения певчие должны были:

знать основные певческие стили Древней Руси, исполнять обширный свод песнопений разных жанров и стилей по основным древнерусским певческим книгам;

уметь анализировать духовные, художественные и технические особенности музыкальных песнопений, анализировать и подвергать критическому разбору процесс исполнения песнопений, находить индивидуальные пути воплощения музыкальных образов Древней Руси, раскрывать художественное содержание песнопений, самостоятельно изучать песнопения разных стилей и жанров, применять рациональные методы поиска, отбора, систематизации и использования информации в выпускаемой специальной учебно-методической литературе по профилю подготовки и смежным вопросам;

владеть навыками изучения песнопений различных стилей и жанров, знаниями в области истории и теории древнерусской музыки, древнерусской музыкальной эстетики, навыками анализа художественно-выразительных средств различных певческих стилей.

Ключевые слова: структура, духовное пение, монастырская традиция, клиросный хор.

SOME FEATURES OF THE CONCEPT OF TRAINING THE CHOIR PRACTICE IN ANCIENT RUSSIA

Sheludyakova Oksana Evgenevna, Dr of Art History, Professor of Department of Music Theory, M. P. Mussorgsky Ural State Conservatory (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: k046421@yandex.ru

The article of O. E. Sheludyakova is an attempt to recreate some of the most important traditions of ancient Russian church singing. The study of the theory and practice of cantorial singing in professional learning and monastic choirs of old Russia puts forward a number of practical suggestions that are necessary for the development of modern church singing education.

Since Apostolic times, the basic quality of spiritual singing formulated edification, calmness, gracefulness. Therefore, the traditional parts of aesthetic education (development of aesthetic feelings and emotions, aesthetic education, aesthetic skills of self-education) has been addressed in other, in comparison with traditional pedagogic means. Singing the whole life passed in hearing the new chants, new icons, new items sacred items. In the first year of general training, the little singers could only listen and absorb the features of liturgical singing. A required component of study was an analysis and evaluation of artistic works. Understanding the melodic characteristics of a chant, the Canon, reasons for choosing the certain hooks, the object of analysis was reflected in the melody of the sacred text, matching the words and tunes. The phase of conscious training in old Russian singing schools required serious knowledge of the Statute and the Canon, the symbols of Orthodox art, the origin of those or other objects, instruments, techniques.

As a result of learning, students were introduced to the culture of the native country and obtained skills of handling and correction of ideas about the Russian art, formation of spiritual, moral and ethical ideals, values, embodied in the philosophy and art of Ancient Russia. The history of the Russian culture was understood in the context of spiritual quest, historical processes and folk customs and rituals of the country, that raised independent analytical skills on the basis of acquired knowledge, applying the cultural-historical, spiritual-moral and symbolic approaches to the analysis of specific pieces of Russian Orthodox art.

The article blends the education of professional skills in the comprehension of the content and form of music, mastery of a large Fund of works of different epochs, genres and styles, development of mechanisms of musical memory, creative imagination, activation of auditory-cognitive processes, and continuous development ear of melody, harmony, timbres, polyphonic thinking simultaneously.

Keywords: structure, spiritual singing, monastic tradition, kliros choir.

В клиросном певческом образовательном процессе в идеале должно быть одновременно задействовано сразу несколько учебных дисциплин, преподаваемых в синкретическом неразрывном единстве. Подобная традиция была сформирована уже в Древней Руси. Основным предметом, безусловно, считалось собственно **церковное пение** – изучение гласов, погласиц, певческих строк и проч. Однако наряду с этим давались сведения по **истории церковного пения** (жизнеописание песнописцев, история распевов, отдельных песнопений), **Закону Божию** (история праздников, жития святых), **литургике** (строение Богослужения, его основные составляющие, символическое значение священнодействий), **догматике** (пояснялись содержащиеся в тексте богословские постулаты), **истории церкви** (выявлялась взаимосвязь содержания песнопений с теми или иными событиями церковной истории, например, иконоборчеством и восстановлением иконопочитания), основные навыки **вокала, вокального ансамбля** либо **хорового пения** (а порой и некоторые сведения по **хороведению**). Для особенно одаренных в индивидуальной форме преподавались основы **регентования**, правила распева тех или иных фит (начатки **композиции**).

Певческая составляющая в клиросной практике являлась, безусловно, важнейшей и предполагает изучение и освоение рукописей, работу над музыкальным и богослужебным текстом, выстраивание общей композиции песнопений и службы в целом (динамики, темпа, тембра, ансамбля и т. д.).

Отметим, что данные сведения из различных областей знания давались не в виде лекций и учебных курсов, а в приложении к конкретным Богослужениям, отдельным песнопениям, в связи с необходимостью обратить внимание певчих на отдельные стороны певческого искусства. Каждая из названных дисциплин в древнерусский период не рассматривалась как самостоятельная, но отдельные сведения каждой из них направлялись на решение основной цели – воспитания квалифицированного певчего (в отдельных случаях головщика, распевщика), обладающего всем необходимым комплексом знаний и умений. Спевки превращались в увлекательный педагогический процесс, в котором задействовались самые разнообразные

стороны творческой деятельности. Думается, сейчас существенно необходимо возвращение к древним традициям.

Ведущей дисциплиной в ряду специальных предметов следует считать **церковное пение**. Это одна из основных составных частей профессиональной подготовки певчих и головщиков, предусматривающая овладение необходимым объемом знаний и навыков для успешной церковно-практической деятельности.

От учащихся требовалось владение основами системы осмогласия Русской православной церкви, свободная ориентация в основных образцах различных церковных напевов и умение распевать по примеру этих образцов-моделей богослужебные тексты.

Для достижения данной задачи необходимо:

- изучение и усвоение учащимися певческого основного материала богослужебного певческого круга;
- изучение и усвоение учащимися напевов неизменяемых песнопений вечерни, утрени, Божественной Литургии и богослужений периода пения Триоди Постной, Цветной и Минеи Праздничной;
- владение навыками пения системы осмогласия в различных певческих жанрах;
- изучение и усвоение учащимися ряда монастырских подобнов;
- владение певческой традицией соответствующей школы;
- ознакомление с иными певческими традициями (монастырскими напевами, авторскими напевами и проч.);
- обучение наиболее одаренных воспитанников руководству ансамблем певцов или хором, воспитание навыков составления репертуарного ряда.

Важное значение имела и **элементарная теория музыки** – предмет, в котором изучаются основные составляющие музыкального языка, основные музыкальные термины. В применении к древнерусскому периоду основной спектр понятий включал знамена, пометы, кокизыгласовые строки и основные гласовые попевки, фита и лица с их расшифровками. Давались понятия о высоте и длительности звуков, их соотношении, о правилах распевания текста, основных терми-

нах семиографии. По сравнению с музыкальной грамотой, изучаемой в Азбуках на практических занятиях, это был новый этап – систематизированные сведения и комплексное освоение знаний и навыков.

Косвенно затрагивались некоторые темы, изучаемые в современную эпоху в курсе **анализа музыкальных произведений**: строение музыкального произведения (в древнерусскую эпоху – строение богослужебных песнопений); жанровая система; некоторые приемы синтаксической организации (анафора, эпифора, повтор, вариант и др.); возникали и некоторые аналогии с приемами циклизации.

Безусловно, решалась и задача воспитания музыкального слуха, традиционно ставящаяся в курсе **сольфеджио**. Именно всестороннее развитие музыкального слуха, музыкальной памяти, музыкального мышления, расширение музыкального кругозора учащихся всегда было важнейшей целью курса сольфеджио. В задачи курса сольфеджио входили воспитание навыков грамотного пения соло, в ансамбле и хоре, умения слышать, понимать, запоминать и воспроизводить (голосом и на бумаге) музыку различных певческих стилей.

В применении к клиросному музыкальному воспитанию данные задачи решались следующим образом: музыкальный слух воспитывался через ансамблевое и хоровое пение, совместное интонирование различных распевов, умение переводить визуальный ряд крюков в звуковые слуховые представления. Музыкальная память совершенствовалась через запоминание знамен, кокиз, попевок, гласовых строк и целостных песнопений. Музыкальное мышление, одухотворенное православным миропониманием, воспитывалось в слушании, анализе и исполнении богодухновенных напевов. Музыкальный кругозор расширялся через последовательное ознакомление с различными певческими традициями, различными видами распевов.

В процессе спевков в XVII–XVIII веках стали применяться интонационные упражнения – пение звукоряда обиходного лада с азбукой и названием помет, интонирование различных мелодических интервалов в восходящем и нисходящем движении; использовались ритмические упражнения – чтение различных крюков с соответствующи-

ми пометами; запоминание отдельных попевок, строк, подобное весьма напоминало устные диктанты с голоса.

Базовым предметом для изучения всех остальных богословских дисциплин был **Закон Божий**. Именно в рамках данного учебного курса давались сведения об основах православного вероучения и постулатах нравственной системы, разъяснялись важнейшие молитвы, разучивались главнейшие песнопения, читалось и комментировалось Священное Писание. По правилам Древней Руси, законоучитель руководил не только образованием, но и выполнением молитвенного правила, чтением (в том числе и келейным), участием в церковных таинствах. Закон Божий был обязательной составляющей частью общего начального образовательного процесса. В клиросной педагогике сведения из данного предмета задействовались как база, требующая углубления в ряде специальных дисциплин.

Поскольку догматической основой песнопений является Священное Писание, в спевках, дополнительных занятиях, нравоучительных беседах, самостоятельном чтении разъяснялся Новый и Ветхий Завет. Изучался сам текст Священного Писания, православная церковная традиция его толкования, могли задействоваться текстологические, исторические, филологические ракурсы.

Акцент делался на всестороннем изучении и объяснении богословских истин (Божественного Откровения), содержащихся в Священном Писании для его понимания и дальнейшего применения на пути духовно-нравственного возрастания православного христианина.

Пожалуй, самой последовательно изучаемой и фундаментальной дисциплиной была **Литургика** – наука о Богослужении Православной Церкви во всех его разновидностях – от общественных служб до частных треб, таинств. Литургика включала в себя несколько направлений:

- историческое – история возникновения определенных чинов Богослужения, отдельных жанров и песнопений;
- догматическое – содержание и богословский смысл чинопоследований, обрядов, таинств, праздников и постов;
- богослужебно-практическое – назначение и смысл Богослужебных книг, церковной утвари, храмовой архитектуры и убранства.

Сведения из Литургики постоянно задействовались в спевках: каждое песнопение, которое разучивалось к Богослужению, рассматривалось с точки зрения местоположения в службе и богослужебных книгах, исторического периода его создания, богословского содержания, взаимосвязи с иконописными образами, церковными традициями. Головщики и уставщики обязаны были знать все тонкости литургики, так как от них зависело распределение песнопений между хорами, выбор молитвословий при совмещении праздников, уточнение входящих в Богослужение тропарей, стихир, седальнов.

В зависимости от конкретного аспекта привлекались искусствоведческая и педагогическая литература, а также сведения из различных отраслей научного знания – эстетики, культурологии, истории изобразительного искусства, а также ряда специфических дисциплин богослужебного характера – патрологии. Литургики, Гомилетики, Ветхого и Нового завета, истории Церкви и проч.

Использовались самые различные формы организации занятий. Основной была **групповая форма** – спевки хора, именно так шла основная подготовка к Богослужениям.

В других случаях использовалась форма **мелкогрупповых** занятий – ансамблевое музицирование при подготовке целого ряда песнопений. Данный подход использовался и при необходимости проверки знаний песнопений перед службой, при введении в коллектив новых певчих, требующих отдельных занятий, а также в разучивании отдельных партий строчного многоголосия.

Необходимыми были и **индивидуальные занятия** – с канонархом, чтецом, при подготовке пения экзапостилариев и светильнов, а также с вновь принятыми певчими или певчими, пропустившими по благословной причине предыдущие спевки.

Групповые спевки всегда проводились руководителями хора, а мелкогрупповые и индивидуальные занятия порой доверялись наиболее опытным певчим.

Спевка не имела какого-либо постоянного плана. Состав каждой конкретной спевки зависел от целей, которые, в свою очередь определялись тем или иным Богослужением. Разучивание новых песнопений и повторение старых могли со-

четаться в самых разных пропорциях. Поскольку описаний спевков в древнерусских источниках нет, судить о них можно лишь реконструируя необходимый минимум для той или иной службы, запечатленной в письменных памятниках.

Кроме того, необходимо учитывать соответствие современных педагогических форм и приемов излагаемым в Канонических правилах и монастырских Уставов нормам. Например, трудно себе представить в условиях древнерусского клиросного хора специальные упражнения по постановке голоса или распевания, аналогичные привычным в современном хоровом классе.

Однако, безусловно, коррективы относительно тембра, дыхания, динамики вносились в процессе подготовки к Богослужению и связывались с произносимым молитвословием, общим молитвенным строем певческого делания, необходимостью хранить нравственную добродетель. Об этом можно судить по дошедшим до наших дней высказываниям Святых отцов, безусловно, хорошо известным монахам-певчим.

Уже Правило № 75 VI Вселенского Собора гласило: «Желаем, чтобы приходящие в церковь для пения не употребляли безчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика, и не вводили ничего несообразного и несвойственного Церкви: но с великим вниманием и умилением приносили псалмопения Богу, назирающему сокровенное. Ибо священное слово поучало сынов израилевых быти благоговейными» [11, с. 41].

«Наше древнее церковное пение, – говорил Новгородский митрополит Арсений, – есть выражение духа нашего народа, воспитавшегося и возросшего под влиянием Церкви, которая была пестуном его, чадолюбивой матерью. Но если Церковь оказывала религиозно-нравственное влияние на народ, то и народ вносил многое от своего природного богатства и дарований в недра Православной церкви в виде мелодий, в которых отражаются глубина и сила его религиозного чувства и вообще его душевные чувства и вообще его душевные качества. Эти мелодии – то возвышенно-простые, строгие и важные, то нежные, трогательные и умилительные – народ, как лучшее достояние свое, от чистого сердца отдает своей матери-Церкви. Вот почему эти родные звуки дороги ему, как передуманные, пережитые,

перечувствованные им. О многом они говорят русскому человеку: и о былом, и о настоящем и об ожидаемом в будущем: будят в нем благородные порывы, святые чувства любви к вере и Отечеству» [2, с. 17].

Воспитательно-образовательный процесс не прерывался и во время Богослужения. Служба, а в особенности Литургия, была центром, главным смысловым акцентом духовной жизни человека. Щедро изливающаяся благодать Господня на верующего православного христианина особенно переизбыточествовала в Евхаристии, в Таинстве причастия. Поэтому Богослужение требовало предельной мобилизации всех сил певчего: духовных, душевных и телесных. Поэтому как самое страшное прегрешение осознавалось охлаждение к службе, отсутствие трепета, благоговения и ревности в послушании.

Собранность и ревностное прилежание обуславливали одновременно по два последствия: с одной стороны, высвечивались недочеты и недоделки, которые были на спевках не столь очевидны; с другой стороны, появлялись новые положительные сдвиги, недопустимые в обычном процессе разучивания песнопения.

Во время Богослужения головщик продолжал корректировку по нескольким направлениям:

- в дисциплинарном плане порой отличались недостаточно во внешнем поведении отдельных певчих;
- уточнялась и вокально-хоровая сторона: делались замечания по чистоте интонации отдельных певчих и хора в целом, исправление артикуляции и хоровой дикции, уточнялась окраска звучания, темповые и динамические нюансы.

Разумеется, корректировка осуществлялась таким образом, чтобы не нарушался ход Богослужения. Для этого часто использовались жесты и мимика, хирономические знаки. Словесные комментарии были возможны в виде исключения и в самом кратком виде – одно или несколько слов.

Итоги Богослужения тщательно анализировались после окончания службы и на следующих спевках. Во многих монастырях головщик получал замечания священноначалия, а затем излагал певчим недостатки, которые необходимо было в ближайшее время исправить.

Очевидно, что ситуация «спевка – Богослужение – анализ – спевка» значительно отличается от ситуации «репетиция – концерт». Во-первых, на спевке собственно репетиционный момент был лишь частью общего воспитательного процесса. Во-вторых, Богослужение значительно отличалось от концерта и по предназначению, и по духовному наполнению, и по задействуемым средствам. В-третьих, анализ учитывает все стороны певческой деятельности, в том числе значительно выходящие за пределы вокально-хоровой работы. Певчие могли исправить обнаруженные недочеты в дальнейших Богослужениях, ежедневно подтверждая высокое право принадлежать церковному клиру.

Одним из важнейших принципов обучения стал принцип **систематичности и дидактичности**. Первыми письменными обучающими руководствами в церковно-певческой традиции стали азбуки-своды, со временем включившие в себя, помимо перечисления, и толкования знамен, которые разъясняли наиболее сложные для запоминания знаки. Толкования разъясняли высоту исполнения крюка, количество звуков в распеве, их продолжительность, направление и характер движения, способ исполнения. В иконописном искусстве функцию азбук выполняли так называемые **лицевые подлинники** – собрания иконописных образцов с правилами изображения святых, где приводились описания со схематичными изображениями святых в характерном для каждого внешнем облике, а также указывался цвет одежий. Другими источниками образцов для иконописцев могли служить «лицевые святцы», например, Гурьяновские «лицевые святцы», имеющие в начале книги описания святых.

Другой принцип обучения – **принцип подобия**, выполнял ту же основную задачу, что и азбука – сохранение канонической традиции. Пение «на подобен» стало одним из способов реализации канона и служило моделью для церковных песнопений. Система подобинов (от греч. «сходный», «подобный») присутствовала во многих жанрах богослужебного пения: кондаке, стихире, ирмосе, тропаре, антифоне. Профессиональный певчий должен был не только знать все модели подобинов, но и уметь распеть на них любой текст.

Функцию подобна в иконописи выполнял контур подлинника, образец иконы, который переносился одним из двух способов (на «отлип»¹ и «припорох»²) на чистую доску. Нанесение рисунка считалось очень ответственной работой, а потому ее делали опытные мастера – «знаменщики», которые наносили рисунок на левкас, то есть «знаменили». Более талантливые художники, подобно Андрею Рублеву, не делали «переводов», а сразу, имея перед собой подлинник, рисовали кистью на доске.

Основным способом обучения была **устная традиция** передачи знаний, передаваемых от поколения к поколению, от учителя к ученику. В опоре наглядные пособия (азбуки-толкования; азбуки-таблицы в виде «горок» и «лествиц», получившие название «таблетур»; лицевые подлинники и святцы) и в сочетании с индивидуальными качествами учителя занятия в мастерских или в хоре давали хорошие результаты. Кроме того, большую роль в профессиональном развитии учащихся играл так называемый **репродуктивный метод** обучения. Мы уже упоминали о том, что в обязанности певчих входило переписывание нотированных книг и тетрадей, при обучении же профессии изографа (от «isos» – верный, «grapho» – пишу) копирование являлось основным методом в изучении подлинников и в практике самостоятельного творчества.

Спецификой церковного образования Древней Руси стала его **синкретичность**. В древнерусской педагогике сочетались:

1. **Нравственно-воспитательная сторона.** Хоровое пение Богослужбных песнопений помогало воспитанию единого духа совместной молитвы. Повествование об истории церковного пения, авторах молитв имело множество поучительных этических моментов и способствовало

¹ Отлип – способ перевода, при котором приготовленной краской (из жженой кости и сажи) на пропитанной желтком и квасом кальке прописывают все линии и контуры. Когда рисунок просохнет, икону «придувают» – согревают дыханием, что вызывает у нанесенного рисунка способность липнуть.

² Припорох – рисунок с проколотыми графьей контурами для перевода его на доску, стену, полотно и т. п. путем набивания через эти проколы красящего порошка из мелко растертого угля, мела, сухих белил.

решению как стратегических, так и повседневных воспитательных задач. Работа над песнопением способствовала формированию выдержки, воли, смирения и внимания.

2. **Познавательная сторона.** Повествование о песнописцах и песнопениях, истории осмогласия и знаменном пении, разбор церковного Богослужения многое другое весьма существенно для развития интеллекта, углублению знаний учащихся и к тому же может быть преподнесено как увлекательное интереснейшее повествование.

3. **Эстетическая сторона.** Пение церковных песнопений способствовало воспитанию художественного вкуса. В этом смысле особенно важен выбор материала для хорового пения: предпочтение должно отдаваться каноническим Богослужбным напевам, хранящим сокровища молитвенного опыта, и духовным песнопениям, среди которых достаточно много несущих не только и не столько эмоцию, сколько глубокое религиозное переживание.

4. **Действенно-практическая сторона.** Урок церковного пения дает возможность детям проявить себя в действии, выразить свои мысли, ощущения, молитвенный опыт, ощутить себя частью слаженного коллектива.

5. Попутно решаемой задачей является собственное **музыкальное образование** – крюковая и нотно-линейная грамота, навыки вокала, хорового ансамбля и проч.

В современную эпоху безусловно необходимым представляется возвращение к данной концепции, так как во многих случаях спевки превращаются в аналоги репетиций светского хора, имеющих единственную цель – разучивание определенных песнопений к конкретному Богослужению.

В настоящее время также используется преподавание сложных интонационных ходов, разбор ритмических трудностей и проч. Сейчас данный аспект особенно актуален, так как на клиросах появляется много певчих, не имеющих представления о православной вере, заповедях, таинствах. На современном этапе необходимо выравнивание профессиональных знаний певчих, ликвидация пробелов в их музыкально-теоретических знаниях.

Литература

1. Библия. – М.: Изд-во Москов. Патриархии Рус. православ. церкви, 2011. – 1376 с.
2. Бражников М. Пути развития и задачи расшифровки знаменного распева. – М.; Л.: Музыка, 1949. – 109 с.
3. Гарднер И. Богослужбное пение Русской православной церкви. – Сергиев Посад: Изд-во Москов. духов. акад., 1998. – Т. 1. – 498 с.
4. Киприан (Керн), архимандрит. Литургика (гимнография и эортология). – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2000. – 152 с.
5. Клиросное послушание. – Львов: Львов. молодеж. православ. братство Почаевской иконы Божией Матери, 2006. – 258 с.
6. Металлов В. Очерк истории Православного церковного пения. – Сергиев Посад: Изд-во Москов. духов. акад., 1995. – 160 с.
7. Михаил, иеромонах. Литургика. Курс лекций. – М.: ПСТБИ, 1996. – 200 с.
8. Николаев Б. Знаменный распев как основа русского православного церковного пения. – М.: Науч. кн., 1995. – 300 с.
9. Николаев Б. Толковая грамматика знаменного пения. – Псков: Изд-во храма св. Александра Невского, 1995. – 94 с.
10. Николаева Е. В. История музыкального образования. Древняя Русь. Конец X – середина XVII столетия: учебник для вузов. – М.: Владос, 2003. – 208 с.
11. О церковном пении: сб. ст. / сост. О. В. Лада. – М.: Талан, 1997. – 160 с.
12. Пожидаева Г. А. Певческие традиции Древней Руси: Очерки теории и стиля. – М.: Знак, 2007. – 880 с.
13. Успенский Н. Древнерусское певческое искусство. – 2-е изд. – М.: Совет. композитор, 1971. – 622 с.
14. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой Церкви. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. – 398 с.
15. Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до наших дней конца XVIII века. – М.; Л.: Музсектор, 1928. – Т. 1. – 450 с.

References

1. Bibliia [The Bible]. Moscow, Izdanie Moskovskoi Patriarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2011. 1376 p. (In Russ.).
2. Brazhnikov M. Puti razvitiia i zadachi rasshifrovki znamennogo raspeva [The path of development and tasks of decoding Znamenny chant]. Leningrad, Moscow, Muzyka Publ., 1949. 109 p. (In Russ.).
3. Gardner I. Bogoslužebnoe penie russkoi pravoslavnoi tserkvi [Liturgical singing of the Russian Orthodox Church]. Sergiev Posad, Publishing house of the Moscow theological Academy, 1998, vol. 1. 498 p. (In Russ.).
4. Kiprian (Kern), arkhimandrit. Liturgika (gimnografiia i eortologiia) [Liturgics (hymnography and eortologio)]. Moscow, Krutitsy Patriarchal Metochion Publ., 2000. 152 p. (In Russ.).
5. Klirosnoe poslushanie [Choir obedience]. Lviv, The Lviv youth Orthodox Brotherhood of the Pochaev icon of the Mother of God Publ., 2006. 258 p. (In Russ.).
6. Metallov V. Ocherk istorii Pravoslavnogo tserkovnogo peniia [Sketch of the history of Orthodox Church singing]. Sergiev Posad, Publishing house of the Moscow theological Academy, 1995. 160 p. (In Russ.).
7. Mikhail, ieromonakh. Liturgika. Kurs lektzii [Liturgics. A course of lectures]. Moscow, PSTBI Publ., 2006. 200 p. (In Russ.).
8. Nikolaev B. Znamennyi raspev kak osnova russkogo pravoslavnogo tserkovnogo peniia [Znamenny chant as the basis of Russian Orthodox Church music]. Moscow, Nauchnaia kniga Publ., 1995. 300 p. (In Russ.).
9. Nikolaev B. Tolkovaia grammatika znamennogo peniia [Sensible grammar of the Znamenny chant]. Pskov, Publishing house of the Church of St. Alexander Nevsky Publ., 1995. 94 p. (In Russ.).
10. Nikolaeva E.V. Istoriia muzykal'nogo obrazovaniia. Drevniaia Rus'. Konets X – seredina XVII stoletii [The history of music education. Ancient Rus. The end of X – the middle XVII century: a Textbook for high schools]. Moscow, Vlados Publ., 2003. 208 p. (In Russ.).
11. O tserkovnom penii [About Church singing]. Ed. O.V. Lada. Moscow, Talan Publ., 1997. 160 p. (In Russ.).
12. Pozhidaeva G.A. Pevcheskie traditsii Drevnei Rusi: Ocherki teorii i stilia [Singing traditions of Ancient Russia: essays on the theory and style]. Moscow, Znak Publ., 2007. 880 p. (In Russ.).
13. Uspenskii N. Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo [Old Russian art of singing]. 2st edition, Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1971. 622 p. (In Russ.).

14. Filaret (Gumilevskii), arkhiepiskop. Istoricheskii obzor pesnopenvtsev i pesnopeniia grecheskoi Tserkvi [Historical overview hymnners and chants of the Greek Church]. Sergiev Posad, Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 1995. 398 p. (In Russ.).
15. Findeizen N. Ocherki po istorii muzyki v Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei kontsa XVIII veka [Essays on the history of music in Russia from ancient times to our days of the end of the eighteenth century]. Moscow, Leningrad, Muzsektor Publ., 1928, vol. 1. 450 p. (In Russ.).

УДК 783:271.2(27-565.79)

АГИОГРАФИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Светлова Ольга Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, проректор по научной и творческой работе, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: svetlolga@mail.ru

Автор придерживается одной из концепций современной медиевистики, утверждающей, что старообрядчество представляет собой не архаический феномен, а живую культуру, развивающуюся на основе сохраняемой средневековой канонической традиции. Объектом настоящей статьи является агиографическая культура Русской православной старообрядческой церкви – одна из наиболее динамичных сфер церковной жизни. Агиографическая культура понимается в широком смысле как культура почитания святых, включающая такие компоненты, как агиографическая и агиологическая деятельность Церкви, создание полных агиологических комплексов (житийная литература, богослужебный цикл, гимнография, иконография), их бытование в богослужебной и внебогослужебной формах. Прослеживаются основные вехи в истории канонизации старообрядческих святых, уделяется внимание специфическим особенностям святости в старообрядческой среде, а именно идеалу жертвенной святости, исповедническому подвигу, почитанию неканонизированных подвижников. Рассматривается лик святых, обновляемый именами общецерковных и местночтимых подвижников после раскола Русской церкви и известных деятелей древнерусской истории. Сделан акцент на том, что создаваемый агиологический массив служит отражением истории старообрядческого движения. Развитие старообрядческой агиографической традиции влияет на богослужебную практику: наблюдается обновление годового богослужебного певческого цикла, пополнение агиологического комплекса новыми творениями церковного искусства.

Ключевые слова: старообрядчество, агиографическая культура, агиология, святой, русское церковное искусство.

THE HAGIOGRAPHIC CULTURE OF THE RUSSIAN ORTHODOX OLDBELIEVERS' CHURCH

Svetlova Olga Alexandrovna, PhD in Art History, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific and Creative Work, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: svetlolga@mail.ru

The author adheres to one of the concepts of modern medieval studies, claiming that the Old Belief is not an archaic phenomenon but a living culture, which is developing based on conserved medieval canonical tradition. The object of this article is the hagiographic culture of the Russian Orthodox Old Believers Church, one of the most dynamic areas of church life. Hagiographic culture is understood in a broad sense as the culture of veneration of saints, which includes components such as hagiographic and hagiologic activities

of the Church, the creation of full hagiological complexes (hagiographic literature, liturgical cycle, hymnography, and iconography), their existence in liturgical and non-liturgical forms. The author traces the major milestones in the history of the Old Believers canonization of saints. Attention is paid to the specific characteristics of the Old Believers holiness, including the ideal of sacrificial holiness, feat of confession, veneration of uncanonized saints. The researcher examines a group of new saints, which includes the names of the general church and the locally ascetics, who belong to the period after the split of the Russian church, and the famous figures of the ancient Russian history. The emphasis is placed on the fact that the created hagiological array reflects the history of the Old Believers movement. Development of the Old Believers hagiographic tradition affects the liturgical practice: there is an update of the annual liturgical singing cycle, and the hagiological complex is updated with new creations of religious art.

Keywords: Old Believers, hagiographic culture, hagiology, holy, saint, Russian church art.

Современное старообрядчество является единственной, уникальной средой, в которой продолжает функционировать древнерусская культура с ее религиозным канонами и зависимым от него бытовым укладом, иерархичным совокупным порядком жизнеустройства. Ф. Е. Мельников пишет: «Старообрядческий мир сохранил у себя во всей строгости исконные начала и дух церковности... Старообрядческий народ свято верит и блюдет церковные традиции веры и жизни» [3, с. 257]. Современная гуманитарная наука опровергает идеи о неподвижности, косности и «застылости» старообрядческой культуры, ушло в прошлое однозначное определение её как архаического феномена. Будучи наследницей Средневековья, она сохраняет свою самостоятельность, полнокровность и мобильность. Данная оценка стала возможной в результате исследований медиевистов, наблюдающих за современным живым состоянием древней традиции в старообрядческой среде и протекающими в настоящее время разнонаправленными процессами, которые принято именовать как «возрождение – угасание», «приобретение – утрачивание», «сохранение – изменение» и т. д.

На протяжении трех с половиной столетий старообрядческая культура продолжала развиваться, благодаря своим внутренним охранительным, имманентным законам. При этом она неизбежно приобретала новые формы и явления, базирующиеся на культурной основе Средневековья. Благоприятные социальные условия, возникшие в последние десятилетия XX века, еще более усилили данный процесс активизации внутренних механизмов. В истории старообрядчества начался новый период развития его как традиционной инвариантной открытой культурной

системы, одним из важных компонентов которой является агиография.

Объектом нашего внимания является современная агиографическая культура Русской православной старообрядческой церкви, понимаемая не только как собственно создание агиографической литературы, но в широком смысле – как культура почитания святых, духовная традиция святости и связанная с этим агиографическая и агиологическая деятельность Церкви. Агиографическая культура, изначально являясь неотъемлемым элементом синтетичной древнерусской культуры, в свою очередь образует органичный синтез, объединяя различные виды церковного искусства, главным объектом которого является святой. Соответственно, агиографическая культура может рассматриваться, с одной стороны, в исторической динамике как процесс формирования «культы» – прославления святого от первых фактов народного почитания к его канонизации, и, вместе с тем, как художественный результат этого процесса, подразумевающий создание полных агиологических комплексов, включающих различные творения агиографического искусства – богослужебные циклы, гимнографию, весь свод житийной литературы, иконописные изображения, а также и их бытование в богослужебных и внебогослужебных формах.

Избирая исторический ракурс рассмотрения агиографической культуры, отметим, что для понимания феномена святости в старообрядческой среде необходимо обратиться к трагическому времени раскола Русской церкви. Выступая против «никоновых новин» и наследуя древние агиографические традиции, защитники истинной веры, безусловно, не могли принять прославление новых святых, канонизированных

так называемой официальной Церковью после раскола, и одновременно утратили возможность канонизации «своих» подвижников. Однако, эта ситуация отнюдь не стала причиной угасания старообрядческой агиографии. Напротив, в своем развитии она стала приобретать особую динамику и специфические черты. Уже во второй половине XVII века наметился активный рост народного почитания борцов за древнее православие, избравших «тесный и прискорбный, но воистину Божественный путь» [7, с. 100]. Как отмечается в Православном старообрядческом церковном календаре, «Святость Церкви Христовой, сохраняемой в старообрядчестве, никогда не оскудевала. Господь прославлял святых Своих на Дону и на Ветке, в скитах Заволжья и в Стародубье, среди лесов Гуслицы и в сибирской тайге, в Москве и суздальских казематах, между меловых гор Черемшана и в Белой Кринице...» [7, с. 100]. С последующими гонениями и жестокими преследованиями староверов еще более крепла уверенность в следовании подвигу Христа и возростал мотив жертвенности во имя Церкви Христовой.

Идеал жертвенной святости стал актуальным в силу того, что трагические последствия событий XVII века имели прямую аналогию с начальным периодом христианства. По словам Ф. Е. Мельникова, «великие и многотерпеливые страдальцы – русские православные христиане – явили миру необычайную силу духа в это ужасное время гонений...» [3, с. 112–113]. Пример первых старообрядческих мучеников – протопопов Логина Муромского, Даниила Костромского, Даниила Темниковского, епископа Павла Коломенского и священника Михаила – воодушевлял других христиан на жертвенный подвиг. Все старообрядческие страдальцы того времени именовались в народе «страстотерпцами» по принятию мученического жития и смерти. А протопоп Аввакум, по словам Ф. Е. Мельникова, для всей старообрядческой массы еще при жизни «был вождем, а после смерти учителем, священномучеником, которого призывали в молитвах и почитали как святого» [3, с. 45]. Уже в 70-х годах XVII века, когда, согласно исследованию Н. Ю. Бубнова, зарождалась история собственно раскола Русской церкви, составлялись рассказы о новых мучениках за веру с описаниями их страданий, которые легли в основу старообрядческой житийной литературы. Чуть позднее, с появлением автобиографиче-

ских житий протопопа Аввакума и инока Елифания, жития боярыни Морозовой «окончательно оформился тип мученика – борца за старую веру, идущего прямой дорогой в царство Божие» [1, с. 93]. С начала XVIII века известны первые иконописные изображения святых подвижников.

Установка на максимальную святость всей жизни по древним святоотеческим законам, понимаемую как самую высшую из всех ценностей, которая сделала бы возможным достижение Святого Царства, явилась определяющей чертой старообрядческой духовной культуры на протяжении всего трехвекового периода. Однако в ее развитии на рубеже XVII–XVIII веков произошло еще одно трагическое событие, связанное с внутренними разногласиями в старообрядчестве и разделением его на два толка – поповцев и беспоповцев – и затем на более мелкие согласия. Догматический конфликт значительно повлиял на развитие агиографической культуры. Так, в среде беспоповцев широкое распространение получили учение о приходе и воцарении антихриста и идея потери истинного священства, что привели к утрачиванию Таинств, трансформации богослужения и отсутствию самой возможности канонизации. Однако при этом в беспоповских центрах, в частности в Выговской старообрядческой пустыни, возникли великолепные памятники житий и служб старообрядческим святым. По мнению Г. В. Маркелова и Ф. В. Панченко, именно на Выге, возможно, в середине XVIII столетия (самый ранний известный список датирован 50-ми годами) была составлена, вероятно, первая «Служба святым исповедником, новым российским страдальцем, пострадавшим от новолюбителей за древлевозвосточное церковное и апостольское и отеческое благочестивое», авторство которой приписывается выговскому литургисту Симеону Денисову, и далее в течение века – целый ряд служб почитаемым исповедникам [2, с. 221]. В сохранившихся певческих рукописях XVIII–XIX веков зафиксированы песнопения, посвященные главным устроителям Выговской пустыни – Даниилу Викулову (или Викулину), Петру Прокофьеву, Симеону Денисову, Кириллу Михайлову, «выдающемуся деятелю старообрядчества, сыгравшему в духовной и культурной истории Выга самую значительную роль – Андрею Денисову» [11, с. 75]. При этом, как отмечает Б. А. Шиндин, совокупность песнопений помор-

ским святым «складывается в единый агиографический цикл о жизни видных подвижников Выговской кинонии» [11, с. 75]. Об общенародном прославлении неканонизированных святых свидетельствуют Уставы беспоповских Церквей. Например, в настоящее время в Красном Уставе Древлеправославной кафолической и старопоморской Церкви перечисляются не только старообрядческие «гонимыя святыя Церкви чади премудростныя учителя» епископ Павел, священномученик Аввакум, протопоп Даниил, иерей Лазарь и др., но и «оныя страдальцы», подражатели первым отцам и страдальцам поморского и Феодосиева общежития: Даниил Викулыч, Феодосий Васильевич (Дионисий), Симеон Иванов, Илия Яковлев, Феодор Феодотов и многие другие, с наставлением о совершении в молитвах их памяти.

В истории старообрядческой Церкви, приемлющей священство и, как следствие, развитие её агиографической традиции, значительной вехой стал 1846 год, когда состоялось присоединение митрополита Босно-Сараевского Амвросия [10, с. 18–22]. Данное событие ознаменовало собой, в первую очередь, восстановление трехчинной иерархии и всей полноты церковной жизни после ста восьмидесятилетнего пребывания Церкви без епископов. Служение истинное вере и деяния митрополита Амвросия было осознано старообрядческим миром как «Христовый путь», поскольку «великий апостольский подвиг взял на себя первый старообрядческий архиепископ “всяя России”» [3, с. 248]. В последующие годы почти все служившие в России белокрыницкие епископы, подобно первому митрополиту, «пострадали от гонений и притязаний за старую веру и за иерархическое служение в старообрядческой Церкви, причём страдания эти тянулись непрерывно...» [3, с. 252].

Акты канонизации почитаемых старообрядцами подвижников не могли состояться на протяжении более двух с половиной веков, пока в России была запрещена старообрядческая Церковь. Только в XX веке, начиная с 1905 года, когда указом и манифестом императора Николая II старообрядцам была дарована свобода вероисповедания, дважды в год созывались Освященные Соборы архиереев белокрыницкой иерархии (в то время Древлеправославная Церковь Христова, сменившая свое название в 1988 году),

на которых неоднократно поднимались вопросы об официальной канонизации знаменитых борцов за истинную веру [6]. В 1909 году вышло постановление о прославлении памяти старообрядческих мучеников: «Поручить способным лицам собрать все относящееся к блаженной памяти наших страдальцев и составить их жития» [7, с. 113]. Однако основная трудность в осуществлении этих планов заключалась в контроле деятельности Церкви Министерством внутренних дел. Тема канонизации первых священномучеников и исповедников протопопа Аввакума, епископа Павла Коломенского, инока Епифания обсуждалась на осеннем Освященном Соборе 1912 года. В 1913 году Нижегородско-козломостромской епархиальный съезд старообрядцев Белокрыницкой иерархии постановил помянуть епископа Павла Коломенского в молитвах как местночтимого священномученика. И только в 1916 году на последнем Соборе «золотого века старообрядчества» протопоп Аввакум, епископ Павел, иерей Лазарь, диакон Феодор, инок Епифаний были прославлены в лике общецерковных святых с утверждением им отдельных служб. Их творцом или собирателем старообрядцы считают Нижегородского епископа Иннокентия (позже, в эмиграции – Кишиневского и Тульчинского, а затем Белокрыницкого митрополита). Фактически же все достигнутые в этот период результаты были перечеркнуты после 1917 года, агиографическая традиция затихла на восемь десятилетий богоборческого века.

В 1988 году на Освященном Соборе было принято решение об учреждении Московской и всея Руси митрополии, в сан митрополита избран архиепископ Алимпий, при котором началось возрождение старообрядческой жизни и духовной культуры. Знаменательным событием, открывшим новый этап в развитии старообрядческой агиографии, стало празднование в 1996 году 150-летия присоединения митрополита Амвросия к Христовой церкви и его канонизация на первом Всемирном Освященном Соборе в Белой Кринице. 12 ноября состоялась первая праздничная великобденная служба святителю по Общей минее, через несколько лет гимнографами составлен особый канон.

На рубеже XX–XXI веков агиографическая и агиологическая деятельность Русской православной старообрядческой церкви обрела стабиль-

ный характер, поскольку в этот период впервые в истории русского старообрядчества появились «возможности для серьезного, обстоятельного обсуждения давно назревшего вопроса о прославлении в лике святых угодников Божиих, просиявших в лоне древнего православия» [7, с. 100]. В первую очередь были восстановлены соборные поминовения канонизированных в 1916 году отцов старообрядческого движения. В Церковном календаре на 1997 год опубликованы каноны еп. Павлу Коломенскому, протопопу Аввакуму, прпмч. Феодоре и страдальцам Соловецким на основании рукописи начала XX века, что позволило уже повсеместно совершать богослужения святым [7, с. 88–98].

При митрополии начала работу агнографическая комиссия, занимающаяся вопросами прославления новых чудотворцев, поиском и сбором материалов по подготовке к их канонизации с рассмотрением духовных, теоретических и исторических аспектов, исследованием достоинства подвижников веры Христовой, определения даты празднования памяти святого, составления их жизнеописания, богослужебных циклов, написания икон. Создание агнологоического комплекса является длительным, часто многолетним процессом, требующим от творцов тщательной работы с неукоснительным соблюдением агнографического канона. Среди составителей житий следует назвать, прежде всего, старообрядческого историка и писателя Димитрия Урушева, Александра Панкратова, из иконописцев – митрополита Андриана (А. Г. Четвергова), написавшего иконостас для храма Екатеринбургской старообрядческой общины и иконы для множества других общин, в том числе Кафедрального собора Новосибирской и всея епархии Сибири, мастера фресковой живописи Бориса Кисельникова, известного своими фресками старообрядческих святых в московском Никольском храме, и др. Но все же, согласно канонической традиции имперсональности, отсутствия авторства, имена агнографов и гимнографов в большинстве своем остаются неизвестными.

Совершая канонизацию подвижников, Собор руководствуется принципами святости древней дораскольной Церкви, считая главными условиями «принадлежность к правой вере Христовой, Его истинной Церкви, а также жизнь, согласная с установлениями божественными и святоотеческими» [7, с. 101], состояние тела после смерти

и чудеса решающего значения не имеют, но и не отрицаются. Старообрядческие святые получают дополнительный, не входящий в иерархию святости эпитет «исповедник», значит человек, безбоязненно исповедовавший свою веру, несмотря на препятствия, испытания, страдания, и по своему подвигу равный и святителю, и мученику. Достойными примерами праведности и святости для старообрядцев являются не только особо почитаемые ревнители истинного православия, но все – известные и неизвестные – пострадавшие за старую веру мученики и исповедники. Именно поэтому в числе богослужений святым особая молитвенная память творится всему собору святых мучеников самого трагического периода – XVII века, а с 2001 года – всем святым мученикам и исповедникам российским, пострадавшим за церковное предание и древнее благочестие. Служба им совершается по общеминой чину мученикам и исповедникам.

Одним из специфических признаков агнографической культуры старообрядческой Церкви можно назвать наличие большого числа общецерковных и местночтимых неканонизированных подвижников, сыгравших значительную роль в истории старообрядческого движения. Русская православная старообрядческая церковь, прежде всего, стремится к их прославлению. Согласно Постановлению Освященного Собора РПСЦ 2006 года, при рассмотрении материалов приоритетными являются дела старообрядцев более отдаленного времени. Поэтому особую группу старообрядческого лика образуют первые святые, пострадавшие за истинную веру в XVII веке. Среди них ранее упоминавшиеся епископ Павел Коломенский; священномученик Аввакум и его ученики иерей Лазарь, диакон Феодор, инок Епифаний; архимандрит Покровского монастыря преподобный отец Спиридон; священномученик Логин, протопоп муромский; Никанор архимандрит, Самуил сотник, Макарий инок, Елеазар анзерский и др. в Соловецкой обители; мученики и исповедники каргопольские Авраамий, Андрей, Иоанн, Афанасий, Гликерия, Леонтия, Андрей иной, Неонила; Александр, Гавриил корелянин, Марк, Григорий земледелец, Иерофей, Евдокия и Наталия олонецкие; Феодор московский; Евдоким и Григорий Чаранские; Прохор, Вавила, Леонид, Иаков, Сампсон в Вязниках; преподобномученица и исповедница боярыня Феодосия Морозова,

в иночестве Феодора, мученицы и исповедницы ее сестра княгиня Евдокия, Иустиана, Мария и др. боровские; преподобномученик Иоасаф кирilloвский и др.

Личность, жизнь и деяния отцов старообрядческой Церкви, вне зависимости от места их служения, являются для каждого старообрядца высочайшим примером христианского, пастырского, мученического и исповеднического подвига. В течение последних 15 лет к лику святых причислен целый ряд подвижников XVIII–XX веков, прославившихся трудами в епархиях. Это преосвященный Иосиф (Антипин; 1853–1927) – первый архиерей на дальневосточной российской земле, в 1911 году возглавивший вновь образованную Иркутско-Амурскую и всего Дальнего Востока епархию Древлеправославной Церкви Христовой; священномученик Тихон (Трифон Григорьевич Сухов; 1880–1937) – епископ Томско-Алтайский, «благодаря активной деятельности которого епархия значительно укрепилась, впоследствии привело к образованию из неё двух самостоятельных (Томской и Алтайской). При нем возобновлены епархиальные съезды, учреждён журнал “Сибирский старообрядец”» [8, с. 94]. Епископ Арсений Уральский (Онисим Васильевич Швецов; 1840–1908), избранный в 1897 году на Уральско-Оренбургскую епархию, широко известен как учредитель ежегодных Всероссийских съездов старообрядцев белокриницкого согласия, содействовавший налаживанию собрания Освященных соборов, автор целого ряда трудов, составляющих сейчас классику старообрядческой литературы [10, с. 36–37]. Священномученик Амфилохий (Афанасий Семенович Журавлев; 1873–1937), который долгое время провел в старообрядческих скитах и монастырях Томской области, в 1916 году был поставлен на епископскую кафедру Уральско-Оренбургской епархии, а в 1918–1921 годах управлял из Ново-Архангельского скита сразу тремя епархиями: Уральско-Оренбургской, Пермско-Тобольской и Томско-Алтайской. Святитель Геронтий (Григорий Иванович Лакомкин; 1872–1951) – епископ Петроградско-Тверской епархии (1911), управляющий Ярославско-Костромской епархией (с 1942 года), прославился как знаток знаменного пения, создатель знаменитого церковного хора в с. Стрельниково. Просияли святостью исповедники Суздальские, долгое время пребывавшие

в суздальских тюрьмах: архиепископ Славский Аркадий (Андрей Дорофеев; 1809–1889), возведенный в 1847 году в сан епископа преосвященнейшим Амвросием, митрополитом Белокриницким, епископ Новозыбковский Конон (Козьма Трофимович Дураков, по другим данным, Смирнов; 1979–1884), хиротония которого была совершена в 1853 году в Белокриницком монастыре, епископ Тульчинский Алимпей (Антоний, ум. 1859) и епископ Пермский Геннадий (Григорий Васильевич Беляев; 1824–1892). Особо почитаются в народе святые преподобномученики Аркадий и Константин, шамарские чудотворцы – беспоповские иноки, признавшие старообрядческую церковную иерархию и рукоположенные в священнический сан, принявшие мученическую смерть в 1857 году.

В контексте священно-церковной истории продолжает развиваться агиологическая линия, связанная с историей белокриницкой иерархии и деятельностью подвижников, имеющих отношение к судьбе митрополита Амвросия. Спустя 10 лет после канонизации владыки, в 2006 году на Юбилейном Всестарообрядческом Соборе в Белой Кринице были прославлены в лике местночтимых святых иноки Павел (Петр Васильевич Великодворский; 1808–1854) и Алимпия (Афанасий Зверев, он же Милорадович), посвятившие всю свою жизнь поиску епископа для архиерейской кафедры, которого нашли в лице босно-сараевского митрополита Амвросия в 1845 году, и тем самым содействовавшие восстановлению полноты трехчинной иерархии [5]. Блаженный ктитор Белокриницкой Митрополии Павел Великодворский сыграл также ведущую роль в жизни беспоповского инока Антония (Андрея Илларионовича Шутова), прозорливо увидев в нем будущего великого духовного деятеля на архипастырском посту: в 1853 году священноинок Антоний был рукоположен «в весьма ответственный сан: архиепископ Владимирский и всея России. За годы своего архипастырского служения святитель Антоний учредил 12 епархий, рукоположил 11 епископов и более 100 священников. Этот ученик преподобного Павла Белокриницкого сделал столь много для церкви Христовой, что и сегодняшняя Русская православная старообрядческая церковь продолжает пользоваться наследием его славного служения» [4]. В 2009 году святым Павлу и Алимпии Белокри-

ническим установлено общецерковное почитание. В настоящее время идет подготовка материалов к канонизации архиепископа Антония, предварительный вопрос об этом поднимался на соборе еще в 2006 году.

Старообрядческий месяцеслов включает имена всех святых, канонизированных в дораскольный период, в том числе и тех, святость которых официальная церковь подвергала сомнению. Как пример деканонизации, интересна история почитания княгини Анны Кашинской, жены князя Михаила Ярославовича Тверского, в иночестве Софии, которая была причислена к лику святых в 1649 году (ум. в 1368 году) патриархом Иосифом на Московском соборе, составлена служба обретения мощей благоверной, написано житие. После раскола, в 1677 году, новообрядческим патриархом Иоакимом был наложен запрет на почитание святой, а ее житие и деяния объявлены ложными. Постановление этого решения Собора было опровергнуто только в 1909 году, когда Русская православная церковь вновь признала святость Анны Кашинской, тогда как старообрядцы неизменно почитали святую [10, с. 27–28].

Сохранение в календаре огромного массива святых древней Церкви отнюдь не означает консервацию этого пласта православной агиографической культуры. Наряду с созданием агиологических комплексов, отражающих исторические события послераскольного времени, старообрядческая Церковь прославляет великих церковных устроителей и творцов Древней Руси, тем самым подчеркивая преемственность русской агиографической традиции и неразрывную связь с древнерусской культурой. Освященным собором РПСЦ канонизированы первый патриарх Московский и всея Руси святитель Иов (в 2012 году), иконопис-

цы преподобные отцы Андрей Рублев и Даниил Черный, задолго до установления им празднования причисленные народным почитанием к числу «чудотворцев Радонежских», и святой праведный первопечатник диакон Иоанн Феодоров, книги которого «стяжали несравненную славу и уважение в среде правоверных христиан» [9] (в 2009 году).

Таким образом, процесс развития агиографической культуры Русской православной старообрядческой церкви объединяет две взаимосвязанные тенденции. Одна направлена на сохранение типологических основ древнерусской культуры и неизменное следование древнерусской агиографической традиции. Другая связана с ее значительным обновлением, и как следствие – обогащением годового богослужебного круга, «расширением» священно-исторического пространства, пополнением агиологического комплекса новыми творениями церковного искусства. При этом подчеркнем, что весь агиографический массив лика старообрядческих святых, объединяющий сегодня более 60 имен, по сути, являет собой отражение истории и культуры старообрядчества как значительного этапа истории России и русского православия. Агиографическая культура как особый компонент церковной культурной системы и как неотъемлемая сфера деятельности старообрядческой Церкви служит подтверждением её полнокровной динамичной жизни. Выяснение общих исторических и феноменологических вопросов старообрядческой агиографической культуры позволяет наблюдать за процессами преемственности и сохранности традиций непосредственно в контексте богослужебной певческой практики общины Русской православной старообрядческой церкви.

Литература

1. Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII века. Источники, типы и эволюция. – СПб.: БАН, 1995. – 436 с.
2. Маркелов Г. В., Панченко Ф. В. О литургическом творчестве выговцев // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб., 1996. – Т. 50. – С. 220–228.
3. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. – 557 с.
4. Павел Великодворский блаженный ктитор Белокриницкой Митрополии [Электронный ресурс] // Русская Православная Старообрядческая Церковь: сайт. – URL: <http://rpsc.ru/history/staroobryadcheskie-svyatie/pavel-velikodvorskiy-blazhennyiy-ktitor-belokrinitzkoj-mitropolii/> (дата обращения: 15.09.2015).
5. Постановления Освященного собора Русской Православной Старообрядческой Церкви (состоявшегося в с. Белая Криница 14–16 сент. 2006 года н. ст.) [Электронный ресурс] // Русская Православная Старообрядческая Церковь: сайт. – URL: <http://rpsc.ru/docs/postanovleniya-coborov/postanovleniya-osvyaschennogo>

- sobora-russkoy-pravoslavnoy-starobryadcheskoy-tserkvi-sostoyavshegosya-v-s-belaya-krinitisa-1416-sentyabrya-2006-g-n-st/ (дата обращения: 15.09.2015).
6. Постановления Освященных Соборов старообрядческих епископов 1898–1912 годы. – М.: Тип. Рябушинского, 1913. – 150 с.
 7. Православный старообрядческий церковный календарь на 1997 год. – М.: Церковь, Изд-во Старообрядческой митрополии Московской и всея Руси, 1996. – 112 с.
 8. Светлова О. А. Особенности устной традиции богослужебного пения в общине Русской Православной старообрядческой Церкви г. Томска // Проблемы музыкальной науки. – 2013. – № 2 (13). – С. 94–99.
 9. Святой праведный первопечатник Иоанн Федоров [Электронный ресурс] // Русская Православная Старообрядческая Церковь: сайт. – URL: <http://rpsc.ru/history/starobryadcheskie-svyatie/svyatoj-pravednij-ioann-fedorov/> (дата обращения: 22.09.2015).
 10. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / сост.: С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М.: Церковь, 1996. – 318 с.
 11. Шиндин Б. А. Разные стихи и псалмы. Рукопись собр. М. Н. Тихомирова Гос. публич. науч.-техн. б-ки Сибир. отд. РАН // Проблемы музыкальной науки. – 2015. – № 1. – С. 74–79.

References

1. Bubnov N.Iu. Starobriadcheskaia kniga v Rossii vo vtoroi polovine XVII veka Istochniki, tipy i evoliutsiia [The Old Believers Book in Russia in the second half of the XVII century. Sources, types and evolution]. St. Petersburg, Library of the Academy of Sciences Publ., 1995. 436 p. (In Russ.).
2. Markelov G.V., Panchenko F.V. O liturgicheskom tvorchestve vygotvsev [About Vyg liturgical works]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian literature]*. St. Petersburg, 1996, vol. 50, pp. 220–228. (In Russ.).
3. Mel'nikov F.E. *Kratkaia istoriia drevlepravoslavnoi (starobriadcheskoi) Tserkvi [A Brief History of Ancient Orthodox (Old Believers) Church]*. Barnaul, Barnaul State Pedagogical University Publ., 1999. 557 p. (In Russ.).
4. Pavel Velikodvorskii blazhennyi ktitor Belokrinit'skoi Mitropolii [Pavel Velikodvorskyy, the blessed churchwarden of the Belokrinit'skaya Metropolia]. *Russian Orthodox Old Believers Church*. (In Russ.). Available at: <http://www.rpsc.ru/history/starobryadcheskie-svyatie/pavel-velikodvorskiy-blazhennyiy-ktitor-belokrinit'skoy-mitropolii/> (accessed 15.09.2015).
5. Postanovleniia Osviashchennogo sobora Russkoi Pravoslavnoi Starobriadcheskoi Tserkvi (sostoiavshegosya v s. Belaia Krinitisa 14–16 sentiabria 2006 goda n. st.) [Resolution of the Consecrated Cathedral of the Russian Orthodox Old Believers Church (held in White Krynicaon 14–16 September 2006 of the new style)]. *Russian Orthodox Old Believers Church*. (In Russ.). Available at: <http://www.rpsc.ru/docs/postanovleniya-coborov/postanovleniya-osvysaschennogo-sobora-russkoy-pravoslavnoy-starobryadcheskoy-tserkvi-sostoyavshegosya-v-s-belaya-krinitisa-1416-sentyabrya-2006-g-n-st/> (accessed 15.09.2015).
6. Postanovleniia Osviashchennykh Soborov starobriadcheskikh episkopov 1898–1912 godov [Resolution of the Old Believer bishops' Consecrated Cathedrals in 1898–1912]. Moscow, Riabushinskii Publ., 1913. 150 p. (In Russ.).
7. Pravoslavnyi starobriadcheskii tserkovnyi kalendar' na 1997 god [Orthodox Old Believers church calendar for 1997]. Moscow, Church Publ., Publishing House of the Old Believer Metropolia of Moscow and all Russia, 1996. 112 p. (In Russ.).
8. Svetlova O.A. Osobennosti ustnoi traditsii bogoslužebnogo peniia v obshchine Russkoi Pravoslavnoi starobriadcheskoi Tserkvi g. Tomsk [Individual features of the oral tradition of liturgical singing in the community of the Russian Orthodox Old Believers' Church in Tomsk]. *Problemy muzykal'noi nauki [Music scholarship]*, 2013, no 2(13), pp. 94–99. (In Russ.).
9. Sviatoi pravednyi pervopechatnik Ioann Fedorov [Printing Pioneer Righteous Saint Ioann Fedorov]. *Russian Orthodox Old Believers Church*. (In Russ.). Available at: <http://www.rpsc.ru/history/starobryadcheskie-svyatie/svyatoj-pravednij-ioann-fedorov/> (accessed 22.09.2015).
10. Starobriadchestvo. Litsa, predmety, sobytia i simvoly. Opyt entsiklopedicheskogo slovaria [Old Belief. Persons, objects, events and symbols. Experience of an encyclopedic dictionary]. Ed. S.G. Vurgaf, I.A. Ushakov. Moscow, Church Publ., 1996. 318 p. (In Russ.).
11. Shindin B.A. Raznyia stikhi i psal'my. Rukopis' sobraniia M.N. Tikhomirova Gosudarstvennoi publichnoi nauchno-tekhnicheskoi biblioteki Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk [Various Verses and Psalms. Manuscript of the Collection of the M.N. Tikhomirov State Public Academic-Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Problemy muzykal'noi nauki [Music scholarship]*, 2015, no 1(18), pp. 74–79. (In Russ.).

БАШКИРСКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Камалиева Айгуль Салаватовна, кандидат технических наук, докторант, Московский государственный педагогический университет (г. Москва, РФ). E-mail: 456kostum@mail.ru

Народный костюм башкир за последние два-три века неоднократно становился темой научных работ и исследований. Начиная с XVIII века описанию башкирской одежды уделяли внимание не только ученые-энциклопедисты, но и писатели, врачи, путешественники и представители других сфер деятельности. На сегодняшний день в библиотеках России накоплен большой объем литературы по рассматриваемой тематике, и это, несомненно, требует определённой систематизации как в хронологическом, так и в тематическом порядке.

Учитывая разнонаправленность библиографической базы, посвященной башкирскому народному костюму, включающей исследования по истории, искусству, философии, проектированию, а также многочисленные очерки и заметки путешественников, целесообразнее выделить группы трудов по соответствующим научным направлениям. В настоящей статье был проведен анализ источников исторического характера, ставящий своей целью выявление истории изучения башкирской народной одежды в этнографической и исторической литературе XVIII–XXI веков.

Результаты исследования позволили выявить основные тенденции в формировании научной базы знаний о башкирском костюме. Кратко их можно свести к нескольким этапам исследования башкирской культуры: первый этап XVIII – начало XIX века связан с деятельностью ученых Российской академии наук и представляет собой описание и фиксацию внешнего вида башкирской одежды. Примерно таким же содержанием исследований отличается второй этап XIX – начало XX века. Вышедший в свет в начале XX века (третий этап) труд С. И. Руденко стал первым серьезным изданием, которое с полным правом можно отнести к работам комплексного междисциплинарного характера. С. И. Руденко стал автором первой классификации башкирской одежды. Далее исследования башкирской культуры, в том числе костюма, получили достойное продолжение в деятельности Института истории, языка и литературы Российской академии наук (четвертый этап) и связаны с научной работой С. Н. Шитовой, Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева. Рассматривая народный костюм как источник знаний об этногенезе башкир, учёные пришли к ряду выводов, объясняющих в принципе основные предпосылки формирования разнообразных форм и видов башкирской одежды.

Ключевые слова: костюм, Южный Урал, историография, башкиры, искусство, проектирование.

BASHKIR FOLK COSTUME: HISTORIOGRAPHY OF THE SUBJECT

Kamaliyeva Aigul Salavatovna, PhD in Techniques, Doctoral Candidate, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: 456kostum@mail.ru

Bibliography of Bashkir folk costume is characterized by a great variety. In addition to its large volume, the bibliographic database differs by diverse scientific fields, among which the leading positions are occupied by history, art, philosophy, mythology and certain branches of technical sciences. A wide range of papers and books on the topic requires systematization of sources on certain criteria that at undoubted importance of bibliography being fundamental for any study characterizes this work as relevant and expedient.

The main purpose of the article is to examine the history of the Bashkir folk costumes studies in the ethnographic and historical literature of the XVIII–XXIst centuries.

Taking into account a diversity of bibliographic database on the costume, it would be more reasonable to combine resources for research topics keeping their chronological order. On the whole, the totality of bibliographic data can be reduced to the works carried out at several stages of the Bashkir culture study: the first stage of the XVIIIth-beginning of XIXth centuries is connected with the activities of scientists of the Russian Academy of Sciences. The second stage of research, in general, similar in content to the first one falls on the XIXth – early XXth centuries, when the South Urals became a kind of a pilgrimage place, for both, scientists and travelling writers. The third stage is connected with the name of the famous scientist and ethnographer S. I. Rudenko. Further studies of the Bashkir culture, including the costumes, received a worthy continuation in the activities of the Institute of History, Language and Literature of the Russian Academy of Sciences (the fourth stage). Considering the folk costume as a source of knowledge about the ethnogenesis of the Bashkirs, the scientists came to a number of conclusions, explaining, generally, the main prerequisites of different forms and types of Bashkir clothes formation.

Keywords: costume, Southern Urals, historiography, Bashkirs, art, design.

Современное состояние изученности башкирского народного костюма определяется обширной библиографической базой различной направленности. Информацию в основном научного характера дают труды по истории, философии, филологии, искусству и также техническим наукам. Многие работы, принадлежащие преимущественно исторической науке позволяют заглянуть в глубь веков и на основе археологических памятников осуществить частичные реконструкции древних костюмов. Философские изыскания в области народного костюма башкир больше ориентированы на раскрытие семантики украшений, орнамента, декора на одежде. Искусствоведческий анализ позволяет выявить глубинные закономерности гармонии в одежде, взаимосвязь одежды с духовной и телесной сущностью человека. И наконец, исследования, направленные на выявление связи технологии, конструкции и декора в едином процессе создания костюма, позволяют решить главные проблемы швейной отрасли в проектировании этнографически достоверных башкирских костюмов.

Библиографический материал, так или иначе освещающий тему башкирского народного костюма, можно объединить хронологически, сводя его к качественным характеристикам не сколько самих публикаций, сколько содержания исследований. Поэтому с целью освещения основных этапов накопления базы знаний о башкирском костюме, в статье будут выделяться время исследований и связанные с ними имена учёных.

Башкирский костюм в трудах ученых XVIII века (П. С. Паллас, И. Г. Георги, И. И. Лепёхин). Собственно с этого периода начинается изучение башкирского быта по специально разработанным программам исследования и первые публикации о быте и природе башкир. Будучи в известной мере энциклопедистами, ученые сосредотачивали свое внимание на общей характеристике костюма, включая в текст опубликованных трудов описания наиболее ярких, самобытных предметов и нарядов [6; 13; 19]. Так, внимание учёных привлекали головные уборы, в особенности кашмау – оригинальный головной убор замужних женщин, нагрудники из кораллов (коралла) и монет, а также общепринятая традиция изготавливать башкирскую одежду широкой и длинной. П. С. Паллас особо отметил некую нарядность в костюмах башкирок: «Замужних и девиц редко увидеть можно, чтоб они не имели на себе самого лучшего убранства» [19, с. 9].

Башкирский костюм в работах исследователей конца XIX века – начала XX века (П. И. Небольсин, В. М. Черемшанский, В. А. Арнольдов, Д. П. Никольский, М. А. Круковский и др.). В этот период наступает новый этап в изучении башкирской этнографии, приобретший со временем все более широкий и планомерный характер. Существенный вклад в исследование башкирского костюма внесли представители Русского географического общества с отделениями географии, статистики и этнографии, Общества любителей естествознания, антропологии и эт-

нографии, археологии, истории и этнографии при Московском и Казанском университетах, служащие различных ведомств и министерств, путешественники, писатели и врачи [2; 11; 16; 17; 21]. Ценность сведений данного периода заключается в разносторонней оценке традиций башкирского костюма в сложное историческое время, когда большинство населения Южного Урала испытывало острейший экономический и хозяйственный кризис. Эти моменты нашли отражение буквально во всех работах конца XIX – начала XX века, описывавших процессы постепенного упрощения народного костюма башкир на фоне бедственного положения большинства родовых групп, вынужденных продавать или безвозвратно закладывать фамильные драгоценности. Исчезали не только богатые украшения, нагрудники и головные уборы, осыпанные серебром и драгоценными камнями, но даже некоторые виды традиционной одежды, например халаты елян и меховые шапки. Картина башкирского быта рисовалась печальной и вместе с тем контрастной: наряду с отдельными богатыми семьями, в которых женщины обладали богатыми кашмау (головной убор замужних), тушелдерек (нагрудники), серебряными кольцами, браслетами, коралловыми ожерельями и в которых мужчины щеголяли в лисьих и волчьих шубах и дорогих малахаях, существовали и бедные, не имевшие порой даже рубахи для выхода на работу. Следует отметить, что работы данного периода отличаются заметная эмоциональность, возникшая вследствие собственных переживаний авторов от увиденного в ходе путешествия, личного знакомства и даже, как в случае с В. А. Арнольдовым и Д. П. Никольским, длительного совместного проживания с башкирами.

По вопросу о сохранности традиций в башкирской одежде авторы имели порой противоположные мнения. В. М. Черемшанский описывал ее как «консервативную, не подлежащую изменениям моды» [21, с. 153], И. И. Железнов относил это только к женским нарядам, а по поводу мужских писал, что «на одном башкирце вы увидите смешение одежды всех народов, между которыми он живёт» [7, с. 253]. Хотя, судя по перечисленным предметам, большая часть их относится все же

к традиционным видам, как например, «поршни (род лаптей или башмаков, сшитых из сырой коровьей кожи), овчинная шуба и полушубок, бухарский бумажный халат, остроконечный белый войлочный колпак» и т. д. Заслуживает внимания книга-повествование М. А. Круковского «Южный Урал» (1909), представляющая собой обобщающий труд, основанный на известном науке того времени историческом материале и личных впечатлениях, составленных в ходе путешествия по южноуральскому краю. Несмотря на краткость сообщения об одежде башкир, во многом перекликающегося с заметками предыдущих исследователей, особую ценность работы М. А. Круковского составляет коллекция фотографий, некоторые из них опубликованы в упомянутой ранее книге [11, с. 50–53]. Картины повседневной жизни народа красноречивее слов рисовали историю башкир через пейзажи деревенских поселений, богатых архитектурных строений и бедняцких изб, через зарисовки трудовых будней башкир на летовках и в поле, через портреты людей, одетых исключительно в национальные одежды. Эти и многие другие сюжеты башкирской жизни, отражённые на фотографиях М. А. Круковского, которые в настоящее время хранятся в фототеке Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), несомненно, помогли воссоздать костюмный комплекс в целом, с его дополнениями и украшениями, в реальных формах его бытования. В целом следует отметить, что работы авторов XVIII – начала XX века при всей фрагментарности исследований, краткости описаний и некой субъективности в оценке событий, так или иначе связанных с традициями в костюме, сведения этого периода, несомненно, обладают научной ценностью. Заслуга учёных и исследователей заключалась в своевременной фиксации предметов башкирского быта, вписанных в общую картину башкирской жизни дореволюционного времени.

Башкирский костюм в исследованиях начала XX века (С. И. Руденко). Постепенно процесс накопления сведений о башкирском быте, в том числе об одежде, уже в 20–30-е годы прошлого столетия перешёл на этап научного осмысления исторического развития башкирской культуры. Одним из наиболее обстоятельных исследова-

ний башкирского быта среди работ этого периода стал труд С. И. Руденко, охвативший практически все сферы жизни народа: историю, антропологию, общественные отношения, материальную и духовную культуру и другое. Результатом принятых ученым экспедиций на Южный Урал, помимо богатого этнографического и антропологического материала, стала полноценная коллекция традиционной утвари, текстиля, жилищ, одежды, украшений и многих других предметов, ныне выставленных в Российском этнографическом музее г. Санкт-Петербурга (бывший Государственный музей этнографии). В завершённом виде многолетние исследования С. И. Руденко были опубликованы в монографиях: «Башкиры. Физический тип» (1916) и «Башкиры» (1925). В последнем издании, кстати, переизданном в 2006 году, башкирскому костюму и орнаменту были выделены отдельные главы [20, с. 138–172; 240–265]. В них ученым были представлены основные выводы по географии распространения отдельных предметов костюма, начиная от нательной и верхней одежды, заканчивая украшениями, особенности их изготовления и декорирования. Важнейшим результатом, послужившим фундаментом для дальнейших исследований в данном направлении стала попытка классифицировать костюмы по ряду признаков. Создававшиеся на протяжении десятков лет труды С. И. Руденко существенно продвинули понимание целого ряда принципиальных явлений в искусстве башкир, глубоко раскрыли основные предпосылки формирования материальной среды в ее культурной, исторической, природной и мифологической обусловленности. Широкий диапазон исследовательской мысли позволил С. И. Руденко серьезно поставить ряд проблем, затрагивающих практически все стороны бытового уклада башкир, что, несомненно, характеризует работу учёного как комплексное междисциплинарное исследование, остающееся и в настоящее время единственным фундаментальным трудом по башкирской этнографии начала прошлого столетия.

Костюм в этнографических исследованиях середины XX века – начала XXI века (Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова, Р. Г. Кузеев, Р. Б. Ахмеров, С. А. Авижанская, Г. Р. Кутушева).

Масштабные исследования башкирской культуры этого времени связаны с созданным в 1951 году Башкирским филиалом Академии наук СССР (далее – БФАН СССР), на базе которого был открыт сектор археологии, этнографии и искусства (1959) Института истории, языка и литературы (далее – ИИЯЛ). Научная концепция, разработанная коллективом института, затрагивала различные аспекты этногенеза и этнической истории башкирского народа, начиная с эпохи древности до современности. Народное искусство, как целостное этнокультурное явление, создаваемое в течение нескольких тысячелетий, в данной концепции изучалось в контексте общего процесса сложения башкирской нации. Весь спектр научных исследований был дифференцирован по различным направлениям, так, проблемы декоративно-прикладного искусства изучались под руководством Н. В. Бикбулатова, исторический путь формирования народной одежды исследовала С. Н. Шитова, танцевальный фольклор – Л. И. Нагаева и т. д. В течение многих лет сотрудники ИИЯЛ, в их числе фольклористы, археологи, языковеды, антропологи, этнографы проводили сбор фактического и устного материала на территории, именуемой в научной среде «Исторический Башкортостан», включающий помимо Башкортостана, еще и районы сопредельных областей: Челябинской, Пермской, Курганской, Оренбургской и Татарстана.

Значительный вклад в изучение генезиса башкирского костюма внесла С. Н. Шитова, которая справедливо признана одним из ведущих специалистов в данной области. Неоспоримой заслугой ученого является открытие семи костюмных комплексов, выделенных на основе детального картографирования предметов одежды на территории исторического Башкортостана. Наиболее последовательно автором была выражена идея о наличии в башкирском костюме шести разнохарактерных пластов, «различных не только по этническому облику, но и по времени возникновения»: это древнеюжносибирский, древнетюрский, гуннский, кипчакский, среднеазиатский и приуральский [23, с. 148–155]. К древнеюжносибирскому пласту, к слову, наиболее древнему и связанному с культурой тунгусских, самодийских

и угорских народов Сибири, относится, главным образом, прямоспинный крой, характерный для нижней одежды и ряда халатов, чекменей и шуб. Он же стал основой для развития одежды в новых бытовых условиях – кочевых, когда меховые наряды, кроёные с прямой линией спинки стали изготавливаться из войлока и сукна. С этим же периодом связано развитие в костюме самобытных шапок с лопастью типа колаксына. Гуннская культура, имевшая опыт создания плотных тканей высокой выработки, породила в башкирском костюме крой по косой нитке, применявшийся в бишметах и сырма. Позднее, примерно к концу I тысячелетия н. э. (кипчакский период), получил развитие костюм кочевника-скотовода, оказавший значительное влияние на одеяния башкир, в первую очередь, украшениями из серебра и монет, безрукавками и девичьими шапочками. Кроме того, в становлении башкирского костюма заметный след оставили историко-культурные контакты башкир с народами Средней Азии – таджиками, туркменами, узбеками и др. Именно с ними С. Н. Шитова связывает традицию башкир украшать одежду и головные уборы кораллами, а также появление в костюме тюбетеек и длинных платков кушъяулык. Последний – приуральский пласт представлен теми видами одежды или ее элементами, которые были «унаследованы башкирами от их предшественников: финнов, угров, болгар и др.» [23, с. 154] в большинстве в своем – это лапти, цельнокатаные шляпы, головной убор такыя и бусы.

К 1995 году выводы многолетних исследований башкирского костюма, опубликованные в отдельных статьях научных сборников, нашли последовательное изложение в известной монографии С. Н. Шитовой «Башкирская народная одежда» [22]. Следует отметить, что до недавнего времени это издание представляло собой одно из немногих доступных широкому кругу читателей книг, которые позволяют увидеть башкирское искусство, в частности костюм на разных уровнях развития во всё его многообразии. Ретроспективное исследование, основанное на обширном музейном и полевом материале и представленное в книге по отдельным разделам, являет собой разностороннюю характеристику предметов

мужского и женского костюма, включающую назначение, способы украшения, схемы возможных вариантов кроя, комплектность и сочетаемость с другими элементами одежды. Автором рассмотрены возрастные, социальные и религиозные аспекты возникновения различий в покрое, отделке, предметности и цветовом решении костюма. В самостоятельный раздел выделены вопросы, раскрывающие своеобразие семи костюмных комплексов, объединённых общностью исторического, социального, экономического и этнического происхождения. Издание дополнено богатым иллюстративным материалом, цветными фотографиями и рисунками, выполненными в ходе экспедиционных работ.

Внутренняя часть исследований по рассматриваемой теме посвящена проблеме изучения этнических корней тех или иных предметов костюма башкир. В этой связи весьма убедительными выглядят предположения ученых о сибирском происхождении ряда элементов одежды, преимущественно горных и лесостепных башкир, представленные в статьях «Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир» (1976) [24] и «Башкиро-самодийские взаимосвязи» (1982) [5]. Это же с достаточной определенностью утверждал С. И. Руденко, проводивший в начале XX века масштабные исследования в Сибири, в частности в Горном Алтае. В своё время ученому удалось выделить круг бытовых предметов, включая одежду, имеющих принципиально единые стилевые особенности декорирования и техники изготовления. Позднее идеи С. Н. Руденко получили достойное продолжение в работах С. Н. Шитовой. В завершённой форме данная идея была изложена в диссертационной работе [23].

Изучая вопрос о башкиро-самодийских взаимосвязях С. Н. Шитова в соавторстве с В. И. Васильевым, продолжила исследования, начатые еще В. Ф. Генингом. Определяя сходные черты в одежде башкир и самодийских народов через крой и украшения, исследователи пришли к заключению о том, что наибольшая близость обнаруживается в декоративном решении одежд, нежели в конструкции [5]. Приводя в пример своеобразную манеру украшения внешних краев (борта, горловина и

подол) елянов и некоторых камзолов полосками красного и зеленого сукна с равномерным чередованием между ними золотого позумента, авторы статьи указывают на характерность подобного оформления верхней одежды у ненцев европейских тундр [5, с. 20]. Примечательно, что в сибирской культуре подобная традиция осмысливалась через поверье о владыке вселенной Нуме, подол которого украшала сама радуга.

Более широкий охват элементов одежды представлен в другом сопоставительном исследовании башкирского костюма. С. Н. Шитова с определенной достоверностью утверждает, что отдельные части и предметы башкирского наряда обладают характерными чертами и особенностями исполнения, свойственными культуре ряда финно-угорских народов, проживающих ныне в значительном удалении от Южного Урала. Вполне обоснованными выглядят выводы ученых о заметном родстве декоративных традиций браного холста у башкир, марийцев, удмурт, чувашей. С культурой этих же народов сближает счетная вышивка, в частности косой стежок, широко применявшийся башкирскими женщинами при украшении хараусов или заготовок для рубах. Завершая статью, автор представляет обобщенную характеристику финно-угорского компонента в башкирском костюме, выделяя собственно угорские, тюрко-угорские и поволжские элементы [25, с. 25].

Немного позднее выходит в свет книга Р. Б. Ахмерова «Об истоках декоративно-прикладного искусства башкирского народа», содержание которой подчинено главной идее поиска исторических корней прикладного искусства. Ценность научных выводов, принадлежащих ученому, заключаются в убедительном доказательстве генетической связи орнамента башкирского костюма «с местными археологическими культурами» [3, с. 11] древности на примере сравнительного анализа декоративных элементов одежды и орнамента на бытовой утвари, найденной в археологических памятниках. С художественной точки зрения данное исследование значительно тем, что выявляет способы трансформации древних украшений, изготовленных из металла и камней, в орнаментальные композиции на одежде. С другой

стороны, сравнение декора на одежде с древними металлическими украшениями даёт основание для достоверной трактовки некоторых элементов, семантика которых до недавнего времени оставалась загадкой. Подобные работы особо значимы для художественного анализа произведений народного творчества, таких как, например, традиционные украшения башкир, об этом, в частности, идет речь в статье автора «Особенности художественного стиля башкирских женских украшений» [9, с. 187–196].

Среди современных исследований башкирского костюма, имеющих определённо этнографический характер, можно выделить работу Г. Р. Кутушевой [12], посвящённую выявлению сходного и отличного в одежде башкир северо-западного и юго-западного костюмного комплекса, а также казанских татар, татар-мишарей, татар-кряшен. Сложный этнический состав региона, называемой в работе автора «этноконтактной зоной», способствовал сложению особого костюма, значительно отличающегося от всех других, известных науке. В итоговой главе автор приходит к выводу о том, что наибольшее сходство между одеждой башкир и татар прослеживается на территории северных районов региона, в то время как на юго-западе сходство обнаруживается лишь отчасти, а в бассейне р. Дёмы и на Ашкадаре – в наименьшем количестве. Общность черт северно-западного башкирского костюма с татарским проявляется в сложении единого набора используемых материалов, представленных продуктами домашнего ткачества, видами традиционной одежды (рубаха, штаны, нагрудная повязка, бишмет, камзол, шуба). Кроме того совпадения обнаруживаются в формах, покрое и декорировании одежд.

Большую роль в изучении башкирского костюма приобрели исследования в археологической науке, позволившие заглянуть во времена древних племен, оценить уровень их художественного мастерства, уловить мировоззренческие предпосылки развития художественного образа одежды, отраженные больше в погребальных обрядах и особенностях жилищ. Ключевые выводы по этническому происхождению башкирского народа, подтвержденные данными археологических раскопок, дали основание считать, что Юж-

ный Урал является исторической родиной башкир [8 с. 69], что отчасти доказывается тем, что в современной материальной культуре башкир (костюме) сохранились «важнейшие элементы традиционной народной одежды (женские нагрудники, накосники), генетически восходящие к украшениям племён Южного Урала эпохи бронзы (XIX–XIII века до н. э.) [8, с. 69]. В то же время башкирский народ формировался, «включая в свой состав этнические группы», одни из которых были дахо-массагетские и родственные им племена. Собственно с ними, точнее с кочевыми племенами VII–III веков связано появление в башкирском мужском костюме остроконечных шапок типа колаксын [14, с. 113]. Этой теме была посвящена статья автора «Художественная выразительность башкирской мужской шапки колаксын» [10]. Характерная для этих головных уборов вытянутость верхней части дошла практически в неизменном виде до наших дней.

Проблема формирования башкирского костюма рассматривалась учеными и в этнических проявлениях орнаментального искусства. Глубинная обусловленность сюжетной линии орнаментальных композиций и цветовой палитры традиционных узоров на предметах декоративно-прикладного творчества географическими и климатическими условиями региона, историческими предпосылками и этническим разнообразием элементов в культуре значительно расширили область исследований учёных, так или иначе освещавших вопрос развития народного костюма.

Первые опыты подобного рода были осуществлены в начале прошлого столетия С. И. Руденко, чьи работы сыграли важную роль в оформлении самостоятельного научного направления, сосредоточенного на выявлении своеобразия башкирского орнамента и закономерностей его развития. В обширном разделе «Искусство и фольклор» [20, с. 240–265] известного издания ученый представил наиболее распространенные виды изобразительного искусства, нашедшие применение в орнаменте материального пространства башкирского быта. Научные выводы исследователя весьма разнообразны и затрагивают не только вопросы генезиса орнамента как вида декора предметов быта, но и представляют собой

в некотором роде художественный анализ орнаментальных композиций. Первоначальное рассмотрение башкирских узоров по расчленяемым элементам, как например, S-, V-образные фигуры, треугольники, ромбики, разнообразные линии и т. д., также их связь с конкретной вещью и техникой изготовления создали объективную основу для сравнительного анализа с орнаментами других народов. В целом же автор приходит к выводу о необходимости выделения трех групп «независимых одна от другой» [20, с. 259]. В первую группу ученый включил орнаментику, сложившуюся в условиях кочевнического мира – аппликационные узоры, в том числе выполненные в технике тиснения по коже и серебряной чеканки, а также орнаментика тамбурной вышивки. Вторую группу составляют «шитый гладьевый орнамент, связанный с угорской культурой» [20, с. 259], а орнаменты третьей группы характеризуются родством с культурой казанских татар, это преимущественно тамбурная вышивка.

Дальнейшие исследования получили развитие в деятельности коллектива Института истории, языка и литературы, под руководством Н. В. Бикбулатова, областью научных интересов которого являлось декоративно-прикладное искусство. В этой связи необходимо особо выделить систематизированный труд авторов С. А. Авижанской, Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева, «Декоративно-прикладное искусство башкир» (1964). Придерживаясь выработанного ранее принципа разделения и анализа в отдельности видов народного искусства башкир, авторы привели достаточно стройную классификацию многообразных форм декоративного творчества, так или иначе связанных с предметами бытового уклада [1]. Рассматривая своё исследование как исключительно историко-этнографическое, ученые ставили своей целью доведение до большого круга читателей обширного материала по декоративному ткачеству, вышивке, аппликации, узорному вязанию, художественной обработке металла, орнаментации кожаных изделий, ювелирному ремеслу. В описании самобытных форм применения декоративно-прикладного творчества в быту учёные уделяли большое внимание многообразию узоров, выделяя их назначение,

схематичное изображение, название, принятое в башкирском лексиконе, вероятный источник происхождения орнамента. Приняв за основу устойчивость орнамента, рассматриваемую в аспекте консервативности процесса узоротворчества, авторы работы выделили шесть основных орнаментальных комплексов, каждый из которых являл собой «совокупность родственных по происхождению однотипных орнаментальных мотивов и связан с определенными приемами исполнения, с тем или иным кругом бытовых предметов» [1, с. 235]. Используя обширный сравнительный материал Н. В. Бикбулатову удалось выявить аналогии узорам башкир в изобразительном искусстве ряда народов Средней Азии, Сибири, Восточной Европы, Центральной Азии, Кавказа, Поволжья [1, с. 235]. Оценивая «Декоративно-прикладное искусство башкир» в целом, следует отметить, что указанный труд до сих пор остаётся единственным в научной литературе исследованием башкирского орнамента. И, несмотря на существенный недостаток – низкое качество репродукций, схем орнаментов и рисунков, который относится скорее к уровню полиграфии, нежели к материалу авторов, данная работа имеет большую практическую значимость как в научных исследованиях, так и в просветительской деятельности.

С 1968 года в свет выходит серия научно-популярных изданий, содержанием которых стал тот внушительный материальный фонд, представленный уникальными экспонатами бытового уклада башкир, который собирался в течение многих лет сотрудниками ИИЯЛ. Целью изданий по задумке авторов было ознакомление читателей с лучшими образцами декоративно-прикладного творчества башкир. Первой из такой серии книг стал красочный альбом «Народное искусство башкир» (1968) с комментариями от научного коллектива С. Авижанской, Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева [15]. Отбирая экспонаты для настоящего издания, составители стремились охватить весь круг бытового уклада башкир, характеризующий многообразие художественных форм народного искусства. Это художественная обработка дерева, металла, кожи, войлоковалание, вышивка, аппликация, изделия из коралла и монет, ковроткачество. Примечательно, что подавляющая

часть иллюстративного ряда в рассматриваемом издании, наряду с фотографиями, представлена рисунками. Особой кропотливостью отличаются рисунки с изображениями текстильных изделий, в которых тщательным образом прорисованы мельчайшие детали: фактура ткани, нити переплетений, прозрачность драгоценных камней ажурность филигранной подвески и даже «возраст» старинных браслетов. Большое внимание в комментариях авторы уделили художественной оценке цветовой гаммы изделий. Полихромность, симметричность контуров, активность фона, контрастное чередование цветов – те особенности, которые выделены учеными при описании башкирского народного орнамента.

Позднее вышли в свет и другие издания, такие как «Башкирское народное искусство» [4] или «Читайте полотенца» [18], не менее красочные и информативные, в рассмотрении которых мы ограничены объемами статьи.

Таким образом, в историографии темы народной одежды наиболее значимы работы и научные труды, раскрывающие принципиальные основы формирования костюма, обусловленные, прежде всего, историческими предпосылками. Подход к башкирскому костюму как серьезному историческому источнику для изучения происхождения народа, особенностей этнического развития, культурных связей, характерный для большинства проанализированных выше работ, открыл в свою очередь широкие возможности для специалистов в других областях, так или иначе связанных с темой башкирской одежды. Важнейшим выводом опубликованных трудов и работ является доказательство многокомпонентности башкирской одежды, имеющее в своей основе различное временное и этническое происхождение. Собственно данная идея, заключающаяся в постепенном наложении различных элементов в костюме, в их трансформации под влиянием определенных исторических событий при обязательном условии сохранения исконных традиций в одежде, стала ключевой в работах ученых и исследователей XIX–XX веков. Главным образом этими факторами объясняется то разнообразие форм и видов одежды, которое прослеживается в народном башкирском костюме последних веков.

Литература

1. Авижанская С. А., Бикбулатов, Н. В., Кузеев, Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. – Уфа, 1964. – 259 с.
2. Арнольдов В. А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // Дневник о-ва врачей при император. Казан. ун-те. – Казань, 1894. – С. 227–244.
3. Ахмеров Р. Б. Об истоках декоративно-прикладного искусства башкирского народа. – Уфа: Китап, 1996. – 64 с.
4. Башкирское народное искусство. – Уфа: Демидур, 2002. – 359 с.
5. Васильев В. И., Шитова С. Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенезиса башкир) // Вопр. этнич. истории Южного Урала, 1982. – С. 18–40.
6. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. – СПб., 1799. – Ч. 2. – 158 с.
7. Железнов И. И. Уральцы: Очерки быта Уральских казаков. – СПб., 1910. – Т. 1. – 258 с.
8. Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. – М.; Уфа: Дизайн. Информация. Картография, 2007. – 696 с.
9. Камалиева А. С. Особенности художественного стиля башкирских женских украшений // Вестн. Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 187–196.
10. Камалиева А. С. Художественная выразительность башкирской мужской шапки колаксын // Вестн. Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 183–187.
11. Круковский М. А. Южный Урал. – М., 1909. – 250 с.
12. Кутушева Г. Р. Традиционный костюм башкир и татар в Западном Башкортостане (к проблеме этнокультурных взаимодействий). – Уфа: Информреклама, 2003. – 264 с.
13. Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям государства Российского // Полн. собр. ученых путешествий по России. – СПб., 1822. – Т. 3, 4, ч. 2, 3. – 348 с.
14. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа: Китап, 2009. – 496 с.
15. Народное искусство башкир: Альбом. – Л.: Совет. художник, 1968. – 109 с.
16. Небольсин П. И. Рассказы проезжаго. – СПб., 1854. – 255 с.
17. Никольский Д. П. Башкиры: Этногр. и санитарно-антропол. исслед. – М.; Л., 1899. – 347 с.
18. Нуриджанова С. А. Читайте полотенца! – Уфа: Китап, 2011. – 156 с.
19. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Русского государства. – СПб., 1773. – Кн. 1, ч. 1. – 148 с.
20. Руденко С. И. Башкиры: Истор.-этногр. очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.
21. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859. – 472 с.
22. Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. – Уфа: Китап, 1965. – 240 с.
23. Шитова С. Н. Формирование и развитие башкирского народного костюма: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1968. – 259 с.
24. Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. – Уфа, 1976. – С. 49–94.
25. Шитова С. Н. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исслед. по ист. этнографии Башкирии: сб. науч. тр. / под ред. Р. Г. Кузеева, Л. И. Нагаевой. – Уфа: БФАН СССР, 1984 – С. 9–28.

References

1. Avizhanskaia S.A., Bikbulatov N.V., Kuzeev R.G. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo bashkir [Decorative arts of the Bashkirs]*. Ufa, 1964. 259 p. (In Russ.).
2. Arnol'dov V.A. Sanitarно-bytovoivo ocherk zhizni bashkir iugo-vostochnoi chasti Sterlitamakskogo uezda Ufimskoi gubernii [Sanitary sketch of the life of the Bashkirs South-Eastern part of Sterlitamak uyezd, Ufa province]. *Dnevnik obshchestva vrachei pri imperatorskom Kazanskom universitete [The journal of the society of physicians of the Imperial Kazan University]*. Kazan', 1894, pp. 227–244. (In Russ.).
3. Akhmerov R.B. Ob istokakh dekorativno-prikladnogo iskusstva bashkirskogo naroda [About the origins of decorative art of the Bashkir people]. Ufa, Kitap Publ., 1996. 64 p. (In Russ.).

4. Bashkirskoe narodnoe iskusstvo [Bashkir folk art]. Ufa, Demiurg Publ., 2002. 359 p. (In Russ.).
5. Vasil'ev V.I., Shitova S.N. Bashkiro-samodiiskie vzaimosviazi (k probleme etnogeneza bashkir) [Bashkir-Samoyed Association (to the problem of our Bashkirs)]. *Voprosy etnicheskoi istorii Iuzhnogo Urala [Questions of ethnic history of the southern Urals]*. Ufa, 1982, pp. 18–40. (In Russ.).
6. Georgi I.G. Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchikh narodov [A description of all the Russian state peoples inhabiting]. St. Petersburg, 1799, book 2. 158 p. (In Russ.).
7. Zheleznov I.I. Ural'tsy: Ocherki byta Ural'skikh kazakov [The Urals: Essays on life of the Ural Cossacks]. St. Petersburg, 1910, vol. 1. 258 p. (In Russ.).
8. Istoriko-kul'turnyi entsiklopedicheskii atlas Respubliki Bashkortostan [Historical and cultural encyclopedic Atlas of the Republic of Bashkortostan]. Moscow, Ufa, Dizain. Informatsiia. Kartografiia Publ., 2007. 696 p. (In Russ.).
9. Kamalieva A.S. Osobennosti khudozhestvennogo stilia bashkirskikh zhenskikh ukrashenii [Features of the artistic style of the Bashkir women's jewelry]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no 32, pp. 187–196. (In Russ.).
10. Kamalieva A.S. Khudozhestvennaia vyrazitel'nost' bashkirskoi muzhskoi shapki kolaksyn [Artistic expression of bashkir men's hat kolaksyn]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no 32, pp. 183–187. (In Russ.).
11. Krukovskii M.A. *Iuzhnyi Ural [South Urals]*. Moscow, 1909. 250 p. (In Russ.).
12. Kutusheva G.R. Traditsionnyi kostium bashkir i tatar v Zapadnom Bashkortostane (k probleme etnokul'turnykh vzaimodeistvii). [Traditional costume of the Bashkirs and Tatars in Western Bashkortostan (to the problem of ethno-cultural interactions)]. Ufa, Informreklama Publ., 2003. 264 p. (In Russ.).
13. Lepekhin I.I. Dnevnye zapiski puteshestviia po raznym provintsiiam gosudarstva Rossiiskogo [Day notes of travel to different provinces of the Russian state]. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii [Complete collection of scientists travel to Russia]*. St. Petersburg, 1822, vol. 3, 4, part 2, 3. 348 p. (In Russ.).
14. Mazhitov N.A., Sultanova A.N. Istoriiia Bashkortostana. Drevnost'. Srednevekov'e [The History of Bashkortostan. Antiquity. The middle ages]. Ufa, Kitap Publ., 2009. 496 p. (In Russ.).
15. Narodnoe iskusstvo bashkir: Al'bom [Folk art Bashkirs]. Leningrad, Sovetskii khudozhnik Publ., 1968. 109 p. (In Russ.).
16. Nebol'sin P.I. Rasskazy proezhago [Stories passer]. St. Petersburg, 1854. 255 p. (In Russ.).
17. Nikol'skii D.P. Bashkiry: Etnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie [The Bashkirs: Ethnographic and sanitary-anthropological study]. St. Petersburg, 1899. 347 p. (In Russ.).
18. Nuridzhanova S.A. Chitaita polotents! [Read towels!]. Ufa, Kitap Publ., 2011, p. 156. (In Russ.).
19. Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provintsiiam Russkogo gosudarstva [Journey through the different provinces of the Russian state. Book 1]. St. Petersburg, 1773. 148 p. (In Russ.).
20. Rudenko S.I. Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Bashkirs: Historical and ethnographic essays]. Ufa, Kitap Publ., 2006. 376 p. (In Russ.).
21. Cheremshanskii V.M. Opisanie Orenburgskoi gubernii v khoziaistvenno-statisticheskom, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniiakh [Description of the Orenburg province in economic-statistical, ethnographic and industrial relations]. Ufa, 1859. 472 p. (In Russ.).
22. Shitova S.N. Bashkirskaiia narodnaia odezhda [Bashkir folk clothing]. Ufa, Kitap Publ., 1995. 139 p. (In Russ.).
23. Shitova S.N. Formirovanie i razvitie bashkirskogo narodnogo kostiuma: dis. kand. ist. nauk [The formation and development of the Bashkir national costume: PhD hist. sci. diss.]. Moscow, 1968. 259 p. (In Russ.).
24. Shitova S.N. Sibirskie taezhnye cherty v material'noi kul'ture i khoziaistve bashkir [Siberian taiga traits in the material culture and economy of the Bashkirs]. *Etnografiia Bashkirii [Ethnography of Bashkiria]*. Ufa, 1976, pp. 49–94. (In Russ.).
25. Shitova S.N. Finno-ugorskii komponent v narodnoi odezhde Bashkir [Finno-Ugric component in traditional clothes Bashkirs]. *Issledovaniia po istoricheskoi etnografii Bashkirii [Ethnography of Bashkiria]*. Ufa, BFAN SSSR Publ., 1984, pp. 9–28. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 377

ОРГАНИЗАЦИЯ ОЦЕНКИ ДОСТИЖЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Сторожева Наталья Евгеньевна, преподаватель, Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (университет) (г. Кемерово, РФ). E-mail: esfir12345@mail.ru

В статье идет речь о необходимости пересмотра подходов к формированию системы оценки результатов обучения в образовательном учреждении. Доказывается необходимость формирования системы оценки результатов обучения с учетом требований федеральных государственных и профессиональных стандартов, на основе потенциальных образовательных и личностных результатов. С целью комплексной оценки достижения результатов обучения были выделены целевой, когнитивный, деятельностный и рефлексивный критерии, оценка сформированности результатов обучения по данным критериям производилась в соответствии с тремя уровнями освоения: минимальным, базовым и продвинутым. Выводы, полученные в ходе анализа оценки результатов обучения, определили реализацию в образовательном учреждении принципов, предполагающих отказ от учета успеваемости как единственного показателя результатов обучения; вовлечение разных участников образовательного процесса в оценку, обязательную оценку личностных и образовательных результатов обучающихся; доступность информации о результатах обучения. Внедрение предложенной системы оценки результатов обучения обуславливает необходимость пересмотра и изменения Фонда оценочных средств в образовательном учреждении с учетом необходимости диагностики личностных и образовательных результатов обучающихся.

Ключевые слова: оценка результатов обучения, личностные и образовательные результаты, критерии и уровни оценки, качество образования.

THE ORGANIZATION OF ASSESSMENT PROCESS OF LEARNING OUTCOMES IN TERMS OF IMPLEMENTATION OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS

Storozheva Natalia Evgenевна, Lecture, Kemerovo Technological Institute of Food Industry (University) (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: esfir12345@mail.ru

In the article, we consider the approaches to the development of the evaluation system of learning outcomes in an educational institution, which involves the assessment of both, educational and personal outcomes. The necessity of establishing a system of evaluation according to the requirements of federal and professional standards have been formulated with regard to learning outcomes, which have been subjected to some comprehensive assessment at the beginning and at the end of the experiment. As evaluation methods there were used analysis of learning outcomes, observation, survey methods, testing, self-assessment of activities. The requirements for the assessment criteria for learning outcomes were objectivity, brevity, clarity and clarity and measurability of indicators. Cognitive, activity and reflective criteria were marked for integrated assessment of achievement in learning. Evaluation for the stage of learning outcomes development according to the criteria mentioned was performed in accordance with three levels of learning: minimal, basic and advanced. The conclusions obtained in the analysis of the assessment of learning outcomes defined implementation in

an educational institution following the principles: the rejection of merit as the sole indicator of learning outcomes; the involvement of different participants in the educational process in the assessment of the final results of students; mandatory assessment of personal and educational outcomes of students; the availability of information about learning outcomes for students. The introduction of the proposed system of assessment of learning outcomes necessitates the revision and changes in the fund of assessment tools in an educational institution taking into account the need of diagnostics of personal and educational outcomes of students.

Keywords: assessment of learning outcomes, personal outcomes, criteria and levels of assessment, the quality of education.

Федеральные государственные образовательные стандарты требуют пересмотра подходов к результатам обучения и внесения изменений в систему их оценки. Согласно ФГОС нового поколения оценка качества результатов обучения должна быть ориентирована на уровень освоения дисциплин и на сформированность компетенций обучающихся. При этом образовательным учреждением должны самостоятельно создаваться фонды оценочных средств, позволяющие оценивать умения, знания, практический опыт и освоенные компетенции [9], следовательно, учреждением самостоятельно выбираются формы и процедуры оценки результатов обучения.

Переход к оценке результатов обучения в соответствии с требованиями ФГОС не только приводит к необходимости отбора педагогами актуальных форм и методов оценки результатов обучения, а в целом меняет отношение педагогов к самим результатам обучения, оценка которых приобретает комплексный, интегрированный характер.

Различные подходы к выбору форм, методов и показателей оценки результатов обучения рассматриваются в работах Т. М. Бенькович, М. В. Елисеевой, Л. Е. Коротковой, Н. Н. Кошелевой, П. В. Кулешова, Е. Л. Перьковой, М. Ш. Ракиповой, Е. В. Табуевой, О. И. Чердиченко и др.

Основной характерной чертой, отличающей оценку результатов обучения от традиционного контроля знаний и умений, является использование в современном образовании самого широкого спектра средств педагогических измерений, а также взаимосвязь оценочной деятельности обучающихся с внешними оценочными процедурами, на уровне образовательной организации, на региональном или федеральном уровне [1, с. 21–22].

В современном образовании результаты обучения понимаются как предполагаемые и измеряемые конкретные достижения обучающихся, за-

фиксированные в виде знаний, умений, навыков, компетенций, описывающие, что должен будет в состоянии делать обучающийся, освоив образовательную программу [2, с. 13]. Сегодня все более распространен многомерный, целостный подход к трактовке и оцениванию результатов обучения, нашедший отражение в работах В. И. Звонникова, М. Б. Чельшковой и др. [3, с. 18]. Данные авторы утверждают необходимость рассмотрения целостности результатов обучения и их оценки, а также необходимость обеспечения синхронизации образовательного процесса с требованиями ФГОС. Л. Л. Алексеева, С. В. Анащенкова, М. З. Библиотова рассматривают результаты обучения как один из важнейших механизмов реализации требований к результатам освоения основных образовательных программ, при этом результаты обучения понимаются как система интегрированных обобщенных личностных результатов [7, с. 3].

Необходимость рассмотрения интегрированного результата обучения отмечает А. В. Хуторской, разделяя внутренние (личностные качества обучающегося) и внешние (созданные им образовательные продукты) образовательные результаты. Академик А. В. Хуторской утверждает существование между этими результатами взаимозависимости так как по внешнему продукту можно судить об уровне развития его личностных качеств (внутренних результатов) [10, с. 3].

На основании вышеизложенного мы рассматриваем результаты обучения как систему личностных и образовательных результатов обучающихся, компонентами которой являются знания, умения, опыт, общие и профессиональные компетенции, выражающие, что именно будет знать, понимать или способен делать обучающийся после завершения обучения. В связи с этим мы считаем целесообразным при создании системы оценки результатов обучения учитывать оценку не только образовательных, но и личностных результатов обучающихся.

Оценка достижения результатов обучения проводилась нами в рамках опытно-экспериментальной работы, которая решала задачи проверки эффективности внедрения алгоритма проектирования образовательных программ на основе личностных и образовательных результатов. Экспериментальная работа проводилась в течение 7 лет (2009–2015 годы) на среднетехническом факультете Кемеровского технологического института пищевой промышленности. В эксперименте приняли участие 810 студентов, обучающихся по разным специальностям, и группа экспертов, состоящая из 56 педагогов факультета, которые участвовали в анкетировании по изучению состояния исследуемой проблемы, наблюдали за деятельностью обучающихся, заполняли опросные листы, данные по которым использовались для обобщения итоговых результатов.

Изучив состояние исследуемой проблемы, мы пришли к выводу, что система оценки результатов обучения нуждается в постоянной доработке и обновлении. Большая часть педагогов (69 %) не достаточно удовлетворены сложившейся системой оценки результатов обучения и готовы использовать новые методы и формы работы. Нами была разработана и апробирована система диагностических средств для оценки образовательных и личностных результатов обучения. Функциями предложенной системы оценки результатов обучения стали: возможность получения информации о достигнутых образовательных и личностных результатах; изучение возможности анализа образовательных и личностных результатов всеми участниками образовательного процесса (педагогами и обучающимися); прогнозирование уровней образовательных и личностных результатов обучения при проектировании образовательных программ.

Система оценки формировалась на основе требований ФГОС и профессиональных стандартов, в результате чего были сформулированы планируемые результаты обучения, подвергшиеся комплексной оценке на начало эксперимента, а также на окончание (итоговые результаты). Требованиями к критериям оценки результатов обучения являлись: объективность, краткость, четкость и ясность формулировок и измеряемость показателей [4]. В качестве способов оценки использовались: анализ результатов учебной дея-

тельности, наблюдение, опросные методы, тестирование, самооценка деятельности.

Для комплексной оценки достижения результатов обучения мы выделили следующие критерии: целевой, когнитивный, деятельностный и рефлексивный. Актуальность введения целевого критерия обусловлена тем, что деятельность обучающегося может иметь положительные результаты, если обучающийся имеет личные образовательные цели или обладает предпосылками к целеобразованию. Целеобразование – это процесс зарождения новых целей в деятельности личности, который может быть произвольным и непроизвольным, характеризоваться способностью к динамике и преобразованию [6, с. 656]. Следующим критерием оценки результатов обучения является когнитивный. В учебной деятельности знания и умения играют центральную роль, являясь важным инструментом дальнейшего процесса познания. Компоненты когнитивного критерия (знания) могут проявить себя только в процессе деятельности, в связи с этим мы выделили деятельностный критерий оценки результатов обучения. Показателями данного критерия являются умения, опыт, общие и профессиональные компетенции. Умения и опыт были сформулированы в обобщенном виде для использования в диагностике обучающихся всех специальностей, общие компетенции также являются общими для обучающихся всех специальностей. Профессиональные компетенции различаются в стандартах каждой специальности, поэтому в систему диагностических средств мы включали профессиональные компетенции в соответствии со специальностью обучающихся. Общие и профессиональные компетенции были сформулированы в соответствии со стандартом по специальности и оценивались в соответствии с его требованиями. Следующий критерий – рефлексивный – характеризуется способностью к рефлексии в познавательной, квази-профессиональной и профессиональной деятельности. Данный критерий предполагает наличие объективной самооценки действий обучающихся в процессе целенаправленного профессионального саморазвития.

Оценка сформированности результатов обучения по данным критериям производилась в соответствии с тремя уровнями освоения: минимальный уровень, базовый и продвинутый.

Для перевода качественных показателей в количественные была использована балльная система оценки: 1 балл обучающийся получал при освоении показателя по критерию, 0 баллов – при отсутствии показателя по критерию. После подсчета суммы баллов по всем показателям получали итоговый балл – качественный показатель сформированности результатов обучения. Минимальный уровень сформированности результатов обучения отмечался у обучающихся, набравших от 0 до 6 баллов. Данный уровень характеризуется слабовыраженной сформированностью образовательных целей и низкой познавательной активностью, или их отсутствием; низкой степенью информированности в области реализации профессиональной деятельности, низким уровнем сформированности умений в области реализации основных особенностей процессов профессиональной деятельности; отсутствием опыта профессиональной деятельности; несформированностью общих и профессиональных компетенций. Базовый уровень сформированности результатов обучения был отмечен у обучающихся, набравших от 7 до 17 баллов. Данный уровень характеризуется сформированностью образовательных целей и средним уровнем познавательной активности; средней степенью информированности в области реализации профессиональной деятельности, недостаточностью сформированности умений в области реализации основных особенностей процессов профессиональной деятельности; наличием опыта профессиональной деятельности; сформированностью общих и профессиональных компетенций. Продвинутый уровень сформированности результатов обучения характерен для обучающихся, набравших от 18 до 21 баллов. Данный уровень характеризуется сформированностью образовательных целей и высокой степенью познавательной активности; достаточной информированностью в области реализации профессиональной деятельности, высоким уровнем сформированности умений в области реализации основных особенностей профессиональной деятельности; наличием опыта профессиональной деятельности; сформированностью общих и профессиональных компетенций. Все вышеперечисленные уровни достижения результатов обучения взаимосвязаны, и каждый последующий уровень включает в себя все предыдущие, а каждый пред-

ыдущий – является подготовительным для следующего уровня.

Выбор методик оценивания зачастую вызывал затруднения у педагогов, что обусловлено сложностью образовательного процесса и многоаспектностью планируемых результатов обучения. Исследователь М. Поташник выделяет следующие трудности в работе с результатами обучения и их оценкой:

- часто результаты обучения трудно определяемы, для оценки необходимы специальные средства;

- оценить результаты обучения однозначно отрицательно или положительно нередко невозможно;

- результаты образовательной деятельности в полной мере проявляются только после окончания учебного заведения;

- результаты обучения находятся в зависимости от различных внутренних и внешних факторов [8, с. 170–172].

На основе анализа проблем, связанных с оценкой результатов обучения нами были отобраны следующие методики оценки результатов обучения для каждого из четырех критериев: целевая анкета и эссе «Я – конкурентоспособный специалист»; тестирование и карта знаний; экспертная оценка деятельности; анкета самооценки деятельности и самохарактеристика. Данные методики мы использовали на двух этапах исследования, на этапе констатирующего и на этапе формирующего эксперимента, результаты обучения изучались по четырем критериям, после чего был проведен сравнительный анализ результатов.

Выводы, полученные в ходе анализа оценки результатов обучения, определяют реализацию следующих принципов:

- отказ от учета успеваемости как единственного показателя результатов обучения;

- вовлечение разных участников образовательного процесса в оценку итоговых результатов обучающихся (педагоги, обучающиеся, независимые эксперты);

- обязательная оценка личностных и образовательных результатов обучающихся;

- доступность информации о результатах обучения для обучающихся.

Пересмотр подходов к формированию Фонда оценочных средств (комплектов оценочных ма-

териалов, методик и процедур, предназначенных для определения соответствия или несоответствия учебных достижений обучающихся фиксированным результатам освоения дисциплины [5, с. 103–114]), которые должны создаваться с учетом планируемых личностных и образо-

вательных результатов, способствует созданию актуальной и эффективной системы оценивания результатов обучения в образовательном учреждении, что в целом работает на повышение качества современного профессионального образования.

Литература

1. Демидова М. Ю. Методическая система оценки учебных достижений по физике в условиях введения ФГОС: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2014. – 438 с.
2. Байденко В. И. Компетенции: к освоению компетентного подхода // Тр. методолог. семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы». – М.: Исследоват. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – С. 25–30.
3. Звонников В. И., Челышкова М. Б. Контроль качества при аттестации: компетентностный подход: учеб. пособие. – М.: Университет. кн.; Логос, 2009. – 272 с.
4. Макарова Н. С. Освоение историко-педагогического знания в структуре общепрофессиональной подготовки студентов бакалавриата: дис. ... канд. пед. наук. – Омск, 2004. – 198 с.
5. Нахушева Ф. Б., Табишев Т. А. Результаты обучения: конструирование и диагностика (на примере дисциплины математический анализ) // Пед. образование в России. – 2015. – № 2. – С. 103–114.
6. Педагогика: Большая современная энциклопедия / сост. Е. С. Рапацевич. – Минск: Современ. слово, 2005. – 720 с.
7. Планируемые результаты начального общего образования / [Л. Л. Алексеева, С. В. Анащенкова, М. З. Биболетова и др.]; под ред.: Г. С. Ковалевой, О. Б. Логиновой. – М.: Просвещение, 2009. – 120 с.
8. Поташник М. Комплексный характер и внутренняя взаимосвязь целостной оценки качества образования на разных этапах управления // Народное образование. – 1999. – № 7–8. – С. 172–175.
9. Приказ Минобрнауки России от 07.05.2014 № 465 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 43.02.01 «Организация обслуживания в общественном питании» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165549
10. Хуторской А. В. Типология личностных образовательных результатов и подходы к их диагностике [Электронный ресурс] // Вестн. Ин-та образования человека. – 28.03.2014. – URL: <http://eidos-institute.ru/journal/2014/0328.htm>.

References

1. Demidova M.Iu. Metodicheskaja sistema otsenki uchebnykh dostizhenii po fizike v usloviiakh vvedeniia FGOS: dis. doktora ped. nauk [Methodical system of evaluation of educational achievements in Physics from the introduction of the GEF: dis. Dr of ped. sci.]. Moscow, 2014. 438 p. (In Russ.).
2. Bidenko V.I. Kompetensii: k osvoeniiu kompetentnogo podkhoda [Competencies: to the development of competence-based approach]. *Trudy metodologicheskogo seminar "Rossiia v Bolonskom protsesse: problemy, zadachi, perspektivy"* [The methodological seminar works "Russia in the Bologna process: problems, challenges, prospects"]. Moscow, Research center of problems of quality of preparation of specialists Publ., 2004, pp. 25–30. (In Russ.).
3. Zvonnikov V.I., Chelyshkova M.B. Kontrol' kachestva pri attestatsii: kompetentnostnyi podkhod: uchebnoe posobie [Quality management certifications: the competency-based approach: textbook]. Moscow, University book Publ., Logos Publ., 2009. 272 p. (In Russ.).
4. Makarova N.S. Osvoenie istoriko-pedagogicheskogo znaniia v structure obshcheprofessional'noi podgotovki studentov bakalavriata: dis. kand. ped. nauk [Development of historical and pedagogical knowledge in the structure of General professional training of undergraduate students: PhD in ped. diss.]. Omsk, 2004. 198 p. (In Russ.).
5. Nakhushev F.B., Tabishev T.A. Rezul'taty obucheniia: konstruirovanie i diagnostika (na primere distsipliny matematicheskii analiz) [Learning outcomes: design and diagnostics (on the example of the discipline "Mathematical analysis")]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2015, no. 2, pp. 103–114. (In Russ.).
6. Pedagogika: Bol'shaia sovremennaia entsiklopediia [Pedagogy: Large modern encyclopedia]. Composed by E.S. Rapatsevich. Minsk, Modern Word Publ., 2005. 720 p. (In Russ.).

7. Alexeev L.L., Anashenkova S.V., Biboletova M.Z., Kovaleva G.S., Loginova O.B. and others. Planiruemye rezul'taty nachal'nogo obshchego obrazovaniia [Planned results of General primary education] Moscow, Education Publ., 2009. 120 p. (In Russ.).
8. Potashnik M. Kompleksnyi kharakter i vnutrenniaia vzaimosviaz' tselostnoi otsenki kachestva obrazovaniia na raznykh etapakh upravleniia [Complex nature and inner relationships of the integrated assessment of the quality of education at different stages of management]. *Narodnoe obrazovanie [Public education]*, 1999, no. 7–8, pp. 172–175. (In Russ.).
9. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 07.05.2014 № 465 “Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego professional'nogo obrazovaniia po spetsial'nosti 43.02.01 Organizatsiia obsluzhivaniia v obshchestvennom pitanii” [Order of the Ministry of education and science dated 07.05.2014 No. 465 “On approval of the Federal state educational standard of secondary professional education in the specialty 43.02.01 “Organization of service in public catering”]. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165549.
10. Khutorsky A.V. Tipologiiia lichnostnykh obrazovatel'nykh rezul'tatov i podkhody k ikh diagnostike [Typology of personal learning outcomes and approaches to their diagnosis]. *Vestnik Instituta obrazovaniia cheloveka [Bulletin of the Institute of education]*. (In Russ.). Available at: <http://eidos-institute.ru/journal/2014/0328.htm>.

УДК 378:02

ЭФФЕКТИВНЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ БИБЛИОТЕЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ

Туралина Неонила Альфредовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой издательского дела и библиотековедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры (г. Белгород, РФ). E-mail: turanina@mail.ru

Куриленко Екатерина Анатольевна, аспирант кафедры издательского дела и библиотековедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры (г. Белгород, РФ). E-mail: shushkova-k@mail.ru

Качество речи библиотекаря – важнейший компонент библиотечного общения и залог его профессионального успеха. Тем не менее формирование и развитие речевой культуры, коммуникативных навыков будущих специалистов является актуальной проблемой в сфере профессионального библиотечного образования. Исследованию речевой культуры специалистов библиотечно-информационной сферы уделяется недостаточное внимание в диссертационных исследованиях и на страницах периодических научных изданий.

Наиболее разработаны социально-психологические аспекты профессии, вопросы коммуникативной культуры затронуты лишь фрагментарно. Цели данной статьи – охарактеризовать особенности речевого взаимодействия в библиотечно-информационном пространстве, раскрыть сущность вербальных коммуникаций, предложить пути подготовки к их эффективному осуществлению в условиях вуза.

Авторами проведена серьезная работа по определению целостной картины, объективно отражающей особенности современного библиотечно-информационного пространства, в рамках которой разработаны пути подготовки в условиях вуза к эффективному осуществлению вербальных коммуникаций в указанной среде. Особый интерес представляет предложенный в статье путь формирования речевой профессиональной культуры посредством интеграции заданий в практические занятия профилирующих дисциплин.

Практическая значимость данной статьи заключается в разработке примерных заданий в русле метода ситуационного анализа, нацеленных на усиленную подготовку к коммуникативной стороне библиотечно-информационной деятельности и формирование позитивного вербального имиджа специалиста.

Предложенные меры ориентированы на систематическую, целенаправленную работу в указанном направлении, способствующую становлению личности специалиста, обладающего в полной мере

коммуникативными компетенциями, освоившего этические основы и тонкости, имеющего потенциал и мотивацию для формирования и достижения содержательного аспекта профессионального идеала, готового к осуществлению эффективных и адекватных прагматическим условиям общения вербальных коммуникаций.

Ключевые слова: вербальные коммуникации, библиотечное коммуникационное пространство, речевая культура, коммуникационные каналы, профессиональная подготовка библиотечного специалиста, метод ситуационного анализа.

THE EFFECTIVE VERBAL COMMUNICATION IN CONTEMPORARY LIBRARY FIELD AND STAFF TRAINING

Turanina Neonila Alfredovna, Dr of Philological Sciences, Professor, Head of Department of Publishing and Library Science, Belgorod State University of Arts and Culture (Belgorod, Russian Federation). E-mail: turanina@mail.ru

Kurilenko Ekaterina Anatolievna, Postgraduate, Department of Publishing and Library Science, Belgorod State University of Arts and Culture (Belgorod, Russian Federation). E-mail: shushkova-k@mail.ru

The quality of communication of librarians is an important component in librarian-user interaction and key to professional success. Forming and developing the communicative culture and skills of future specialists is nowadays a major problem in the field of professional library education. However there is not enough attention given to studying this problem in the theses and on the pages of periodicals.

Social psychological aspects of the profession of librarian have been considered quite well, but communicative culture issues are observed fragmentary. The aim of this article is to characterize specialties of speech interaction, to unravel the concept “verbal communication,” to suggest the strategies of its effective training in a special higher education institution.

The authors has taken a serious work for revealing objectively the specialties of a modern library. Referring to this, there were defined some strategies for developing effective verbal communication qualities of students who are getting librarian education. Especially interesting is the idea of realizing the strategies during the practicals of majors.

The practical significance of this article resides in elaborating sample tasks according to the contextual analysis method, which help developing a positive verbal image of a specialist. They are aimed to prepare future professionals for communication in the process of their librarian information activity.

Hereinafter suggested strategies are oriented to systematic and intentional work in this direction. They create specialist's personality who is communicatively competent, has comprehended ethical fundamentals and subtleties, possesses a potential and motivation to perfect himself professionally, is ready to realize effective verbal communication, that is suitable for pragmatic conditions of interaction.

Keywords: verbal communication, library communicational field, speech culture, communication channels, vocational training of the library expert, method of case study.

Умение эффективно взаимодействовать с обществом и его отдельными членами, обмениваться информацией – важные отличительные способности человека, определяющие сущность его бытия. Реализуются они с помощью речи – посредством многочисленных вербальных коммуникаций. И если социальная коммуникация есть передача информации посредством знаков, символов и т. п., то понятие вербальной коммуникации значительно уже. Вербальная коммуникация – это взаимо-

действие, использующее в качестве знаковой системы человеческий язык, воплощенный в речи.

Вербальная коммуникация как составляющая часть социальной коммуникации в рамках социального взаимодействия является важнейшей, неотъемлемой частью современного социума. Профессия библиотечно-информационного специалиста относится к коммуникационному типу деятельности. Этим определяется безусловная важность формирования и развития коммуника-

тивной, речевой культуры в процессе обучения и профессиональной адаптации. Коммуникативные знания, умения и навыки, заложенные на начальном этапе становления личности библиотекаря, позитивно влияют на дальнейшую профессиональную деятельность: они не только формируют необходимые социально-психологическую и лингвистическую базы, но развивают и корректируют уже имеющийся речевой и поведенческий потенциал, активно способствуя формированию «привычки» дальнейшего самосовершенствования в сфере вербальных коммуникаций.

Готовность библиотекаря к вовлечению в коммуникативно-информационные библиотечные процессы определяет его профессиональный успех, позитивно влияет на формирование и поддержание вербального имиджа специалиста, имиджа самой библиотеки [9].

В современном социуме человек удовлетворяет свои информационные потребности посредством различных коммуникационных каналов – устных, документальных, электронных, гибридных (смешенных) [7]. На стыке документальной и устной коммуникации находятся аудио- и видеоматериалы; на стыке документальной и электронной – машинописные тексты; на стыке устной и электронной – радио, телевидение. На пересечении всех коммуникационных каналов располагаются кумулятивно-посреднические (термин из области социальной коммуникации) центры. Назовем их кумулятивно-коммуникационными в соответствии с их природой, то есть, по сути, это библиотеки, исходя из их социальных функций, во всем своем видо-типовом своеобразии. Эволюция коммуникационных каналов под воздействием социально-культурных факторов и научно-технического прогресса обязывает специалиста информационно-библиотечной сферы, учитывая его профессиональную расположенность в месте пересечения всех перечисленных каналов, постоянно развивать имеющиеся коммуникативные навыки. И главенствующую роль, не умаляя другие компоненты социального и культурного библиотечного взаимодействия, в данном случае играет уровень речевой культуры библиотекаря, являющийся залогом осуществления эффективных вербальных коммуникаций. При вовлечении студентов в коммуникационное пространство библиотеки как социального института, осуществляющего культурно-просветительские, ин-

формационно-образовательные функции, необходимо четко разграничить данное пространство по каналам взаимодействия исходя из объект-субъектных отношений. Профессиональное библиотечное коммуникационное взаимодействие, где одним из коммуникантов является библиотекарь, в соответствии с субъектами можно отразить в следующей схеме (см. рис. 1). Библиотекарь находится в центре библиотечного коммуникационного пространства, организует его и инициирует коммуникацию. Именно от библиотечного специалиста в большинстве своем зависит успех библиотечного общения, полное выполнение поставленных коммуникативных целей и задач.

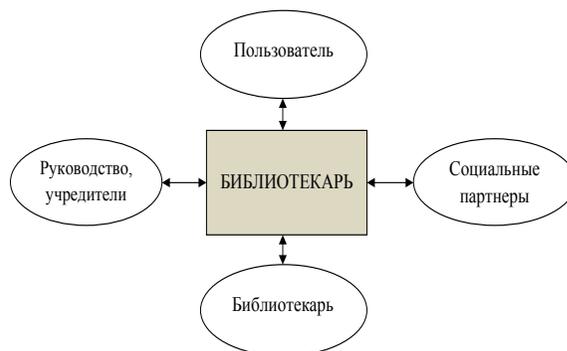

Рисунок 1. Коммуникационное пространство современной библиотеки

Коммуникации в системе отношений «библиотекарь – библиотекарь» характеризуются горизонтальной направленностью с незначительными вертикальными вариациями (например, библиотекарь – заведующий краеведческим отделом, библиограф – старший библиограф – методист). Это взаимодействие коллег, выполняющих одно дело, решающих профессиональные задачи для достижения общей цели. Эталонная коммуникация в данной системе отношений основана на сотрудничестве, профессионализме, взаимопомощи, высокой степени речевого взаимодействия, здесь преобладают устные каналы коммуникации. Данный тип отношений во многом зависит от личных отношений в трудовом коллективе (привязанности, приятельские отношения, личная неприязнь).

В системе отношений «библиотекарь – руководство» под руководством понимается не только непосредственное начальство (директор

библиотеки, централизованной библиотечной системы, их заместители), но и учредители данного учреждения культуры, представители муниципалитета, предприятия, осуществляющие организацию и контроль за деятельностью библиотеки или централизованной системы. Такие отношения имеют вертикальную направленность и характеризуются высокой степенью официальности, строгим соблюдением морально-этических и речевых норм, готовностью решать поставленные задачи (со стороны библиотекаря). Часто указанные отношения реализуются посредством документальной коммуникации – в форме отчетов о проделанной работе, предложений по совершенствованию работы, процесса, заявлений, объяснительных записок и проч. Это требует от специалиста высокого уровня владения культурой не только устной, но и письменной речи.

Система отношений «библиотекарь – пользователь» отражает саму суть и предназначение библиотеки. Этот социальный институт создан для выполнения общественно важных задач, отраженных в его функциях (коммуникативной, мемориальной, кумулятивной, образовательной, досуговой и т. д.), – сохранения, концентрации, распространения информации с образовательной, культурно-просветительской, развлекательной, вспомогательной целью.

Природа библиотеки изначально не была связана с использованием фондов обычными людьми, но в процессе своего исторического развития цивилизация пришла к демократизации библиотек. Таким образом, произошла качественная ценностная переориентация сущности библиотечной деятельности и в современном социуме мы уже говорим о доминировании коммуникативной функции библиотек. Теперь они создаются и функционируют и с целью удовлетворения информационных, социально-культурных потребностей общества и отдельных индивидов. Г. А. Алтухова пишет: «Библиотекарь всей своей деятельностью призван не только нести людям знания, информацию, культуру, но и правильно преподнести их, опираясь на свои знания, речевую культуру, нравственные и интеллектуальные качества» [1, с. 6]. Отношения в системе «библиотекарь – пользователь» требуют от специалиста библиотечно-информационной сферы наличия нестандартного мышления и эрудиции, высоких личностных и профессиональных

качеств: коммуникабельность, доброжелательность, внимательность и т. д.

Система отношений «библиотекарь – социальный партнер» подразумевает взаимодействие библиотечного специалиста с личностями, институтами, организациями, находящимися за пределами библиотечно-информационного коммуникационного пространства до начала коммуникативного контакта и после его завершения. Другими словами, они включаются в него исключительно в момент взаимодействия с библиотекой и ее персоналом. В качестве социального партнера могут выступать средства массовой информации, общественные организации и объединения, спонсоры и меценаты, их представители и т. п. Коммуникация в данной системе носит сугубо официальный характер и осуществляется строго по законам делового общения.

Библиотека есть средоточие различных, разнонаправленных коммуникационных потоков, в ней сходятся все коммуникационные каналы. Основное, самое универсальное средство коммуникации – речь. Она необходима на всех этапах осуществления библиотечной деятельности, во всех системах отношений, без речи невысказано библиотечное коммуникационное пространство. Следовательно, именно формированию и развитию речевой культуры необходимо уделить первоочередное внимание в процессе подготовки специалистов библиотечно-информационной сферы к осуществлению эффективных вербальных коммуникаций.

В учебных планах по подготовке профильных специалистов данной области крайне мало внимания уделяется вербальным коммуникациям, а изменение и совершенствование действующих учебных планов – процесс, требующий значительных временных затрат, различных согласований и утверждений на самом высоком уровне. При необходимости осуществлять подготовку будущих библиотекарей в условиях острого дефицита речеведческих дисциплин предлагаем ввести специальный комплекс упражнений в уже имеющиеся в учебных планах дисциплины, например, «Библиотекведение», «Документоведение», «Русский язык и культура речи», «Библиотечно-информационное обслуживание», «Документационное обеспечение управления библиотечно-информационной деятельностью»,

«Библиотечная этика». Также возможно использование аудиторного времени различных курсов по выбору, например, «Вербальный имидж библиотекаря», «Связь с общественностью в библиотеке», «Речевой этикет», «Речевая культура библиотекаря», «Этика и эстетика диалога» и др. Главное – работа по повышению уровня речевой культуры будущих библиотечных специалистов должна осуществляться системно, последовательно [11].

Приведенные образцы заданий предполагают включение речевых упражнений в содержание учебных дисциплин, формирующих профессиональные навыки, и носят творческий характер.

Используя метод ситуационного анализа (кейс-стади) можно предложить студентам смоделировать, подготовив диалоги, учитывая прагматические условия общения и психологические факторы, следующие ситуации:

- расскажите о книжных новинках учащимся 7-го класса, которые только что пришли с урока физкультуры;
- пригласите старшеклассников на открытие выставки редких книг;
- убедите руководство библиотеки в необходимости закупки новых современных книжных стеллажей, учитывая, что старые стеллажи находятся в рабочем состоянии;
- проведите переговоры о закупке с представителем книжного издательства;
- убедите потенциального спонсора закупить для читального зала мультимедийное оборудование;
- дайте интервью журналисту профильного издания;
- прорекламируйте новое мероприятие «Библионочь» перед различной аудиторией (инженеры металлургического комбината, студенты института культуры и искусств, участники садового товарищества, старшеклассники);
- подготовьте развернутый план экскурсии по библиотеке для гостей города, подчеркните привлекательность учреждения, расскажите о достижениях, формах работы и т. д.

Формируя культуру письменной речи при подготовке к документальным вербальным коммуникациям, студентам следует предложить оформить документы, активно функционирующие в библиотечном коммуникационном пространстве:

- характеристика стажера библиографического отдела / ведущего библиотекаря читального зала;
- деловое письмо (традиционное и электронное) с предложением о сотрудничестве с муниципальным театром / редакцией городской газеты;
- письмо-запрос в издательство;
- письмо-предложение о совместном проведении мероприятия;
- служебная записка о необходимости увеличения рабочего времени в праздничные дни;
- служебная записка о необходимости закупки книг местных авторов.

Также стоит предложить будущим библиотечным специалистам задания по составлению и воспроизведению различного вида выступлений, например, протоколно-этикетных (речь при встрече в библиотеке иностранных гостей; приветственная речь на открытии памятника А. С. Пушкину; похвальная речь в адрес спонсора; вступительная речь на открытии конференции по проблемам чтения), убеждающих (книга, которую стоит прочесть; нужно постоянно повышать уровень речевой культуры; недопустимо использовать в речи ненормативную лексику) и т. д.

Представленные упражнения, предлагаемые для практической работы студентов в рамках различных дисциплин на разных этапах обучения, вызывают у студентов неподдельный интерес своей нестандартностью, творческим характером. Они способствуют развитию речевой культуры будущих библиотечных специалистов, готовности к контакту с аудиторией и отдельными индивидами, уверенности в себе, в своей речи. При внедрении практик, основанных на моделировании будущей профессиональной деятельности (методом ситуационного анализа), бакалавры учатся контролировать свое психоэмоциональное состояние в различных ситуациях библиотечного общения, расширяют свой профессиональный кругозор и активный словарный запас; осваивают речевые приемы под руководством преподавателя при значительном объеме самостоятельной работы.

Таким образом, интеграция заданий по формированию и развитию речевой культуры в практические занятия профилирующих дисциплин способствует значительному повышению уровня готовности к эффективным вербальным коммуникациям в системах отношений «библио-

текарь – библиотекарь», «библиотекарь – руководство», «библиотекарь – пользователь», «библиотекарь – социальный партнер». Это является ключевым моментом в подготовке грамотных, высококвалифицированных специалистов в библиотечно-информационной сфере.

Литература

1. Алтухова Г. А. Основы культуры речи библиотекаря. – М., 2008. – 168 с.
2. Головина Н. Н. Библиотечная коммуникация как основа деятельности библиотек // Молодые в библиотечном деле. – 2007. – № 3/4. – С. 57–60.
3. Езова С. А. Библиотечное общение: возможные пути моделирования // Науч. и техн. б-ки. – 2009. – № 5. – С. 67–74.
4. Езова С. А. К профессиональной этике через метод кейсов: эффективная техника обучения // Библиотечное дело. – 2012. – № 08 (170). – С. 26–27.
5. Мейжис И. А. Социальная психология библиотечного дела // Библиотековедение. – 1993. – № 4. – С. 49–58.
6. Рябов М. А. Библиотека как коммуникативная система // Библиотековедение. – 2008. – № 2. – С. 28–31.
7. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. – СПб., 2002. – 461 с.
8. Спирина Н. М. Речевая культура библиотечного специалиста: формирование и развитие в условиях вуза: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1998. – 194 с.
9. Туранина Н. А., Шушкова Е. А. (Куриленко). Вербальный имидж библиотечного специалиста: современные технологии его формирования в вузе // Образование и общество. – 2014. – № 4(87). – С. 53–55.
10. Туранина Н. А., Шушкова Е. А. (Куриленко). Культура общения библиотечного специалиста и ее роль в современном социуме // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2013. – Т. 19, № 2. – С. 153–155.
11. Туранина Н. А., Шушкова Е. А. (Куриленко). Речевая культура специалиста библиотечно-информационной сферы: проблемы и пути формирования. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 104 с.

References

1. Altukhova G.A. Osnovy kul'tury rechi bibliotekaria [The fundamentals of communicative culture of a librarian]. Moscow, 2008. 168 p. (In Russ.).
2. Golovina N.N. Bibliotchnaia kommunikatsiia kak osnova deiatel'nosti bibliotek [Communication style of a librarian as the basis of library work]. *Molodye v bibliotchnom dele [Young professionals in librarianship]*, 2007, no 3/4, pp. 57–60. (In Russ.).
3. Ezova S.A. Bibliotchnoe obshchenie: vozmozhnye puti modelirovaniia [Communication in library: possible ways of modelling]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and technical libraries]*, 2008, no 5, pp. 67–74. (In Russ.).
4. Ezova S.A. K professional'noi etike cherez metod keisov: effektivnaia tekhnika obuchenii [To the professional ethics by means of the case method: an effective teaching approach]. *Bibliotchnoe delo [Librarian Science]*, 2012, no 08(170), pp. 26–27. (In Russ.).
5. Meizhis I.A. Sotsial'naia psikhologiya bibliotchnogo dela [Social psychology of librarianship], 1993, no 4, pp. 49–58. (In Russ.).
6. Riabov M.A. Biblioteka kak kommunikativnaia sistema [Library as a system of communication]. *Bibliotekovedenie [Librarianship]*, 2008, no 2, pp. 28–31. (In Russ.).
7. Sokolov A.V. Obshchaia teoria sotsial'noi kommunikatsii [General social communication theory]. St. Petersburg, 2002. 461 p. (In Russ.).
8. Spirina N.M. Rechevaia kul'tura bibliotchnogo spetsialista: formirovanie i razvitie v usloviiah vuza: dis. kand. ped. nauk [Communicative culture of a librarian as a specialist: forming and developing of the competence in a higher institution: diss. PhD ped. sci.]. Moscow, 1998. 194 p. (In Russ.).
9. Turanina N.A., Shushkova E.A. (Kurilenko). Verbalnyi imidzh bibliotchnogo spetsialista: sovremennye tekhnologii ego formirovaniia v vuze [Verbal image of a librarian as a specialist: modern approaches for forming the image in a higher institution]. *Obrazovanie i obshchestvo [Education and Society]*, 2014, no 4(87), pp. 53–55. (In Russ.).
10. Turanina N.A., Shushkova E.A. (Kurilenko). Kul'tura obshcheniia bibliotchnogo spetsialista i ee rol' v sovremennom sotsiуме [Communicative culture of a librarian as a specialist and its role in modern society]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University]*, 2013, vol. 19, no 2, pp. 153–155. (In Russ.).
11. Turanina N.A., Shushkova E.A. (Kurilenko). Rechevaia kul'tura spetsialista bibliotchno-informatsionnoi sfery [Communicative culture of a specialist of the librarian information sphere], LAP LAMBERT Academic Publ., 2015. 104 p. (In Russ.).

УДК 37

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ВОЗНИКНОВЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, ректор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Кудрин Валерий Сергеевич, подполковник полиции, преподаватель-методист Центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России (г. Москва, РФ). E-mail: kudrin-v1975@mail.ru

В статье рассматривается толерантность как один из феноменов в противодействии возникновению экстремизма в молодежной среде. Авторы анализируют содержание данного понятия, присутствующее в различных источниках, и рассматривают его определения в нормативно-правовых документах. Подчеркивается, что феномен толерантности как актуальная проблема в российском обществе в XXI веке стал не только главным брендом общественного развития, но и интенцией общечеловеческих запросов, потребностей и интересов, затронув тенденции экстремизма в среде молодежи. В статье отмечается, что проблемы экстремистского толка возникают там, где имеется противостояние и столкновение с конкретными проявлениями нетерпимости, агрессии и противоборства, ущемляются личные интересы, присутствует прямая угроза жизни близких людей и личной жизни, при этом осуществляются противоправные действия чаще всего по возникшим обстоятельствам, когда участники взаимодействия руководствуются не соображениями толерантности, а принципами выживания. Предлагается рассматривать толерантность как важное направление деятельности правоохранительных органов, государственных, властных структур и институтов гражданского общества по обнаружению фактов экстремизма, противодействию им и созданию механизмов борьбы с ними в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, молодежный экстремизм, социально-культурная ситуация, толерантность, экстремизм, этническая толерантность.

THE PHENOMENON OF TOLERANCE COUNTERACTING THE EMERGENCE OF EXTREMISM IN THE YOUNG PEOPLE'S ENVIRONMENT

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Kudrin Valery Sergeevich, Lieutenant Colonel of Police, Instructor-Methodologist of the Center of Command and Staff Training, Academy of Management, Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: kudrin-v1975@mail.ru

The article discusses tolerance as one of the phenomena counteracting the emergence of extremism in young people's environment. The authors analyze the content of this concept, present in various sources, and consider its definition in the legal documents. It is emphasized that the phenomenon of tolerance, as a topical problem in Russian society in the XX century, it became not only the main brand of social development, but the intention of universal queries, needs and interests, affecting the tendencies of extremism among young people. The article notes that the problem of extremism arises where is a clash and collision with the concrete manifestations of intolerance, aggression and confrontation, infringed personal interests, an imminent threat to the life of a family and personal life, while wrongful actions are carried out most often according to the circumstances, when the participants in the interaction are guided by considerations of tolerance, and the principles of survival. It is proposed to consider tolerance as an important activity of law enforcement bodies, government and government agencies and civil society institutions in identifying and counteracting the manifestations of extremism and the creation of mechanisms to combat the extremism in the young people's environment.

Keywords: youth, young extremism, socio-cultural situation, tolerance, extremism, ethnic tolerance.

В современных парадигмально изменившихся условиях развивающегося информационно-коммуникативного общества активная часть российской молодежи приобретает новые знания, умения и навыки, формируя качества, связанные как с высокой образованностью и возросшей социальной ответственностью, расширением культурного и мировоззренческого кругозора, так и с расширением плюрализма взглядов и позиций, активным развитием одаренности и креативности, других свойств современной личности.

Феномен толерантности как актуальной проблемы в российском полиэтническом, поликультурном, полирелигиозном обществе в XXI веке стал не только главным брендом общественного развития, но и интенцией общечеловеческих запросов, потребностей и интересов, затронув «тенденции экстремизма в молодежной среде» [7].

Рассматривая толерантность как феномен противодействия экстремизму в среде молодежи важно подчеркнуть, что:

- толерантность более всего обнаруживается и находит наибольшее проявление в проблемно-конфликтных ситуациях взаимодействия с представителями других групп (группировок, объединений и т. п.), национальностей, вероисповедания и т. п.;

- толерантность признает как наличие другого образа жизни, так и других культурных ценностей, других взглядов на образ жизни, другого вероисповедания, другой национальности и т. п.;

- толерантность может никогда не проявиться, если не будет специально воспитана, сформирована, начиная с раннего возраста в семье, в школе, в окружении, в обществе, в социуме и т. д.;

- толерантность выражается в стремлении достичь взаимного уважения, понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения ненасильственными способами, без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения, она заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с собственным мировоззрением.

В настоящее время мировое сообщество все больше приходит к пониманию того, что нетерпимость и непримиримость в борьбе за идеалы должна уступить место умению находить взаимоприемлемые адекватные решения, помогать предотвращать назревающие и преодолевать возникшие конфликты, а не содействовать их возникновению и развитию.

На заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям в Саранске (24 августа 2012 года) Президент России В. В. Путин в отношении толерантности в национальном вопросе подчеркнул, что «в России проживает 193 народа и народности, говорящих на 171 языке... Толерантность должна стать основой жизни общества... Мы вместе должны добиться, чтобы одним из ключевых понятий в жизни нашего общества стала толерантность, уважительное отношение к культуре и образу жизни другого народа, этноса» [3].

Не случайно акты насилия, экстремизм, терроризм, нетерпимость, обострившиеся межрелигиозные, межнациональные и другие конфликты привлекают усиленное внимание общества и государства к проблемам толерантности. На наш взгляд, «являясь результатом накопления человечеством опыта совместного существования на Земле множества народов, стран, культур, цивилизаций, идея толерантности на протяжении Нового времени медленно, но неуклонно проникала в сознание народов, становясь важным элементом их культуры. В течение последних десятилетий она превращается в доминирующую тенденцию, становясь императивом, доминантой нового века, общей тенденцией мирового процесса. Необходимо подчеркнуть, что культура толерантности должна бережно взращиваться, преодолевая традиции вековой интолерантности, традиционного противопоставления “мы” (хорошие) – “они” (плохие)» [9].

Это важно и в связи с тем, что на XXXXII Мюнхенской конференции по безопасности Д. Камерон заметил, что «нам нужно отказаться от пассивной толерантности последних лет в пользу гораздо более активного и сильного либерализма...», а А. Меркель заявила, что «те, кто хочет стать частью нашего общества, должны не только соблюдать наши законы, но и говорить на нашем языке...» [12]. А это необходимо потому, что процессы толерантности имеют как положительные тенденции развития, так и отрицательное к ней отношение в силу целого ряда позиций, имеющих свое развитие в современном мире.

В последнее десятилетие как российское общество, так и многие европейские страны столкнулись с ярким проявлением национальных проблем, требующих к себе особого внимания. Среди них на поверхности: огромный поток беженцев, которые сейчас прибывают из разных республик

бывшего СССР на территорию Российской Федерации, особенно в крупные города и мегаполисы, поток беженцев из стран Востока в страны Запада, ущемление и нарушение гражданских прав наших соотечественников в странах и ближнего, и дальнего зарубежья, объявленные нашей стране санкции со стороны США, Евросоюза и целого ряда европейских стран и т. п. В этой ситуации феномен толерантности становится наиболее актуальным.

Понятие «толерантность» имеет множество определений, которые разрабатываются и исследователями, и прописываются в нормативно-правовых документах. Наиболее расширенное толкование данного понятия, на наш взгляд, содержит «Декларация принципов толерантности», утвержденная Резолюцией 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года (п. 1.1–1.4 ст. 1):

«1.1. Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

1.2. Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

1.3. Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека.

1.4. Проявление толерантности, которое со звуочно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправед-

ливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» [5].

Слово «толерантность» в «Словаре иностранных слов и выражений» трактуется как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению», уточняется, что понятие происходит от латинского «tolerantia – терпение» [15, с. 575]. Практически такое же определение содержится в «Большом энциклопедическом словаре».

В «Новой философской энциклопедии толерантность – «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостоинной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т. п.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его прав на отличие» [13].

Как свидетельствуют приведенные определения данного понятия проблемы возникают тогда, когда имеется противостояние и столкновение с конкретными проявлениями нетерпимости, агрессии и противоборства, ущемляются личные интересы, присутствует прямая угроза жизни близких людей и личной жизни, а противоправные действия скорее всего осуществляются по возникшим обстоятельствам. В подобных случаях каждому человеку, а особенно молодежи, бывает особенно сложно руководствоваться принципами толерантности и тогда участники взаимодействия руководствуются не соображениями толерантности, а принципами выживания.

Что такое толерантность и какое влияние она оказывает при профилактике экстремизма в молодежной среде? Каким образом ее могут использовать институты гражданского общества, высшие учебные заведения, органы внутренних дел в выявлении и профилактике экстремизма среди молодежи? Этими вопросами задаются многие исследователи данного феномена, определяя его сущность и основное содержание.

Безюлева Г. В. и Шаламова Г. М. под толерантностью понимают: «терпение, терпимость; адаптация как приспособление человека к чему-либо; устойчивость, выносливость (к стрессу, к конфликту и пр.); допущения, позволения (разных точек зрения, ценностей, идеалов); принятие (другого); стремление достичь понимания с другими, согласовать разные установки, мотивы, ориентации, не прибегая к насилию и подавлению человеческого достоинства» [2].

В монографии «Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект» [8] содержится анализ содержания понятия «толерантность» в различных источниках, свидетельствующие о многогранности данной категории и наличии многих потенциальных возможностей при ее использовании в механизмах выявления и противодействия экстремистским проявлениям в молодежной среде.

Вместе с тем, заметим, что несмотря на всеобщую заинтересованность в неконфликтном взаимодействии в разных областях жизнедеятельности, в повседневной жизни проявляется множество факторов, которые не располагают к толерантному общению. Среди них такие, как: прямая агрессия, ущемление гражданских прав, социальная, а нередко и юридическая незащищенность человеческой жизни, имущества и собственности, проявления национально-культурной дискриминации, а также различные виды девиантного поведения, особенно молодежи, создающие угрозу и реальные проблемы для нормальной жизни граждан.

Ряд авторов считают, что толерантность может рассматриваться «как социальная норма, определяющая устойчивость к конфликтам в полиэтническом межкультурном обществе» [4]. При этом, рассматривая этническую толерантность, следует согласиться с мнением Н. Г. Анциферовой, которая определяет толерантность как «сложную социально-психологическую установку личности, выражающуюся в терпимости к чужому образу жизни, чужим обычаям, традициям, нравам, иным чувствам, мнениям и идеям» [1].

Аналогичное мнение высказывает В. Л. Литвинова, которая, определяя межэтническую толерантность, рассматривает ее как «основанную на уважении к другой личности, ее правам и свободам устойчивость индивида или группы к не представляющим собой социальной угрозы и отличным от собственных этнических культур-

ных образцов идеям, мнениям, традициям, верованиям, обычаям, нормам, образцам поведения и т. д.» [10].

Малютин И. П. указывает на то, что большинство этнонациональных проблем можно решить с гуманистических позиций, основываясь на диалоге, доверии, открытости и взаимоуважении, вырабатывая и используя межкультурные толерантные нормы поведения в условиях многонационального социума.

По мнению автора, «ключевыми понятиями рассмотрения проблемы экстремизма в молодежной среде современного российского общества в этническом контексте выступают следующие категории: негативная этническая идентичность, межэтническая напряженность, интолерантность, национализм, расизм, шовинизм, ксенофобия. Ни одна из названных категорий не является абсолютно тождественной экстремизму, но в то же время бесконтрольное развитие каждой из них может с неизбежностью привести к самым трагическим последствиям экстремистских действий» [11].

Илишев И. Г., исследуя межэтнические конфликты, которые в огромной массе нашли в последнее время свое проявление в разных точках планеты, подчеркивает, что они «вновь и вновь показывают человечеству, как хрупок мир и как трудно его восстановить, когда нарушено равновесие. Трагедия Карабаха, Таджикистана, Приднестровья, Осетии, Абхазии, Чечни, Дагестана – это не только трагедия населяющих их народов, но и наша общая боль. Эти потрясения продемонстрировали всему миру, что защита прав народов на национальное самоопределение, на сохранение и развитие родных языков и национальных культур является необходимым условием для сохранения мира и стабильности во всем мире» [6, с. 4].

В своей статье Ореховская Н. А. указывает, что основной силой экстремистских организаций является молодежь, потому что она не только легче поддается психологической обработке, но иногда даже не надо такую проводить. При этом члены экстремистских организаций могут совершать крайне возмутительные поступки всего спектра: от мелких хулиганских выходов до тяжких преступлений. «Опасность этих группировок подтверждается недавними событиями в Украине, Киргизии. Основной силой революций в этих странах была молодежь. И теперь, ког-

да взоры финансирующих фирм устремились на Россию, перед нами встает эта проблема. Наша интолерантная молодежь поддержит любого, кто даст им больше воли. В массовом сознании нынешней молодежи слабо сформированы понятия толерантности и патриотизма, подтверждением чего являются события 11 декабря 2010 года на Манежной площади. Спецификой современного поколения молодежи, которой выпало взрослеть в условиях нравственной смуты «переходного периода», является почти тотальная идеологизация, в силу чего она легко подвержена колебаниям, перепадам настроений, модным увлечениям. Молодежь может поднять и острая обида, и мелкий эпизод, который царапнет сердце. Не случайно же футбольные фанаты, ранее пребывавшие на периферии политики, в последнее время сделали заметной силой» – подчеркивает автор [14, с. 146–147].

В Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» в качестве основных задач в реализации данного направления выделяются:

«1. Разработка и реализация эффективной государственной политики формирования установок толерантного поведения, противодействия экстремизму и снижения социально-психологической напряженности в обществе.

2. Разработка и внедрение методов и организационных механизмов мониторинга, диагностики и прогнозирования социально-политической ситуации, оценки рисков и последствий деструктивных процессов в обществе.

3. Разработка и реализация системы мер и механизмов внедрения в социальную практику норм толерантного поведения, противодействия экстремизму во всех его проявлениях:

- разработка и внедрение системы учебных программ и тренингов для всех ступеней и форм образования, включая переподготовку и повышение квалификации государственных служащих;

- определение, разработка и реализация эффективных социально-культурных технологий распространения норм толерантного поведения и противодействия различным видам экстремизма, этнофобии, ксенофобии, в том числе, через СМИ;

- разработка методической, нормативно-правовой и организационной базы профилактики экстремизма, внедрения в социальную практику норм толерантного поведения» [16].

С развитием интернет-технологий приобретает актуальность использование принципов толерантности в борьбе с экстремистскими проявлениями с сети Интернет. За последние годы в России появились десятки интернет-сайтов, не только пропагандирующих экстремистскую деятельность и нетерпимость к нациям и народностям Российской Федерации, но и открыто осуждающих расовую, религиозную и иные виды неприязни и призывающих к их осуществлению с публикацией отчетов о различных экстремистских мероприятиях и акциях.

В связи с этим, на наш взгляд, в современном информационно-коммуникативном обществе необходимо особое внимание уделять проблеме распространения информации экстремистской направленности и интолерантности в сети Интернет, кроме того проводить постоянный мониторинг сети Интернет как силами правоохранительных органов, так и общественными объединениями, на предмет выявления экстремистской информации и проведения мероприятий по закрытию интернет-сайтов, пропагандирующих экстремистские проявления, и привлечения к ответственности (вплоть до уголовной) занимающихся этим людей.

Следует рассматривать толерантность одним из важных направлений деятельности правоохранительных органов, государственных, властных структур и институтов гражданского общества по обнаружению фактов экстремизма, противодействию им и созданию механизмов борьбы с молодежным экстремизмом.

Литература

1. Анциферова Н. Г. Этническая толерантность в современном российском обществе: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. – М., 2007. – 18 с.
2. Безюлева Г. В., Шеламова Г. М. Толерантность: взгляд, поиск, решение. – М.: Вербум, 2008. – 168 с.
3. Выступление Путина В. В. на заседании Общественного совета при Президенте РФ [Электронный ресурс]. – URL: kremlin.ru/Новости/Президент России.
4. Галкин А. А., Красин Ю. А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Соц. исслед. – 2009. – № 8. – С. 81–93.

5. Декларация принципов толерантности: утв. Резолюцией 5.61 Генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 нояб. 1995 года. Ст. 1 [Электронный ресурс]. – URL: un.org/Oon/Dokumentyoon/Konvensii/declarations/toleranc (дата обращения: 15.01.2015).
6. Илишев И. Г. Национально-культурная политика в Республике Башкортостан // Информ. бюл. / Администрация Президента Республики Башкортостан; под ред. М. Б. Ямалов и др. – Уфа. 2005. – № 4 (44): О национально-культурном развитии народов Республики Башкортостан. – С. 4.
7. Кудрина Е. Л., Кудрин В. С. Основные тенденции молодежного экстремизма в современной социально-культурной ситуации // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 205–212.
8. Кудрина Е. Л., Белозерова М. В., Садовой А. Н., Пономарев В. Д., Марков В. И. Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект: моногр. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2013. – 384 с.
9. Кудрина Е. Л. Формирование толерантности как инновационное направление подготовки выпускников вузов культуры и искусств в обществе знаний // Информ. о-во. – 2008. – № 5–6. – С. 89–91.
10. Литвинова В. Л. Социально-психологические условия формирования межэтнической толерантности российской молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М., 2007. – 35 с.
11. Малютин И. П. Формирование толерантности в образовательной среде [Электронный ресурс]. – URL: www.hrono.info/text/2007/mal03_07.html (дата обращения: 23.01.2015).
12. На 47-й Мюнхенской конференции по безопасности [Электронный ресурс]. – URL: www.rodon.org/polit-110210111342.
13. Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль. – 2001.
14. Ореховская Н. А. Толерантность массового сознания молодежи как фактор социально-политической стабильности российского общества // Вестн. МГУКИ. – 2011. – № 3 (41). – С. 145–150.
15. Словарь иностранных слов и выражений. – М., 1998. – С. 575.
16. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе»: утв. Постановлением Правительства РФ от 25 августа 2001 года, № 629 (в ред. 2011 года).

References

1. Antsiferova N.G. Etnicheskaia tolerantnost' v sovremennom rossiiskom obshchestve: sostoianie i tendentsii razvitiia: avtoreferat dis. kand. sotsiol. nauk: 22.00.08 [Ethnic tolerance in a modern Russian society: state and development trends: abstract PhD sociol. sci. diss. 22.00.08]. Moscow, 2007. 18 p. (In Russ.).
2. Beziuleva G.V., Shelamova G.M. Tolerantnost': vzgliad, poisk, reshenie [Tolerance: look, search, solution]. Moscow, Verbum Publ., 2008. 168 p. (In Russ.).
3. Vystuplenie Putina V.V. na zasedanii Obshchestvennogo soveta pri Prezidente RF [Statement by V.V. Putin at the meeting of the Public Council under the President of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: kremlin.ru/Novosti/Prezident/Rossii.
4. Galkin A.A., Krasin Iu.A. Kul'tura tolerantnosti pered vyzovami globalizatsii [The culture of tolerance to the challenges of globalization]. *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological researches]*, 2009, no 8, pp. 81–93. (In Russ.).
5. Deklaratsiia printsipov tolerantnosti: utverzhdena Rezoliutsiei 5.61 General'noi Konferentsii UNESKO ot 16 noiabria 1995 goda. Stat'ia 1 [Declaration of Principles on Tolerance. Approved by Resolution 5.61 of the General Conference of UNESCO of 16 November 1995. Article 1]. (In Russ.). Available at: un.org/Oon/Dokumentyoon/Konvensii/declarations/toleranc (accessed 15.01.2015).
6. Iishev I.G. Natsional'no-kul'turnaia politika v Respublike Bashkortostan [National cultural policy in the Republic of Bashkortostan]. *Informatsionnyi biulleten'. № 4 (44). O natsional'no-kul'turnom razvitiia narodov Respubliki Bashkortostan [Newsletter number. No 4 (44). National-cultural development of the peoples of the Republic of Bashkortostan]*. Ed. M.B. Iamalov. Ufa, Administration of the President of the Republic of Bashkortostan Publ., 2005, p. 4. (In Russ.).
7. Kudrina E.L., Kudrin V.S. Osnovnye tendentsii molodezhnogo ekstremizma v sovremennoi sotsial'no-kul'turnoi situatsii [Main trends of youth extremism in contemporary socio-cultural situation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no 32, pp. 205–212. (In Russ.).
8. Kudrina E.L., Belozerova M.V., Sadovoi A.N., Ponomarev V.D., Markov V.I. Tolerantnost' v mul'tikul'turnom obshchestve: regional'nyi aspekt: monografiia [Tolerance in a multicultural society: regional aspect: monograph]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2013. 384 p. (In Russ.).
9. Kudrina E.L. Formirovanie tolerantnosti kak innovatsionnoe napravlenie podgotovki vypusknikov vuzov kul'tury i iskusstv v obshchestve znaniia [Formation of tolerance as an innovative area of training the graduates of universities of arts and culture in the knowledge society]. *Informatsionnoe obshchestvo [Information Society]*, 2008, no 5–6, pp. 89–91. (In Russ.).

10. Litvinova V.L. Sotsial'no-psikhologicheskie usloviia formirovaniia mezhetnicheskoj tolerantnosti rossijskoj molodezhi: avtoreferat dis. kand. psikhologicheskikh nauk: 19.00.05 [Social-psychological conditions of formation of interethnic tolerance of the Russian youth: abstract PhD psychol. sci. diss.: 19.00.05]. Moscow, 2007. 35 p. (In Russ.).
11. Maliutin I. P. Formirovanie tolerantnosti v obrazovatel'noi srede [Formation of tolerance in the educational environment]. (In Russ.). Available at: www.hrono.info/text/2007/mal03_07.html (accessed: 23.01.2015).
12. Na 47-i Miunkhenskoj konferentsii po bezopasnosti [At the 47th Munich Security Conference]. (In Russ.). Available at: www.rodon.org/polit-110210111342.
13. Novaia filosofskaja entsiklopediia [New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. (In Russ.).
14. Orekhovskaja N.A. Tolerantnost' massovogo soznaniia molodezhi kak faktor sotsial'no-politicheskoj stabil'nosti rossijskogo obshchestva [Tolerance of the mass consciousness of young people as a socio-political stability in Russian society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture And Arts], 2011, no 3 (41), pp. 145–150. (In Russ.).
15. Slovar' inostrannykh slov i vyrazhenii [Dictionary of foreign words and expressions]. Moscow, 1998, p. 575. (In Russ.).
16. Federal'naia tselevaia programma "Formirovanie ustanovok tolerantnogo soznaniia i profilaktika ekstremizma v rossijskom obshchestve": utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 25 avgusta 2001 goda, № 629 (v red. 2011 goda) [Federal target program "Shaping the attitude of tolerance and preventing the extremism in Russian society:" Approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated August 25, 2001, no 629 (in ed. 2011)]. (In Russ.).

К 10-летию кафедры экономики социальной сферы

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

УДК 378

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Трусова Наталья Митрофановна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: trusova_n@mail.ru

Трусов Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационных и автоматизированных производственных систем, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: trusow2001@mail.ru

Значение индустрии туризма в развитии экономики трудно переоценить. Здесь создается каждое десятое рабочее место, причем значительно дешевле, чем в других отраслях промышленности. В последние два года в России внутренний и въездной туризм бурно развивается, но он серьезно отстает от международного уровня, в первую очередь, по развитию инфраструктуры, по продвижению туристического продукта и собственно по качеству обслуживания.

Соответственно, также резко возросла потребность в высококвалифицированных кадрах для отрасли. Именно недостаток кадров является одной из основных проблем развития туризма в России.

Практически в России система профессионального непрерывного образования находится в стадии становления. И здесь роль государственного участия очень важна. Сейчас отсутствует правовое регулирование участия работодателей в системе профессионального обучения кадров, не предусмотрено государственное стимулирование участия бизнеса в подготовке специалистов туристского бизнеса.

Поэтому в настоящее время подготовка специалистов происходит больше на уровне теории. Студентам не хватает именно практических навыков. Сегодня произошел переход на бакалавриат. Разработаны и внедряются ФГОС третьего поколения, в ближайшей перспективе – внедрение ФГОС три +. Как показал анализ программ, объем практик не будет по-прежнему превышать 7–9 %. Поставлена задача разработки компетентностной модели выпускника-бакалавра. Но в этом подходе есть ряд проблем.

Первая проблема – роль и форма участия работодателей в формировании компетентностной модели выпускника, их собственная компетентность в данной области. Вторая проблема – компетенции надо не только прописать, но и уметь оценивать степень их достижения. Третья проблема – проектирование компетентностно ориентированного учебного процесса, владении педагогами методикой такого проектирования.

Необходимо обязательное участие представителей бизнеса через создание объединений с представителями профессиональных участников индустрии туризма (гостиниц, ресторанов, турагентств и т. д.), организаторов систем обучения, специалистов вузов, осуществляющих подготовку специалистов.

Другой важный момент – создание образовательных кластеров на базе развития особых экономических зон туристско-рекреационного типа.

На кафедре экономики социальной сферы КемГУКИ уже 7 лет происходит подготовка специалистов для сферы туризма. В статье описан опыт работы с ведущими туристскими фирмами, санаторием «Танай», участие в проектировании чебулинской туристско-рекреационной зоны.

Ключевые слова: туризм, образование, компетенции, проблемы.

To the 10th Anniversary of Department of Social Sphere Economics of FSBEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”

EDUCATION IN TOURISM: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Trusova Natalia Mitrofanovna, PhD in Economics, Associate Professor, Head of Department of Social Sphere Economics, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: trusova_n@mail.ru

Trusov Alexander Nikolaevich, PhD in Techniques, Associate Professor, Associate Professor of Department Information and Automated Production Systems, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: trusow2001@mail.ru

The value of the tourism industry in the economic development cannot be overestimated. It creates every tenth job and even much cheaper than in other industries. The last two years, the Russian domestic and inbound tourism is booming, but it is seriously lagging behind the international level, primarily in the development of infrastructure and promotion of the tourism product and actual quality of service.

Accordingly, the demand for highly qualified personnel for the industry sharply increased. The lack of personnel is one of the main challenges of tourism development in Russia.

Roughly the Russian system of professional continuing education is in its infancy. And here the role of public participation is very important. There is no legal regulation of employer participation in vocational training the staff, provided by the state to stimulate the participation of business in training the tourist business specialists.

Therefore, in the present training the specialists takes place more on the level of theory. Students do not just have enough practical skills. Currently, there was a transition to the Bachelor Degree. Developed and implemented GEF of the third generation in the short term implementation of the three + FSSES. As the curricula analysis showed, the amount of practice will not exceed 7–9 %. The goal is the development of competence model-graduate degree. But this approach has a number of problems.

The first problem is the role and form of employer participation in the formation of a graduate competence model, their own expertise in this field. The second problem is the competence, it should not only be prescribed but also be able to assess the degree of achievement. The third problem is the design of competence-oriented educational process, the possession of such a design methodology by teachers.

It should be a mandatory participation of representatives of business through the establishment of associations with the representatives of professional participants of the tourism industry (hotels, restaurants, travel agencies, etc.), the organizers of the training systems, specialists of universities, which train such specialists.

Another important point is the creation of educational clusters based on the development of special economic zones for tourism and recreation.

Department of Social Sphere Economics of KemGUKI 7 years training the specialists for the tourism industry. The article describes the working experience with leading tourism companies, resort “Tanai” involved in the design of Chebula tourist and recreational zone.

Keywords: tourism, education, competence, problems.

По данным международной ярмарки «Workshop», профессиональное туристское образование с 1998 года вышло на 1-е место на всемирном рынке труда. В настоящее время индустрия гостиничного хозяйства и туризма выступает как один из важнейших регуляторов занятости работоспособного населения. По разным оценкам, туризм создает каждое 10–11-е рабочее место и всего создается около 3 млн рабочих мест в год. По данным Международной организации труда (МОТ), в мировой туристской индустрии занято от 100 до 130 млн человек, при этом создание рабочего места в туризме обходится в 20 раз дешевле, чем в других отраслях промышленности.

В России в туристской отрасли занято около 4 млн человек, что составляет около 3 % трудоспособного населения (по данным Всемирного совета по туризму и путешествиям WTTC). Только в гостиничном комплексе сегодня занято более 400 тыс. человек. Развитию туризма в России в последнее время уделяется все большее внимание. Это видно из материалов заседания президиума Госсовета, которое было проведено Президентом России В. В. Путиным 17 августа 2015 года. На заседании были обсуждены основные проблемы и намечены пути их решения, которые позволили бы российскому туризму выйти на мировой уровень и обрести конкурентоспособность. Так, руководитель Федерального агентства по туризму О. Сафонов отметил, что «в 2014 году начались структурные изменения российской туриндустрии, происходит активное развитие внутреннего и въездного туризма. По сути, то, что мы видим сейчас, это процесс импортозамещения в туристической отрасли, раскрывающий огромный рекреационный потенциал нашей страны» [1]. Далее О. Сафонов отметил, что «только одновременно развивая все три базовых составляющих туризма, а именно инфраструктуру, качество туристического обслуживания и продвижение туристического продукта, возможно достичь серьезных экономических, социальных и имиджевых результатов. Ведь туризм даёт толчок развитию 53 отраслям народного хозяйства, способствует развитию малого и среднего бизнеса. На одно рабочее место в сфере туризма создаётся до пяти рабочих мест в смежных областях. Причем это особенно важно в ситуации, когда

в некоторых отраслях происходит сокращение штатов» [1].

На российском рынке труда высок спрос на специалистов туристической отрасли. Чаще всего менеджеры по персоналу ищут специалистов по работе с автоматическими системами бронирования билетов, гостиниц и т. д. Очень востребованы сотрудники обслуживающего персонала гостиничного комплекса (портье, бармены, метрдотели и официанты). Для сравнения можно привести результаты анализа вакансий и резюме, которые были опубликованы на сайте по подбору персонала www.SuperJob.ru. Эта база содержит данные о 1,5 млн специалистов различных областей, что позволяет провести объективную оценку спроса и предложения на рынке труда, а именно в сфере индустрии гостеприимства.

В разделе «Туризм, гостиничный бизнес» представлены следующие вакансии: директор, менеджер по туризму, гид (экскурсовод), водитель, специалист по бронированию гостиниц, специалист по бронированию билетов. К группе «Другие специальности» относятся профессии визового менеджера, менеджера по приему гостей, переводчика, администратора, помощника менеджера, курьера, экспедитора и т. д.

Диаграммы, представленные на сайте по подбору персонала, показывают, как распределяется спрос на специалистов в гостиничном бизнесе. Большим спросом пользуются менеджеры по туризму для гостиничных предприятий. Более 30 % из опубликованных вакансий относятся к сфере образовательного туризма, который в настоящее время активно развивается. На современном рынке по подбору персонала пользуются успехом такие вакансии, как специалисты по бронированию гостиниц, железнодорожных и авиабилетов. Существует устойчивый спрос на сотрудников, уже имевших опыт работы в данной сфере. Самой распространенной должностью является менеджер по туризму. Небольшой процент составляют вакансии на должность пользователей автоматических систем бронирования авиабилетов. Большинство соискателей на данную должность прошли специальные курсы по работе с несколькими системами.

В настоящее время также распространена вакансия гида (экскурсовода) – 13 % молодых

специалистов изъявили желание начать трудовую деятельность с данной вакансии. Данный портал проводит анализ по 41 профессии и делает аналитический обзор по полученным данным. Так, проведенный ими анализ по удовлетворению полученным образованием показал, что довольны 34 %, скорее довольны 41 %, недовольны 18 %. В основном довольны полученным образованием те, кто имеет среднемесячный доход от 45000 рублей. Конечно, мы наблюдаем корреляцию дохода и удовлетворенности работой, но только специалист, получивший хорошее образование, может претендовать на высокооплачиваемую работу.

Проблема развития всех ступеней образования в сфере туризма становится все более актуальной в свете востребованности на рынке вакансий специалистов, что также было отмечено на заседании Госсовета РФ.

Основные составляющие системы профессионального непрерывного образования следующие:

- довузовское образование;
- начальное профессиональное образование;
- среднее профессиональное образование;
- высшее профессиональное образование;
- дополнительное профессиональное образование (программы профессиональной переподготовки всех уровней, повышения квалификации специалистов в индустрии туризма и работников администраций, курирующих туристско-рекреационную деятельность);
- послевузовское профессиональное образование (аспирантура, докторантура).

Причем высшее профессиональное образование в этой цепочке имеет важнейшее значение. Специфика туристского образования заключается в его многогранности. Оно готовит кадры разных направлений и специальностей со знаниями и умениями управленческого, экономического, технологического, технического, научного и другого характера. Поэтому туристское образование является сложным, постоянно совершенствующимся механизмом, позволяющим активно внедрять инновационные программы для подготовки кадров, в том числе и с использованием зарубежного опыта.

На наш взгляд, в России существует сегодня много проблем в процессе обучения и подго-

товки кадров в сфере туризма. Достаточно отметить, что до начала 1990-х годов в нашей стране не функционировало ни одного вуза, готовящего профильные кадры для туристской отрасли. Поэтому одной из основных проблем развития туризма в стране можно считать недостаток квалифицированно подготовленных кадров, способных поднять российский туризм до международного уровня. А ведь задачей профессионального образования является не только реагирование на нужды рынка внутреннего туроперейтинга, но и подготовка кадров для него в опережающем режиме.

Конечно, необходимо более внимательное отношение со стороны государства к проблемам подготовки кадров именно для сферы туризма. Например, в федеральном законе от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 3 мая 2012 года) «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» нормы, касающиеся подготовки кадров для сферы туризма, носят просто декларативный характер. Статья 4 Закона только устанавливает, что «государственное регулирование туристской деятельности в Российской Федерации осуществляется путем содействия кадровому обеспечению в сфере туризма» [6]. Отсутствие системного подхода к регулированию кадровых вопросов развития туристской индустрии на федеральном уровне соответственно отражается и на законодательстве о туризме в субъектах Федерации. До сих пор отсутствует правовое регулирование участия работодателей в системе профессионального обучения кадров, не предусмотрено государственное стимулирование участия бизнеса в финансировании подготовки высококвалифицированных специалистов туристского бизнеса.

Несомненно, это оказало влияние на становление системы профессионального туристского образования. Обучение по туристским специальностям часто проводится только на уровне теории, хотя она имеет далеко не решающее значение в данной профессии. Студентам катастрофически не хватает навыков, которые могут дать практики, обучающие стажировки и тренинги. Между тем профессиональная подготовка менеджеров, специалистов по туризму должна основываться на особенностях предпринимательской деятельности в сфере туроперейтинга и опираться на

принципы педагогической дидактики. В ней также большое значение должно уделяться практическим навыкам.

Повышение эффективности подготовки кадров для туристической индустрии в значительной степени обусловлено взаимосвязями с практической деятельностью, технологическими процессами современного туроперейтинга. Программа обучения и проектирование учебников должны учитывать особенности туристского рынка, реагировать на динамику туристского рынка и должны быть сориентированы на функции туристской организации на рынке туристских услуг.

Как отмечает К. М. Малышенко, «главной проблемой подготовки кадров для сферы туризма является чрезмерная академичность профильного высшего образования при явном недостатке практических навыков и знаний и нехватка среднеспециальных учебных заведений, готовящих работников сферы туризма» [3].

Можно сделать вывод, что многие проблемы туристского образования, если и не берут свое начало, то уж во всяком случае, значительно усугубляются отсутствием профессиональных знаний у большинства менеджеров российского туристского рынка.

Перед научно-педагогическими кадрами поставлена задача разработки компетентностной модели выпускника-бакалавра в контексте стандартов высшего профессионального образования третьего поколения. Актуальность разработки компетентностной модели выпускников в сфере туризма обусловлена процессом переориентации современного российского образования со «знаниевого» на компетентностный подход, что является главнейшим и необходимым условием модернизации и приведения его результатов в соответствие с международными нормами.

По мнению экспертов, несомненно совершенствование обучения связано, прежде всего, с разработкой качественно новых подходов к решению задач управления этим процессом. Чтобы эффективно управлять процессом подготовки специалиста в вузе, нужно четко видеть ориентиры и конечную цель такой подготовки. Обычно ориентиром выступает квалификационная характеристика специалиста по той или иной специальности.

В настоящее время признано, что основополагающей целью непрерывного профессионального образования является профессиональная компетентность, которая включает профессионализм, право и ответственность за принятие решений, коммуникативные способности, самостоятельность, владение навыками быстрой адаптации, профессиональной мобильности. Компетентность предполагает постоянное обновление знаний для успешного применения в конкретных условиях, то есть обладание оперативными знаниями. Это не просто обладание знаниями (в таких случаях лучше говорить об эрудиции), но скорее потенциальная готовность решать задачи со знанием дела. Важной педагогической предпосылкой решения этих задач является совершенствование содержания образования и обучения.

Содержание образования – категория заданная, обусловленная целями и потребностями общества, отражается в системе требований к знаниям, умениям, навыкам, профессиональному опыту, личностным качествам, необходимым специалисту для успешного выполнения профессиональной деятельности.

В собранном виде содержание образования должно быть отражено в квалификационной характеристике специалиста и профессиограмме. Но, на настоящий момент, созданы пока профессиограммы выпускника по направлению «Туризм» на среднее звено специалистов, а специалисты высшего образования еще не имеют профессиограммы.

Содержание обучения, являясь средством по отношению к содержанию образования, представляет собой содержание учебной информации, предъявляемой для изучения. В свернутом виде содержание обучения представлено в учебном плане (наименование и объем учебных предметов), учебных программах (информация об учебном материале, который необходимо изучать); в развернутом виде – в учебниках и учебных пособиях. Содержание профессионального образования в большей мере, чем содержание других видов образования должно строиться на основе модели будущей профессиональной деятельности слушателя. Это придает содержанию целостность, системную организованность и личностный смысл для обучающихся усваиваемых знаний

и умений. При таком подходе содержание обучения проектируется не как учебный предмет, а как предмет учебной деятельности, который последовательно трансформируется в предмет деятельности профессиональной. Используемая при таком подходе система профессионально-подобных ситуаций позволяет развертывать содержание образования в динамике, создает возможность интеграции знаний различных предметных областей. В настоящее время основой разработки учебно-программной документации является профессионально квалификационная характеристика специалиста в области туризма, однако, их ограниченность в том, что они отражают лишь знания и навыки, необходимые менеджеру, но не учитывают перспективы развития предприятий туризма. В качестве основы для разработки образовательных программ может использоваться составленная прогностическая модель специалиста по туризму, то есть своеобразный эталон, разработанный на основе изучения опыта передовых высококвалифицированных специалистов в области туризма. Сопоставляя идеальную модель специалиста с фактически сложившейся моделью, можно определить масштабы и содержание профессиональной подготовки. Разработка такой модели позволит пересмотреть всю систему подготовки и переподготовки кадров различного уровня в сфере туризма. Для получения опережающей информации о содержании обучения необходимо прогнозирование. Оно позволит лучше увидеть завтрашний день, разработать модель специалиста в области туризма в ближайшей и дальней перспективе, наметить пути достижения эталона.

Подобная модель необходима и управленческим структурам туризма для проведения диагностического контроля за деятельностью специалистов. Главными критериями отбора содержания учебного материала для программ разного уровня являются: непрерывность, экономическая целесообразность, социоморфность.

Критерий непрерывности, будучи самостоятельным, имеет в своей основе принцип системности, из которого вытекает взаимообусловленность функционирования подсистем, обеспечивающая возможность непрерывного перехода от одного этапа профессионального образования к друго-

му. Будучи системной и непрерывной, образовательная программа подготовки специалистов в туристской области является составной частью единого комплекса туристской индустрии.

Критерий экономической целесообразности предполагает такую модель содержания образовательной программы подготовки специалистов, которая обеспечивает удовлетворение потребности предприятий в кадрах нужного количества и уровня профессиональной подготовки в заданные сроки с гарантированным результатом и оптимальным ресурсным обеспечением.

Критерий социоморфности вытекает из действия систематических «законов адекватности» по разнообразию, по сложности, по неопределенности, по системности.

Туристским предприятиям необходимы подготовленные специалисты с определенным опытом работы. Однако выпускники вузов приходят на рынок труда с большим теоретическим запасом знаний и с недостаточными профессиональными навыками. Подготовка и обучение кадров – это вложение денежных средств и времени, которые необходимо рационально использовать, поэтому следует совершенствовать систему подготовки кадров для туристских предприятий с учетом требований рынка туристских услуг и выпускать из вузов уже хорошо подготовленных к практической деятельности специалистов.

Таким образом, современные экономические условия требуют иного, нового подхода от образовательных учреждений к подготовке специалистов XXI века в сфере индустрии туризма. Проблема подготовки кадров для туристских предприятий достаточно широко обсуждается на научно-практических конференциях различного уровня.

Одной из основных причин, по нашему мнению, является слабая ориентация Государственных образовательных стандартов на специализированную подготовку специалистов, которыми сейчас заполнен рынок труда для сферы туризма и которыми так не довольны работодатели. В табл. 1 приведены сравнительные данные по затратам времени (в зачетных единицах) по основным блокам, внедренные сегодня (ФГОС ВПО направления «Туризм» третьего поколения) и предполагаемые к внедрению в ближней перспективе (ФГОС три +).

Таблица 1

**Сравнительный анализ структуры программы бакалавриата
по направлению подготовки «Туризм»**

Структура базовой программы		Объем программы в зачетных единицах			
		ФГОС третьего поколения		ФГОС три +	
		Зачетные единицы	Доля в общем объеме	Зачетные единицы	Доля в общем объеме
Блок 1	Дисциплины (модули)	195–220	0,8–0,92	213–216	0,89–0,9
	в том числе базовая часть	84–104	0,43–0,47	90–111	0,43–0,51
Блок 2	Практика	12–15	0,05–0,07	15–21	0,07–0,09
Блок 3	Государственная аттестация	12	0,05	6–9	0,03–0,04

Коренных изменений в структуре, очевидно, нет. Из сравнения данных таблицы видно, что доля практики в общем объеме немного увеличивается, то есть образование поворачивается к более полному практическому обучению. Но происходит это в том числе и за счет итоговой аттестации. Выпускная квалификационная работа, которая входит в государственную аттестацию, является первой серьезной самостоятельной работой выпускника и оказывает на его становление как специалиста очень большое значение. По нашему мнению, экономить на государственной аттестации вряд ли целесообразно. Анализ показывает изменение структуры стандарта не только по часам, но и по сути компетенций. Так в настоящее время студент должен обладать 14 общекультурными компетенциями (ОК) и 16 профессиональными компетенциями (ПК). Предлагаемый стандарт вносит новые определения: 8 общекультурных компетенций (ОК), 3 общепрофессиональных компетенции (ОПК) и 9 профессиональных компетенций (ПК). По существу, компетенций анализ провести трудно, так как стандарт не утвержден, и может быть будут внесены изменения и дополнения, поэтому о его влиянии на повышение качества образования в сфере туризма говорить преждевременно.

Между тем, чтобы решить ряд существующих общих проблем, действительно, необходима государственная поддержка учебных заведений в области подготовки кадров для индустрии туризма, и заключается она в первую очередь в создании условий для результативного взаимодействия профильных учебных заведений и представителей бизнеса. Для подготовки специалистов в сфе-

ре бизнеса гостеприимства необходимо создать объединение в рамках социального партнерства, в состав которого будут входить представители профессиональных участников индустрии туризма, действующих и строящихся гостиниц, ресторанов, турагентств и т. д., организаторов систем обучения, специалистов вузов, осуществляющих подготовку персонала для индустрии гостеприимства.

В ряде нормативных документов зафиксирована ориентация на компетентностный подход в образовании («Концепции модернизации российского образования на период до 2020 года», Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы, федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения (ФГОС-3) и др.), в которых содержится переориентация оценки результата образования с дефиниций «знания», «умения», «навыки», «подготовленность», «образованность», «воспитанность» на дефиниции «компетенция», «компетентность».

Вместе с тем, в компетентностном подходе к образованию есть и ряд нерешенных, по нашему мнению, на сегодняшний день вопросов.

Первый вопрос касается привлечения работодателей к формированию, уточнению и обновлению набора компетенций. Не вполне ясна сама процедура их участия, а также то, насколько сами работодатели могут быть компетентными в данной области.

Другой вопрос касается измерительной процедуры оценки сформированности компетенций. Очевидно, что компетенция как интегративный результат образовательной деятельности долж-

на выступать предметом специальной диагностики и оценки. Однако остается открытым вопрос оценки компетенций для каждого профиля или разработки единой универсальной методики диагностики для любого профиля. Аналогичная проблема возникает и с оценкой двух бинарных групп компетенций – общекультурных и профессиональных, которые дополняют друг друга, но в то же время являются независимыми.

Третьим значимым является вопрос о проектировании компетентностно-ориентированного учебного процесса в направлении формирования заданного набора компетенций, владении педагогами методикой такого проектирования, определения содержания дисциплин, междисциплинарных модулей, а также применения педагогических технологий, адекватных новой модели подготовки кадров.

Таким образом, профессиональная подготовка выпускников в сфере туризма и знания, полученные в учебном заведении, должны включать в себя следующие обязательные компоненты:

- знание законодательных актов и нормативных документов, международных норм в сфере туризма;
- навыки управления человеческими ресурсами, лидерство, умение решения проблем, формулирование стратегий развития в команде;
- знание туристской отрасли, тенденций развития, географии туристских потоков, истории, культуры, экономики;
- владение одним и более иностранными языками, компьютерная грамотность;
- владение правильным русским языком и умение дать грамотный ответ на любой вопрос клиента;
- владение в полном объеме информацией о всех турах, которая может потребоваться потребителю;
- навыки личностного развития, эффективный самоменеджмент, навыки общения, проведения презентаций, использование международных стандартов.

На основании вышеизложенного следует подчеркнуть – обучение сегодня еще в большей степени, чем раньше, не может быть закончено профессиональным обучением в учебных заведениях, даже если оно и включает максимум возможностей для овладения практическими знания-

ми и навыками. Процесс обучения должен быть непрерывным, осуществляться в различных формах – программы адаптации и повышения квалификации работников внутри организации, самообразование и саморазвитие.

Для того что бы решить ряд существующих общих проблем, необходима государственная поддержка учебных заведений в области подготовки кадров для индустрии туризма, которая должна заключаться в создании условий для результативного взаимодействия профильных учебных заведений и представителей бизнеса. Для подготовки специалистов в сфере бизнеса гостеприимства необходимо создать объединение в рамках социального партнерства, в состав которого будут входить представители профессионального участника индустрии туризма, действующих и строящихся гостиниц, ресторанов, турагентств и т. д., организаторов систем обучения, специалистов вузов, осуществляющих подготовку персонала для индустрии гостеприимства.

На заседании Госсовета от 17 августа 2015 года большое внимание было уделено созданию и развитию особых экономических зон туристско-рекреационного типа. В практической подготовке кадров для сферы туризма целесообразно также использовать технологии создания «образовательных кластеров», представляющих собой комплекс профессиональных учебных заведений разного уровня, расположенных в географической близости. В этом случае важна именно комплексность решения проблемы. Отсутствие какого-либо из уровней профессионального туристского образования может вызвать невозможность полноценной подготовки профессиональных кадров. В настоящее время в регионах Российской Федерации получили мощный импульс развития федеральные особые экономические зоны туристско-рекреационного типа, региональные туристско-рекреационные комплексы, а также туристско-рекреационные кластеры, которые создаются как на муниципальном, так и региональном уровнях.

Туристско-рекреационные кластеры – это группа географически соседствующих взаимодействующих компаний, общественных организаций и связанных с ними органов государственного управления, формирующих и обслуживающих туристские потоки, использующие рекреацион-

ный потенциал территории. Их создание возможно на принципах государственно-частного партнерства, а успешное функционирование и дальнейшее развитие возможно при наличии достаточного количества высококвалифицированных кадров разного уровня. В этой связи подготовка кадров «под ключ» синхронно с созданием объектов туризма и рекреации отвечает современным инновационным требованиям.

Кластерная идеология позволит создать систему непрерывного туристского образования, представляющего собой многоуровневую матрицу, обеспечивающую потребности человека не только в получении знаний более высокого уровня, но и в получении дополнительных знаний на основе системы повышения квалификации и переподготовки кадров.

На кафедре экономики социальной сферы КемГУКИ накоплен определенный опыт подготовки специалистов и бакалавров для сферы туризма. Интересен опыт проведения форума «Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России». Форум проводился на базе торгово-промышленной палаты, работало несколько секций, второй день работа проводилась в п. Верх-Чебула. Этот район знаменит находками динозавров, и в настоящее время требуется поддержка развития туристической дестинации и создание конкурентоспособного кластера [2; 5]. Полезным опытом представляется сотрудничество в организации стажировок для студентов с иностранными гостиничными предприятиями. Проблема данного сотрудничества заключается в том, что трудоустройство отечественных специалистов происходит во время сезонного повышения спроса на гостиничные услуги. Так, в Кемерово две ведущих туристских фирмы Pegastouristic и Aneksturs проводят конкурс для работы в Турции в отелях фирм. Главное условие – знание иностранного языка. Как показывает опыт нашей кафедры, немногие студенты могут преодолеть высокую планку, поставленную организаторами конкурса. Между тем, по оценкам студентов, прошедших данную стажировку, она очень помогает в ориентации в будущей профессии и дает хорошую практическую подготовку. Поэтому сейчас усилена языковая подготовка студентов.

Кафедра экономики социальной сферы имеет опыт сотрудничества с санаторием «Танай». Студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Туризм», проходили практику в высокий сезон (с 26 декабря по 10 января), когда санаторию необходимы кадровые пополнения. В целом студенты получили хорошую практическую подготовку как работники рисепшина, менеджеры по расселению и другим рабочим специальностям.

Возможным вариантом решения проблемы профессиональной подготовки может быть усиление мотивационной направленности процесса обучения посредством самоактуализации и самореализации личности студента. На кафедре экономики социальной сферы для решения данной проблемы проводятся традиционные мероприятия «День туриста», «Посвящение в студенты», «День выпускника», а также конкурсы «Мой Кузбасс», «Мое Золотое кольцо Кузбасса». К участию в данных мероприятиях привлекаются работники турбизнеса.

Важным аспектом обучения является интеграция фундаментальной и специальной подготовки: усиление профессиональной направленности общенаучных и общепрофессиональных дисциплин. Эта проблема решается комплексно: как интеграцией предметов, разработкой междисциплинарных связей, так и разработкой итоговой аттестации, которая включает основные аспекты дисциплины и разработку заданий, в которых учитываются умение студента использовать знания как фундаментальных, так и специальных дисциплин.

В завершении изучения первого иностранного языка одновременно вводится дисциплина «Основы гостиничного дела», читаемая на английском языке. Это позволяет студентам не только овладеть сложной тематикой гостиничного дела, но и получить соответствующие знания и расширить диапазон их применения.

Можно выделить проблему моделирования профессиональной деятельности в учебном процессе, решение которой лежит в области введения в процесс посещения туристских выставок. Также студентам предлагается работа на выставках-ярмарках. Каждое значимое явление в сфере туризма используется для повышения уровня подготовки студентов. Последнее меро-

приятие, проводимое в рамках туристского образования – роуд-шоу «Добро пожаловать в Санкт-Петербург», по материалам которого студентам, обучающимся по направлению «Туризм», предлагается написать эссе о новых видах и способах проведения рекламной кампании, а также составить макет собственной компании по рекламе того или иного продукта.

Формирование профессиональной подготовки решается на кафедре изучением материалов форумов и включением результатов проведения в учебный процесс. Так используются материалы форума музейных работников «Историко-

культурное наследие Кузбасса» [4], форума «Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России» [5].

Сегодня уже можно говорить о возможности и необходимости предъявления международных требований к работникам, занятым в туристской сфере, особенно в международном туризме. Благодаря туризму международного уровня повысится качество услуг, будут укрепляться связи между странами. Эта «мягкая» сила туризма способна охватить все сферы жизни людей, создать единое мировое образовательное сотрудничество с мировыми учебными центрами.

Литература

1. Президент России [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50138>
2. Кудрина Е. Л., Юдина А. И., Мухамедиева С. А. Социально-культурные технологии туристской деятельности: проектный подход // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 31. – С. 207–216.
3. Малышенко К. М. Современные проблемы подготовки кадров для речного круизного туризма // Молодой ученый. – 2011. – № 9. – С. 221–224.
4. Юдина А. И., Кулемзин А. М., Насонов А. А., Родионова Д. Д., Ковешникова Е. А., Тельманова А. С. Первый региональный «Форум музейных работников “Историко-культурное наследие Кузбасса”» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 258–262.
5. Трусова Н. М. Конкурентоспособность туристской дестинации / Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России: сб. науч. ст. / ред. кол.: Е. Л. Кудрина (пред.), Д. Д. Родионова, С. А. Мухамедиева, А. И. Юдина, Т. Ю. Казарина, отв. ред. А. А. Насонов; Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2015. – С. 111–120.
6. Федеральный закон от 24.11.1996 № 20132-ФЗ (ред. от 01.07.2011) «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации».

References

1. Prezident Rossii: ofitsial'nyi sait [President of Russia: the official site]. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50138>.
2. Kudrina E.L., Iudina A.I., Mukhamedieva S.A. Sotsial'no-kul'turnye tekhnologii turistskoi deiatel'nosti: proektnyi podkhod [Socio-cultural technology of tourist activity: design approach]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no 31, pp. 207–216. (In Russ.).
3. Malyshenko K.M. Sovremennye problemy podgotovki kadrov dlia rechnogo kruiznogo turizma [Modern problems of training the employees for river cruise tourism]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2011, no 9, pp. 221–224. (In Russ.).
4. Tel'manova A.S., Iudina A.I., Kulemzin A.M., Nasonov A.A., Rodionova D.D., Koveshnikova E.A., Tel'manova A.S. Pervyi regional'nyi "Forum muzeinykh rabotnikov "Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa" [The first regional "Forum of Museum Workers on "Historical and Cultural Heritage of Kuzbass"]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, no 20, pp. 258–262. (In Russ.).
5. Trusova N.M. Konkurentosposobnost' turistskoi destinatsii [The competitiveness of the tourist destinations]. *Vnutrennii turizm kak osnova ustoichivogo razvitiia regionov Rossii* [Domestic tourism as a basis for sustainable development of the regions of Russia]. Ed. E.L. Kudrina, D.D. Rodionova, S.A. Mukhamedieva, A.I. Iudina, T.Iu. Kazarina, A.A. Nasonov. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2015, pp. 111–120. (In Russ.).
6. Federal'nyi zakon ot 24.11.1996 № 8132-F3 (red. ot 01.07.2011) "Ob osnovakh turisticheskoi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii" [The Federal Law of 24.11.1996 № 8132-F3 (ed. By 01.07.2011) "On the basis of tourist activity in the Russian Federation"]. (In Russ.).

УДК 378.14

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКОГО ВУЗА

Мухамедиева Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: swet-73@mail.ru

В статье автором раскрываются педагогические условия формирования экономической культуры студентов, которые определяются исходя из основополагающих характеристик ведения будущей профессиональной деятельности, а также в связи с происходящими социально-экономическими преобразованиями в сфере культуры.

Изучена сущность понятия экономическая культура и определено содержание данной категории для работников сферы культуры, как процесс осуществления профессионально-экономических функций, направленный на достижение экономической эффективности ведения его профессиональной деятельности.

Было определено, что в процессе формирования экономической культуры большую роль играет педагогическое привитие навыков экономического мышления у студентов, обучающихся по творческим направлениям подготовки, посредством изучения в вузе основ экономической теории и других дисциплин экономического направления.

Для всестороннего раскрытия темы было рассмотрено понятие «образовательная среда», проанализированы педагогические технологии и определен комплекс педагогических условий, который включает: осознание студентом необходимости формирования экономической культуры; формирование положительной установки к ее овладению; планирование учебной деятельности студентов с учетом их разного уровня подготовки; привлечение студентов к оценке работы одноклассников в роли эксперта; использование рейтинговых оценок уровня сформированности экономической культуры; внедрение в образовательный процесс проектной деятельности студента.

Ключевые слова: экономическая культура, педагогические условия, образовательная среда.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING THE ECONOMIC CULTURE IN STUDENTS OF HIGHER INSTITUTIONS OF CULTURE AND ARTS

Mukhamedieva Svetlana Anatolevna, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Department of Social Sphere Economics, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: swet-73@mail.ru

Pedagogical conditions for forming students' economic culture are defined in the article. They are determined by the fundamental characteristics of efficiency for conducting future professional activity, and also in connection with the happening social and economic transformations in the sphere of culture.

The essence of economic culture concept is studied and the content of the given category for workers of the sphere of culture, as the process of implementing professional and economic functions, directed on achieving economic efficiency of conducting its professional activity is defined.

It was defined that in the course of forming economic culture pedagogical instilling of economic thinking skills plays large role for students studying on the creative directions of training by means of studying the bases of the economic theory and other disciplines of the economic direction in the higher education institution.

For comprehensive disclosure of a subject the concept “educational environment” was considered, pedagogical technologies are analyzed and the complex of pedagogical conditions for forming economic thinking which includes: students’ awareness of need for forming economic culture; forming positive installation to its mastering; planning students’ educational activity taking into account their different level of preparation; involving students for evaluating the fellow students’ work as the experts; using rating estimates of level for economic culture formation, introduction in educational process design activity of the student.

Keywords: economical culture, pedagogical conditions, educational environment.

В современных условиях социально-экономических преобразований в России в сфере культуры, в условиях «смены ценностных ориентиров, произошедших в последние десятилетия и существенных изменениях в межкультурных и социальных связях» [8], особую значимость приобретает деятельность профессионально компетентных специалистов владеющих экономической культурой.

Сегодня нужен качественно новый специалист, а не просто профессиональный исполнитель: «в руках этого специалиста культура в условиях транзитивного общества, состоящего из конфронтаций и противостояний (экономических, идеологических, политических, национальных), остается единственной интегрирующей силой, которая еще может обеспечить гражданское согласие и стабильность, объединить людей в общих чувствах добра, справедливости, правды, уважения человеческого достоинства» [4, с. 231].

В соответствии с этим одной из задач системы образования является – формирование экономической культуры будущего работника, уровень которой будет результатом воспитания и обучения, которая и будет способствовать эффективной профессиональной деятельности и позволит оценить данную деятельность не только с точки зрения экономической целесообразности, но и со стороны технологической, организационной и социальной эффективности.

Исследование экономической культуры осуществляется в рамках экономических наук, культурологии и педагогики. Решение проблем экономической культуры, как личности, так и работника, независимо от вида его профессиональной деятельности, не соответствуют современному состоянию общества и требованиям времени. В педагогической науке исследования экономической культуры относят к проблемам эконо-

мического образования. Изменения в обществе, в политике и макроэкономике дают новый импульс к исследованиям, касающимся сущности экономической культуры.

Историческое развитие экономической культуры предполагает свое происхождение от греческого «oikonomia» (управление домашним хозяйством). Великий классик – экономист Адам Смит разработал модель «Человека экономического», которая отражает свойства человека, такие как склонность к обмену, собственный интерес, постоянное стремление изменить свое положение в лучшую сторону [1].

Понятие «культура» фиксирует качественные своеобразия конкретных экономических форм деятельности человека. Содержание данной категории означает «обрабатывать, возделывать почву». В экономике культура была непосредственно связана с материальным производством и земледельческим трудом. Но, как только в науке разделили духовную и материально-производственную сферу человеческой деятельности, понятие «культура» стало отождествляться только с духовной жизнью общества. В практической жизни «культура» присуща всем видам и формам деятельности людей, в том числе и экономической. Поэтому чаще всего содержание экономической культуры раскрывается через «совокупность материальных и духовных социально-выбранных средств деятельности, с помощью которых осуществляется производственная жизнь людей» [1, с. 6, 12].

Экономическая культура как экономическая категория предполагает свою структуру, которая соотносится с самой экономической деятельностью человека. Связано это с тем, что фактором экономической культуры является процесс трудовой деятельности человека.

Для человека-работника экономическая культура связана с раскрытием его творческих спо-

способностей через эффективную профессиональную деятельность в социально-культурной среде. В науке выделяются следующие виды проявления творческих способностей:

- продуктивно-репродуктивная творческая способность, когда процесс труда повторяется и случайно создается что-то новое;

- генеративная творческая способность, когда возникают оригинальные вариации;

- конструктивно-инновационная деятельность, суть которой состоит в закономерном появлении нового.

Для работников творческого труда, на наш взгляд, указанные выше компоненты проявляются в полном объеме, но, следует заметить, что чем более творческим является труд, тем богаче именно культурная деятельность, тем выше должен быть уровень культуры трудовых отношений, то есть экономической культуры.

В формировании экономической культуры большую роль играет педагогическое привитие навыков экономического мышления у студентов, обучающихся по творческим направлениям подготовки, посредством изучения в вузе основ экономической теории и других дисциплин экономического направления.

Следует заметить, что практика, когда у работника культуры не возникало необходимости в формировании экономической культуры в течение многих десятилетий, а в частности, в период процветания командной или плановой экономики, сформировала понимание экономической культуры как параметра рационального индивида, то есть профессионала в области экономики, в области промышленного или материального производства. Это опять же способствовало развитию экономической безграмотности работников сферы культуры. Использование данного подхода в советской стране, в обществе, где превалирует господство государственной власти, печальным образом отразилось на экономическом функционировании сферы культуры в период развития транзитивной экономики, то есть в период перехода к рыночным отношениям.

Кроме того, психологическая несовместимость рационального подхода в экономическом мышлении и иррациональность работника сферы культуры являются объективной основой отсут-

ствия развития в полном объеме рыночных отношений в сфере культуры. Экономическая культура для работника сферы культуры, на наш взгляд, подразумевает осуществление профессионально-экономических функций работника творческой специальности, направленное на достижение экономической эффективности ведения его профессиональной деятельности.

С учетом того, что творческий вуз готовит специалистов в области культуры и искусства в соответствии с требованиями стандартов высшего профессионального образования, то его образовательная среда должна развиваться с учетом будущих профессиональных особенностей студентов и создавать им условия для овладения творческими профессиями. Здесь и возникает вопрос, каким образом сформировать экономическую культуру у студентов одновременно с овладением творческой профессии, где большую роль играет творческий характер взаимодействия.

Результативность решения этого вопроса зависит от того, насколько указанные взаимодействия содействуют благоприятному эмоциональному фону межличностных отношений в совместной творческой деятельности студентов и от социально-педагогической адаптации студентов как специально организованного педагогического процесса активного освоения студентами норм и ценностей, приобретения профессиональных умений, навыков и социально-значимых компетенций» [3, с. 25]. В совокупности указанные факторы характеризуют уровень развития образовательной среды учебного заведения.

Наиболее приемлемое определение образовательной среды, на наш взгляд, под углом формирования экономического мышления у студентов, обучающихся в творческом вузе, является определение Е. И. Ракитиной. По ее мнению образовательная среда – это «пространство, ближайшее внешнее по отношению к индивиду информационное окружение, совокупность условий, в которых непосредственно протекает деятельность индивида» [7, с. 39]. Отсюда мы выделим ключевой момент образовательной среды – это условия. В частности нас интересуют педагогические условия, позволяющие сформировать экономическую культуру студентов, обучающихся в творческом вузе.

По мнению Н. Н. Двудичанской, организационно-педагогические условия – это совокупность содержания и структуры предметного образования, учебно-методического обеспечения и инновационной образовательной среды, обеспечивающая успешное решение дидактических задач [2]. Разделяя точку зрения Н. Двудичанской, мы под понятием «педагогические условия» понимаем совокупность мер, которые возникают в процессе взаимодействия преподавателя и студента в образовательном процессе.

При создании комплекса педагогических условий, способствующих формированию экономической культуры студентов, нужно учитывать следующие факторы:

- при формировании экономических умений и навыков по дисциплине «Экономическая теория» в творческом вузе не всегда есть возможность целенаправленной подачи экономического материала с учетом экономических проблем отрасли сферы культуры. Поэтому важным моментом будет являться усиление блока профессиональных дисциплин в учебном плане дисциплиной «Экономика культуры». В результате уровень экономической подготовки студентов будет иметь значительные резервы;

- рост современных требований, предъявляемых к выпускникам творческих вузов, где выдвигается не просто возрастающая роль экономической культуры, а творческого мышления, умений анализировать экономические явления, владения методикой эффективного использования ресурсов и принятия экономически грамотных решений.

Для снижения уровня действия указанных факторов одним из наиболее перспективных направлений совершенствования преподавания экономических дисциплин у студентов, обучающихся по творческим направлениям подготовки, на наш взгляд, может быть проведение проблемных занятий, с целью активного включения студента в обучающий процесс, что позволит сократить разрыв между теорией и практикой.

С учетом практической значимости проведения проблемных занятий можно утверждать, что эффективность формирования экономической культуры студента творческого вуза возможна при

использовании в обучении различных методов, предусматривающих активную роль студентов.

Экономическое обучение, выработка ответных результатов и выражение этих результатов в конкретных действиях формирует уровень экономической культуры специалиста сферы культуры в профессиональной деятельности. Поэтому мы считаем, что весь учебный процесс от начала изучения экономических дисциплин и до зачета либо экзамена должен быть рассчитан на кооперативную работу студентов. Связано это с тем, что при всей значимости различных видов обучения, конечный результат определяется организацией рациональной системы самостоятельной работы студентов, где налицо возникает противоречие: растущий объем теоретического материала и ограниченный ресурс времени. Разрешить данное противоречие можно через усиление познавательной активности студентов, что еще раз доказывает важность самостоятельной работы и проведение занятий через постановку проблемного экономического вопроса.

Следует заметить, что посещение лекционных и практических занятий является недостаточным условием для усвоения необходимых знаний. Каждый студент должен индивидуально готовиться по темам дисциплины, читая конспекты лекций и рекомендуемую литературу, осваивая основные тезисы, положения, классификации, схемы и типологии. Самостоятельная работа позволит студенту в спокойной обстановке подумать, разобраться с информацией по теме, при необходимости обратиться к справочной литературе. Внимательное чтение и повторение прочитанного поможет в полном объеме усвоить содержание темы, структурировать знания.

Самостоятельная работа студентов не должна ограничиваться лишь подготовкой к семинарским занятиям. Так, например, изучение одной из тем курса можно запланировать для групповой работы студентов. Для этого студенты разбиваются на несколько групп, и перед каждой группой ставится конкретная практическая задача по анализу экономической ситуации, связанной с будущей профессиональной деятельностью. Студентам может быть предложено составить презентацию об изученной проблеме и путях ее

разрешения. Убедительность и обоснованность выводов, а также степень участия, определенная самими членами группы, будут являться основой для выставления оценки экспертами из числа студенческой группы.

Кроме того, студентам можно предложить ряд различных аспектов изучаемых тем для самостоятельного исследования. Для этого в начале семестра студенту предполагается выбрать тему проекта, эссе, имеющих теоретическую и практическую значимость. Тематика проекта, эссе должна быть разработана так, чтобы студент рассмотрел определенную практическую проблему также в рамках своей будущей профессиональной деятельности.

С учетом проведенного анализа научной литературы и изучения студенческих интересов в экономической области нами определен главный аспект педагогических условий эффективного формирования экономической культуры студентов, обучающихся по творческим направлениям подготовки. Данный аспект основан на использовании интерактивной формы проведения занятий – проблемных лекций, а также групповых методов работы со студентами.

Кроме того, одним из самых значимых методов (например, при изучении таких тем, как потребительское поведение, рынок труда), на наш взгляд, может стать метод инсценировки (деловой театр). На занятиях разыгрывается какая-либо ситуация, поведение человека в сложной экономической ситуации. Студент должен вжиться в образ определенного лица, понять его действия, оценить обстановку и найти правильную линию поведения. Основная задача метода инсценировки – научить ориентироваться в различных обстоятельствах, давать объективную оценку своему поведению, учитывать возможности других людей, влиять на их интересы, потребности и деятельность, не прибегая к формальным атрибутам власти, к приказу. Для метода инсценировки составляется сценарий, где описывается конкретная ситуация, функции и обязанности конкретных лиц, их задачи.

Интересен метод игрового проектирования. Игровое проектирование является практическим занятием или циклом занятий, суть которых со-

стоит в разработке инженерного, конструкторского, технологического и других видов проектов в игровых условиях, максимально воссоздающих реальность. Этот метод отличается высокой степенью сочетания индивидуальной и совместной работы студентов. Создание общего для группы проекта требует, с одной стороны, знания каждым технологии процесса проектирования, а с другой – умений вступать в общение и поддерживать межличностные отношения с целью решения профессиональных вопросов. Игровое проектирование может перейти в реальное проектирование, если его результатом будет решение конкретной практической проблемы, а сам процесс будет перенесен в условия действующей организации.

В отличие от учебно-исследовательской деятельности, главным итогом которой является достижение истины, работа над проектом нацелена на всестороннее и систематическое исследование проблемы и предполагает получение практического результата – образовательного продукта. Продуктом может быть расчет стоимости создания видеофильма, творческой программы, театральной инсценировка, игры (деловой), веб-сайта.

Данный метод применим при изучении таких тем, как планирование и прогнозирование численности работников в соответствии со штатным расписанием или определение организационной технологической, социальной и экономической эффективности производимого или реализуемого культурного блага. Например, студент получает задание: разработать проект по теме «Эффективность деятельности организаций в сфере культуры», на основании того, что проблема определения эффективности является ключевой проблемой в теории управления и использования ресурсов организации. Для сферы культуры эта проблема связана с невозможностью измерения конечного результата деятельности, так как для этой сферы не подходят критерии эффективности материального производства.

Проект предусматривает проведение практических занятий, связанных с поиском практических данных по деятельности организаций сферы культуры, анализом и синтезом данной информа-

ции, а также с разработкой классификации терминологии «эффективности» в сфере культуры.

Проект рассчитан на 8 часов, из которых, 4 часа – сбор информации (на основе работы с web-сайтами), 4 часа – работа студентов по определению различных видов эффективности деятельности организации сферы культуры. Основовоплагающий вопрос проекта: как определить эффективность деятельности организаций в сфере туризма?

Проблемные вопросы могут быть сформулированы следующим образом:

- Что понимается под эффективностью деятельности организации?

- Что общего и различного в понятиях технологическая эффективность, ресурсная эффективность, организационная эффективность, комплексная эффективность?

- Совпадает или нет содержание категории «эффективность» в сфере культуры и в материальном производстве?

- Почему критерии эффективности материального производства нельзя применить для определения эффективности организаций в сфере туризма?

Технология работы над проектом представляет собой прохождение студентами следующих этапов:

- знакомство с теорией экономической эффективности;

- сбор информации для определения различных видов эффективности;

- проведение расчетов по определению экономической эффективности;

- презентация расчетов, защита докладов по теме проекта.

Таким образом, мы выделяем следующие аспекты педагогических условий формирования экономической культуры студентов в творческом вузе:

- положительная установка к овладению экономической культуры не только на учебных занятиях по экономическим дисциплинам, но и на занятиях по введению в профессию;

- осознание студентом необходимости формирования экономической культуры через информационную наполняемость содержания занятий по экономическим дисциплинам;

- планирование учебной деятельности студентов по экономическим дисциплинам с учетом их разного уровня подготовки и мотивов к учебной деятельности;

- изучение студентами дисциплин экономической направленности в процессе групповых форм работы;

- внедрение в образовательный процесс проектной деятельности студентов;

- привлечение студентов к оценке работы одноклассников. Студент в период семестра должен обязательно побыть в роли эксперта, оценивая одноклассников по параметрам, которые разрабатывают сами студенты;

- использование рейтинга оценки уровня сформированности экономической культуры.

Литература

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. – СПб., 1998. – 228 с.
2. Двурчанская Н. Н. Организационно-педагогические условия повышения профессиональной компетентности обучающихся в системе непрерывного естественно-научного образования [Электронный ресурс] // Наука и образование. – 2011. – № 3. – URL: <http://technomag.edu.ru/doc/170201.html> (дата обращения: 02.09.2015).
3. Жегульская Ю. В. Социально-педагогическая адаптация студентов: терминологический анализ // Современные проблемы адаптации обучающихся в социально-культурном пространстве образовательного учреждения: сб. науч. ст. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2015. – Вып. 2. – С. 16–27.
4. Заруба Н. А. Подготовка профессионально-компетентных кадров для сферы культуры в условиях транзитивного общества // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 26. – С. 228–232.
5. Мухамедиева С. А. Формирование экономического мышления студентов творческого вуза // Современные проблемы адаптации обучающихся в социально-культурном пространстве образовательного учреждения: сб. науч. ст. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2015. – Вып. 2. – С. 63–70.
6. Помпеев Ю. А. О будущем экономической культуры // Интернет: культура и образование: мат-лы междунар. конф. – СПб., 1997. – С. 11–14.
7. Ракина Е. И. Информация и информационные процессы // Информатика и образование. – 1998. – № 8. – С. 39–50.

8. Юдина А. И., Тельманова А. С. Педагогический потенциал социально-культурной среды современного индустриального города [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – URL: <http://www.science-education.ru/113-11275> (дата обращения: 6.09.2015).
9. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

References

1. Avtonomov V.S. Model' cheloveka v ekonomicheskoi nauke [The model of person in economic science]. St. Petersburg Publ., 1998. 228 p. (In Russ.).
2. Dvulichanskaia N.N. Organizatsionno-pedagogicheskie usloviia povysheniia professional'noi kompetentnosti obuchaiushchikhsia v sisteme nepreryvnogo estestvenno-nauchnogo obrazovaniia [Organizational and pedagogical conditions for improving professional competences of students in the continuous natural science educational system]. *Nauka i obrazovanie [Science and education]*, 2011, no 3. (In Russ.). Available at: <http://technomag.edu.ru/doc/170201.html> (accessed 02.09.2015).
3. Zhegul'skaya Iu.V. Sotsial'no-pedagogicheskaiia adaptatsiia studentov: terminologicheskii analiz [Social and pedagogical adaptation of students: terminological analysis]. *Sovremennye problemy adaptatsii obuchaiushchikhsia v sotsial'no-kul'turnom prostranstve obrazovatel'nogo uchrezhdeniia: sb. nauch. st. [Modern problems of adapting students in social and cultural environment of the higher education institution: collection of scientific articles]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2015, iss. 2, pp. 16–27. (In Russ.).
4. Zaruba N.A. Podgotovka professional'no-kompetentnykh kadrov dlia sfery kul'tury v usloviakh tranzitivnogo obshchestva [Training professional and competent personnel for cultural sphere in transitive society environment]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2014, no 26, pp. 228–232. (In Russ.).
5. Mukhamedieva S.A. Formirovanie tvorcheskogo myshleniia studentov tvorcheskogo vuza [Forming economical thinking of students in higher institutions of culture and arts]. *Sovremennye problemy adaptatsii obuchaiushchikhsia v sotsial'no-kul'turnom prostranstve obrazovatel'nogo uchrezhdeniia: sb. nauch. st. [Modern problems of adapting students in social and cultural environment of the higher education institution: collection of scientific articles]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2015, iss. 2, pp. 63–70. (In Russ.).
6. Pompeev Iu.A. O budushchem ekonomicheskoi kul'tury [Further development of economic culture]. *Internet: kul'tura i obrazovanie: materialy mezhdunarodnoi konferentsii [Internet: culture and education: materials of international conference]*. St. Petersburg, 1997, pp. 11–14. (In Russ.).
7. Rakitina E.I. Informatika i informatsionnye protsessy [Information and information processes]. *Informatika i obrazovanie [Informatics and education]*, 1998, no 8, pp. 39–50. (In Russ.).
8. Iudina A.I., Tel'manova A.S. Pedagogicheskii potentsial sotsial'no-kul'turnoi sredy sovremennogo industrial'nogo goroda [Pedagogical capacity of social and cultural environment in modern industrial city]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia [Modern problems of science and education]*, 2013, no 6. (In Russ.). Available at: <http://www.science-education.ru/113-11275> (accessed 06.09.2015).
9. Iasvin V.A. Obrazovatel'naia sreda: ot modelirovaniia k proektirovaniu [Educational environment: from modelling to projecting]. Moscow, Smysl' Publ., 2001. 365 p. (In Russ.).

УДК 378.014.15

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ УЧЕБНОЙ (ОЗНАКОМИТЕЛЬНОЙ)
ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ 100400 «ТУРИЗМ»**

Клюев Юрий Владимирович, кандидат культурологии, доцент кафедры экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: klujev@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению роли учебной (ознакомительной) практики при подготовке бакалавров туризма. За последние годы в России возросли требования к подготовке студентов, способ-

ных по окончанию учебы в вузе к полноценной работе в сфере туризма. Проходящий в мае 2015 года в г. Кемерово форум «Разработка и реализация образовательных программ (по направлениям подготовки «Туризм», «Сервис», «Гостиничное дело») в рамках программы «Сеть региональных центров по туризму» («Tourism life long learning network») (№ 530750-TEMPUS-1-2012-1-DK-TEMPUS-JPHES) показал, что работодатели оценивают выпускников вузов как недостаточно подготовленных для эффективной работы в сфере туризма. Для подтверждения или опровержения данного мнения автором в июне 2015 года был проведен анализ оценок работодателями студентов, проходящих у них учебную практику. Исследованию подверглись студенты 2-го курса направления «Туризм», группа Т-131. Цель исследования – выяснить уровень подготовленности студентов для прохождения учебной практики с точки зрения потенциальных работодателей города Кемерово. Исследование показало, что работодатели положительно оценили уровень подготовки всех студентов на «хорошо» и «отлично».

Ключевые слова: практика, студенты, туризм, высшие учебные заведения, профессия.

IMPLEMENTING THE TRAINING (TRIAL) PRACTICE PROGRAM OF “TOURISM” STUDENTS (CODE OF EDUCATIONAL PROGRAM 100400)

Klyuyev Yuri Vladimirovich, PhD in Culturology, Assistant Professor of Department of Social Sphere Economics, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: klujev@yandex.ru

At the present stage of high-tech economy development, there are strict requirements to the level of preparation of the productive forces. Employees need to be physically healthy, motivated, stress-resistant and most importantly, competent in their profession.

Formation of professional individuality based on theoretical training is a necessary condition for the learning process, but the knowledge test is only possible in practice, in terms of existing enterprises.

The ability of young professionals to apply the acquired professional skills in a variety of organizational structures in tourism dictates the need for generalists. That is why specialized training in the framework of practical teaching cycle is a necessary basis for the formation of professional knowledge and gaining practical experience.

The challenge students face when having educational practice is that they have to consolidate the knowledge and skills in many disciplines which they learned at the university and use them effectively in a variety of practical situations.

In Kemerovo State University of Culture and Arts, when training bachelors in Tourism, the Training (Trial) practice is carried out in the 4th semester in the form of dispersed practice, when throughout the semester, students devote one day a week to visiting of tourism companies.

In June 2015, the author analyzed the employers' assessments of students undergoing training practice. The object of the research were the second year students studying tourism (T-131 group). The aim of the study was to identify the level of preparedness of students to do practical training from the point of view of Kemerovo prospect employers.

The study found that employers positively assess the level of students' training, giving them “good” and “excellent” marks.

It also supported the fact that the training (trial) practice:

- Reinforces the students' interest in the profession;
- Removes misconceptions about the profession;
- Specifies the direction of the industry, which they would like to do in the future;
- Builds the qualities necessary for the employees of travel agencies, accommodation facilities, cultural institutions, educational institutions and others.

Thus, the training (trial) practice allows students to be guided in choosing the direction of professional activity for the subsequent manufacturing practice.

Keywords: practice, students, tourism, higher education institutions, profession.

На современном этапе развития высоко-технологичной экономики к уровню подготовки производительных сил предъявляются жесткие требования. Сотрудники должны быть физически здоровыми, мотивированными, стрессоустойчивыми и, самое главное, компетентными в своей профессии.

Формирование профессиональной личности на основе теоретической подготовки – необходимое условие учебного процесса, однако проверка знаний возможна только на практике, в условиях действующих предприятий. Практика – это одна из форм обучения: применение и закрепление на деле знаний, полученных теоретическим путем [10].

Действительно в последние годы перед высшими учебными заведениями ставится требование о подготовки специалиста с определенным набором компетенций. Среди различных требований к умениям выпускников высших учебных заведений туризма подавляющее большинство предъявлено к практическим умениям и навыкам [5, с. 69–75]. Данные умения формируются на основе знаний, полученных в процессе изучения комплекса теоретических дисциплин, на специальных методических занятиях и учебной практике. Значение прохождения учебной практики состоит в том, что она является инструментом проверки подготовки студентов к самостоятельной работе, а также важной формой развития профессиональных навыков.

Практическая подготовка студентов является неотъемлемой частью их профессиональной подготовки и обеспечивается путем участия студентов в осуществлении деятельности в соответствии с основными профессиональными образовательными программами высшего профессионального образования, разработанными на основе Федеральных государственных образовательных стандартов по направлениям подготовки [6; 7]. В соответствии с задачами профессиональной деятельности и целями основной образовательной программы «бакалавр» в результате прохождения учебной практики студент должен обладать общекультурными и профессиональными компетен-

циями [7]. Обобщающей целью учебной практики является стажировка студентов в условиях реальной деятельности на предприятиях туристской индустрии. Учебная практика также способствует обобщению ранее приобретенных студентом профессиональных знаний, умений и навыков и представляет собой важную форму взаимосвязанного процесса обучения в вузе с будущей практической деятельностью.

Способность молодых специалистов применять приобретенные профессиональные умения и навыки в различных организационных структурах в области туризма диктует необходимость подготовки специалистов широкого профиля. Именно поэтому специализированная подготовка в рамках учебно-практического цикла является необходимой базой для формирования профессиональных знаний и приобретения опыта практической работы.

Сложность прохождения учебной практики состоит в том, что студентам приходится соединять воедино знания и умения по многим дисциплинам, изученным в университете и учиться эффективно их применять в различных практических ситуациях. Кроме того, в течение всего периода практики необходимо вести рабочую документацию.

Для реализации учебной (ознакомительной) практики перед студентами ставятся следующие задачи:

- 1) изучить нормативно-методическую и организационную документацию, регламентирующую деятельность туристского предприятия;
- 2) изучить работу предприятий индустрии туризма;
- 3) сформировать у студентов профессиональные практические умения;
- 4) овладеть методикой и технологиями туристской деятельности, научиться применять знания, полученные в процессе теоретического обучения;
- 5) развивать у студентов инициативный и творческий подход к решению задач в области туристской деятельности;

6) ознакомить студентов с реальной деятельностью в рамках будущей квалификации «бакалавр по туризму»;

7) адаптировать студентов-практикантов к психологическим особенностям работы в коллективе предприятий туристской индустрии и с клиентами.

В соответствии с учебным планом Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ) учебная (ознакомительная) практика проводится в 4-м семестре.

Обязанности и права всех субъектов учебной практики конкретизированы Положением о порядке проведения практики студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования [8] и Положением о порядке проведения практики студентов КемГУКИ [9].

Рассредоточенная практика – особенность нашего педагогического подхода. В течение всего семестра студенты один день в неделю посвящают знакомству с предприятиями сферы туризма. Базами учебной практики студентов 2-го курса являются предприятия туристской индустрии г. Кемерово, располагающие достаточной материально-технической оснащённостью и высококвалифицированными кадрами. Практикой охватываются почти все виды учреждений как коммерческие, так и некоммерческие: туристские агентства, музеи, гостиницы, детские образовательные центры. Такими партнерами стали: историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», музей-заповедник «Красная Горка», Кемеровское региональное отделение межрегиональной детской личностно-развивающей общественной организации «Братство православных следопытов», МБОУ ДО «Центр детского и юношеского туризма и экскурсий (юных туристов) им. Ю. Двужильного», ГАОУ ДООД КО «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий», НП «Городской клуб туристов», музей КемГУ «Археология, этнография и экология Сибири», Епархиальный музей истории Православия на земле Кузнецкой; туристские агентства ООО «Сибирский мир», ООО «Инес-тур», ЗАО «Торговый Дом Геракл» (центр продаж Пегас Туристик); гостиница «Кристал де Люкс» (ООО «Кристалл Люкс»).

При прохождении учебной практики студентами, обучающимися по направлению 100400 «Ту-

ризм», профиль подготовки «Технология и организация экскурсионных услуг», особое внимание уделяется музейным учреждениям, которые отличаются своими особенностями в организации и своей социальной значимостью [2, с. 106; 3, с. 100].

В процессе прохождения практики студенты-практиканты учатся использовать традиционные и новые информационные технологии в туризме, применяемые на предприятиях туристской индустрии (системы бронирования и резервирования; туристические виртуальные сообщества; информационные системы менеджмента (пакеты финансового менеджмента турфирм и отелей); электронная коммерция; геоинформационные системы; информационные технологии в системах управления гостиничным комплексом; системы поддержки туристического бизнеса в Интернете).

Студенты, помимо ознакомления с деятельностью организаций, также погружаются в профессиональную среду путем участия в проводимых мероприятиях. Например, разработка Смирновой Ксении экскурсионно-паломнического маршрута «Кемерово – Салаир» по заданию Кемеровского регионального отделения межрегиональной детской личностно-развивающей общественной организации «Братство православных следопытов». Золотарева Екатерина по заданию музея-заповедника «Томская Писаница» проводила сравнительный анализ музеев-заповедников в социальных сетях. Молокова Алевтина принимала участие в работе «Областного центра детского и юношеского туризма и экскурсий» при проведении массового мероприятия городского уровня «Зарница». Совместная разработка Коробкиной Алины и генерального директора «Инес-тур» Тикановой Инессы тура на праздничные дни «Райские майские», размещение фотоматериалов на сайте для тура «Сибирские забавы», изучение системы подбора тура, бронирования и резервирования «САМО-турагент», внесение денежных средств на счет компании «Инес-тур» и т. д.

По результатам прохождения учебной практики руководители принимающей стороны оценивали студентов по 10 критериям, которые были направлены на реализацию компетенций согласно ФГОС ВПО по направлению подготовки 100400 «Туризм» (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка студентов работодателями по результатам учебной (ознакомительной) практики

№ п/п	Критерии оценки практики	Шифр компетенции	Оценка							
			Неудовлетворительно		Удовлетворительно		Хорошо		Отлично	
			Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Умение планировать и организовывать свою деятельность	ПК-7	-	-	-	-	3	27,3	8	72,7
2.	Полнота и качество выполнения студентами-практикантами программы практики	ПК-13	-	-	-	-	2	18,2	9	81,8
3.	Ответственность, организованность и дисциплина	ПК-7	-	-	-	-	4	36,4	7	63,6
4.	Способность самостоятельно приобретать новые знания и применять их на практике	ПК-13	-	-	-	-	3	27,3	8	72,7
5.	Умение работать в команде	ОК-6	-	-	-	-	4	36,4	7	63,6
6.	Поиск и обработка информации	ПК-13	-	-	-	-	1	9,1	10	90,9
7.	Использование информационных средств и технологий	ОК-11	-	-	-	-	-	-	11	100
8.	Умение пользоваться оргтехникой	ПК-6	-	-	-	-	4	36,4	7	63,6
9.	Владение нормами деловой этики	ОК-6 ОК-7	-	-	-	-	2	18,2	9	81,8
10.	Владение первичными профессиональными умениями и навыками	ПК-4	-	-	-	-	1	9,1	10	90,9

Проходящий в мае 2015 года в г. Кемерово форум «Разработка и реализация образовательных программ (по направлениям подготовки «Туризм», «Сервис», «Гостиничное дело») в рамках программы «Сеть региональных центров по туризму» («Tourism life long learning network») (№ 530750-TEMPUS-1-2012-1-DK-TEMPUS-JPHES) показал, что работодатели оценивают выпускников вузов как недостаточно подготовленных для эффективной работы в сфере туризма. Для подтверждения или опровержения данного мнения автором в июне 2015 года был проведен анализ оценок работодателями студентов, проходящих у них учебную практику. Исследованию подверглись студенты 2-го курса направления «Туризм», груп-

па Т-131. Цель исследования – выяснить уровень подготовленности студентов для прохождения учебной практики с точки зрения потенциальных работодателей города Кемерово.

Проведенный анализ полученных результатов показал, что работодатели оценили студентов только с положительной стороны. Никто из 11 студентов не получил оценки «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». 4 студента по всем десяти критериям получили оценку «отлично», что составило 36,4 % от общего числа студентов, проходивших практику.

Работодатели отметили, что все студенты умело пользуются информационными средствами и технологиями (100 %). В равной степени

умеют находить и обрабатывать информацию, владеют первичными профессиональными умениями и навыками (90,9 %). Наименьший показатель (63,6 %) студенты получили за «ответственность, организованность и дисциплину», «умение работать в команде», «умение пользоваться оргтехникой».

Полученные результаты подтверждаются исследованием, проведенным коллективом научно-исследовательского института прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (НИИ ПК КемГУКИ) в 2012 году по выявлению удовлетворенности потребителей образовательных услуг КемГУКИ с точки зрения их качества, и мониторингом «Потребности работодателей в специалистах сферы культуры» [4, с. 160]. Исследование также показало, что работодатели положительно оценивают подготовку кадров в КемГУКИ [11]. Такая стабильность в подготовке кадров положительно влияет на имидж университета [1, с. 71–77].

По окончании учебной практики студенты предоставляют комплекс отчетной документации для получения итоговой оценки. Защита практики осуществляется путем презентации предприятий и своих достижений в интерактивной форме на отчетной студенческой конференции.

По данным опроса студентов гр. Т-131, учебная (ознакомительная) практика:

- закрепляет интерес к профессии;
- убирает ложные представления о профессии;
- конкретизирует направления деятельности в отрасли, которыми бы хотелось заниматься в будущем;
- формирует качества, необходимые для сотрудника турфирмы, средств размещения, культурно-массовых учреждений, учреждений образования и др.

Таким образом, мнения, высказанные некоторыми работодателями в мае 2015 года в г. Кемерово на форуме «Разработка и реализация образовательных программ (по направлениям подготовки «Туризм», «Сервис», «Гостиничное дело») в рамках программы «Сеть региональных центров по туризму» («Tourism life long learning network») (№530750-TEMPUS-1-2012-1-DK-TEMPUS-JPHES) о том, что выпускники вузов недостаточно подготовлены не подтвердились. Наоборот, работодатели положительно оценили уровень подготовки студентов, оценив всех на «хорошо» и «отлично». Опрос студентов «о пользе учебной практики» показал, что только благодаря учебной практике студенты начинают лучше понимать специфику работы в данном направлении, реально осознавать требования, которым они должны соответствовать. Также, учебная (ознакомительная) практика позволяет студентам сориентироваться в выборе направления профессиональной деятельности для последующей производственной практики.

Литература

1. Кайбияйнен А. Корпоративная культура вуза и профессиональный имидж его выпускников // Высшее образование в России. – 2007. – № 9. – С. 71–77.
2. Ключев Ю. В. Особенности развития музейных дестинаций в городе Кемерово // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 1 (30). – С. 106–112.
3. Ключев Ю. В. Философский анализ культурообразующих дефиниций в образовании // Философия образования. – 2009. – № 1 (26). – С. 100–105.
4. Кудрина Е. Л., Гук А. Г. Потребность работодателей в специалистах сферы культуры и удовлетворенность потребителей качеством образовательных услуг // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22/1. – С. 158–165.
5. Кудрина Е. Л., Шунков А. В. Компетентностный подход как парадигма подготовки специалистов в сфере культуры и искусства // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2014. – № 2 (14). – С. 69–75.
6. О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: Приказ М-ва образования и науки РФ от 31 мая 2011 года № 1975 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071681/#ixzz31CmvoSwe> (дата обращения: 08.09.2015).
7. Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 100400 «Туризм» (квалификация (степень) «ба-

- калавр»): Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 окт. 2009 года. № 489 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96991/#ixzz31CnJtDc6> (дата обращения: 08.09.2015).
8. Об утверждении Положения о порядке проведения практики студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования: Приказ М-ва образования РФ от 25.03.2003 № 1154 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/185906/#ixzz31CmFiyMP> (дата обращения: 08.09.2015).
 9. Положение о порядке проведения практики студентов КемГУКИ от 12.01.2010 № 02-16/01-у [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2120&Itemid=438 (дата обращения: 08.09.2015).
 10. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23288> (дата обращения: 08.09.2015).
 11. Удовлетворенность работодателей качеством подготовки специалистов КемГУКИ [Электронный ресурс] // НИИ ПК КемГУКИ: офиц. сайт. – URL: <http://niipk.kemguki.ru>. (дата обращения: 08.09.2015).

References

1. Kaibiainen A. Korporativnaia kul'tura vuza i professional'nyi imidzh ego vypusnikov [Corporate culture of the university and the professional image of its graduates]. *Vyshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2007, no 9, pp. 71–77. (In Russ.).
2. Kliuev Iu.V. Osobennosti razvitiia muzeinykh destinatsii v gorode Kemerovo [The Development Features of Museum Destinations in Kemerovo]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no 30, pp. 106–112. (In Russ.).
3. Kliuev Iu.V. Filosofskii analiz kul'turoobrazuiushchikh definitsii v obrazovanii [Philosophical analysis of culture-definitions in education]. *Filosofia obrazovaniia [Philosophy of education]*, 2009, no 26, pp. 100–105. (In Russ.).
4. Kudrina E.L., Guk A.G. Potrebnost' rabotodatelei v spetsialistakh sfery kul'tury i udovletvorennost' potrebitel'ei kachestvom obrazovatel'nykh uslug [Employer's need for specialists of culture and customer satisfaction quality of educational services]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no 22/1, pp. 158–165. (In Russ.).
5. Kudrina E.L., Shunkov A.V. Kompetentnostnyi podkhod kak paradigma podgotovki spetsialistov v sfere kul'tury i iskusstva [Competence approach as a paradigm of the training of specialists in the field of culture and art]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Vocational Education in Russia and rubezhom]*, 2014, no 2 (14), pp. 69–75. (In Russ.).
6. O vnesenii izmenenii v federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty vysshego professional'nogo obrazovaniia: Prikaz Ministerstva obrazovaniia i nauki RF ot 31 maia 2011 goda. № 1975 [On amendments to the Federal state educational standards of higher the professional education]. (In Russ.). Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071681/#ixzz31CmvoSwe> (accessed 08.09.2015).
7. Ob utverzhdenii i vvedenii v deistvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 100400 “Turizm” (kvalifikatsiia (stepen’) “bakalavr”): Prikaz Ministerstva obrazovaniia i nauki RF ot 28 oktiabria 2009 goda. № 489 [About approval and introduction in action of the Federal state educational standard of higher professional education in the field of training 100400 Tourism (qualification (degree) “bachelor”)]. (In Russ.). Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96991/#ixzz31CnJtDc6> (accessed 08.09.2015).
8. Ob utverzhdenii Polozheniia o poriadke provedeniia praktiki studentov obrazovatel'nykh uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniia: Prikaz Ministerstva obrazovaniia Rossiiskoi Federatsii ot 25.03.2003 № 1154 [On approval of the Regulations on the procedure of practice of students of educational institutions of higher professional education]. (In Russ.). Available at: <http://base.garant.ru/185906/#ixzz31CmFiyMP> (accessed 08.09.2015).
9. Polozhenie o poriadke provedeniia praktiki studentov KemGUKI ot 12.01.2010 № 02-16/01-u. [The regulation on the procedure of practice students KemGUKI]. (In Russ.). Available at: http://www.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2120&Itemid=438 (accessed 08.09.2015).
10. Tolkovyi slovar' Ozhegova [Explanatory dictionary Ozhegova]. (In Russ.). Available at: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23288> (accessed 08.09.2015).
11. Udovletvorennost' rabotodatelei kachestvom podgotovki spetsialistov KemGUKI [The satisfaction of employers with the quality of training KemGUKI]. (In Russ.). Available at: <http://niipk.kemguki.ru> (accessed 08.09.2015).

УДК 378.14

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА ОСНОВЕ ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ТУРИЗМ»

Тельманова Анастасия Сергеевна, старший преподаватель кафедры экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: astel-75@mail.ru

В статье рассматривается влияние туристско-экскурсионной деятельности на формирование профессиональных качеств студентов, получающих туристское образование. Актуальность исследования обусловлена подбором форм и средств совершенствования подготовки туристских кадров, способных и готовых реализоваться в сфере выбранной профессии. Специфика туристского образования требует активного использования практико-ориентированных подходов к организации образовательного и воспитательного процессов студентов. В данной связи туристско-экскурсионная деятельность, во всем многообразии своих функций, способна оказывать прямое влияние на формирование общекультурных и профессиональных компетенций будущего работника туристской индустрии. Место туристско-экскурсионной деятельности студентов в системе гуманитарного знания определяется ее способностью к социально-культурному развитию студентов в личностном, социальном и профессиональном плане. Организация туристско-экскурсионной деятельности должна осуществляться с учетом индивидуальных (личностных) и коллективных (социальных) параметров, чтобы способствовать формированию целостной картины мира и осознанному профессиональному выбору. В результате внедрения в практику работы кафедры экономики социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств экскурсий и поездок для студентов туристских профилей было отмечено увеличение количества выпускных квалификационных работ прикладного характера, рост числа бакалавров и специалистов, желающих продолжать научно-исследовательскую деятельность в проблемных вопросах туристской сферы, повышение процента выпускников, продолжающих профессиональную деятельность в соответствии с полученным образованием. Туристско-экскурсионная деятельность, включенная в образовательный и воспитательный процессы, способна создавать условия для формирования у студентов опыта для самостоятельного решения коммуникативных, познавательных, политических, нравственных, организационных и прочих проблем, которые и составляют содержание современного образования.

Ключевые слова: общекультурные компетенции, профессиональные компетенции, туристско-экскурсионная деятельность, туристское образование.

FORMATION OF GENERAL CULTURAL AND PROFESSIONAL COMPETENCES BASED ON TOURISM AND EXCURSION ACTIVITY FOR STUDENTS TRAINING IN DIRECTION "TOURISM"

Telmanova Anastasiia Sergeevna, Sr. Instructor, Department of Social Economy, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: astel-75@mail.ru

The article examines the impact of tourist and excursion activity on the formation of professional qualities of students receiving tourism education. The relevance of the study due to the selection of forms and means of improving the training of tourism personnel, capable of and ready to work in the field of chosen profession.

The specificity of tourism education requires the active use of practice-oriented approaches to organization of educational process for students. In this regard, tourist and excursion activities in the diversity of their functions, can have a direct influence on the formation of common cultural and professional competences of the future employee of the tourist industry.

Space tourist-excursion activity of students in the system of humanitarian is determined by its ability to socio-cultural development of students in personal, social and professional terms.

Organization of tourist-excursion activities should be carried out by taking into account individual (personal) and collective (social) settings, to promote the formation of a coherent picture of the world and make a conscious professional choice.

As a result of introduction in practice of work of the Department of Economics of the social sphere, Kemerovo state university of culture and arts excursions and trips for students tourist profile has been marked increase in the number of final qualifying works of applied nature, the increase in the number of bachelors and specialists who wish to pursue research in the problematic issues in tourism, increase the percent of graduates continuing professional work in accordance with the education they have received.

Thus, tourist-excursion activities can create the conditions for the formation of students' experience to solve communicative, cognitive, political, moral, organizational and other issues that form the content of modern education.

Keywords: cultural competences, professional competences tourist-excursion activities, tourism education.

Динамика развития современного мира, политическое, экономическое и социальное многообразие доступного туристского пространства не могли не оказать влияние на цели, задачи и условия подготовки квалифицированных кадров – менеджеров туризма, турагентов и туроператоров. Сегодня к личности работника туристской сферы предъявляются повышенные требования, касающиеся его профессиональных и личностных качеств. Специалист, работающий в сфере туризма, должен быть высококлассным экспертом в своей области, человеком высокой культуры, интеллигентом в своей профессии.

Трансляция навыков туристско-экскурсионной деятельности в условиях существования современного мира имеет первостепенное значение. Этот вопрос непосредственно касается обучения и воспитания специалистов в сфере туризма, так как представители профессионального туризма являются частью большой категории людей, способной оказывать влияние на формирование личностного отношения к окружающему пространству у массового туриста.

Истоки развития туристско-экскурсионной деятельности относятся к концу XVIII века и связаны со становлением в России системы образования. Курс естествознания в школах того времени сопровождался образовательными про-

гулками на природу, с целью наглядного знакомства и изучения растительного и животного мира, климатических и погодных явлений, наблюдения за небесными светилами и звездами. Принцип наглядности в обучении был закреплен в «Уставе народных училищ» (1786) и в «Школьном уставе» (1804) [5, с. 13].

В настоящее время, когда сформировалась политическая и экономическая позиция государства, все больше внимания уделяется восстановлению сфер деятельности человека, способных развивать его внутренний потенциал и обладающих культуросозидающими функциями. Включение в образовательный и воспитательный процессы туристско-экскурсионной деятельности помогает обогатить комплекс профессиональной подготовки специалистов туристской сферы. Данная деятельность позволяет создавать целостное знание, основу для формирования мировоззрения в целом и интегрирует профессиональные качества.

Во Всемирной декларации о высшем образовании («Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры», Париж, 1998) заложены новые основы высшего образования, сочетающие в себе не только знания и умения, но и способность к творчеству, профессиональную компетентность, общекультурное развитие [1]. В данной связи не-

обходимо отметить, что образование и воспитание профессионала не должно ограничиваться кабинетными стенами. Следовательно, постоянное развитие и улучшение системы туристского образования предусматривает повышение качества туристско-экскурсионной подготовки студентов для формирования объективной картины туристического пространства.

Место туристско-экскурсионной деятельности студентов в системе гуманитарного знания определяется тем, что она должна способствовать социально-культурному развитию студентов:

- в личностном плане – освоению общечеловеческих ценностей, формированию целостного взгляда на мировую культуру, выявлению и развитию творческих способностей;

- в социальном плане – формированию социальной культуры студента;

- в профессиональном плане – подготовке специалиста, обладающего широким кругозором, имеющего в арсенале своих знаний широкую картину культур и народов Земли, умеющего соотносить отдельные явления и факты с историей культур; умеющего заинтересовать широкую общественность и отдельные группы туристов в необходимости изучения и сохранения культурных и исторических памятников.

На основе изучения трудов Квартально-го В. А. можно сделать вывод, что задачами туристско-экскурсионной деятельности являются:

1. Использование возможностей туризма для развития личности, ее творческого потенциала, расширения горизонта знаний.

2. Реализация гуманитарного потенциала туризма посредством совмещения отдыха с познанием жизни, истории и культуры.

3. Активное включение в туристскую отрасль историко-культурного потенциала и социокультурной среды государства, со своими традициями, особенностями быта и хозяйственной деятельности.

4. Создание благоприятного имиджа конкретного региона на туристском рынке [2, с. 25–26].

К основным функциям туристско-экскурсионной деятельности можно отнести: образовательную, воспитательную, коммуникативную, мотивационную, рекреационную, идеологическую

и функцию досуга [6, с. 56]. Необходимо отметить, что из всего спектра функций туристско-экскурсионной деятельности мы, прежде всего, стремимся выделить мотивационную, как основную функцию, влияющую на ориентированность и направленность деятельности студента туристского профиля.

В данном контексте мотивация выступает как продукт особого социального развития, тесным образом связанный с реальностью социально-культурного окружения [4, с. 90].

Основой мотивации получения туристского образования является желание и возможность путешествий, познания мира, создания туристского продукта, изменение социального и культурного поведения. Стержнем педагогического процесса в туристском образовании становится учебная деятельность, сопровождающаяся разнообразной практической работой, которая способствует идее всестороннего развития личности будущего профессионала в туристской сфере. Эмпирическое познание окружающего пространства средствами и формами туристско-экскурсионной деятельности позволяет студентам туристского профиля подготовки овладевать рядом общекультурных и профессиональных компетенций, предъявляемых к выпускнику и будущему работнику туристской сферы.

В векторе формирования профессиональных компетенций, благодаря активному участию в туристско-экскурсионной деятельности, студент:

- овладевает теоретическими и практическими основами проектирования в туризме;

- готовится к условиям, видам и формам реализации туристского продукта;

- вырабатывает способность к эффективному общению с потребителями туристского продукта;

- учится находить и использовать различные источники информации по проекту туристского продукта;

- овладевает навыками разработки и реализации туристского продукта на основе современных технологий [7].

При этом туристско-экскурсионная деятельность благоприятным образом влияет на формирование общекультурных компетенций в области:

- способности студента к интеллектуальному, культурному, нравственному, физическому и профессиональному саморазвитию;

- готовности соблюдать этические и правовые нормы, регулирующие с учетом социальной политики государства отношения человека с человеком, обществом, окружающей средой;

- обладания высокой мотивацией к профессиональной деятельности в туристской индустрии;

- способности понимания социальной значимости своей будущей профессии;

- готовности воспринимать культуру и обычаи других стран и народов, терпимо относиться к национальным, расовым, конфессиональным различиям, быть способным к межкультурным коммуникациям в туристской сфере [7].

В ходе организации образовательного и воспитательного процессов кафедрой экономики социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств, для студентов направления подготовки «Туризм», предусмотрено активное вовлечение в туристско-экскурсионную деятельность путем организации следующих видов экскурсий и туристских поездок:

- культурно-художественных (посещение музеев, галерей);

- образовательных (познавательные экскурсии и поездки);

- природно-рекреационных (экскурсии по природным паркам, экологические туры);

- спортивно-зрелищных (экскурсии с включением посещений спортивных мероприятий);

- развлекательных (театрализованные, интерактивные экскурсии и экскурсии с элементами анимации).

Организация туристско-экскурсионной деятельности осуществляется с учетом индивидуальных (личностных) и коллективных (социальных) параметров, что способствует формированию целостной картины восприятия окружающего мира, осознанного профессионального выбора и реализуется по трем направлениям:

1. Отношение к предметному миру (с точки зрения туриста и с точки зрения организатора туристской деятельности).

2. Отношение к людям (на институциональном и личностном уровнях).

3. Отношение к самому себе (с общечеловеческой и профессиональной стороны).

Данный подход позволяет формировать целостный облик профессионала, ответственного за перспективное развитие туристской отрасли, за этическую и эстетическую составляющие туризма, за бережное отношение к культурной и природной среде.

Современный подход к организации туристско-экскурсионной деятельности включает в себя не только образовательный аспект, сегодня экскурсия должна развивать тягу к познанию окружающего пространства, туристско-экскурсионная деятельность должна стать неотъемлемой частью образовательного процесса, дополняя его и раскрывая горизонты социального самосознания. Экскурсия – «это не только интересное препровождение времени и приятная прогулка или поездка. Правильно методически организованная экскурсия преследует определенные задачи и есть не что иное, как урок с определенным содержанием» [8, с. 3].

В результате внедрения в практику работы кафедры экономики социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств туристских поездок и экскурсий для студентов туристских профилей были достигнуты следующие результаты:

- увеличилось количество выпускных квалификационных работ прикладного характера, активное участие студентов в разработке и реализации самостоятельного туристского продукта;

- отмечен рост числа студентов и выпускников, желающих продолжать научно-исследовательскую деятельность в проблемных вопросах туристской сферы (участие в научно-исследовательских конференциях, мастер-классах, обучение в аспирантуре и магистратуре);

- повысился процент выпускников, продолжающих профессиональную деятельность в соответствии с полученным образованием.

Таким образом, туристско-экскурсионная деятельность способна создавать условия для формирования у студентов опыта, необходимого для самостоятельного решения коммуникативных, познавательных, политических, нравствен-

ных, организационных и прочих проблем, которые и составляют содержание современного образования. Благодаря активному включению туристско-экскурсионной деятельности в образовательный и воспитательный процессы общекультурные и профессиональные компетенции формируются

в условиях эффективного использования способностей, позволяющих плодотворно осуществлять профессиональную деятельность; овладения знаниями и умениями, необходимыми для работы по специальности; способности к гибкости в чести решения профессиональных проблем.

Литература

1. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры [Электронный ресурс] // Conventions. – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1496 (дата обращения: 08.09.2015).
2. Квартальнов В. А. Туризм. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 336 с.
3. Кудрина Е. Л., Юдина А. И., Мухамедиева С. А. Социально-культурные технологии туристской деятельности: проектный подход // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 31. – С. 207–216.
4. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые зап. каф. общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова / под. ред.: Б. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2006. – Вып. 2. – С. 85–105.
5. Половцов В. В. Педагогическое значение экскурсий // Мир экскурсий. – 2014. – № 4(25). – С. 13–14.
6. Ухтинская М. В. Экскурсионный туризм как ведущее средство воспитания духовно-нравственной культуры учащихся средних классов средних общеобразовательных учреждений // Вестн. С.-Петерб. ун-та культуры и искусств. – 2012. – Вып. 3. – С. 51–58.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 100400 туризм (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс] // Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/10/20111115141305.pdf> (дата обращения: 08.09.2015).
8. Фридман В. Экскурсии для школьников // Мир экскурсий. – 2014. – № 4 (25). – С. 3–4.

References

1. Vsemirnaia deklaratsiia o vysshem obrazovanii dlia XXI veka: podkhody i prakticheskie mery [World Declaration on Higher Education for the Twenty-First Century: Vision and Action]. (In Russ.). Available at: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1496 (accessed 08.09.2015).
2. Kvartalnov V.A. Turizm [Tourism]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2006. 336 p. (In Russ.).
3. Kudrina E.L., Iudina A.I., Mukhamedieva S.A. Sotsial'no-kul'turnye tekhnologii turistskoi deiatel'nosti: proektnyi podkhod [Socio-cultural technology tourist activity: design approach]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no 31, pp. 207–216. (In Russ.).
4. Leont'ev D.A. Lichnostnyi potentsial kak potentsial samoregulatsii [Personal potential as the potential of self-regulation]. *Uchenye zapiski kafedry obshchei psikhologii MGU im. M.V. Lomonosova [Scientific notes of the Department of General Psychology of MSU named M.V. Lomonosov]*. Moscow, 2006, iss. 2, pp. 85–105. (In Russ.).
5. Polovtsov V.V. Pedagogicheskoe znachenie ekskursii [Pedagogical value excursions]. *Mir ekskursii [World of Tours]*, 2014, no 4(25), pp. 13–14. (In Russ.).
6. Ukhtinskaia M.V. Ekskursionnyi turizm kak vedushchee sredstvo vospitaniia dukhovno-nravstvennoi kul'tury uchashchikhsia srednikh klassov srednikh obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii [Excursion tourism as a means of education leading spiritual and moral culture of middle school students secondary educational institutions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Sankt-Peterburg State University of Culture and Arts]*, 2012, iss. 3, pp. 51–58. (In Russ.).
7. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego professional'nogo obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 100400 "Turizm" (kvalifikatsiia (stepen') "bakalavr") [The federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 100400 "Tourism" (qualification (degree) "Bachelor")]. (In Russ.). Available at: <http://www.fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/10/20111115141305.pdf> (accessed 08.09.2015).
8. Fridman V. Ekskursii dlia shkol'nikov [Tours for schoolchildren]. *Mir ekskursii [World of Tours]*, 2014, no 4(25), pp. 3–4. (In Russ.).

УДК 378

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ТУРИЗМ»

Жегульская Юлия Владимировна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социальной педагогики, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: zhegulskaya@list.ru

Электронная образовательная среда Кемеровского государственного университета культуры и искусств рассматривается как информационный ресурс учебной дисциплины «Экология» при реализации образовательной программы «Туризм». Выделены нормативные основания формирования электронной образовательной среды вуза.

Представлен опыт использования в учебном процессе статичных и интерактивных электронных образовательных ресурсов LMS Moodle. Электронный учебно-методический комплекс дисциплины «Экология» включает статичные электронно-образовательные ресурсы: файлы с текстами лекций, электронных презентаций, различного рода изображений, ссылки на учебно-методические ресурсы Интернет и др. Интерактивные элементы дисциплины включают задания, тесты, семинары, форумы и др. Широкое применение получили выполнение студентами в интерактивном режиме тестовых заданий, практических и контрольных работ, составление глоссариев, совместная деятельность студентов в ходе семинара, а также размещение ими результатов выполнения индивидуальных заданий различного типа, обсуждение итогов учебной деятельности посредством форума.

Все это позволило организовать широкое использование в учебном процессе электронных образовательных ресурсов и доступ к ним студентов в любое время; дифференцированную работу со студентами в группах в дистанционном режиме; участие студентов в построении контента дисциплины; самоконтроль студентов в процессе получения знаний; мониторинг действий студентов; контроль студентами собственных оценок.

Ключевые слова: электронная образовательная среда, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, система управления обучением «Moodle», электронный учебно-методический комплекс дисциплины.

THE USE OF E-EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN PRACTICE OF TEACHING THE STUDENTS OF “TOURISM” DIRECTION

Zhegulskaya Yulia Vladimirovna, PhD in Pedagogy, Sr. Instructor, Department of Social Pedagogy, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zhegulskaya@list.ru

Created in 2012 based on the Moodle training management system of the site “E-educational environment of KemGUKI,” the development of its content and integration with e-research and educational scientific resources of the University Library stands out as an important factor in the active use of e-learning and information resources in the educational process of the university. Studying the discipline “Ecology” includes traditional classroom training and e-learning in autonomous educational environment.

Educational and methodical e-complex of discipline “Ecology” includes static e-educational resources: files with the texts of lectures, Powerpoint presentations, various kinds of images, links to training resources of the Internet, etc. Interactive disciplines include assignments, tests, seminars, forums, etc. Extensive use of

students performing the online and practical tests, creating a glossary, a joint activity of students in the seminar, as well as placement of the results of individual assignments of various types, discussion of the results of training activities through the forum.

The use of e-learning environment made it possible to organize the widespread use in the educational process of educational e-resources and access for students at any time; differentiated work with students in groups in a remote mode; student participation in the construction of the discipline content; student knowledge self-control; monitor of student activities; student control of their own achievements.

As a promising means of student success in discipline "Ecology," it is planned to include interactive elements such as lectures, poll, chat, wiki. Using the interactive tools of e-learning environment can overcome a stereotype consideration of the environment as an archive of educational e-resources and teaching materials.

Keywords: e-learning environment, Kemerovo State University of Culture and Arts, Learning Management System "Moodle", e-learning methodical complex of a discipline.

Современное образование характеризуется как непрерывный процесс и важнейшая часть жизни человека, обеспечивающая ему возможность ориентироваться в потоке информации, комфортно чувствовать себя в информационном обществе, легко адаптироваться к инновациям [5, с. 3]. Важным направлением кардинальных реформ профессионального образования является внедрение в образовательный процесс информационно-коммуникационных технологий, расширение информационно-образовательного пространства за счет использования возможностей, предоставляемых глобальной сетью Интернет.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» нацеливает на реализацию образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (статья 16), ориентирует образовательные организации на информационную открытость (статья 29). Непременным условием решения поставленных задач является формирование электронных образовательных и информационных ресурсов. Для высшей школы это требование заложено в федеральных государственных образовательных стандартах, определяющих необходимость представления учебно-методических материалов по всем учебным курсам, дисциплинам (модулям) основной образовательной программы в сети Интернет или локальной сети образовательного учреждения. В письме Министерства образования и науки РФ от 20 августа 2014 года № АК-2612/05 «О федеральных государственных образовательных стандартах» сформулировано в качестве общесистемного требование формирования

электронной информационно-образовательной среды вуза, которая «должна обеспечивать: доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин (модулей), практик, и к изданиям электронных библиотечных систем и электронным образовательным ресурсам, указанным в рабочих программах; фиксацию хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и результатов освоения основной образовательной программы; проведение всех видов занятий, процедур оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий; формирование электронного портфолио обучающегося, в том числе сохранение работ обучающегося, рецензий и оценок на эти работы со стороны любых участников образовательного процесса; взаимодействие между участниками образовательного процесса, в том числе синхронное и (или) асинхронное взаимодействие посредством сети Интернет».

Современный учебный процесс в высшей школе требует существенного расширения арсенала средств обучения, широкого использования средств информационно-коммуникационных технологий, электронных образовательных ресурсов, интегрированных в электронную образовательную среду. В отечественной научной литературе имеются различные определения понятий «информационно-образовательная среда» и «электронная образовательная среда». Не останавливаясь на их концептуальных основах и содержательных характеристиках, отметим, что проведенный А. А. Андреевым анализ содержания данных понятий [1, с. 154–158] обосновывает

возможность их равноправного использования. В данной работе, рассматривая электронную образовательную среду вуза, мы руководствуемся определением, данным Д. В. Лучаниновым, что «это комплекс программных, технических, учебно-методических, организационных, управленческих компонентов системы учебного заведения, обеспечивающих оперативный доступ к необходимой информации и организующих субъектно-субъектную связь между участниками образовательного процесса с целью раскрытия их творческого потенциала» [6, с. 84].

Целью настоящей статьи является анализ опыта применения электронной образовательной среды вуза как информационного ресурса реализации учебной дисциплины «Экология» образовательной программы «Туризм» в Кемеровском государственном университете культуры и искусств (КемГУКИ).

Создание в 2012 году на основе системы управления обучением LMS Moodle (Learning Management System Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment) сайта «Электронная образовательная среда КемГУКИ» (<http://edu.kemguki.ru/>), развитие его контента и интеграция с электронными научными и образовательными ресурсами Научной библиотеки КемГУКИ (<http://library.kemguki.ru>) явилось важным фактором широкого применения электронных образовательных и информационных ресурсов в учебном процессе вуза. Анализ практики создания и эксплуатации электронной образовательной среды КемГУКИ представлен в статье И. С. Пилко, Ю. В. Жегульской [8].

Изучение дисциплины «Экология» студентами направления подготовки «Туризм» включает традиционное (аудиторное) обучение и электронное обучение в автономной обучающей среде, доступной посредством сети Интернет. В электронной образовательной среде (ЭОС) КемГУКИ размещен электронный учебно-методический комплекс данной дисциплины (<http://edu.kemguki.ru/course/view.php?id=3964>). Структура электронного учебно-методического комплекса дисциплины включает следующие модули: «Учебно-программные ресурсы», «Учебно-теоретические ресурсы», «Учебно-практические ресурсы», «Учебно-справочные ресурсы», «Учебно-наглядные

ресурсы», «Учебно-библиографические ресурсы», «Средства диагностики и контроля знаний». Разработка структуры контента сайта «Электронная образовательная среда КемГУКИ» в разрезе модулей и блоков детально представлена в работе И. Л. Скипор [7].

ЭОС КемГУКИ позволяет преподавателю размещать различные электронно-образовательные ресурсы (рис. 1–2), а также отслеживать обращение студентов к ним. Под электронным образовательным ресурсом (ЭОР) понимается «образовательный ресурс, представленный в электронно-цифровой форме и включающий в себя структуру, предметное содержание и метаданные о них. Электронный образовательный ресурс может включать в себя данные, информацию, программное обеспечение, необходимые для его использования в процессе обучения» [4, с. 4]. Программные средства LMS Moodle фиксируют каждое обращение к ресурсу, все вносимые изменения и дополнения.

Электронный учебно-методический комплекс дисциплины включает так называемые статичные ЭОР: файлы с текстами лекций, электронными презентациями, различного рода изображениями (иллюстрации, схемы, диаграммы), ссылки на учебно-методические ресурсы Интернета и др. (рис. 1). Ознакомление со статичными ЭОР доступно каждому пользователю посредством логина и пароля. Студенты могут работать со статичными ресурсами, читая их с экрана или сохраняя на свой локальный компьютер для дальнейшего ознакомления. В процессе изучения учебной дисциплины для студента важно освоить данные ресурсы в установленные преподавателем сроки.

Наряду со статичными ЭОР, электронный учебно-методический комплекс дисциплины содержит интерактивные элементы: задания, тесты, семинары, форумы и др. (рис. 2). При освоении указанной дисциплины широкое применение получили выполнение студентами в интерактивном режиме тестовых заданий, практических и контрольных работ, составление глоссариев, совместная деятельность студентов в ходе семинара, а также размещение ими результатов выполнения индивидуальных заданий различного типа, обсуждение итогов учебной деятельности посредством форума.

Учебно-теоретические ресурсы

Учебник

Миринченко, А. В. Экология: учебник для бакалавров / А. В. Маринченко. – Москва: Дашков и К^о, 2015. – 304 с.

Конспект лекции по теме 1.2. "Взаимодействие организма и среды"

Составитель: канд. пед. наук, старший преподаватель Жегульская Ю. В.
Дата составления: 01.02.2015 г.

Учебно-наглядные ресурсы

Электронная презентация к вводной лекции

Составитель: канд. пед. наук, старший преподаватель Жегульская Ю. В.
Дата составления: 28.01.2015 г.

Электронные презентации по разделу 1 "Общая экология"

Учебно-библиографические ресурсы

Перечень полезных ссылок

Составитель: канд. пед. наук, старший преподаватель Жегульская Ю. В.
Дата составления: 05.02.2015 г.

Рисунок 1. Примеры статичных ЭОР учебной дисциплины

Учебно-практические ресурсы

Задание по теме 1.4. "Экологические системы"

Семинар по теме 2.2. "Взаимодействие природы и общества на современном этапе"

Форум по теме 2.5. "Экологические права и обязанности граждан"

Учебно-справочные ресурсы

Словарь по экологии

Средства диагностики и контроля знаний

Тест по теме 1.3. "Экологические факторы и ресурсы среды"

Рисунок 2. Примеры интерактивных ЭОР учебной дисциплины

Включение интерактивных элементов в электронный учебно-методический комплекс дисциплины направлено на действенную организацию самостоятельной работы студентов. Работа с указанными выше элементами дисциплины требует активной деятельности студентов, регламентированной как необходимостью записи на курс, так и сроками, требованиями к представлению конечного продукта и др.

Интерактивный элемент «Задание» позволяет преподавателю наладить обратную связь со

студентом посредством получения от них выполненных заданий в электронном варианте. С помощью элемента «Задание» студентам доступно представление на рассмотрение преподавателю своих работ в различной форме: тексты, таблицы, презентации, небольшие аудио-, видео-файлы. Выполненные задания присылались студентами в асинхронном режиме (*offline*); также программными средствами LMS Moodle предусмотрена возможность отправки заданий в режиме *online*. После проверки выполненного задания препода-

вателем выставляется отметка, видимая студенту в элементе «Оценки»; результат проверки работы может быть представлен и в виде рецензии или комментариев преподавателя.

Освоению студентами основных понятий дисциплины способствует применение интерактивного элемента «Глоссарий», трактуемого в ЭОС как словарь терминов и понятий, используемых в курсе. Глоссарий функционально предлагает следующие возможности для студентов и преподавателей: группировка терминов по алфавиту, категориям, авторству, дате; наличие модуля поиска по глоссарию, добавление студентами комментариев к записи и оценивание этих комментариев преподавателем, экспорт и импорт глоссария посредством XML. Из предоставленных программными средствами ЭОС типов глоссария в дисциплине «Экология» использовался вторичный глоссарий, поскольку в этом случае имелась возможность добавления записи преподавателем и студентами; подобных глоссариев может быть несколько, и они могут быть добавлены в любые разделы курса, а также записи вторичного глоссария могут быть экспортированы в главный глоссарий курса, который не подлежит редактированию студентами. Самостоятельная работа студентов по составлению словарных статей подлежит оцениванию преподавателем.

Значительного времени на создание контента и проведение различного рода настроек требует элемент «Семинар», представляющий собой вид занятий, в ходе которых студент не только выполняет собственную работу в соответствии с поставленной преподавателем задачей, но и участвует в оценивании работ других студентов. Применение данного интерактивного элемента в процессе изучения дисциплины обеспечило достижение поставленных учебных задач семинара и позволило организовать совместную деятельность студентов в подгруппах. Итоговая оценка за участие студентов в работе семинара по конкретной теме учитывала не только качество собственных работ студентов, но и их работу в качестве рецензентов. Следует отметить, что семинары отличаются большим разнообразием вариантов и являются по нашему субъективному мнению одним из наиболее сложных в настройке и управлении интерактивных элементов.

Рабочее пространство для ответов и обсуждений вопросов и заданий по текущей теме дисциплины представлено интерактивным элементом «Форум». При изучении дисциплины «Экология», помимо форума, использовался другой инструмент общения студента с преподавателем. Так, в ЭОС реализована возможность отправки участниками курса сообщений друг другу. Интерактивный элемент «Чат» нами практически не применялся, но следует отметить его значительный потенциал как инструмента учебной коммуникации в организации учебного процесса по дисциплине.

Организации самоконтроля и текущего контроля знаний по дисциплине значительно способствует применение интерактивного элемента «Тест», который предоставляет возможность использования разнообразных типов заданий (выбрать один или несколько ответов из предложенных / установить соответствие / вписать свой ответ / дать развернутый ответ). При освоении студентами дисциплины именно тесты использовались как одно из основных средств объективной оценки знаний любого количества студентов. Автоматическая проверка тестов программными средствами LMS Moodle вполне, на наш взгляд, компенсирует временные затраты преподавателя на создание и настройку данного элемента.

Любому пользователю ЭОС предоставлена возможность ежедневно получать статистику изменений. Студенты используют эти возможности для просмотра своих оценок за выполненные задания, замечаний и комментариев преподавателя. Динамика активности обращений студентов к ЭОР электронного учебно-методического комплекса дисциплины «Экология» во II семестре 2014/15 учебного года представлена на рис. 3. Статистические данные свидетельствуют о том, что высокая активность студентов по просмотру статических ресурсов, выполнению заданий, тестов, участию в семинарах и самостоятельной работе с иными интерактивными элементами курса регистрируется в течение всего семестра (март-май) и значительно снижается в период сессии (июнь). Данный график, сформированный средствами LMS Moodle, безусловно, подтверждает значительные возможности применяемых инструментов ЭОС в организации систематической самостоятельной работы студентов по изучению учебной дисциплины.

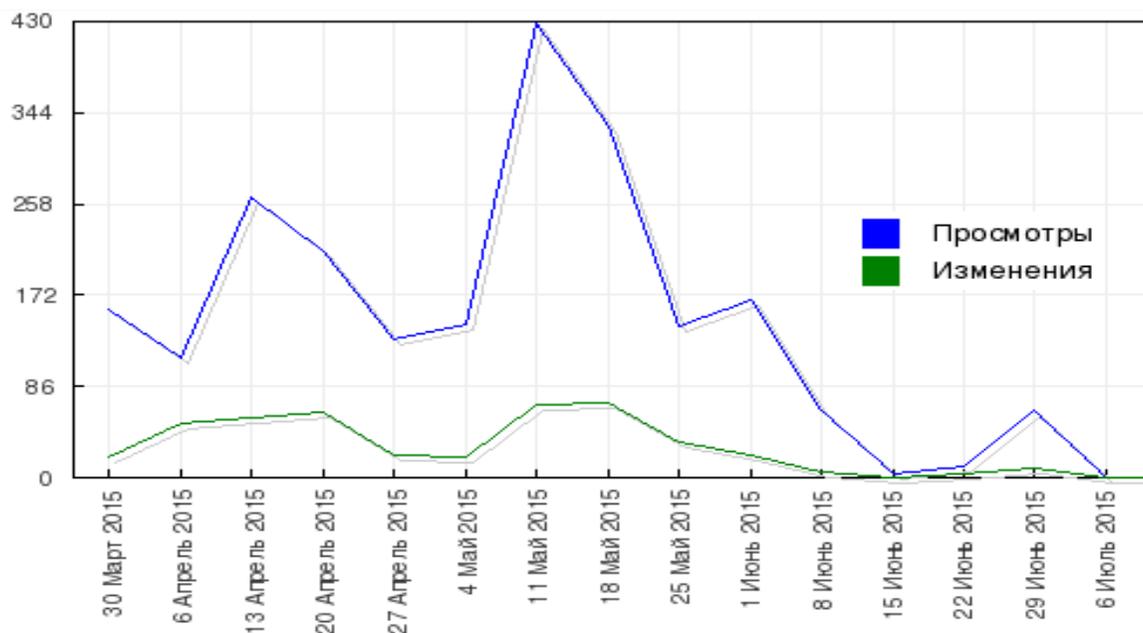

Рисунок 3. Динамика обращений студентов к ЭОР учебной дисциплины

Включение преподавателем в электронный учебно-методический комплекс дисциплины интерактивных элементов LMS Moodle стало результатом работы на обучающих семинарах, посвященных интерактивным возможностям ЭОС КемГУКИ, организованных учебно-методическим советом и управлением информатизации университета, а также изучения учебных пособий, посвященных организации обучения с использованием LMS Moodle [2; 3].

При изучении студентами дисциплины «Экология» применение статичных и интерактивных элементов ЭОС содействовало как достижению основной цели дисциплины – формированию целостных представлений о взаимосвязях общества и природы, практических умений защиты окружающей среды в профессиональной деятельности, развитию современного экологического мировоззрения, – так и позволило организовать:

- широкое использование в учебном процессе ЭОР в виде текстовых файлов, изображений, презентаций, аудио-, видеофайлов и доступ к ним студентов в любое время;
- дифференцированную работу со студентами в группах в дистанционном режиме;

- участие студентов в построении контента дисциплины посредством работы с глоссарием, форумом;

- самоконтроль студентов в процессе получения знаний с помощью разработанных преподавателем тестов, заданий;

- контроль студентами собственных оценок, полученных за все виды учебной деятельности по дисциплине;

- постоянный мониторинг действий студентов.

В качестве перспективных средств, способствующих освоению студентами дисциплины «Экология», планируется включить такие интерактивные элементы, как «Лекция», «Опрос», «Чат», «Вики». Именно использование разнообразных интерактивных инструментов ЭОС КемГУКИ позволяет преподавателю организовать самостоятельную работу студентов по изучению учебной дисциплины, а также преодолеть устойчивый стереотип рассмотрения данной среды в качестве архива учебно-методических материалов, обновляющихся по мере смены образовательных программ.

Литература

1. Андреев А. А. Педагогика высшей школы: новый курс. – М.: Москов. междунар. ин-т эконометрики, информатики, финансов и права, 2002. – 264 с.
2. Андреев А. В., Андреева С. В., Доценко И. Б. Практика электронного обучения с использованием Moodle. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. – 146 с.
3. Анисимов А. М. Работа в системе дистанционного обучения Moodle: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Харьков: ХНАГХ, 2009. – 292 с.
4. ГОСТ Р 52653–2006. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения. – М.: Стандартинформ, 2007. – 7 с.
5. Дочкин С. А. Модернизация дополнительного профессионального образования в условиях формирования информационного общества: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Кемерово, 2009. – 42 с.
6. Лучанинов Д. В. Проектирование инфраструктуры информационно-образовательной среды на примере Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема // Вестн. Челябин. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 8. – С. 83–91.
7. Скипор И. Л. Интеграция электронных образовательных ресурсов вуза: разработка унифицированной структуры контента сайта «Электронная образовательная среда КемГУКИ» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 122–130.
8. Пилко И. С., Жегульская Ю. В. Электронная образовательная среда вуза культуры и искусств // Информ. ресурсы России. – 2015. – № 4 (146). – С. 38–41.

References

1. Andreev A.A. Pedagogika vyssei shkoly: novyi kurs [Higher School Pedagogy: new Course]. Moscow, Moscow International Institute of Econometrics, Informatics, Finances and Law Publ., 2002. 264 p. (In Russ.).
2. Andreev A.V., Andreeva S.V., Dotsenko I.B. Praktika elektronogo obucheniia s ispol'zovaniem Moodle [E-learning Practice Using Moodle]. Taganrog, TTI SFU Publ., 2008. 146 p. (In Russ.).
3. Anisimov A.M. Rabota v sisteme distantsionnogo obucheniia Moodle: uchebnoe posobie [Work on the system of distance learning Moodle]. 2nd ed., corr. and add. Kharkov, KhNAGKh Publ., 2009. 292 p. (In Russ.).
4. GOST P 52653–2006. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v obrazovanii. Terminy i opredeleniia [State Standart GOST R 52653–2006. Information and communication technologies in education. Terms and Definitions]. Moscow, Standartinform Publ., 2007. 7 p. (In Russ.).
5. Dochkin S.A. Modernizatsiia dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniia v usloviakh formirovaniia informatsionnogo obshchestva: avtoref. dis. doktora ped. nauk [Modernization of additional vocational education in information society: author's abstract of diss. Dr of pedagogical sciences]. Kemerovo, 2009. 42 p. (In Russ.).
6. Luchaninov D.V. Proektirovanie infrastruktury informatsionno-obrazovatelnoi sredy na primere Priamurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univesiteta imeni Sholom-Aleikhema [Infrastructure design educational environment as in Amur State University named after Sholom Aleikhem]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2013, no 8, pp. 83–91. (In Russ.).
7. Skipor I.L. Integratsiia elektronnykh obrazovatel'nykh resursov vuza: razrabotka unifitsirovannoi struktury kontenta saita "Elektronnaia obrazovatelnaia sreda KemGUKI" [Integration of electronic educational resources of the university: development of unified structure of site "Electronic educational environment KemGUKI" content]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2013, no 20, pp. 122–130. (In Russ.).
8. Pilko I.S., Zhegul'skaia I.V. Elektronnaia obrazovatel'naia sreda vuza kul'tury i iskusstv [E-learning environment of the higher institution of culture and arts]. *Informatsionnye resursy Rossii* [Information Resources of Russia], 2015, no 4 (146), pp. 38–41. (In Russ.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

УДК 008

Рецензия

ОТ БЕСТЕЛЕСНОГО К ФИЗИЧЕСКОМУ: ЭВОЛЮЦИЯ ТАНЦЕВАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ХРИСТИАНСТВЕ (МОНОГРАФИЯ Т. А. АКИДИНОВОЙ, А. В. АМАШУКЕЛИ «ТАНЕЦ В ТРАДИЦИИ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»¹)

Колесова Ирина Семеновна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Уральский государственный аграрный университет (г. Новоуральск, РФ). E-mail: ikolesova@mail.ru

Review

FROM DISEMBODIED TO PHYSICAL: THE EVOLUTION OF DANCE ART IN CHRISTIANITY (MONOGRAPH OF T. A. AKINDINOVA, A. V. AMASHUKELI “DANCE IN THE TRADITION OF CHRISTIAN CULTURE”)

Kolesova Irina Semenovna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Ural State Agricultural University (Novouralsk, Russian Federation). E-mail: ikolesova@mail.ru

Искусство христианского мира весьма активно изучается в различных аспектах. Особый интерес исследователи проявляют к таким традиционным формам его существования, как зодчество, гимнография, пение, каллиграфия и, конечно, иконопись. Из всех видов христианского искусства, пожалуй, только танец не был подвергнут разносторонней научной рефлексии. Эта актуальная проблема стала предметом исследования Т. А. Акиндиновой и А. В. Амашукели в монографии «Танец в традиции христианской культуры», носящей междисциплинарный характер и созданной на стыке эстетики, культурологии, религиоведения. Теоретической подоплекой в осмыслении танца для создателей этой замечательной работы послужили идеи Й. Хейзинги, М. Бахтина, А. Гуревича.

Совершая экскурс в историю вопроса, авторы пытаются показать несостоятельность широко распространенного мнения о негативном отношении к танцу в христианской культуре. Интерпретируя высказывания и замечания о танце христианских мыслителей, авторы приходят к выводу, что утвердившаяся в сознании большинства неодобрительная позиция к танцевальному искусству в христианстве неоднозначна и требует уточнений. Весьма показательна в этом плане глава «Танец в традиции восточно-христианской культуры». Раскрывая специфичность в трактовке танца восточно-христианскими мыс-

¹ Акиндинова Т. А., Амашукели А. В. Танец в традиции христианской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: РХГА, 2015. – 239 с.

лителями, авторы подчеркивают, что они отдают предпочтение экстатическому созерцательному танцу в основе которого лежит выстроенная на религиозном признании первичности духовного, каноническая конструкция. Критерием оценки танца и обоснованием его стилистики, уместности танцевальных элементов в богослужении, с точки зрения апологетов христианской Церкви, является глубина воплощения центральной идеи православного вероучения: спасение через достижение соборного единства с Богом, обретение абсолютной полноты бытия или обожения человека и выход на уровень святости. Следует настоятельно подчеркнуть, что отношение Отцов Церкви к танцу как форме веселого развлечения, в котором преобладает плотское начало, изгоняющее возвышенное, было весьма негативным. Идеальным образцом гармоничного, соразмерного, калокагитически правильного танца восточные теоретики христианства объявляют хоровод ангелов.

Включая в поле исследования новые факты, труды, источники, еще не полностью вовлеченные в научный оборот, авторы описывают танец во внехрамовых восточно-христианских обрядах в контексте его влияния на становление стилистики народного танца, а также бытовой танец аристократического западно-европейского общества. Данной проблематике посвящена глава «Танец в традиции католической культуры». Иерархи западного христианства, подобно восточным, негативно и даже враждебно (Августин Блаженный) относились к танцевальной практике. Тенденции сокращения зазора между «горним» и «дольним» мирами, сближение духовного и телесного в человеке, прогрессирующие в католицизме, в конечном результате привели к признанию большей значимости танца в западно-христианской культуре в отличие от православной. Формирующееся в западно-европейской ойкумене мыслительное христологическое пространство с концентрацией на фигуре воплощенного Христа дает толчок к реабилитации телесности, изменяя танцевальную идею. Новая танцевальная идеология, предполагая новые выразительные средства для телесного воплощения трансцендентного духа, изменяет

танцевальную стилистику. Авторы фиксируют парадоксальную направленность в танцевальной западно-европейской культуре: стремление к сохранению бестелесности сочетается с активацией в использовании тела для воплощения высших духовных смыслов. Поскольку все танцы: и народные, и вышедшие из них придворные, аристократические – возникли в эпоху христианства, все они в той или иной степени отражают данную танцевальную идеологию. Она же повлияла на стилистические особенности танцевальной культуры этого периода и была взята на вооружение танцевальной классикой. Зародившись как инструмент обрядового действия и оставаясь элементом богослужения, танец внедряется в социум, играя роль транслятора новой идеологии, возникшей на стыке христианской догматики, ее творческого осмысления теоретиками христианства и утверждающихся гуманистических ценностей. Катализаторами активизации танцевального дискурса, возникновения новых форм танца послужили разделение христианства на римско-католическую и православную церкви, а также религиозное движение, направленное на реформирование учения и организацию католической церкви.

Глава «Танец в протестантской культурной традиции» раскрывает особенности эволюции танцевальных форм в эпоху реформации христианства. Авторы полагают, что повышенный интерес к личности, ее свободе в протестантизме, оказав воздействие на восприятие телесности, инициировал изменения стиля танца, направленного на отражение духовной жизни человека, его творческих исканий. Данная направленность актуализировала проблему широкого использования ресурсов человеческого тела и, как следствие, элиминацию бестелесности. Ориентация на сакрализацию обыденной жизни, всеохватывающее стремление к внутренней личностной свободе укрепили эту тенденцию, получившую логическое завершение в танцевальной культуре модерна.

Философская мысль Ф. Ницше, оказав серьезное влияние на художественное самосознание эпохи рубежа XIX–XX веков, имела определяю-

щее значение и на формирование танцевальной стилистики модерна. Потерян высший идеал: «Бог умер!». Человек в конструировании танцевального стиля идет не от трансцендентного Бога, но от самого себя, от своей духовно-телесной природы, своей свободы. Онтологическая вертикаль, ориентирующая человека на высший Божественный идеал как отличительная особенность танцевальной христианской традиции, унаследованная классическим танцем, в модерне исчезает. Модерн, где ценится самовыражение, импровизация, естественность, большее внимание уделяется субъективным переживаниям, анализу бессознательных мотивов поступков человека, вообще лишен пространственных доминант. Бессознательный мир человека, субъективная эмоциональная настроенность передается здесь с помощью телодвижений, неприемлемых для предшествующих танцевальных культур: падения, вставания, танцы на корточках, танцы сидя-лежа. Модерн тем самым демонстрирует свободу от любой традиции. Тем не менее, считают авторы монографии, модерн имеет исток в христианской традиции, а значит является ее приемником, ибо «Традиция – это инаковость» (Г. Гадамер).

Обоснованию этой идеи посвящена глава «Жизнь танца в “традиции как инаковости”»: от истории к современности». Для ее оправдания авторы заостряют внимание на том, что проблема телесности в рамках христианской традиции решается неоднозначно и находит выход, по крайней мере, в двух позициях. В первой – оспаривается любое позитивное значение тела в возможности воплощения им духовного, поскольку душа открыта божественной благодати, тогда как тело – источник человеческой греховности. Вторая позиция примиряет антиномичное противостояние души и тела, поскольку на пути к спасению необходимо использовать не только душевные, но и телесные ресурсы. В рамках этой позиции признается возможность реабилитации духовного через посредство телесного. Открывшаяся возможность передачи телом движений души, понимание тела в качестве материализованной формы духа, отразились на стилистике

формирующегося танцевального стиля. Телу, как выразителю духа, делегируются большие возможности, чем в рамках восточно-христианской традиции с ее жесткими требованиями к минимальному проявлению телесности. Четкая иерархичность, когда душа в силу своей благородной сущности стоит выше тела, имеющего низшую природу, сглаживается, происходит их постепенное сближение, а в танце модерн почти полное их отождествление.

Метаморфозы, происходившие в ходе эволюции идей, отражающих взаимоотношения душевного и телесного начал, определяли стилистику танца, технические особенности исполнения, не только подбор костюмов, но и типажей танцовщиков. Стиль танца, отвечая на духовные вызовы той или иной исторической эпохи, воплощая важнейшие установки доминирующих мировоззренческих систем, демонстрировал принципиальные различия в отношении к телесности. Бестелесность восточно-христианского танца с его ориентацией на трансцендентные духовные сущности теряет категоричность. Признание имманентной духовной направленности человека, отесняющей мысли о человеческой греховности на второй план, дает веру в свое величие и мощь. Апогея в своем образном воплощении данная концепция телесности достигает в классическом танце с его вертикальной онтологией, диктующей легкость, мягкость, изящество, утонченность для танцовщиков. Стиль модерн с его горизонтальной земной направленностью усиливает телесную энергетику, акцентирует естественность телесных проявлений, нивелирует мягкость, легкость, округлость. Эту направленность подчеркивает костюм. На смену тяжелой, ниспадающей «иконописной» одежде приходит легкая, не стесняющая свободы движений тела. Стремление к свободе, естественности выражает и отсутствие обуви на ногах танцовщиков.

Авторы констатируют, что существующая закономерность в смене танцевальных стилей обусловлена исторической эволюцией христианства в различных конфессиях. Архетип христианского сознания коренится в признании первичности духовного и зависимости от него

телесного начала в человеке. Понимание в соотношении этих двух начал исторически меняется. Усиление-ослабление того или иного начала определяет стилистику танца. В христианской традиции стилистическая танцевальная динамика имеет направленность от бестелесности к естественности. Можно выделить несколько стадий в развитии танцевальной стилистики: бесплотные танцы раннего христианства; классический танец, продолжающий традицию бестелесности, имеющий вертикальную направленность несмотря на большее использование ресурсов тела в выражении христианских идей; гротесковый танец, в котором происходит вытеснение духовного телесным, связанный с фольклорной танцевальной культурой; стиль модерн с его стремлением от бестелесности к естественности. Авторы приходят к выводу, что несмотря на разнообразие сложившихся форм, специфических особенностей того или иного танца, формирование стилистики каждого из них принципиально связано с эволюцией христианства, имея в нем корневые основания.

Проведенное исследование убедительно показало, что христианство сыграло определяющую роль в становлении и развитии искусства танца, в том числе и потому, что христианство также нуждалось в танцевальной культуре для выражения духовного содержания христианской веры и ее трансляции в мир. Разнообразие рассматриваемых

явлений с применением инновационной методологии в широком междисциплинарном контексте репрезентировано в русле единого концептуального начала. Оригинальные авторские суждения, которыми насыщена работа, выявляют малоисследованные лакуны христианской культуры. Необычайный интерес представляют идеи авторов о метафизическом смысле танца ангелов, интерпретация танцевального сюжета «Плясок смерти», где синтезированы элементы сакрального богослужения и обыденной христианской культуры, размышления о том, каким частям тела придается положительная значимость в той или иной танцевальной культуре, сложившейся в рамках христианской традиции.

Авторами монографии проделана большая работа по осмыслению и систематизации огромного теоретического и эмпирического материала. Материалы и выводы монографии Т. А. Акиндиновой и А. В. Амашукели «Танец в традиции христианской культуры» имеют огромную ценность не только для теоретических исследователей в области культурологии, религиоведения, эстетики, теории танца, но и в практическом применении. Исследование будет интересно преподавателям гуманитарных дисциплин и специалистам-хореографам в работе над раскрытием смыслового содержания тех или иных танцевальных сюжетов.

Алфавитный указатель авторов

List of Authors in Alphabetical Order

Алешина М. Н.	114	Aleshina M. N.	114
Гук А. А.	32	Guk A. A.	32
Деревцова Е. А.	70	Derevtsova E. A.	70
Жегульская Ю. В.	205	Zhegulskaya Y. V.	205
Звягин С. П.	24	Zviagin S. P.	24
Казаков Е. Ф.	19	Kazakov E. F.	19
Камалиева А. С.	150	Kamalieva A. S.	150
Клюев Ю. В.	193	Klyuyev Y. V.	193
Колесова И. С.	212	Kolesova I. S.	212
Кудрин В. С.	171	Kudrin V. S.	171
Кудрина Е. Л.	44, 171	Kudrina E. L.	44, 171
Кулемзин А. М.	44	Kulemzin A. M.	44
Купрякова В. С.	64	Kupryakova V. S.	64
Куриленко Е. А.	165	Kurilenko E. A.	165
Лейпсон Л. В.	120	Leipson L. V.	120
Леонов Е. Е.	57	Leonov E. E.	57
Макарчук С. В.	24	Makarchuk S. V.	24
Марков В. И.	13	Markov V. I.	13
Мартынов А. И.	57	Martynov A. I.	57
Мухамедиева С. А.	187	Mukhamedieva S. A.	187
Онюшева Е. Е.	57	Onyusheva E. E.	57
Пилко И. С.	77	Pilko I. S.	77
Пономарев В. Д.	44	Ponomaryov V. D.	44
Реховская Т. А.	38	Rehovskaya T. A.	38
Родионова Д. Д.	51	Rodionova D. D.	51
Роот Е. В.	77	Root E. V.	77
Светлова О. А.	142	Svetlova O. A.	142
Сергеев А. В.	51	Sergeyev A. V.	51
Синельникова О. В.	127	Sinelnikova O. V.	127
Сторожева Н. Е.	160	Storozheva N. E.	160
Тельманова А. С.	200	Telmanova A. S.	200
Трусов А. Н.	177	Trusov A. N.	177
Трусова Н. М.	177	Trusova N. M.	177
Туралина Н. А.	165	Turanina N. A.	165
Цыбикова-Данзын И. А.	106	Tsybikova-Danzyn I. A.	106
Чепеленко К. О.	98	Chepelenko K. O.	98
Шелудякова О. Е.	134	Sheludyakova O. E.	134
Эррэ Т. А.	85	Erre T. A.	85

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»**

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemguki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикаторм журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).

E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:
по адресу: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, научное управление;
- e-mail: vestnikkenguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: <http://vestnik.kemguki.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано в печать 05.10.2015.
Формат 60x84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 2.
Уч.-изд. л. 18,3. Усл. печ. л. 25,6.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 05.10.2015.
Format 60x84¹/₈.
Offset paper. Font «Times».
Order № 2.
Author's sheets 18,3. Printer's sheets 25,6.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650056, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru